

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)
В74

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 9. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2015. — 672 с., ил.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» включает большую часть изданной в 1801 г. в Москве книги французского дипломата Ж.-Б. де Лессепа, в русском переводе названную «Лессепово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири». Здесь же воспроизведена малоизвестная работа протоиерея о. Даниила Шерстенникова о памятниках и некоторых исторических достопримечательностях г. Петропавловска-Камчатского. Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» расширяют наши знания о камчатских персоналиях, включая биографические сведения о представителях различных слоёв камчатского населения, рассказывают об истории Петропавловска. Рубрика «Автопортрет времени» содержит отчётные материалы о состоянии Камчатки в 1770-х и 1912—1919 гг.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2015
© С. В. Гаврилов,
составление, 2015
© Авторы, 2015

ISBN 978-5-877-50-312-0

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>Г. Б. Намжилова.</i> Счастливая звезда Жана-Бартеlemi де Лессепса	5
Исторической журнал путешествия г. Лессепса	15
<i>Протоиерей Даниил Шерстенников.</i> Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке	169

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>Г. Б. Намжилова.</i> «Знание французского лишь добавило гармонии моему “книжному миру”»	181
<i>С. И. Вахрин.</i> Как Елагины и Овцины свой город защищали	286
<i>С. В. Гаврилов.</i> Петропавловск. Год 1932-й	312
<i>В. П. Пустовит.</i> Камчатские персоналии (1917—1991)	396

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

Краткое описание о Камчатке.....	587
Обзор Камчатской области за 1912 г.	596
Всепогоднейший отчёт губернатора Камчатской области за 1912 и 1913 г.	623
Краткий обзор жизни в Камчатской области в 1919 г.	654

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вахрин Сергей Иванович — писатель, краевед, общественный деятель, главный редактор интернет-сайтов «Камчадалы.ру», «Интернет-музей отечественного рыболовства», «Рыба Камчатского края». Член Союза писателей России, Союза кинематографистов России, Союза журналистов России. Лауреат историко-литературной премии им. Е. В. Гропянова.

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Области научного интереса — история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор двенадцати книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Член Союза писателей России, Камчатского морского собрания, лауреат премий: историко-краеведческой им. С. П. Крашенинникова, историко-литературной им. Е. В. Гропянова.

Ляшук Анна Валерьевна — сотрудник отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова. Родилась на Камчатке. Окончила исторический факультет Камчатского государственного педагогического университета. Область научных интересов — история Петропавловска-Камчатского конца XIX — начала XX вв. Публиковалась в сборниках материалов Крашенинниковских чтений, альманахе «Тобольск и вся Сибирь» (книга XII), ежегоднике «Вопросы истории Камчатки».

Намжилова Галия Батоевна (1945—2007) — заведующая отделом редкой книги Камчатской областной научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова, специалист по французской культуре и литературе.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. Области научного интереса — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор нескольких книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель редколлегии двух изданий Книги Памяти камчатцев, погибших во Второй мировой войне (1995 и 2008). Член Союза писателей России, Камчатского Крашенинниковского краеведческого общества, лауреат Камчатской краевой государственной премии в области литературы.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Открывают рубрику две части (а всего их три) изданной в 1801 г. в Москве «с дозволения московской цензуры» в губернской типографии «у А. Решетникова» переведённой с французского языка книги «Лессепсово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири». Её полное название «Исторической журнал путешествия г. Лессепса, консула французскаго, находившагося при графе Перузском в должности королевскаго переводчика со времени приезда его к Петропавловской Камчатской гавани, где он оставил французские фрегаты, до прибытия во Францию 17 октября 1788 года». Первую часть нам любезно предоставили сотрудники Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова, вторую — библиотеки Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН.

Обычно перед публикацией мы приводим краткую биографическую справку об авторе, но на этот раз решили отступить от сложившейся традиции. Дело в том, что в 2003 г. в двадцатом выпуске материалов Крашенинниковских чтений (Петропавловск-Камчатский, 2003, с. 87—92) был опубликован очерк «Счастливая звезда Жана-Бартеlemi де Лессепса», подготовленный ныне покойной заведующей сектором редкой книги библиотеки им. С. П. Крашенинникова Галией Батоевной Намжиловой (6.09.1945—3.04.2007), специалистом по французской литературе и культуре. Нам показалось уместным использовать этот интересный текст, в своё время вышедший весьма малым тиражом (150 экз.) и с той поры не переиздававшийся, тем более что он содержит исчерпывающие сведения о нашем герое.

Г. Б. НАМЖИЛОВА

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ЖАНА-БАРТЕЛЕМИ ДЕ ЛЕССЕПСА

«Какой бы счастливой и долгой ни была предстоящая мне карьера, я сомневаюсь, что ещё когда-нибудь я смогу участвовать в такой же славной экспедиции, как та, что в это время выполняетя двумя французскими фрегатами: “Буссолю” и “Астролябией” под командованием, первый — графа де Лаперуза; второй — викаронта де Лангля».

Так начинается свои путевые заметки юный Жан-Бартеlemi де Лессепс, в России известный под именем Варфоломея Лессепса, переводчик французской экспедиции 1785—1788 гг. под командованием Ж.-Ф. Лаперуза. Удивительная судьба этого человека, единственного оставшегося в живых участника названной экспедиции, достойна создания приключенческого романа. Мои же скромные изыскания не претендуют ни на оригинальность, ни на художественность, это лишь попытка соединить воедино различные сведения о нём, свидетеле и участнике интереснейших событий. Итак...

Лессепс (Жан-Батист-Бартеlemi де), путешественник и государственный деятель Франции, родился в городке Сет 27 января 1766 г. в семье, прочно утвердившейся на ниве дипломатии. Ещё в начале XVIII в. она прозябала в неизвестности, дед Жана-Бартеlemi Пьер де Лессепс был простым нотариусом в Байонне. Но уже следующее поколение в лице трёх сыновей становится знаменитым. Открывает путь к славе старший, Доминик. В 1752 г. его назначают министром Франции в Брюсселе. Мишель, средний сын, занимает пост в министерстве иностранных дел. Младший — Мартен, комиссар флота и представитель посольства в Гамбурге, а вскоре после этой важной миссии будет назначен генеральным консулом в Петербург. В 1775 г. он приступает к исполнению этой должности. С этого времени семья, в которой родственные узы были очень крепки, стремится к занятию дипломатических и консульских должностей, и сформированная таким образом традиция продлится ещё целое столетие. Эта семейная солидарность помогла им не только выстоять при всех политических волнениях и сменах правительств, но и продолжать процветать. Дипломатия была у них в крови: умение улаживать любые конфликты, знание языков и проникновение в нравы и обычаи той страны, где предстояло работать, энергия и неистребимое жизнелюбие — все эти качества делали представителей этой семьи незаменимыми на своих постах. Роль Жана-Батиста Бартеlemi в истории этой семьи особая: после смерти своего отца он становится покровителем и защитником всего семейного клана.

Вскоре после рождения Жана-Батиста отец Мартен де Лессепс, занимавший в то время пост чиновника морского министерства Франции, выехал по служебным делам в Гамбург вместе с семьёй. Говорить, а затем читать и писать Жан-Батист начал сразу на двух языках — французском и немецком — с одинаковой лёгкостью. Большой любитель музыки, отец Лессепса, учил сына игре

на фортепиано с четырёх лет, а в семь лет тот уже пытался играть на органе. В 1774 г. Мартен де Лессепс был назначен генеральным консулом в Санкт-Петербург, и сын в сопровождении наставника последовал за ним. Теперь вместе с общими классическими предметами он изучал русский язык, который превосходно освоил. Когда Жану-Батисту исполнилось двенадцать лет, мать увезла его во Францию для завершения образования. Проведя четыре года в Версале, он возвратился к отцу в Петербург, и в 1783 г. был назначен с согласия министра вице-консулом Франции в Кронштадте; в то время ему ещё не было и семнадцати лет. Живя в России, Лессепс продолжал учиться музыке, которую страстно любил. В это же время он занимается итальянским языком. В 1784 г. граф Сегюр, посол Франции в России, поручает Жану-Бартелеми доставить депеши в Версальский дворец. Лессепс оказался в этом городе в тот момент, когда готовилась экспедиция Лаперуза, искавшая переводчика с русского языка для общения с народами России, побережья которой по приказу короля Лаперуз должен был обследовать. Морской министр сделал лучший выбор, указав на молодого Лессепса.

Корабли подняли паруса и вышли из Бреста 1 августа 1785 г. Отправившись в путешествие на «Буссоли» вместе с самим командиром эскадры, Лессепс затем перешёл на «Астролябию», которой командовал де Лангль. Благодаря прекрасному характеру, уму и хорошим манерам, он очень быстро завоевал любовь и уважение обоих офицеров. Лессепс провёл с ними в плавании двадцать шесть месяцев. Всё это время он старался пополнить своё образование, прочитав множество прекрасных книг из корабельной библиотеки. Послушавшись доброжелательных советов де Лангля, он также нёс корабельные вахты. Под руководством этого превосходного офицера он прошёл полный курс по вождению корабля, осваивая одновременно и теорию, и практику. Когда 6 сентября 1787 г. фрегаты прибыли в «порт Сент-Пьер и Сент-Поль» (Петропавловский порт), расположенный на восточном побережье полуострова Камчатка, ему было поручено заняться пополнением продовольствия. Как только эта операция была завершена, Лаперуз доверил молодому переводчику доставку во Францию бортовых журналов и карт с депешами для правительства.

В приписке к документам этот знаменитый и несчастный моряк писал министру: «Господин Лессепс — это молодой человек, чьё поведение было безукоризненно в течение всей компании, и я, поистине, жертвую дружескими отношениями, которые питаю

к нему, отправляя его во Францию. Но, так как самой судьбой ему предназначено занять место его отца, я думаю, что путешествие через эту обширную империю по земле предоставит для него возможность получить необходимые знания для развития торговли и расширения связей с этим государством, товары которого так нужны нашему флоту». И несколькими строчками ниже Лаперуз добавил: «Он оказал нам на Камчатке неоценимые услуги, и, если право преемственности места генерального консула Франции в России, которое занимает его отец, было ценой его путешествия по земле и по морю, я рассматривал бы эту милость как знак удовлетворения моим поведением... И вот, мы расстались с Лессепсом, но не без грусти, так как мы полюбили его за его несомненные достоинства».

До этого Лаперуз рекомендовал Лессепа, как собственного сына, полковнику Козлову, русскому коменданту в Охотске и на Камчатке, и передал Жану-Бартеlemi свои поручения, выразив в самых трогательных выражениях свою дружбу и сожаление по поводу того, что предоставляет его жестоким обстоятельствам длинного пути через дикие земли и в такой сезон. Лаперуз приказал сниматься с якоря, и 30 сентября оба фрегата продолжили путешествие. 7 октября и Лессепс пустился в путь с полковником Козловым и ссыльным поселенцем Ивашкиным. Прибыв в Усть-Большерецк, они должны были ждать до 27 января хорошего наста. Пользуясь этим вынужденным пребыванием на Камчатке, Лессепс использовал всё своё время для изучения нравов и обычаев местных жителей. Затем он пересёк весь полуостров от Авачинской губы до восточной части Пенжинского залива, пройдя, таким образом, вдоль Охотского моря. 18 марта он прибыл в Пусторецк на Пенжине, где расстался с комендантом Козловым и проследовал далее по Индиге в Ямск и Охотск. Он проделал этот путь на санях с запряжёнными в них вначале камчадалскими собаками, а затем — оленями. Разлившиеся во время таяния снегов реки заставили его задержаться в Охотске до 8 июня, и как только Лена стала судоходной, он отправился по реке, проехал Томск, Тобольск, Казань, Нижний Новгород, Москву и, наконец, 22 сентября прибыл в Санкт-Петербург, пережив опасные происшествия, проявив при этом стойкость, достойную всяческих похвал.

В путевых заметках описан случай, едва не стоивший ему жизни: уже выехав за пределы Казани, он был опасно ранен при дорожной аварии. Кусок треснувшего колесного обода вонзился ему в голову. Обливаясь кровью, с открытой раной в голове, Лессепс

был вынужден доверить свою жизнь деревенскому цирюльнику, у которого не было даже ланцета. Для зондирования раны тот использовал простую булавку. Опасаясь, что не сможет завершить порученного ему дела, он продолжил путь с перевязанной головой, делая примочки из водки и воды.

Да, было от чего прийти в отчаяние даже опытному путешественнику! То проводники бросали его в снежной пустыне, то кончалось продовольствие, то погибли от голода ездовые собаки, но хорошее от природы здоровье, молодость и неунывающий нрав помогли ему одолеть этот тяжелейший путь за сравнительно короткое время. И ещё то, что мы называем везением, судьбой, счастливой звездой...

Повсюду с ним его дневник, куда он не устаёт заносить всё: самые различные события, случившиеся в пути, все сведения, которые удаётся собрать, интересные с исторической и даже с этнографической точки зрения. Принятый в Санкт-Петербурге графом Сегюром и не нашедший в столице своего отца, он через три дня отбыл в Париж. Со всеми дневниками, картами и письмами Лаперуза он спешит пересечь Россию и Германию и 17 октября в три часа пополудни достигает Версаля. Князь Люцерн, государственный секретарь морского флота, у которого он остановился, немедленно представил его королю, не разрешив даже снять камчадалские одежды.

Ещё бы! В Париже такого наряда никогда, ни на одном маскараде ещё не видывали: «Наряд мой заслуживает подробного описания... Я надевал простую оленью парку и подвязную шапку... Когда становилось холоднее, то я сверху надевал ещё две кухлянки, одну мехом внутрь, другую снаружи, в большие морозы ещё кухлянку самую толстую из собачьего или бараньего меха... На свою шапку надевал я три кашюшона, на шею повязывал ошейник из собольих или лисьих хвостов, на ногах торбасы или оленьи сапоги...»

Вот в таком виде и предстал путешественник перед королём Людовиком XVI, самолично начертавшим план экспедиции, успеха которой он страстно желал. Король принял его с отменной добротой и буквально засыпал вопросами. На следующий день правитель вновь пожелал его видеть и объявил, что приказал опубликовать его дневниковые записи за государственный счёт в парижской королевской типографии. Лессепс, уже представленный королеве, становится для всего двора предметом наивысшего любопытства, которое не угасало целых два месяца.

И в 1790 г. его дневниковые записи были опубликованы в двух томах под названием «Исторический журнал господина Лессеппа, взятого в экспедицию господином графом де Лаперуз в качестве королевского переводчика, с момента, когда он покинул фрегаты в порту Святого Петра и Святого Павла на Камчатке до его прибытия во Францию 17 октября 1788 года». Второе издание выйдет гораздо позже, в 1880 г., с предисловием его знаменитого племянника, создателя Суэцкого канала Фердинанда Лессеппа. (В России эта книга была переведена на русский язык и издана в 1801 г. в Москве в губернской типографии А. Решетникова под названием «Лессеппово путешествие по Камчатке и по Южной стороне Сибири».)

Обещанное ему место генерального консула в Кронштадте в течение нескольких лет оставалось лишь титулом без каких-либо обязанностей и жалованья. Россия находилась в состоянии войны с Францией и отказывалась принимать её агентов.

Лессепп, женившийся на дочери дипломата Рюффена, едет вместе с супругой и её отцом в Константинополь, куда его тестя назначили первым секретарём французской миссии. Там он провёл четыре относительно спокойных года, помогая тестю в его работе. Но в 1798 г. французы захватили Египет, и Рюффен, выполнявший в то время обязанности умершего посла, был заключён в Семибашенный замок, а его зятя и всех французов, находившихся в Константинополе, заперли во дворце посольства. Три года заключения прошли в постоянной тревоге за жизнь близких людей, но и здесь деятельный и неунывающий Лессепп предпринимал всё возможное, чтобы облегчить их участь. Наконец, 9 октября 1801 г. были подписаны документы о мире между Францией и Портой, и Лессепп вместе с женой и тремя детьми покинул Константинополь первым парламентарским кораблём. После изнурительного двухмесячного путешествия семья прибыла в Париж. Через несколько месяцев был заключён мир между Россией и Францией, и 8 марта 1802 г. Жан-Бартеlemi де Лессепп назначается генеральным комиссаром торговых отношений в Санкт-Петербург.

Он прибыл в северную столицу России лишь в начале июня и застал там генерала Эдувиля, выполнявшего в то время обязанности французского посланника. Освоившись с новой должностью, Лессепп с присущей ему энергией приступает к оживлению торговли между французскими и русскими фабрикантами и вскоре добивается значительного успеха. В 1804 г., после казни герцога Энгиенского, отношение русского двора, давно с опасением и трево-

гой следившего за продвижением наполеоновских войск, к французским представителям резко ухудшилось. Император Александр I объявил ноту протеста от 16 (28) августа через своего посланника господина Убриля, и 2 октября посольство России окончательно покинуло французскую территорию. Генерал Эдувиль в то время уже уехал из России, и исполнявший после него обязанности посла господин Реневаль также был вынужден в спешном порядке покинуть страну.

Положение Лессепа было крайне затруднительным. Несмотря на то, что коммерческие отношения между двумя странами были прерваны, он остаётся на своём посту в России до начала 1807 г., когда решает просить свои паспорта, чтобы предупредить официальную высылку из страны, которая, как он знал, вскоре должна была последовать. С момента отъезда господина Реневаля, с 21 сентября 1804 г. до 6 октября 1807 г., когда Лессепс окончательно покинул Санкт-Петербург, он, имевший лишь должность коммерческого агента и не носивший официально титул посла, на деле выполнял его обязанности и держал Наполеона в курсе событий через легального посредника Бавьера, перевозившего его депеши в ящиках с посудой под столовыми приборами.

7 февраля он уже находится в генеральном штабе французской армии в Варшаве, куда прибыл вместе со своей беременной на седьмом месяце женой и четырьмя детьми после трудного пути по льду и снегу через русские и прусские войска. Вынужденный остаться в генеральном штабе по специальному приказу Наполеона, Лессепс должен был расстаться с семьёй, которую он отослал в Дрезден и смог соединиться с нею лишь после заключения Тильзитского мира 7 июля 1807 г. Он поспешил вернуться к своим консульским обязанностям в России и уже 2 августа этого года писал из Санкт-Петербурга министру иностранных дел Франции, что был прекрасно принят при русском дворе. В течение четырёх лет Лессепс исполнял свои обязанности к общему удовлетворению и русских, и французов. За это время он претворял в жизнь поручения морского министра, у которого сумел заслужить полное доверие. Среди этих многочисленных и очень важных дел отметим лишь заботы о снабжении французского флота русским лесом. Можно судить о высокой оценке, которую дал его талантам Наполеон, особенно его честности, по постскриптому, собственноручно сделанному императором на одном из счетов, суммы которых доходили до нескольких миллионов: «Отныне счета м. Лессепа будут оплачены без проверки».

Обладая любезным и покладистым характером (как говорят французы «gentille»), Лессепс добился дружбы всех посланников, с которыми он имел отношения во время своего пребывания в России. Герцог Висанс хотел, чтобы он поселился в гостинице посольства, где имел бы в своём распоряжении прекрасную квартиру. Князь Лористон любил поддержать беседу с единственным спутником Лаперуза, оставшимся в живых, но политические события, уже однажды заставившие Лессепса покинуть Россию, вскоре принудят его вновь удалиться отсюда по тем же причинам.

С некоторых пор отношения между Россией и Францией странным образом охладели, и 28 мая 1812 г. Наполеон, находившийся в лагере в Дрездене, внезапно решил оставить этот город, чтобы возглавить свою огромную армию. С этого момента началась война, в результате которой множество французов навечно останутся в русской земле.

Посол Франции срочно выехал из Санкт-Петербурга. Лессепс согласно приказу должен был отправиться в Кенигсберг, где временно остановиться. Император Александр I повелел всем французам покинуть территорию своей империи. Он был так глубоко раздражён, что не хотел даже позволить, чтобы русская кормилица, которой мадам Лессепс доверила своего четырёхмесячного ребёнка, сопровождала их дальше границы. Прибыв в Данциг на русском фрегате, Лессепс отправился с семьёй в Кенигсберг, где получил приглашение присоединиться к главной квартире армии. Только в Москве ему удалось догнать Наполеона, который находился там уже в течение восьми дней. Не умея остановить грабёж, Наполеон начал опасаться, что крестьяне будут прятать продовольствие, и армия начнёт испытывать недостаток в питании. Увидев Лессепса, Наполеон объявил ему, что ожидал его с нетерпением, и назначил интендантом Московской провинции. Напрасно Жан-Бартелеми пытался возражать против неожиданного назначения, говоря, что он ничего не понимает в интендантстве, что окажет плохую услугу снабжению армии и будет плохим интендантом. Свои возражения Лессепс пытался также подкрепить тем аргументом, что впоследствии не сможет быть полезным Франции в России, что Александр I никогда не простит ему интендантства в Москве. Но Наполеон был неумолим, и Лессепсу ничего не оставалось, как повиноваться.

Наполеон был не только гениальным стратегом, но и великим мастером пропаганды, то есть умел подавать самые худшие новости под «сладким соусом». Вот как звучит одно из сообщений из

опустевшей, разграбленной Москвы от 27 сентября 1812 г.: «Генеральный консул Лессепс назначен интендантом Московской провинции. Он организовал муниципалитет и несколько комиссий, состоящих из местных жителей. Пожары полностью прекращены. Открываются магазины, где полно сахара, пушнины, сукна и других товаров... Вражеская армия отступила к Калуге и Туле... Император живёт в императорском дворце в Кремле... Погода напоминает немного конец октября в Париже. Изредка идут дожди и начались первые утренние заморозки... Большая часть армии находится в Москве, где она восстанавливает свои силы».

Эта идиллическая версия об армии, мирно отдыхающей в самом сердце захваченной страны, никак не соответствовала действительности. Лессепс, как всегда энергичный и общительный, всеми силами пытался восстановить относительный порядок в Москве, отданной на разграбление, полной бродячих масс мародеров, как французских, так и русских. За краткий период французской оккупации, с середины сентября по середину октября, Лессепс начал организацию временной администрации и собрал группу для местного управления из тридцати двух жителей Москвы, мобилизованных против их воли. Он организовал около двадцати полицейских комиссариатов, чтобы остановить бесчинства бандитов и мародеров.

Эти усилия по налаживанию регулярной работы продовольственных рынков были напрасны. Крестьяне близлежащих деревень, запуганные и ограбленные, не могли ответить на горячие призывы наполеоновского интенданта. В Москве распространялись прокламации на русском и французском языках, подписанные Лессепсом: «Вы, спокойные московские жители, мастеровые и рабочие люди! Вас призывают исполнять отеческие намерения Его величества Императора и Короля и способствовать с ним к общему благополучию. Несите к его стопам почтение и доверие и не медлите соединиться с нами. Москва, 24 сентября — 6 октября 1812. Интендант, или управляющий городом и провинцией Московской *Лессепс*».

Из-за интендантских обязанностей он покинул Москву только с арьергардом, вместе с маршалом Мортье, взорвавшим при отходе Кремль. Гибельное отступление французской армии этот крепкий сорокашестилетний оптимист называет просто «утомительным возвращением», трудности которого он перенёс стойчески. Лессепс участвовал в нескольких схватках, видел гибель своих соплеменников, разделяя весь ужас этой гибельной кампании.

И всё же, если он остался жив после всех испытаний этого пути, усталого жертвами имперских амбиций корсиканского выскочки, то благодаря всё той же счастливой звезде, что провела его от Петропавловского порта в Версаль, через Сибирь и всю Россию живым и невредимым.

Добравшись наконец до Данцинга, он нашёл там свою семью и вскоре вместе с ней вернулся во Францию. В Париж же прибыл лишь тогда, когда на троне был уже король Людовик XVIII. Граф Ришелье, занимавший в то время должность министра иностранных дел, хотел, было, отправить Лессепа снова в Москву, но хлопоты его были напрасны: Александр I не мог простить ему службы у Наполеона и московского интендантства. Даже попытки великого князя Константина смягчить отвращение своего царствующего брата по отношению к Лессепсу не увенчались успехом. Дорога в Россию отныне ему была закрыта.

Чтобы как-то восполнить потерю российской посольской должности, министр иностранных дел предложил ему место генерального консула Франции в Лиссабоне. В сентябре 1816 г. Лессепс прибыл в столицу Португалии. Страной в то время формально правила королева Мария I (известная как Мария Безумная), а на самом деле её сын — принц-регент, управлявший всеми делами от её имени. Положение генерального консула Франции в этой стране было крайне ненадёжным. В связи с этим Лессепсу предложили лишь временную экзекватуру (от лат. *exsequor* — выполняю, официальный документ, удостоверяющий признание консула правительством принимающего государства). В Португалии назревали революционные настроения, и в 1820 г. власть регента упразднили, было установлено конституционное правительство, при котором Лессепс сохранил свои прежние обязанности. Он оставался в Португалии до мая 1823 г., до того времени, когда конституционное правительство было низложено и восстановлена абсолютная монархия.

Бурные события последних лет и жаркий климат расстроили здоровье Жана-Бартеlemi. Одно за другим приходили горестные известия: умер его тесть, господин Рюффен, вскоре за этим — единственный брат жены. Несмотря на всё искусство врачей, здоровье его не улучшалось, и он решил уйти в отставку. В это время банк, которому он доверил главную часть своего состояния, потерпел крах, и ради семьи, в которой было уже двенадцать детей, он продолжил выполнять свои обязанности. Ещё несколько лет Лессепс оставался дипломатом в Португалии, до тех пор, когда 17 ноября 1833 г. получил официальное сообщение о прекращении его мис-

сии в Лиссабоне. Чувствуя, что силы его катастрофически убывают, Лессепс торопился вернуться на родину, к близким. 5 августа он написал жене письмо, в котором сообщил о своём скором возвращении. Едва положив перо, он почувствовал сильнейшие боли, а на следующее утро его не стало.

Он умер 16 августа 1834 г., завещав детям только свою достойную репутацию. Из двенадцати его детей взрослыми стали лишь семеро. Сын Эдмонд стал дипломатом, как и было положено мужчинам их рода де Лессепсов, а шесть дочерей благополучно вышли замуж. А угасшая звезда Жана-Бартелеми ярко вспыхнула с именем его племянника Фердинанда де Лессепса, так же дипломата и строителя Суэцкого канала.

ИСТОЧНИКИ

1. *Du voyage ve M. de Lesseps, consul de France, employe dans l'expedition le M. le Comte de la Perouse, en qualite d'interprete du Roi.* — Paris: de l'Imprimerie royale, 1790.

2. *Charles Frostin. La carriere mouvementee de Jean-Baptiste de Lesseps, interprete de russe a bord de l'expedition Laperouse.* — France, Albi: musee de Laperouse, 2001.

3. *Pierre Berrard. Barthelemy de Lesseps et les depeches de Laperouse.* — France, Albi: musee de Laperouse, 2001.

4. Лессепово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири. — М., 1801.

5. *Bappa M. Ф. Лессепс, его жизнь и деятельность.* — СПб., 1894.

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЯ г. ЛЕССЕПСА...

Часть I

Едва мне минуло двадцать пять лет, и сие время жизни моей сделалось примечания достойнейшим, судя по продолжительной и щастливой должности, возложенной на меня, я не надеюсь более когда-нибудь ещё употреблённым быть в экспедицию, с такою славою оконченную на двух фрегатах французских «Буссоль» и «Астролябии», из коих первым командовал граф Перузский, начальник экспедиции, а вторым виконт Лангль. ЕСТЬЛИ перо моё достойно было бы описывать дела сих двух славных мужей, которые оба назначены были к исполнению важнаго предприятия с совершенным успехом; то бы сколько написал о каждом из них!

Но уже давно их труды и всеобщее уважение к ним сделались выше всяких похвал.

Выгода по слуху сего путешествия около света столько приметна и всем известна, что не ожидают ныне с такою нетерпеливостью и любопытством новых покорений под власть свою от славных мореплавателей, каких требует отечество их и целая Европа на морях, ими проходимых.

Как лестно казалось для меня, что я, находясь более двух лет при графе Перузском, должен был по собственному выбору его сухим путём отвезти депеши во Францию. Чем более разсуждал я о своём благополучии, получив новой знак его доверенности ко мне, тем более чувствовал, чего требовала такая комиссия и чего не доставало во мне к исполнению оной. Однако ж надобно приписать сей случай не преимуществу моему пред прочими, по нужде выбрать в сию дорогу такого, которой бы говорил по-русски и жил в России.

Путешествие 1787 г., сентябрь. Петропавловская гавань. 6-го сентября 1787 г. фрегаты королевские были в Авачинской губе, или Петропавловской гавани, на южном краю полуострова Камчатки. 29-го я получил приказание оставить «Астролябию», в тот же самый день граф Перузский дал мне депеши и наставление. Он по дружбе своей ко мне не только что наперед взял нужные меры сделать путешествие моё безопасным и не убыточным, но, отъезжая, ещё дал мне истинно отеческие советы, которые вечно останутся впечатлёнными на сердце моём. Виконт Лангль также удостоил меня своими, которые не менее были полезны.

Да позволено будет мне здесь отдать справедливой долг моей признательности к графу Перузскому, верному сопутнику опасности и славы, и его поревнователю как от всех, так и особенно от меня, что они всегда были мне отцами, советниками и друзьями.

Вечером должно было взять мне увольнение от нашего командира и его почтенного товарища. Какую горесть чувствовал я, провожая их на лодки, для них приготовленные; я не мог ни говорить, ни с ними расстаться; они обнимали меня попеременно, а слёзы мои очень слабо изображали тогдашнее состояние души моей. Офицеры, все друзья мои, бывшие на земле, прощались со мною, все жалели обо мне, все желали мне счастливого пути, утешали меня и доставляли всякую помощь, какой только можно было ожидать от дружбы их. Нельзя описать печали моей, с какою я расстался с ними, меня вырвали из их объятий, и я нашёл

себя в руках у полковника Козлова-Угренина, комменданта в Охотске и Камчатске, которому граф Перузской рекомендовал меня как сына, а не офицера, посланного с депешами.

С сих пор начинаю быть обязанным благодеяниями сему российскому комменданту. Я с первого разу познал приятность его характера, всегда готового к услугам. Угостив всех людей, бывших при нашей экспедиции, он хотел снабдить съестными припасами наши фрегаты. Несмотря на трудности сыскать в сей стране быков, он доставил нам семерых на свой щёт, и мы никак не могли его уговорить, чтоб взял за них плату. Он сожалел ещё о том, что не мог сыскать более. Он со всевозможным искусством прихорючился к моей чувствительности. Я приметил, что он вместе со мною жалел об отъезде лодок, которые мы долго провожали своими глазами; и, взяв меня к себе, ничего не пощадил, чтобы могло разогнать печальныя мои мысли. Кто хочет описать всю страшную для меня потерю, какую чувствовал я в сию минуту, тот должен представить себя на моём месте и вообразить, что он оставлен один на неизвестных приморских местах за четыре тысячи миль от своего отечества. Сия чрезвычайная дальность, сии бесплодные и необитаемые страны предсказывали мне наперёд о тех трудностях, какия долженствовало мне претерпеть в дальней и опасной дороге; но ласковое обхождение живущих, учтивство г. Козлова и других российских офицеров мало-помалу умягчили во мне чувствование печали об отъезде моих соотечественников.

Отъезд королевских фрегатов. 30 сентября поутру два фрегата изготовились к отъезду и в тоже самое утро отправились при благополучном ветре, который продолжался несколько дней сряду. При отъезде всех офицеров и моих друзей я желал им искренно и усердно щастливаго пути, как последний печальный долг моей признательности и привязанности к ним.

Граф Перузский советовал мне во всём быть осторожным и рачительным и предписал ни под каким видом не оставлять г. Козлова, что исполнил я после того более по собственной своей склонности. Сей господин обещал графу отвезти меня с собою до самага Охотска, места своего пребывания, куда ему немедленно надлежало ехать. Я за щастие почитал быть у такого добраго человека и во всяком случае следовал советам сего комменданта.

Он намерен был в Большерецке дожидаться до тех пор, пока настанет путь и облегчит нашу дорогу в Охотск. Тогда была уже осень; сухим путём ехать безпокойно, а по морю опасно; при том не было никаких судов на Петропавловской и Большерецкой

гаванях (летом водяной путь довольно безопасен, и в сие только время путешествующие отваживаются во оной пускаться для исполнения своих предприятий).

Дела г. Козлова, которых он должен был кончить, и приуготовление к нашему отъезду удержали нас ещё шесть дней, и меня уверили, что ещё королевские фрегаты не приехали к назначенному месту. Я употребил сие время с пользою на примечания и подробныя разсматривания предметов, меня окружающих. Более всего старался получить справедливое понятие об Авачинской губе, составляющей Петропавловскую пристань.

Капитан Кук сделал пространное описание о сей губе и с исправностию доставил нам, но с того времени были на оной после того многия перемены, а особливо на Петропавловской гавани. В самом деле, путешественники, приехавшие в оную день один спустя после вас, думая найти там не более пяти или шести домов, удивились, увидя целой город, довольно укреплённый, хотя все строения в нём были деревянные.

Такое, по крайней мере, было предприятие г. Козлова, о чём я после узнал стороною, котораго намерения и виды как важны, так и полезны были для общаго благосостояния. Исполнение сего распоряжения не мало споспешествовало к распространению славы о сей пристани, хвалимой ещё прежде иностранцами, приезжающими туда для торговли. Судя по известиям первых мореходцев, кажется, что выгоднее сей пристани нет ни одной в сей части Азии, так что желательно бы видеть, чтоб она была местом всеобщей торговли в сих странах. Тем паче, что суда, приезжающия в другия пристани, как-то в Большерецк, Нижнекамчатск, Тигиль, Ижигинск и Охоцк, обыкновенно претерпевают жестокие бури; почему именно запрещено позже 26 сентября в тех местах ездить по морю.

Я в то же самое время узнал, что было побудительным поводом к заведению новаго строения. Аглинское судно, принадлежащее г. Ланцу, купцу, торгующему в Макао, прибыло в 1786 году в Петропавловскую гавань. Капитан Петерс, начальник сего корабля, предложил россиянам о торговле. Он сделал условие с российским купцом *Шелиховым* о торговле в сих странах Российской Империи и требовал от него товаров на восемьдесят тысяч рублей. Вероятно, что товар сей должен был состоять из мехов, которых продавать намеревались агличане в Китае, а на обмен хотели привезти шёлковых материй и других вещей, нужнейших россиянам. Шелихов сам поехал в Петербург, чтобы испросить позволение на

то от императрицы, что и получил, но, приготавливаясь к исполнению своего договора, он узнал, что аглинской корабль потонул у берегов Меднаго острова. На возвратном своём пути из северо-западной части Америки в Камчатку он заезжал туда, по всем примечаниям для того, чтобы нагрузиться мехами, а в Петропавловской гавани хотел дополнить. Два только человека из бывших при нём спаслись, один португалец, а другой бенгальской негр. Они зиму прожили на острове Медном, откуда на российском судне были перевезены в Нижнекамчатк: к нам приехали в Большерецк, г. Козлов намерен был их послать на следующей неделе в Петербург.

Чтобы иметь хорошия мысли о выгоде и пользе сего предприятия, должно представить себе величину и вид Авачинской губы и положение сей губы. Мы имеем уже об оной верныя описания, которыя всему свету известны. Граф Перузский снял с сего места и с околележащих планы со всякою точностию, их можно будет видеть в известиях о мореплавании его, которое для любопытнаго читателя послужит новым источником наставления и просвещения, почему и намерен сказать только о том, что только клонилось более к распоряжениям г. Козлова.

Известно, что Петропавловская гавань лежит к северу от входа в Авачинскую губу, которую составляет с южной стороны очень узкой мыс, или коса земляная, на которой построен острог, или камчадальской городок. На возвышении к востоку внутри самой гавани стоял дом комменданта, у котораго г. Козлов жил во всё время пребывания своего в тамошних местах. За сим домом почти на одной линии дом гарнизонного капрала, а подалее к северу сержанта, которые по комменданте были отличнейшие люди, о которых бы можно было упомянуть, в сем местечке, естли только стоит сей город назваться сим именем. Против самага входа, на возвышении, вдавшемся в море, на котором открылось озеро довольно великое, видны развалины гошпиталя, о коем г. капитан Кук упомянул в своём путешествии. В некотором разстоянии от сего места похоронен был у дерева капитан Клерк, надпись, какую агличане сделали над гробом его, была на дереве, и могла скоро пропасть. Граф Перузский, желая, чтобы имя сего мореходца делалось бессмертным, несмотря на непогоду, перенёс сию надпись на медную доску. Не бесполезно также кажется упомянуть в сем месте о том, что наш коммендант узнал о месте погребения славнаго астронома Францизка на острове Клоиере. Он просил г. Козлова, чтобы он приказал поставить гробницу и поместить надпись,

которую оставил вырезанную на медной доске. Его прозвба исполнена была при глазах моих по отъезде королевских фрегатов.

Пониже сих развалин, поближе к речке, поставлено строение, служащее магазином, или родом арсенала, у котораго всегда стоит караул. Вот краткое описание Петропавловской гавани, в каком состоянии мы оную нашли.

От пристройки сия гавань, по-видимому, делается важным местом. Вход в сию гавань защищается укреплениями, они служат, сверх того, прикрытием сей части города, назначенной строиться по плану на месте бывшего гошпиталя, то есть между губою и озером на возвышении. Равным образом поставлена батарея на косе, отделяющей озеро от Авачинской губы, дабы она защищала сию часть города. По тому же плану вход в сию губу защищался довольно крепкою батареею на левом, не столько возвышенном берегу, поставленною, а корабли, входящие в губу, не могут миновать и избавиться пушечнаго выстрела по причине ветров, бывающих на правом берегу. На самой вершине каменной горы сделана батарея о шести или осьми пушках, из которой стреляли, поздравляя наши фрегаты.

Не нужно, кажется, упоминать, что при распространении строений велено было увеличить гарнизон, который тогда состоял только из сорока человек солдат или казаков. Они жили и одевались как камчадалы, на карауле будучи, имели при себе саблю, ружьё и были во всём солдатском наряде, в другое время нельзя было отличить их от природных тамошних жителей, разве только по чертам лица и наречию.

Камчатское селение, составляющее большую часть местечка, в теперешнем состоянии находящагося, лежит, как я уже сказывал, на косе, составляющей вход в сию гавань, заключает в себе от тридцати до сорока жилищ, как летних, так и зимних, называемых *избами*, или *балаганами*. Во всём местечке, полагая в том числе и гарнизон, считается жителей не более ста человек, как мужчин, так женщин и детей.

К сим описаниям Петропавловской гавани и к пристройкам, какими заниматься должно было для украшения онаго, прибавлю я сделанныя мною примечания о качестве земли, климате и реках.

Качество земли. Берега Авачинской губы мне показались неприступными по причине высоких гор, из коих некоторыя покрыты роцями, а другия были огнедышущия. В пятнадцати или двадцати верстах от гавани есть огнедышущая гора, которую

испытатели природы бывшие при экспедиции графа Перузского, осматривали, и о которой он будет упоминать в описании своих путешествий. Жители сей страны сказывали мне, что временем дымится, а возгарения, которое прежде часто было, несколько лет не видали. Долины представляют удивительное произрастение. Трава почти в рост человеческой, а полевые цветы, как-то дикая роза и прочие, издают от себя приятнейший запах, который далеко чувствителен.

Климат. Большие дожди обыкновенно случаются весною и осенью, а ветры в последнее сие годовое время и зимою, которая иногда бывает дождлива. Но, несмотря на продолжительность ея, уверяют, что она не так жестока, по крайней мере, в сей южной части Камчатки. Чрезмерной холод, на которой жалуются агличане, может быть и случается, в чём я спорить не хочу, однако ж можно уверять, что климат не так суров, чтобы жители, о которых они делали нам описания, не осмеливались выходить во время зимы из подземных своих жилищ, или *юрт*, боясь, дабы не замёрзнуть, и чтобы они совсем не селились на южной части сего полуострова, о чём я при случае упоминаю. Признаюсь, что холод, бывший там во время моего пребывания, естьли сравнить его с зимою 1779 года, показался мне таков же, как и в Петербурге. Но агличане имели основательныя причины считать его чрезмерным, потому что бьвают страшные ветры с жестокою метелью, от сего нельзя бывает ни выходить, ни ехать дорогою, что со мною несколько раз случилось, как видно будет в продолжение моих записок.

Снег выпадает в октябре, а оттепель начинается в апреле или мае, однако ж случается, что и в июле бывает снег на вершинах высоких гор, а особливо огнедыщущих. Лето довольно хорошо: сильные жары продолжаются только во время больших дней. Гром редко слышать в сей стране, и никогда никакого разорения не делал. Такое растворение воздуха царствует и во всех окололежащих местах сей части полуострова.

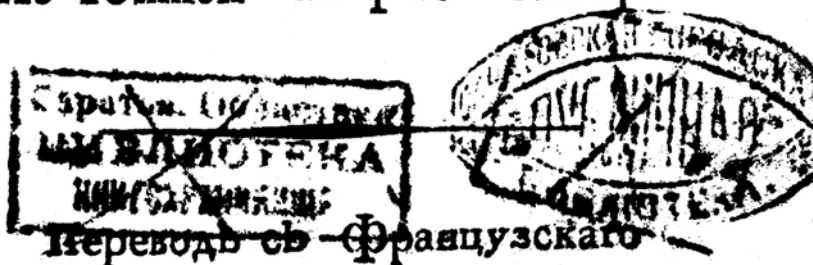
Реки, впадающие в Авачинскую губу. Две реки впадают в Авачинскую губу, то есть *Авача*, от которой губа название своё получила, и *Паратунка*. Оне обе очень рыбны, водится на них множество водяных птиц, которыя так дики, что не допускают до себя за пять-десять шагов. Позже 26 ноября на судах ездить по сим рекам нельзя, потому что оне тогда замерзают, а в студёную зиму и самая губа покрывается льдом, которой наносят ветры с морской стороны, а когда подуют с земли, то он совершенно прочищается, замерзает же Петропавловская гавань обыкновенно в генваре.

ЛЕССЕПСОВО

№ 560. 9/5. 1/6/1
ПУТЕШЕСТВИЕ

по
КАМЧАТКѢ

и
По Южной сторонѣ Сибири.

ЧАСТЬ I. *152/02*

МОСКВА,

Въ Губернской Типографіи у А.
Рѣшетникова 1801 года.

Титульные листы первой и второй частей русского

СИРК
А-51

ЛЕССЕПСОВО

ПУТЕШЕСТВИЕ

ПО

КАМЧАТКѢ

И

По Южной сторонѣ Сибири.

59

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ II

XV-7556

МОСКВА,

Въ Губернской Типографіи у А.
рѣшетникова 1801 года.

издания «Лессепсова путешествія». Москва, 1801 г.

Я бы должен, без сомнения, говорить здесь о нравах и обыкновениях камчадалов, описать их жилища, или, лучше сказать, их хижины, называемыя *балаганами*, но я оставляю описание сих предметов до приезда своего в Большерецк, где надеюсь иметь более свободного времени и способов распространиться подробнее.

Мы выехали из Петропавловской гавани 7 октября. Г. Козлов (г. Козлов, как камчатской и охотской коммендант под начальством у генерал-губернатора иркуцкаго), г-да Шмалёв (Шмалёв — капитан-исправник Камчатскаго уезда, он тот самый, котораго агличане хвалили за оказанныя им услуги, которыми и мы много пользовались от него), Воронков (г. Воронков, секретарь коммендантской; он был при статских делах и имел обер-офицерской чин), Ивашкин, я и свита комендантская, состоящая из четырёх сержантов, или нижних офицеров, из толикаго ж числа солдат.

Ивашкин — несчастный дворянин, о котором агличане с похвалою отзывались, чего он и достоин. Одно описание несчастий его может произвести сожаление в читателе, но должно видеть, рассмотреть его, чтобы почувствовать соболезнование, какое заслуживает состояние его.

До двадцати лет ещё от роду он пожалован был при императрице Елисавете гвардии Преображенскаго полку сержантом. Он пользовался известною доверенностию, при дворе имел свободной доступ к государыне по своему месту; почему считали, что он в скором времени составит себе величайшее щастие, но вдруг не только пришёл в немилость и лишился всей лестной надежды, которой был упоён, но к крайнему огорчению его поступлено было с ним, как с важнейшим преступником, и сослали на всегдашнее житьё в Камчатку. Известно, по уведомлениям агличан, какія он жестокия суровости терпел двадцать лет в разсуждении себя, так что лишён был и нужнаго пропитания. Он верно бы погиб от голода и бедности или пришёл бы в отчаяние, если бы силы душевныя и крепость сложения не подкрепили его. Необходимость промышлять всё надобное для себя принудила его, не без отвращения, привыкнуть к жизни камчадалов. Он также одевался, как и они, бывал с ними на звериной и рыбной ловле, сими средствами довольно промышлял на свои потребности, а излишнее продавая, несколько облегчал печальное своё состояние.

Он живёт в Верхнекамчатском остроге. Россияне не знают причины такого жестокаго наказания, приписывают ослушанию или нескромности, потому что, судя по его поступкам, не примечают, чтобы он был в состоянии сделать безчеловечное преступление.

За несколько времени пред сим хотели облегчить его наказание и переменить место ссылки, предложив ему жить в Якуцке, выгоднейшем городе и имеющем больше пособий доставать служащее к пользе и удовольствию жизни, но сей несчастный изгнанник, которому теперь около шестидесяти пяти лет, не согласился на такое позволение, не желая, как он сам говорил, показаться в обществе с отвратительными знаками своего безчестия и во второй раз чувствовать стыд своего наказания, им полученнаго. Ему лучше казалось жить с камчадалами и в покое препроводить остатки дней своих между теми, которые знали его честность и которые по смерти будут его почитать и уважать, как друга.

Граф Перузский, узнав по известиям от агличан, хотел видеть сего несчастнаго, которой при первом виде внушал о себе сожаления. Он пригласил его на свой фрегат и за стол. Наш командир по своей чувствительности к бедствиям доставил ему пособия к облегчению оных, подарив всё такое, что могло служить напоминанием о нашем приезде в те места и доказательством, что не одни агличане из иностранных принимают участие в его жалком состоянии.

Офицер-комендант при гавани, вероятно, из почтения г. Козлову, своему начальнику, присоединился к небольшой нашей команде. Мы для проездез чрез губу сели на байдары и поехали в Паратунку, где готовы были лошади для нас. Байдары очень походят на наши лодки, только края у них обшиваются досками в пять или шесть дюймов и сплачиваются одни с другими ивовыми ветвями или верёвками, а конопатят мохом. Одни только байдары употребляют в дорогах на Курильские острова, плавают обыкновенно на вёслах, однако ж можно приставлять и парусы.

В пять или шесть часов прибыли в сей острог, где жил священник (он называется Фёдором Верещагиным и заступил место старшего своего брата Романа Верещагина, который много одолжил своими услугами капитана Клерка и котораго я видел в Большерецке) сего уезда, и церковь стояла на сем месте. Предшественник его сказывал агличанам, что сей приход немедленно должен переведён быть в Петропавловской острог, но сия переноска отложена до исполнения проекта относительно до гавани. Не худо заметить здесь, что агличане пропустили сказать о том, что в Петропавловске была прежде церковь, и на месте оной и теперь ещё стоит часовня.

Дом его был местом нашего пребывания, и мы приняты были очень хорошо, но как только взошли в него, то пошёл большой

и продолжительной дождь, который принудил нас против воли прожить там несколько дней долее, нежели сколько мы располагались.

Острог Паратунка лежит на берегу реки того ж имени в двух милях почти от устья. Сия речка, как я уже сказывал, впадает в Авачинскую губу, отмели, вышедшия наружу у самого моря, делают её неспособною к судоходству, и с моря также въезд в неё затруднителен. В сем городке не более жителей, как и в Петропавловске. Оспа преимущественно в сем месте сделала страшное опустошение; балаганов и изб было столько же, как и в Петропавловске.

Остановясь пред жилищами камчадалов, я при виде оных представил в мыслях своих постыдное коварство наших французских сластолюбцев, одни жестоки и суровы в огромных своих палатах, а другие покорны и обходительны в своих домиках, уютных и довольно красивых, в которых искусство расположения не уступает богатству домашних украшений. Мне представлялось, что они кричат: как могут люди жить в таких бедных хижинах? Однако ж камчадал не почитает себя несчастливым, что живёт в шалашах, которых строение сходствует со строением первых веков. Он живёт спокойно со своим семейством, мало чувствует недостатка, потому что не много нужд имеет, и никогда не хочет сравнивать себя во всём с другими.

В первых камчадалы живут летом, а во вторых зимою. Как их намереваются приучить нечувствительным образом следовать примеру жизни российских крестьян и иметь строения не столь вредныя для здоровья, то запрещено на сей южной части Камчатки строить впредь юрты или подземныя жилища. Они теперь все уже разорены, видны только одни места их; нутр весь засыпан, а снаружи походят на наши ледники (спустя несколько времени я видел их на северной части, получил об них некоторое понятие и в своём месте не пропущу описать).

Описание балаганов. Балаганы строятся на многих столбах, в равном расстоянии находящихся, которые вышиною от двенадцати до тринадцати футов. Сия деревенская колоннада держит на воздухе площадку, сделанную из перекладин, сплочённых вместе и покрытых глиною. Сия площадка служит местом строения, состоящаго из крышки, похожей на коническую фигуру, покрытой соломой или сушёною травой, разложенною вдоль по шестам, соединяющимся на вершине и имеющих многия поперечныя перекладины. Сия крышка составляет первое и последнее жильё

в одном покое; одно отверстие служит для выхода дыма, когда огонь зажигается для варения пищи, и для того кухня делается посреди покоя, в котором они едят, лежат и спят без всякого порядка, не чувствуя ни отвращения, ни беспокойства. В таких покоях нет окошек, а только одна дверь, которая так мала, что едва можно взойти днём в неё. Лестница такая ж, как и дом: бревно, или лучше сказать, дерево, худо обрубленное, ставится одним концом на земле, а другим к полу покоя. Оно касается угла двери, вровень с некоторым родом галлерей, находящейся наперед; сие дерево имеет всю природную круглость, и на верхней стороне нечто похожее на ступеньки, но так худыя, что я всякой раз подвергался опасности разшибиться, упавши с оной. В самом деле, если сия негодная лестница повернётся под ногами, то с непривычки трудно будет удержаться на ней и, упавши на землю сверху, больно можно ушибиться. Если они хотят дать знать, что никого нет в покое, то оборачивают только лестницу ступеньками вниз.

Выгоды заставляли сих народов строить такия чудныя жилища, которыя им по роду жизни их нужны и необходимы. Главная пища, состоящая из сушёной рыбы, служит пропитанием как им, так и собакам их; они её и другие запасы на зиму сушат в тени на открытом воздух. У них под колоннадою есть род сеней, составляющих нижнюю часть балаганов, там на потолке вешают свою рыбу и тем сохраняют её от собак, которые всегда голодны, несмотря на их услуги. Собаки зимою возят камчадалов. Лучшие из них, то есть злые, вместо конуры содержатся в сих местах, привязываются к столбам или подпорам строения. Вот всё, что может делать выгодным для них строение балаганов, или летних жилищ.

Описание изб. Зимняя жилища не так странны. Если бы они были поболее, то бы совершенно походили на дома русских крестьян, которыя много раз были описываемы, так что весь свет знает, как они строятся и располагаются. Известно, что сии избы делаются из брёвен, лежащих горизонтально друг на друге, которыя составляют стены, и щели между ими законопачиваются мохом, крышки покаты, покрываются толстой соломой, а часто и дранью. Внутри разделяются на два покоя, согреваемые одною печью, в которой и кушанье варят. На двух сторонах в большей горнице сделаны лавки, а в заднем угле подмосток, на котором лежит солома, покрытая медвежьими кожами. Он служит постелью начальника семейства, а женщины, будучи очень дики в сих странах, как невольницы у своих мужьёв, отправляют тяжёлыя работы и почитают за щастие, когда могут спать на оных.

Кроме сих лавок и постели есть ещё стол и множество образов разных святых чудотворцев, которыми камчадалы из усердия украшают свои дома.

Окошки у них ни широки и ни высоки; вместо стёкол вставляют лососинную кожу, или пузыри различных животных, или обделанное горло морского волка, а иногда и слюду, что очень редко и означает достаток живущих. Сии кожи рыб так очищены и обделаны, что становятся прозрачными и пропускают слабой свет в покои, и можно при помощи их рассмотреть все предметы. Слюда прозрачнее и более подходит под стекло, однако ж не так чиста, чтоб снаружи можно было видеть, что делается внутри дома. Однако ж это не великое помешательство для таких мелких строений.

Начальник или судья всякаго острога. Во всяком камчадальском остроге есть начальник, называемый *тойон*; он избирается у природных жителей по большинству голосов. Россияне позволили иметь им сие право, но с тем только, что их выбор подтвердить должно судебное место. Тойон такой же крестьянин, как и те, над которыми он начальствует, не имеет никакого отличительного знака и отправляет те же работы, какия и подвластные ему. Главная должность его состоит в том, чтобы смотреть за благочинием и порядком и исполнять приказания от правительства. Он помощником сам себе выбирает другаго камчадала с тем, чтоб он пособлял ему отправлять должности его. Сей помощник тойонов называется *есаулом*, козацкой титул, которой камчадалы стали употреблять со времён прибытия козаков на их полуостров и который у последних также означает втораго начальника их орды. Когда поведение сих начальников сделается порочным или будут жалобы от подчинённых им; то русские офицеры, определённые разсматривать их дела, или судебныя места, учреждённые правительством, сменяют и отрешают от должности сих тойонов, назначая на их места других избранных камчадалами же.

Мы не могли ещё пуститься в дорогу за непрерывно продолжающимся дождём, но любопытство побудило меня несколько времени проходить в сей день по Паратунскому острогу и осмотреть окололежащая его места.

Замечания о церкви и окололежащих паратунских местах. Внимание моё сперва обратилось на церковь, построенную из дерева и украшенную на вкус деревенской. Я увидел там щит капитана Клерка, писанной г. Веббером, и аглинскую надпись о смерти сего достойнаго преемника Кукова; она означает также и место погребения его в Петропавловской гавани.

В бытность французских фрегатов в сей гавани я однажды ездил в Паратунку за охотою с виконтом Ланглом; по возвращении своём он рассказывал мне о многих, любопытства достойных вещах, которыя замечены им в сей церкви, но я об оных совершенно забыл. Они состояли, как мне помнится, из разных вкладов некоторых древних мореходцов, претерпевших кораблекрушение. Я решился осмотреть оныя во второй свой приезд в сей приход, но или по слабости памяти своей, или по скоростижности в разсматривании мало имел времени, и не мог сделать никакого открытия.

Сей городок окружён лесом, чрез которой проехал я берегом около реки и миновал очень большую долину, которая простиралась к северу и востоку до самых Петропавловских гор. Сей хребет кончится к южной и западной сторон горою Паратунскою, составляющею часть онаго и находящеюся не более как в пяти или шести верстах от острога, или городка того ж имени. Часто попадаются около берегов речек, текущих в сей долине, следы медведей, приходящих туда ловить рыбу, которой в сих местах очень много. Жители уверяют, что иногда видали их стада от пятнадцати до двадцати около сих рек, и всегда, езда на охоту, в двадцать четыре часа привозят, по крайней мере, одного или двух. Я буду иметь случай говорить об охоте и оружии.

Отъезд из Паратунки. Мы оставили Паратунку и пустились в дорогу. Двадцати лошадей довольно было для нас и для нашей поклажи, которая не велика была, потому что г. Козлов из предосторожности послал наперёд большую часть водою в острог Коряцкой. Вверх по реке Аваче можно только ездить до сего острога на одних малых плотках. Байдары служат к переезду Авачинской губы и могут ходить до устья реки того ж имени; здесь переносят груз на плотки, или камяги, которыя за мелкостью и тихостию реки правятся шестами. Таким образом и наши пожитки перевезли во Коряцкой острог.

Мы переехали речку Паратунку вброд и несколько сажений около берегов поворотили на лесную дорогу, которая хотя не гладка, но способнее была. Сия дорога проложена была по лощинам, и две только горы попались нам. Наши лошади, несмотря на поклажу, бежали очень скоро, и мы тогда не могли пожаловаться на непогоду. Время так было хорошо, что я стал было думать, что с излишеством описывали суровость тамошняго климата, но скоро собственными опытами изведаль свою ошибку и в продолжение моего путешествия принужденным находилсЯ привыкать к пронзительным

инейм и почитать себя счастливым, когда посреди льду и снега не бывали сильные ветры и бури.

Приезд в Коряцкой острог. Мы ехали около семи часов в Коряцкой острог, отстоящей от Паратунки по моему примечанию тридцать восемь или сорок вёрст. Приехавши, тотчас принуждены были искать убежища от дождя в доме тойона, который свою избу уступил г. Козлову, и мы препроводили целую ночь.

Описание сего острога. Коряцкой острог лежит посреди вырубленного лесу на реке Аваче, которая в сем месте очень сузилась. Пять или шесть изб и около пятнадцати балаганов составляют весь сей городок, похожий на Паратунской, но не так велик и не имеет церкви. Я вообще заметил, что в малых острогах не бывает церквей.

Выезд из Коряцкаго острога. На другой день мы поехали в Начикин, другой острог на Большерецкой дороге. Остановились на несколько дней в околележащих местах онаго с тем, чтобы укрепиться банями, которых г. Козлов построил на свой счёт для пользы и удовольствия всех жителей на тёплых ключах, там находящихся, которых осмотреть и описать непременно.

Дорога от *Корагинскаго* острога до Начикина довольно хороша, и мы без всяких затруднений переезжали небольшие речки, выходящая из гор, при подошве которых проложен был путь. На третьей четверти дороги находилась большая река; она имела в ширину около семи сажень и текла с востоку на северо-восток. Мы ехали несколько времени около берегов оной, чрез которую надлежало бы переправляться, естли ехать в городок. Дождь сильной, шедшей по выезде нашем из Корагинскаго острога, немного перемежился, но подул северо-западной ветер, небо сделалось пасмурно и пошёл большой снег, который продолжался более двух третей нашей дороги до самага приезде в назначенное место. Я заметил, что снег тогда лежал уже на горах, не очень высоких, до известной высоты, ниже которой совсем его не видно было. Чрез большую реку переправились вброд и находились по ту сторону от Начикина, в котором нащитал я не более семи изб и двадцати балаганов, подобных прежним. Мы не останавливались, потому что г. Козлов намеревался тотчас ехать к баням своим, которых видеть и я желал, более по любопытству, нежели по нужде.

Приезд в Начикинский. Бани. Снег насквозь пробил моё платье, и, переезжая реку, которая казалась неглубока, я очень замочил ноги свои. Мне хотелось переодеться, но нельзя было, потому что к баням ехали без всякой поклажи и запаса с собою. Мы вздума-

ли сушиться прогулкою, что и сделали тотчас, в том намерении, чтобы осмотреть предметы, достойные примечания. Я пленялся всем, что привлекательнаго для взоров моих ни попадалось, но от влажности места и мокроты нашего платья мы стали чувствовать простуду, почему и принужденными нашлись прекратить нашу прогулку. По возвращении нашем новые труды и новые безпокойства: повозок наших не было, и мы не могли ни переменить платья, ни согреться. А к большому несчастию место, где мы остановились ждать, было самое мокрое, и ветер, несмотря на то, что оно окружено было как бы стеною, казалось, дул на нас со всех сторон.

В банях начикинских. Г. Козлов вздумал пойти в баню, а я не осмелился следовать примеру его, принужден был дожидаться наших повозок и так прозяб, что всю ночь после того дрожал. На другой день я сам со своей стороны сделал опыт над сими банями и скажу, что никогда ни от какой другой не получил столько удовольствия и пользы, но сперва должно описать ключи сих тёплых вод и расположение строений, в которых моются.

Описание тёплых Начикинских ключей. Они находятся в двух верстах к северу от острога и около пяти или шести сот [шагов] от большой реки, которую должно во второй раз переезжать на дороге к баням по причине ея излучины, какую она делает, вытекающая из сего городка. Густой и безпрестанной пар стоит и подымается вверх над сими водами, которыя бьют с кипением из одной, немного утёсистой, горы в трёхстах шагах от бань. Падением своим, которое клонится на восток и запад, составляют ручеек в полтора фута глубиною и около семи шириною. В небольшом разстоянии от большой реки сей источник сливается с другим и впадает в сию реку, около осьми или девяти сот шагов от ключа сих первых вод, где оне так горячи, что минуты нельзя продержатъ руки в них.

Описание бань. Г. Козлов выбрал для бань такое место, которое было выгоднее и приятнее по растворению вод, то есть посреди ключа он поставил деревянное своё строение длиною в шестнадцать, а шириною восемь футов. Оно внутри разделено на два покоя, из которых каждой имеет до семи квадратных футов и столько ж в вышину. В одном, который ближе к ключу и, следовательно, под котором вода теплее, обыкновенно моются, а другой служит передбанником, сделаны для сего нарочно лавки широкия над водою, а посреди оставлено некоторое отверстие, в котором и мыться можно. Это очень приятно, потому что теплота от

воды разходится по покою, от чего нельзя озябнуть, и так входит в тело жар, что два часа после бани спустя чувствуется в нём.

Возле бань жили мы в некотором роде амбаров, покрытых соломою и построенных из дерев и сучков. Они поставлены незадолго до нашего приезда нарочно для нас, и в такое короткое время, что я сперва не поверил, пока не осмотрел его сам своими глазами. Комната, к югу находившаяся от источника, была мала и мокра. Г. Козлов приказал поставить другую от трёх до четырёх сажень на той стороне, где место было не так сыровато, всё сие сделал в один день; вечером кончили, только не поставили лестницу, которая соединяла бы сей амбар со строением банным, в котором двери были к северу.

Нам несносно стало жить от холоду, г. Козлов решился оставить сие место на пятой день по нашем приезде. Мы, возвратившись в городок, опять стали в доме у тойона, но бани для нас так показались привлекательными, что бывали всякой день по два раза, и никогда не возвращались из них, не вымывшись.

Разныя строения, которых г. Козлов приказал ставить по выгоднейшим своим расположениям, удержали нас ещё два дни. Сей коммендант, стараясь об общем благе, из одного человеколюбия за удовольствие почитал доставить бедным камчадалам как здоровья, так и приятныя бани. Непросвещение или, может быть, безопасность оставляли их без всякой помощи, несмотря на чрезвычайную доверчивость, какую они имели к сим тёплым водам, в излечивании болезней (прежде они не осмеливались приближаться ни к сим водам, ни к огнедышущей горе, почитая сии места жилищем адских духов). Сие самое побуждало г. Козлова узнать свойство сих вод, он предложил мне вместе с ним сделать опыты над оными поданному в том наставлении. Но прежде заключения нашего об оных почитаю за нужное поместить здесь сие наставление, дабы вспомнить о способе, какому следовали мы в произведении в действо наших исследований.

Наставление, как делать опыты над тёплыми водами. Воды вообще могут содержать в себе:

- 1) постоянной воздух; и тогда оне вкусом остры и кисловаты, как лимонад без сахару;
- 2) железо и медь, и тогда вкусом вязки и противны, как чернилы;
- 3) серу или серные пары, и тогда оне вкусом омерзительны, как куриное протухлое и испорченное яйцо;
- 4) купоросную, морскую или щелочную соль;
- 5) землю.

Постоянный воздух. Чтоб узнать, есть ли в них постоянной воздух, то довольно одного вкуса, однако ж ежели налить в воду тинктуры из подсолнечника цвета, то вода делается более или менее красною, смотря по количеству постоянного воздуха, в ней находящагося.

Железо. Железо узнаётся помощью чернильных орешков и щелочнаго горючаго вещества. Тинктура (настойка на воде или спирту. — *Ред.*) из чернильных орешков, налитая в железноватя воды, даёт цвет сей воде пурпуровой или фиалетовой, или чёрной, а щелочное горючее вещество тотчас лазуревой.

Медь. Медь узнаётся помощью щелочнаго горючаго и щелочнаго летучаго вещества; первое даёт цвет воде, имеющей в себе медь, тёмно-красной, а второе синий. Второй опыт вернее перваго, потому что летучее щелочное вещество осаждает одну медь, а не железо.

Сера. Сера и серные пары узнаются: 1) естли нальётся селитренная кислота, от чего в воде делается отсед желтоватой или беловатой, то есть серной, и будет издавать от себя серной запах; 2) естли нальётся несколько капель едучей сулемы, то делается отсед белой, и вода будет иметь пары серной печёнки; а естли отсед чёрной, то вода имеет в себе одну только серу.

Купоросные соли. Вода может иметь в себе купоросные соли, то есть соли, происходящая от смешения купоросной кислоты с известковою землею, железом, медью или с щелочною кислотою. Купоросная кислота узнаётся, вливая несколько капель раствора из тяжёлой земли; тогда делается отсед крупинками, которыя падают тихо на дно сосуда.

Морская соль. Вода может иметь в себе морскую соль, что можно узнать, влив несколько капель раствора из серебра, тогда вдруг делается белой отсед, густой, как свернувшееся молоко, которой со временем превращается в чёрно-фиалетовой.

Постоянная щелочная соль. Вода может иметь в себе постоянную щелочную соль, что можно узнать, влив несколько капель раствора из едучей сулемы, ибо тогда делается в ней довольно скоро красноватой отсед.

Известковая земля. Вода может иметь в себе известковую землю и магнезию. Естли несколько капель вольётся сахарной кислоты в воду, то известковая земля отсядет в беловатя облака, которыя, упавая на дно, оставляют по себе белой порошок. А естли несколько капель вольётся раствора из едучей сулемы, то бывает отсед красноватой, но не скоро, естли вода имеет в себе магнезию.

Примечание. Все сии опыты надежнее и скорее можно производить в действо, естли воды, назначенныя для испытанія, выкипятить до половины, выключая тех, которыя будут иметь в себе постоянной воздух, потому что он выходит из оной во время кипения парами.

Следствие наших опытов. Разсмотрев наставление предписанное, мы стали делать опыты. Первые три никакого действия не имели, и мы заключили из того, что вода не имела в себе ни постоянного воздуха, ни железа, ни меди. Но от соединения селитрянной кислоты, означенной в четвёртом опыте, показался на поверхности воды тонкой, небольшой беловатой отсед, из чего заключили мы, что серы и серных паров было очень мало.

Пятой опыт показал нам, что вода имела в себе купоросныя соли, или, по крайней мере, купоросную соль, смешенную с известковою землёю. Мы узнали, что есть в ней сия кислота, влив несколько капель раствора из тяжёлой земли в сию воду, которая сделалась беловата, наподобие облака, а отсед, не скоро упавший на дно сосуда, состоял из зёрен очень малых и беловатых.

Не было у нас раствора из серебра, не имела ли в себе вода морской соли?

Седьмой опыт уверил нас, что она имела в себе постоянную щелочную соль.

Помощию осьмаго опыта узнали мы, что вода имела в себе очень много известковой земли, а магнезии не было в ней. Вливши несколько капель сахарной кислоты, увидели, что известковая земля села на дно сосуда в виде облака и беловатой пыли. Мы примешали потом несколько раствора из едучей сулемы, но отсед вместо того, чтобы сделаться красноватым, не переменял прежняго своего цвета, какой имел по влитии сахарной кислоты, что служило доказательством, что вода не имела в себе магнезии.

Мы употребляли сию воду для чаю и обыкновеннаго нашего пития. По прошествии трёх или четырёх дней приметили, что она имела в себе несколько соляных частиц.

Г. Козлов кипятил воду из сего источника до тех пор, пока вся парами вышла, земля или беловатой порошок, очень солёной, остался на дне сосуда, что и заставило нас заключать, что вода сия имела в себе селитренныя соли.

Мы заметили также, что камни, найденные в сих ключах, были покрыты волнистым и довольно плотным известковым веществом, которое от купоросной и селитрейной кислоты кипело. Мы набрали других в том самом месте, где сии ключи вытекали. И где они

горячее были, по-видимому, камни были покрыты корою некоторого рода металла. Сия покрывка, твёрдая и плотная, походила на очищенную медь, но мы не могли узнать качества оной; сей металл разсыпан был на оных в виде булавочных головок, которых никакая кислота не могла распустить. Разбивши сии камни, внутри оных нашли рыхлое и печёное вещество. Таких камней очень много в сих ключах.

На берегах сих ключей и близлежащем топком месте нашли мы особливой род камеди, клейкой и не пристающей к земле (г. Козлов несколько сей камеди дал г. аббату Монжесу во время пребывания натуралиста сего при нашей экспедиции в Петропавловской гавани).

Вот все замечания, какия сделал я о сих тёплых водах, вспоминая г. Козлову в опытах и изысканиях. Я не осмеливаюсь льстит себя надеждою, чтобы опыты сии были достаточны. Может быть, по забывчивости или по не достатку знания моего в нашей работе сделаны были какия-нибудь погрешности, только с уверением могу сказать, что поступил со всяким вниманием и осторожностью. Впрочем, в неисправности должно меня одного винить.

В бытность нашу в Начикинском остроге и банях на лошадях в разныя поездки перевезено было всё, что оставалось в Корагинском остроге, и мы после того начали готовиться в дорогу. Между тем временем я видел, как поймали живаго соболя очень странным образом, что послужит понятием о ловле сих животных.

Ловля соболя. В некотором расстоянии от бань г. Козлов приметил множество ворон, летающих над одним местом и часто опускающихся на землю. По одинаковому направлению их полёта он полагал, что есть там какая-нибудь добыча. В самом деле, сии вороны гонялись за соболем, который сидел на берёзе, окружённой другими воронами; и нам захотелось поймать его. Легчайший и надежнейший способ убить из ружья, но мы свои ружья отослали в острог, куда и сами в скором времени хотели возвратиться, а людей, бывших при нас, не было ни одного, и поблизости также сыскать не надеялись. К счастью, один камчадал вывел нас из замешательства, согласясь поймать животное. Вот каким образом он поступил: попросил у нас верёвки, и мы дали ему пристяжку, потому что другой не было. Между тем, как он делал узел, собаки, приученные к сей ловле, окружили дерево. Животное, не спуская глаз, смотрело на них или от страха, или от природной глупости, и не шевелилось; оно протянуло шею, и два раза попало в петлю, и два раза петля соскакивала. Наконец соболю упал

на землю и собаки схватили было его, но он отыгрался от них, уцепившись лапками и зубами в морду одной собаки, которой не очень показался такой приём. Мы хотели поймать живаго, то и отогнали собак, соболь тотчас оставил свою добычу, вскочил на дерево, где в третий раз накинули на его петлю, и в третий раз она соскочила, а в четвёртой раз камчадал его поймал (г. Козлов, бывший начальником при сей ловле, подарил мне сего соболя и обещал доставишь другаго, чтобы я мог парочку оных отвезти во Францию). Я не мог себе представить, чтобы животное, которое по виду казалось очень хитрое, допустило поймать себя таким очень простым способом и само подставляло голову в подставленные ему сети. Сия лёгкая ловля соболей делает великое пособие камчадалам, обязывающимся платить подать соболиными мехами, как о том ниже будет сказано. Сии меха не только составляют главную торговлю, но ещё служат иногда вместо ходячей монеты у сих народов.

С 13-го на 14-е число ночью примечены были два явления на небе в северо-западной части. По описанию, какое сделали нам об оных, судили мы, что они были северные сияния, и очень жалели, что не узнали о том прежде и сами не могли видеть оных. Во время пребывания нашего в банях небо было очень чисто, только на западной части онаго всегда видны были очень густыя облака. Ветр переменялся из западнаго в северо-западной, временем выпадал хлопьями крупной снег, который, однако ж, не мог затвердеть, несмотря на морозы, бывшие всякую ночь.

Приготовление к выезду. Выезд наш отложен был до 17-го числа октября, 16-е число препроводили весь день в нужнейших приготовлениях. Нам надлежало ехать до Большерецка по Большой реке. Из десяти малых лодок, которыхя более казались деревьями, выдолбленными в середине наподобие комяг, две по две вместе и одна пара были связаны, а на пяти плотях перевезли наших людей и часть поклажи. Надлежало решиться оставить излишнее в Начикине, потому что не могли всего положить на плоты, которых более нигде не сыскали, ибо все малыя судна, или комяги, были собраны, которыхя находились в сей деревне, и даже несколько оных пригнали из Апачинскаго острога, куда мы сами ехали.

Выезд из Начикина и описание дороги. 17-го числа на разсвете мы сели на сии плоты. Четыре камчадала с помощью длинных шестов управляли нашими судами в дороге, но часто принуждены бывали соскакивать в воду и тащить их, потому что река в некоторых местах не более двух футов, а в некоторых менее

шести дюймов. В скором времени один наш плот испортился, и тот самой, на котором была наша поклажа. Для починки и поправки онаго надлежало всё выносить на берег. Мы не стали дожидаться и за лучшее почли продолжать дорогу. В полдень другое приключение, гораздо печальнейшее первого для таких людей, которые начинали чувствовать аппетит, задержало нас несколько в дороге. Плот, на котором поставлена была наша кухня, вдруг потонул в наших глазах. Вероятно, что мы не могли с равнодушием смотреть на потерю, мы старались спасти остатки нашего запаса и, опасаясь большого нещастия, заблагоразсудили остановиться в сем месте обедать. После сего мы нечувствительно забыли страх и имели более твёрдости выливать воду, налившуюся в комяги, и продолжать дорогу. Мы не проехали ещё версты, как встретились с двумя малыми судами, из Апачина ехавшими к нам на помощь в перевозе. Мы послали их к повредившимся плотам с тем, чтобы груз с комяг, не годных уже к употреблению, переложен был на оныя. Как мы, не останавливаясь, продолжали свой путь, то чрез несколько времени наши суда совершенно потерялись из виду, но до вечера ничего с нами не случилось безпокойнаго.

Я приметил, что Большая река в частых своих заворотах текла с востока на северо-восток и с запада на юго-запад. Она очень быстра, однако ж камни и мели, часто попадавшияся нам, затрудняли нашу дорогу и великих стоили трудов для наших проводников, которые объезжали их с великим искусством, но по мере, как мы приближались к устью сей реки, я примечал, что она к удовольствию всех становилась шире и способнее к плаванию, разделялась на многия рукава и потом, обходя многие острова, из которых многие покрыты были лесом, опять соединялась. Мелкия сии деревья или кустарники росли в великом множестве по обеим сторонам реки, что делает затруднение ездить на судах и доказывает беспечность или леность сего народа. Им никогда на мысль не приходило вырывать сии деревья для облегчения себя в судоходстве.

Разные роды водяных птиц, как-то утки, кулики, нырки и прочие, любят водиться в сей реке и совершенно покрывают почти всю поверхность оной, но очень трудно подходить к ним и бить из ружья их. Медведи не часто попадались. Не видя следов их и рыб полусъеденных, которыя со всех сторон должны бы представляться нашему взору, я подумал, что меня обманули или увеличили, говоря о множестве сих животных, находящихся в сих полях, ибо мы ни одного не видали. Нам много попадалось чёрных орлов и других

птиц с белыми крыльями, ворон, сорок и несколько белых куропаток и один горностай на берегу реки.

При наступлении ночи г. Козлов заблагодарасудил остановиться, опасаясь подвергнуться ночью таким приключениям, которые и днём много хлопот наделали в нашем судоходстве. Как их избежать? Река нам не была известна, и малейшее приключение сделало бы множество вреда во время тёмной ночи. После таких разсуждений решились пристать к берегу и выйти к небольшому лесу. Огонь, раскладенный, согрел и высушил всех. Г. Козлов из предосторожности сыскал место положить на суда палатку; пока её разбивали, что сделали в одну минуту, приехали к удовольствию нашему остальные два плота. Радость, произошедшая от прибытия всего нашего обоза, дневная безпокойства, покойная палатка, постели, которые мы с собою взяли, всё способствовало к приятному препровождению ночи.

На другой день мы очень рано и без дальних затруднений поднялись с места. В четыре часа прибыли к Апачину, но наши плоты не могли близко подъехать к самой деревне за мелкостию реки в сем месте. Выгрузились в четырёхстах шагах от острога и пришли пешком. Сия деревня показалась мне не так велика, как прежние, то есть имела не более трёх или четырёх жилищ. Лежит в небольшой долине, чрез которую течёт рукав Большой реки, на противоположном берегу от острога виден лес, которой занимал великое пространство земля и которой почитал я островами, произошедшими от разных рукавов сей реки.

Я узнал, что Апачинской и Начикинской остроги не были прежде на нынешнем месте. За несколько лет пред сим жители, привлекаемы будучи, без сомнения, местоположением или ожиданием изобильной лёгкой рыбной ловли, перенесли свои жилища в сии места. Новыя их селения, сказывали мне, отстоят четыре или пять вёрст от старых, которых и сыскать нельзя.

Апачин ничего любопытнаго на мои глаза в себе не заключал. Я пошёл из него к нашим плотам, переправившимся чрез мели и дожидавшимся нас в трёх верстах от острога в том самом месте, где рукав Большой реки, обошедши деревню, опять соединялся с рекою. Чем далее мы спускались по ней вниз, тем глубже и быстрее она становилась, и ничто не задержало нас в дороге до самага Большерецка, куда мы прибыли в семь часов вечера с одним из наших плотов, а прочие остались назади.

Приезд в Большерецк. Едва лишь я пристал к берегу, то г. командант пригласил меня в свой дом, назначил в нём для меня

особенной покоей, которой и занимал я во всю свою бытность в Большерецке. Признаться, что всякое старание и внимание ко мне с его стороны было оказываемо. Не только что доставил мне все выгоды и увеселения, какие только мог, но и сделал столько замечаний, служивших к моему наставлению, сколько должность и место ему позволяли. По ласковости своей иногда предупреждал мои желания и вопросы и доставлял к удовольствованию любопытства моего всё, что почитал достойным онаго.

В сем намерении немного спустя после моего приезда он предложил мне ехать с ним на место открытия охоцкаго галиота, который, по нещастию, обмелел недалеко от Большерецка. Сие судно всякой год назначается от правительства для перевоза съестных припасов и других вещей, нужных для продовольствования жителей полуострова.

Мы часть сего печального приключения узнали дорогою. Нам сказывали, что худая погода (ветр в самом деле очень сильно дул с северо-запада и время было чрезвычайно пасмурное; мы стали чувствовать силу онаго в дороге из Начикина в Большерецк, на другой день после разбития галиота, но он ещё сильнее был в ночь нашего приезда), какую претерпевал сей галиот в своём пути, принудили остановиться на якоре в одной миле от берега. Но как его сорвало с якорей, то штурман не нашёл другаго средства спасти бывших с ним людей, как броситься к берегам, почему он перерубил канаты, и судно его разбилось.

При первом известии жители большерецкие тотчас собрались на помощь сему судну, стараясь по крайней мере спасти съестные припасы, которыми оно нагружено было. Г. Козлов, приехавши, дал нужныя повеления в таких обстоятельствах, но сомневаясь о точности исполнения оных, решился тотчас ехать сам туда. Он пригласил и меня с собою, что я принял с величайшим удовольствием, желая видеть устье Большой реки и гавань.

Отправились к разбитому судну. Мы поехали в одиннадцать часов утра на двух плотях, из которых один, на котором мы ехали, составлен был из трёх малых судов. Провожатые наши употребляли то весла, то шесты, которые в переправке чрез трудныя и неглубокия места часто помогали им и служили средством защищаться от быстрых вод и удерживать плоты, которые непременно разбились бы без оных.

Деревушка Чехавская. Мы сошли на землю в семь часов вечера в деревушке *Чехавской*. Две избы, столько же балаганов и одна обвалившаяся юрта составляли все жилища оной. Я видел там

сверх того деревянный амбар, служащий магазином для складки привозимых туда на галиотах из Охоцка съестных припасов. Когда галиоты принуждены бывают зимовать, то их вводят в устья узкой и глубокой реки, впадающей в Большую реку в пятидесяти шагах повыше деревушки. Для охранения сего магазина построена сия деревушка. Мы препроводили ночь в одной из двух изб, намереваясь на другой день по утру ехать к разбитому судну.

На разсвете сели мы на плоты. Море было мелко. Ехали около краёв длиной отмели, лежащей на левом берегу Большой реки по выезде из оной и оставляющей для проезда в северной части дороги не более десяти аршин шириною, около двух с половиною сажень глубиною. Ветер дул сильно с северо-запада, взволновал реку, почему мы и не осмелились переезжать канал. Наши суда так малы были, что всякое до половины наливалось; два человека безпрестанно выливали из них воду и едва успевали. И так мы ехали около берегов мели, сколько можно.

Устье Большой реки. Тогда мы увидели мачту галиота на косе земли, выдавшейся в море к южной стороне. Сие судно показалось нам отстоящим на две версты к югу от устья Большой реки. На конце сей косы видели мы фонарь и шалаш людей, стерегущих оное. Направление течения реки в том месте, где впадает в море, показалось мне с северо-запада, а в устье имеет около полуверсты. На левом берегу поставлен фонарь, а по правому продолжается коса земли, покрытая водою и простирающаяся до самой Чехавской деревушки. От оной до устья не более осьми вёрст. Река сия чем ближе к устью, тем быстрее.

Нам никак нельзя было продолжать дороги: ветер усиливался, и волны час от часу увеличивались. Безразсудно было бы, если бы мы оставили отмель и решились в такую дурную погоду и на таких хлипких судах переправиться чрез губу при устье сей реки, имеющей в ширину две версты. Г. коммендант, который узнал уже, что я имел некоторыя слабые сведения о мореходстве, просил у меня совета. Я предложил ему повернуться к нашему ночлегу, что он и сделал немедленно. Мы много хвалили себя за предосторожность, ибо едва лишь приехали в Чехавскую деревушку, то настала страшная буря.

Большерецк. Замечание об устье Большой реки. По крайней мере, веселился я в мыслях своих тем, что исполнилось моё желание и видел устье Большой реки. По всем примечаниям оно очень опасно и неспособно для въезду судов, имеющих грузу в себе сто пятьдесят бочек. Русские суда очень часто разбиваются, однако ж морепла-

ватели не берут никаких предосторожностей, приезжая к сим берегам, также и посылающие их в сии места.

Притом гавань никакой не обещает защиты: земли окололежащая очень низки и не могут укрыть от ветров, дующих со всех сторон. Впрочем, мели, которых причиною быстрое течение реки, очень часто переменяются, почему совершенно нельзя узнать канала, который временно переменяет как своё направление, так и получает неопределённую глубину.

Страшная буря. Остаток дня препроводили мы в деревушке Чехавской, не осмеливаясь пуститься в дорогу ни к разбитому судну, ни в Большерецк. Небо не прочищалось, но покрылось со всех сторон густыми и чёрными облаками, которые скрывали его от глаз наших целой день.

Несколько спустя после нашего приезда настала жестокая непогода, и Большая река повыше деревушки нашей была в великом движении. Сия зыбь приводила меня в удивление, рассуждая по малости реки в сем месте. Конец северо-восточного берега при устьи реки и коса производили сильные береговые ветры, которые потопляли малыя суда со страшным стуком. Хотя ветер очень сильно шумел тогда, но я, будучи на земле, презирал его. Мне вздумалось пойти стрелять в окололежащих местах, но, сделав несколько шагов и чувствуя силу ветра, стал колебаться в мыслях, однако ж по тех пор не решился оставить своего предприятия, пока не пришёл к одному источнику, чрез которой надлежало переезжать на малом судне с величайшею опасностью. И так я воротился назад и тем помягчил небольшую свою смелость. Сии страшные ветры часто случаются там в сие годовое время, почему и не удивительно, что так часто на сих берегах разбиваются суда. Они очень малы, имеют только одну мачту, а ещё хуже того, что управляющие судами люди ненадёжные, естли верить рассказам об них.

На другой день мы поехали назад в Большерецк, куда и прибыли поздно вечером.

Обратной приезд в Большерецк, в котором жил до 27 генваря 1788 года. Я предвижу, что мне должно здесь остаться на немалое время, дожидаясь, пока можно будет волоком ездить по воде, то хочу продолжать моё описание и повествование всего, что видел и узнал, разговаривая с россиянами и камчадалами. Начнём с города или крепости Большерецка.

Описание Большерецка. Он лежит на берегу *Большой реки* на небольшом острове, окружённом разными рукавами сей реки, которые

разделяют сей город на три более или менее населённые части. Самая дальняя, находящаяся к востоку, представляет вид предмета, называется *Парашиным островом*, заключает в себе от десяти до двенадцати изб. Оттуда к юго-западу от Парашинаго острова в средней части очень много изб и ряд деревянных шалашей, которые служат вместо лавок. Против них присудственное место. В сем доме сверх того есть тюрьма для колодников и народное училище для детей. Учителем в оном японец, знающий многие языки, которому правительство за научение детей той страны определило жалованье. Сей дом более прочих и при нём всегда стоит караул. Второй небольшой рукав Большой реки отделяет малую часть земли, на которой жилища построены без всякаго порядка в разных местах, а на третьей части сего местечка представляется куча строений, разбросанных близ реки, которая течёт в сей части с юго-востока на северо-запад в пятидесяти шагах от коммандантскаго дому. Сей дом очень отличен от прочих, он выше всех, больше и построен на вкус деревянных домов в Санк-Петербурге. В двухстах шагах к северо-востоку от жилища коммандантова стоит церковь простаго строения, подобнаго всем церквам, находящимся в российских сёлах, возле которой на столбах, покрытых только крышкою, висят три колокола. К северо-западу от жилища коммандантова есть ещё частица сего местечка, отделяющаяся от сего дому лугом или болотом, величиною около трёхсот шагов и заключающая от двадцати пяти до тридцати изб и несколько балаганов. Вообще, кроме сих трёх последних жилищ, есть ещё в Большерецке очень мало, и не более десяти изб. Впрочем, все строения, или дома, суть избы, коих всех около шестидесяти, не считая осьми лавок, канцелярии и коммандантскаго дому.

Вот подробное описание Большерецкой крепости, и, судя по оному, должно показаться странным делом, что её сим именем называют, ибо нет ни малейших признаков укреплений и неприметно, чтоб оныя и были когда-нибудь. Состояние ея, местоположение и гавань — всё заставляет чувствовать, что опасно и очень затруднительно сделать её цветущею и местом всеобщей торговли полуострова. Намерения правительства в разсуждении сего более относятся к Петропавловской гавани, которой положение, лёгкой въезд и безопасность должны взять преимущество.

Разность между Петропавловском и Большерецким. Между сими двумя местами очевидная разность в учтивстве обхождения, какое приметил я в Большерецке, что не видно было в Петропавловске. Сие чувствительное приближение к европейским нравам

великое несходство составляет между двумя местами. Я постараюсь показать причины онаго в своих описаниях жителей сего острога, представлю в подробности их работы, обычай, вкус, увеселения, пищу, разум, свойство, сложение и, наконец, правление.

Жители большерецкие. Жителей в Большерецке около трёхсот мужчин, женщин и детей, в числе которых нижние чины, и около семидесяти козаков, или солдат, определённых к исполнению должностей по службе своей. Их страна так мало доставляет хлеба, что жатвы целаго года не достало бы им на один месяц, естли бы не получали помощи от торгу, которой я опишу. Они ходят на караул, чистят дороги, починивают мосты, выгружают съестные запасы, присылаемые из Охоцка, переносят оныя из устья Большой реки в Большерецк. Прочие ж жители суть купцы и матросы.

Воровская торговля козаков. Все сии люди, россияне и козаки, между которыми есть и смесь, отправляют промысел часто подозрительной, то тем, то другим, так часто его переменяют, как случай позволяет, но всегда имеют в виду обогатиться. Всё старание своё обращают на выдумку хитростей безпрестанных, обманывают бедных камчадалов, которых легковёрность и непреоборимая склонность к пьянству отдают в полную власть сих милостивых грабителей. Они наподобие наших плутов и обманщиков таскаются из одного места в другое и обольщают бедных природных жителей. Они продают им водку, которую дают искусным образом отведывать. Почти невозможно, чтобы камчадал, как мужчина, так и женщина, удержались от сего предложения. За первым покушением следуют другия, тотчас голова разгорячается у них, теряют память, а хитрые купцы тогда сбывают с рук своих последние товары. Как только они опьянеют, то стараются выманывать на обмен у них всё лучшее и драгоценнейшее, то есть мехи. Часто обирают всё, что накопили в целую треть года и что могло бы служить податью короне или доставить по продаже содержание на несколько времени целому семейству. Но ничто не удерживает пьяницу-камчадала, всё забывает и всё считает за ничто для своего удовольствия. Сии несчастные, пришедши в безумство, сами допускают отнимать у себя всё и в одну минуту, и минутное удовольствие, какое они чувствуют, выпивая несколько мер водки, доводит их до крайней бедности. Однако ж, несмотря на пагубные опыты, на себе самих испытанныя, не могут остеречься от слабости, им свойственной, ни от хитрых обманов сих купцов, которые, напоив их допьяна, обирают.

Сия страсть есть во всех северных народах, и я неоднократно заметил, что она не слабее прочих страстей. Вот как мне рассказывали, между прочим, об обыкновениях в сих местах, из чего можно заключить, до какой степени простирается хищность торгующих бродяг и глупость продавцов. Камчадал даёт соболя за рюмку водки и, желая выпить другую, зовёт продавца в свой дом, а сей откланивается, отговариваясь недосугами. Пьющий усиленно просит, предлагает ему новой торг; при сем слове другой допускает себя тащить. «Ещё рюмку за сего соболя, он лучше первого». — «Нет, мне надобно поберечь водку, я обещался быть в таком месте, куда и еду теперь». — «Постой немного, вот тебе два соболя». — «Напрасно». — «Хорошо, я уж третий прибавлю». — «Ну, выпей». Берёт три соболя и делает вид, что хочет вытти. Хозяин ласками своими старается его удержать, просит третьей рюмки. Опять отказ, новыя предложения. Чем более купец показывает себя несклонным, тем более камчадал надбавляет соболей. Кто ж бы мог подумать, что за последнюю рюмку отдаёт шесть, иногда семь соболей, самых лучших, и всё, что имел у себя.

О торговле вообще. Главную торговлю составляют на сем полуострове поверенные купцов из Тотьмы, Вологды, Великаго Устюга и разных сибирских городов или посланные от великих капиталистов, которые и там не опускают своих выгод.

Все товары и съестные припасы, которыя по нужде берут в свои магазины, продают там вдесятеро дороже против московскаго. Ведро французской водки продавалось по двадцати четыре рубли. Оную продавать дозволялось и купцам, но из хлеба гнатую, привозимую из Охоцка, и из сладкой травы, продавали на щёт государственной по сороку одному рублю и девяноста шести копеек ведро. В Охоцке ведро хлебной водки стоит осьмнадцать рублей, следовательно, на убытки в перевозе на каждое ведро налагают двадцать три рубли девяноста шесть копеек.

Другие товары, привозимые из Охоцка, состоят из китайки, из некоторой китайской тафты, русских и иностранных фабрик платков, лент, чулок, калпаков, сапагов, башмаков и других вещей, служащих к одежде европейцев, которыя могут почесться роскошью в разсуждении простоты в платье и образе жизни камчадалов. Привозят также сахару, чаю, кофе, очень мало белаго вина, бисквитов, конфетов или сухих плодов, как-то чернослив, изюм и прочее, свечи, пудру, свинец и прочее.

Как сих товаров мало в отдалённой стране, и как их нужно бывает иметь, то их продают очень дорого, и цена зависит от ко-

рыстолюбия продавца. Продажа бывает всякой день, всякой купец сидит в своей лавке, которая запираются только в праздничные дни.

Образ жизни большеецких жителей и вообще камчадалов. Образ жизни большеецких жителей никакой разности не имеет с камчадалами, однако ж они не так любят балаганы, и дома их немного лучше.

Одежда. Одежды такая же. Верхнее платье, *парка* называемое, наподобие рубашек, какия носят наши тележники; оно делается обыкновенно из оленьей кожи и других животных, имеющих тёмно-красной цвет кожи (они стали делать себе одежды из кож оленьих по примеру коряков). Под низ надевают длинное исподнее платье из таких же кож, а на тело своё рубашку, очень короткую и узкую китайчатую или бумажную. Женщины ж носят иногда и шелковые, что у них почитается роскошью. Оба пола носят сапоги летом из кожи диких коз и собак тёмно-красной шерсти, а зимою из кож морских волков и из ног оленьих (такие сапоги называются в Камчатке *торбасами*). Мужчины во всякое время покрывают головы свои широкими связанными колпаками; в хорошее время окутываются в долги китайчатые или кожаные без волос рубашки. Оне делаютя наподобие парков и служат к такому ж употреблению, то есть надевают их сверх всего платья. Праздничное и нарядное платье есть также парка, обложенная по краям кожей дорогих зверей, бахрамою и шёлковыми материями. Женщины одеваются наподобие русских баб, одежды которых очень известны, почему за ненужное почитаю их описывать. По дороговизне чрезмерной всякаго рода шёлковых материй в Камчатке, женския наряды очень убыточны и принуждают иногда их одевать в мужское платье.

Пища. Главная пища сих народов, как я уже сказывал, состоит из сушёной рыбы, мужчины сами её запасают, а женщины занимаются внутренним хозяйством, собирают плоды и другия растения, которыя сверх сушёной рыбы составляют кушанье камчадалов и россиян, живущих в сей стране. Когда женщины идут собирать плоды на зиму, то делают празднества. Оне торжествуют дни сии в шутливых и необузданных увеселениях, которыя иногда бывают причиною странных и неблагопристойных происшествий. Оне кучею идут в поля, крича песни и предаваясь всяким дурачествам, какия только могут вздумать по своему воображению; ни страх, ни стыд не могут их удержать от того. Нельзя иначе представить их чрезмернаго бешенства, как сравнив с языческими вакханками.

Беда тому мужчине, который в то время попадётся в их руки по случаю. Как бы хитр, как бы проворен ни был, редко кто из них уходит без того, чтобы в сражении его плотно не поколотили.

Пищу камчадалы следующим образом готовят, и из описания можно будет судить, вкусна ли она бывает. Они стараются, чтоб в рыбах ничего не пропадало. Поймавши, во-первых, вырывают их глаза, которые высасывают с величайшим удовольствием. Другой поступок, означающий их привязанность к чувственным удовольствиям или обжорствам, познаётся из того, что они отрезают тотчас куски с кровью, а иногда и замёрзлые, и их жрут с такою ж жадностью. Потом пластают рыбу и спинную кость откладывают для собак. Прочее берегут и сушат на зиму; тогда они едят её варёную, жареную, печёную, а чаще сырую.

Вкуснейшее кушанье у них, которое для меня показалось самым отвратительнейшим, есть род лосося, *чуйча* называемой. Они, поймавши её, зарывают в яму и оставляют в оной до тех пор, пока закиснет или, лучше сказать, пока совершенно згниёт. Оно гниёт там до такой степени, какую сей народ почитает вкуснейшим. По мнению моему, и самый голодный человек почувствовал бы отвращение к оной. А камчадал с удовольствием ест сие сырое и изгнившее мясо. Как он считает себя щастливым, как достанется ему голова! Сей лучший кусочек делят они на многия части. Я покушался, несколько преодолев отвращение, отведать сего вкуснаго кушанья, но не мог решиться не только укусить, но и поднести ко рту; всякой раз вонючий запах производил тошноту и удерживал меня.

Форели и лосося обыкновенныя рыбы в Камчатке; едят также и морских волков; жир сей рыбы почитается очень вкусною пищею, и делают из него также масло для лампад.

Из разных произрастаний, употребляемых в пищу камчадалами, главныя суть: корень сараны (сладкая трава) и другия травы и плоды, подобныя почти российским.

Корень сараны известен ботаникам под названием «лилия с чёрно-красным цветом»; его вид, величина и цвет довольно описывается в третьем путешествии Кука. Сей мучнистый корень служит вместо хлеба. Его сушат, не варя, но как бы он ни был приготовляем, всегда здоров и питателен. Козаки употребляют его вместо овсяной муки, пекут из него хлебы чёрные, подобные хлебам крестьянским. Правительство даёт им известное количество сей муки, которой им не довольно, и принуждены бывают некоторые запасаться оною сверх того для себя, а некоторые для продажи из барыша.

Питьё. Из дикаго чесноку (по-камчатски называется *черемча*. Гмелин описывает её под названием *allium foliis radicalibus petiolatis*) делают некоторой род острога и кислаго напитка, очень невкуснаго. Употребляют его также в разных жидких приправах, и сии народы очень любят его.

Сладкая трава свежая довольно приятна. Агличане сделали пространное описание сей травы (*spondilium feciis pinnati fidis*). Сок, выходящий из кожицы сей травы, так остр и вреден, что естли дотронуться голою рукою, то она тотчас распухнет, почему всегда рвут её в перчатках). Природные жители имеют её в великом уважении, наипаче в перегонке. Сорвав и повялив немного, они разрезают её надвое и скоблят раковиною, дабы вычистить сердце, потом сушат на зиму и разваривают её в кушаньях. Из сладкой травы также сидят (гонят. — *Ред.*) водку в сей стране, и тогда продают её гораздо дороже, когда её скупают у камчадалов. Сия водка делает хмельными скорее, нежели французская. Всяк, кто ни пил её, бывал во время ночи в великом движении, а на другой день мрачен и беспокоен, как бы разшибшийся.

Три рода жителей здесь находится: природные, или камчадалы, россияне и козаки, произшедшие от сих двух народов.

Природные жители. Природных жителей, то есть которых кровь не смешена, очень мало. Оспа истребила оных три четверти, а оставшая часть поселилась в разных острогах полуострова, но в Большерецке с трудом можно сыскать одного или двух.

Настоящие камчадалы вообще ниже обыкновеннаго роста, фигуры круглой и широкой, глаза имеют малые и впавшие, щёки толстыя, расплющенной нос, волосы чёрные, почти все без бород, а цвет лица смугловатой. Большая часть женщин имеет те же расположения и черты лица, почему и можно судить, что такой портрет не может иметь привлекательности.

Камчадалы кротки и обходительны: нет обманщиков, ни воров, так простодушны, что нет ничего легче, как их обмануть, пользуясь их склонностью к пьянству, как о том выше было сказано. Они живут между собою искренно, и кажется, что привержены друг к другу для того более, что их немного. Помогают друг другу в работах, что служит немалым доказательством их ревности к одолжениям, естли принять в разсуждение чрезмерную от природы их ленность. Деятельная жизнь для них несносною кажется: высочайшим щастием почитают напиваться допьяна, ничего не делать и жить в приятной беззаботливости. Они до такой степени беспечны, что не стараются о вещах, нужнейших

для жизни. Неоднократно целыя семейства приводимы были в разорение от нищеты и голоду только от того, что не хотели во время лета трудами своими запастись рыбою, которая составляет главную их пищу. Когда они так не заботливы о своих необходимых нуждах, то что ж должно сказать в разсуждении опрятности и чистоты, чего не видно ни в них самих, ни в их жилищах, но более приметно везде нечистоты. Несмотря на такую безпечность и прочие недостатки природных жителей, очень жаль, что их немного. Ибо я сам видел и слышал от многих, что учтивость и человеколюбие в сей стране можно найти только у одних камчадалов; они ещё не променяли загрубелых своих добродетелей на обработанные пороки, какие привезли к ним европейцы, определённые для их просвещения.

Разсуждение о нравах живущих в Большерецке. Но в Большерецке заметил я действие их влияния. Видел в некоторых случаях следы европейских нравов в смешении их поколений, в наречии, обхождении жителей, в наклонностях, в образе жизни, которые не всегда означают основание добродетели. Сие приметное различие между ими и иностранцами происходит, по моему мнению, от труднаго пути к просвещению, и вот на чём основываю мнение своё.

Незадолго пред сим Большерецк был главным местом в Камчатке, а особливо, когда правящие заблагоразсудили избрать его местом своего пребывания. Начальники и их подчинённые ввели там познания и нравы европейские; известно, что они перемениются в преданиях, как скоро удалены бывают от источника. Российское правительство препоручает начальство и исполнение своих приказаний заслуженным людям; почему должно верить, что командиры и прочие офицеры в местах своего пребывания подавали собою пример добродетели, просвещения и всех почтительных качеств просвещённаго народа. К нещастию, примеры сии не всегда были довольны к их просвещению, то есть, что они не производили ожидаемых успехов или потому, что они, требуя внимательнаго примечания, не довольно были чувствительны, или потому, что, не приведя их в совершенство, оставили в сердцах их впечатления слабыя или порочныя.

Правящие не находили такой ревности к исправлению их нравов ни в козаках, составляющих гарнизон, ни в купцах, ни в других российских выходцах, поселившихся на сем полуострове. Склонность к своевольству и любовь роскоши, обыкновенное всем победителям в завоёванных странах, жадность к обманам и тому

подобныя поступки долженствовали остановить успехи в просвещении их нравов. Такие погибельныя склонности скоро распространились между ими от союзов, а семена добродетели общественной, какія старались посеять там, едва приметны.

Балы, даваемые дамам большерецким, и замечания при сих балах. Из сего следует, что природные, или настоящие, камчадалы удержали ещё вообще своё простодушное невежество и грубость нравов и что часть других жителей российских и смешенных, поселившихся из предпочтения в местах пребывания начальников, сохранила слабую оттенку европейских нравов, но нельзя сказать, чтобы совершенно отличались. Сказанное мною о торговле их служит ясным доказательством, и я ещё более уверился в своём мнении в бытность мою в Большерецке прилежным разсматриванием живущих в нём, которые без сей слабой оттенки ничем бы не разнились от природных.

Г. Козлов и по его примеру бывшие при нём давали попеременно дамам сего острога балы, или праздники. Оне все бывали на оных всякой раз с усердием и охотою. Здесь я имел случай увериться, о чём я прежде от некоторых слышал, что сии женщины, камчадалки и россиянки, любят всякия весёлости и так к оным жадны, что не в силах того скрыть. Все девицы удивительным образом скоро приходят в состояние быть в замужестве и не так холодны, как тамошной климат.

Я приметил, что женщины большерецкия, бывшия на наших собраниях, которыя по большой части казались рождёнными или от отца, или от матери русской, имели вообще не отвратительную фигуру; и видел много между ими таких, которых бы можно почесть за красавиц, но живость лица их непродолжительна, чего причиною, без сумнения, дети или трудныя работы, которыя их изсушают в цветущих летах. Нравом веселы и до пленительности живы, иногда может быть и нащёт благопристойности. Оне сами собою стараются сыскивать случай повеселить собрание всем, чего от их живости и забав ожидать можно, любят петь, и голос их нежен и довольно приятен; однако ж желательно было бы, чтобы их музыка менее имела деревенскаго вкусу или более походила на нашу. Говорят по-русски и по-камчатски, но удерживают ударение в словах последняго наречия. Я не надеялся было видеть, чтобы здесь танцовали польския, а ещё менее ожидал контра-танцов в аглинском вкусе, но оне сверх того имеют некоторое понятие о менуэте. Или двадцатипестимесячное пребывание моё на море сделало меня немного разборчивым, или воспоминание

при виде сих зрелищ затмило мои глаза и было причиною, что сии танцы показались мне довольно правильными и приятными, чего я и не ожидал; а танцующие из тщеславия презирают песни и пляски камчадалов. В заключение моих наблюдений в рассуждений сих балов скажу, что наряды женския не без искусства и попечения. Оне надевают на себя или всё то, что им покажется щеголеватее или драгоценнее. Нарядныя платья по большей части шёлковыя и, судя по тамошней торговле, очень дорого стоят для них. Впрочем, по случаю я заметил, что как в сих собраниях, так и в камчадальских, по большей части мужья руския и тамошние уроженцы не ревнивы; они по своей воле не заботятся о поведении жён и весьма тихи в рассуждении сего дела.

Праздники и пляски камчадалов. Собрания и праздники камчадалов, на которых я бывал, представляют другое зрелище, равно любопытное по своей странности. Пение и пляски более всего поразили меня, и последняя очень походит на танцы диких. Они состоят в том, чтобы в меру делать движения, или, лучше сказать, кривляния, отвратительныя и трудныя, произнося в горло принуждённым голосом, подобно иканию продолженному, означая тем такт песни, которую поёт собрание. В песнях часто не бывает смысла даже и на камчацком языке.

Они любят подражать в плясках своим движениям животных, ловимых ими, как-то куропатке и прочим, а особливо медведю, представляют его тихую и увалистую походку, разныя его положения, то есть медвежат около матери своей, любовныя игры самцов с самками, и, наконец, их движения, когда бывают обезпечены. Надобно думать, что сии народы совершенно знают все свойства сего животного; правда, что они частые случаи имеют видеть его и учатся перенимать всё, ибо представляют все движения его так натурально, что нельзя лучше. Я спрашивал у российских знатоков, которые чаще бывали на ловле сих животных, хорошо ли представляемы бывали его движения, они все уверяли меня, что трудно сыскать таких искусных плясунов и что крики, походка и все движения медвежьи подражаемы были без ошибки. Однако ж сии пляски, которые понравились охотникам, по моему мнению, трудны как для зрителей, так и для пляшущих. Чувствительно смотреть, как они вывихивают себе ноги и все члены, наконец, задыхаются, а всё только для того, чтобы изъяснить чрезмерное удовольствие, какое они чувствуют на сих странных пиршествах, которыя походят на смешныя забавы диких, в числе которых можно поставить и камчадалов.

Медвежья охота. Описав, с каким искусством сии народы представляют положения и все движения медведя так, что можно в некоторых случаях назвать его учителем их пляски, прилично в сем месте дать некоторое понятие и о медвежьей их охоте. Они ловят их разным образом. Иногда ставят самоловы и петли под толстою колодою, поддерживаемою на воздухе довольно высоко. Кладут там какую-нибудь приманку; он, не чувствуя и не приметя, подходит съесть, в то самое время трогает слабую подпорку у колоды, которая, упавая ему на шею, наказывает его за хищность, разбивая ему голову, а иногда всё тело. Однако ж сколько я ни хаживал в лесах, но никогда не видывал добыч в самоловах, которые стоят на подставках, до тех пор, пока не попадётся медведь; случается, что стоят таким образом около года. Сей способ ловить медведей, сказывают, не требует ни великой смелости, ни больших трудов со стороны охотников, но есть ещё в употреблении другой, для котораго нужно иметь сколько силы, столько и смелости.

Камчадал один или с товарищем идёт искать медведя, вооружается ружьём, родом некотораго карабина, котораго дуло очень узко, сверх того копьё или рогатину и ножик. Весь запас его состоит в небольшой связке, содержащей в себе около двадцати рыб сушёных. С таким лёгким снарядом он ходит по густым лесам и во всех местах, которыя могут служить убежищем сему животному. Обыкновенно в кустарниках или в тростнике около берегов болотных или речных выбирает место и ожидает с твёрдостью и неустрашимостью; случается по нужде, что он в такой засаде целую неделю, пока не покажется медведь. Как скоро зверь подойдёт в меру, то он ставит деревянную развилину, находящуюся при его ружье, в землю.

Камчадалы не умеют стрелять без подпоры, от чего приготовление их очень медлительно и совсем противно проворству, которое составляет величайшую выгоду для охотника. Помощию сей развилины глаз делается вернее и рука твёрже: редко случается, чтобы пулею не попал в зверя или в голову, или под лопатки. В ту же минуту он должен опять заряжать, ибо медведь, естли первой выстрел не свалит его, тотчас (однако ж случается нередко, что медведи, несмотря на свою рану, убегают в кустарники или болота, котораго потом по следу текущей его крови находят умирающаго или умершаго) бросается на охотника, которой не всегда успеваает выстрелить по нём в другой раз. Тогда он принимается за рогатину для защищения себя от развирепевшаго зверя, нападающаго на него. Жизнь его подвергается опасности, естли

не сделает по медведю смертного удара, хотя из сих обстоятельств и видно, что в таких сражениях человек не всегда бывает надёжным победителем, однако же сие не удерживает жителей сея страны от того, дабы они не подвергались опасностям ежедневно.

Уверяли меня, что медведь, победивши своего неприятеля, сдирает кожу с черепа и, покрывши оною лице его, уходит. По мнению камчадалов, мщение сего животного означает, что оно не может терпеть взора человеческого. Сей неосновательной предразсудок заставляет их думать о своём превосходстве, а мне кажется, бывает и причиною их отважности.

Тщетно они имеют пред своими глазами частые примеры погибающих своих соотечественников, они, собираясь на охоту, представлять в мыслях своих должны смерть или победу; однако ж никогда неудача их не устрашает и не удерживает. Они занимаются сею охотою весь год, выключая того времени, в которое поля покрыты бывают снегом; тогда они бьют их другим образом. Известно, что он зимою лежит в берлогах, которыя делает осенью из сучьев, и препроводит в оных холодное время во сне или сосании лапы своей. Тогда камчадалы подъезжают к оным на своих санках, наступают на них с помощью своих собак, которые поднимают его с места и принуждают защищаться. Он выходит из своего убежища на неизбежную смерть, естли ж не выходит, то равным образом подвергается смерти под развалинами своей берлоги, в которой убивают его.

Они таким же образом убивают на охоте и прочих животных, как-то: северных оленей, диких баранов, лисиц, выдр, бобров, соболей, зайцов и прочих, но только никогда от сих не бывают принуждённым убежать. Иногда ставят самоловы, пасти, капканы и временно осматривают их. Иногда ходят наживать зверя, будучи вооружены таким образом, как я уже сказывал. В сем случае всё затруднение зависит от продолжительнаго времени их охоты, когда истрагится весь съестной запас. Нередко соглашаются лучше терпеть голод несколько дней сряду, нежели оставить место, не убивши и не поймавши зверя, котораго стерегут, но они награждают свой пост обжорством мяса пойманных ими зверей на том же месте, и считанием с радостию полученных в добычу себе кож. Они почитают очень вкусным мясо медведей, диких баранов и оленей, из коих последнее составляло для меня лучшее кушанье.

Они выбирают для ловли зверей, которых в Камчатке очень много, такое время, в которое шерсть на них бывает лучше. В начале зимы ловят соболей, которые обыкновенно водятся на деревьях.

Делают различие между ими по частям волосов, ближайших к коже, и они, имея цвет, сходственный с деревьями, на которых более водятся, называются берёзовыми, еловыми и прочими.

Осень, зима и весна почитаются лучшим временем для ловли лисиц. Их разделяют на четыре рода: 1) лисица бело-красная, дешевле всех; 2) лисица красная; 3) лисица, смешенная из цветов красного, чёрного и сераго, называется сиводушкой; 4) лисица чёрная, очень редкая и дорогая, цвет ея тёмно-черной, концы спинных волосов, которые подлиннее, сероватый; есть из них такие, что и цены назначить нельзя. По мнению моему, можно причислить ещё зверей к роду лисиц, хотя здесь и не почитают оными, называемых у нас голубыми и белыми лисицами. Оне по-русски называются голубыми и белыми песцами, шерсть на них гуще прочих. Вообще, лисицы, на твёрдой земле живущия, добротнее тех, которых ловят на разных восточных островах, и продаются гораздо дороже.

Ловят оленей зимою, а диких баранов осенью. Выдры редко попадаются, но очень много горностаев, и я не знаю, для чего не стараются их ловить. По-видимому, их ни во что не ставят.

Рыбная ловля. Сии народы ловят рыбу в разныя времена: лосось и форель в июне, сельдей в апреле и мае, морских волков летом, весною, а более осенью. Редко употребляют неводы, но почти всегда обыкновенныя сети, или остроги, которыми они управляют с отменным проворством.

Сети делают из ниток, покупают их у русских и делают сами из крапивы, которую собирают в великом множестве. Рвут её осенью, вяжут в пучки и вывешивают сушить под балаганами. Окончив ловлю и наготовив плодов, принимаются за приготовление оной: разделяют её надвое, вычёсывают тщательно кострику гребнем, после того мнут её до тех пор, пока волокны, очистившись, сделаются годными для пряжи.

Неводы закидывают только для ловли морских волков; делают-ся из ремней с широкими петлями. Ловят рыбу ещё другим образом, то есть запруживая реку частыми плетнями из хворосту и оставляя между ими для проходу рыбе малое отверстие, иногда многия; и при каждом ставятся верши, в которыя рыба, взошедши, не может назад уйти.

Лошади. Лошадей в Камчатке очень мало. Видел я их в Большерецке, которыя принадлежали короне и отданы были под смотрение козакам. Употребляют их для возки казённых товаров, вещей и для путешествующих.

Собаки. Напротив того, собак в сей стране очень много и употребляются оне для возки всего. Камчадалы, смотря по выгодам, какия оне приносят им, не очень беспокоятся о недостатке прочих домашних скотин. Сверх того, приметил я, что пища для сих бегунов не стоит ни больших хлопот, ни издержек. Хозяева кормят их гнилою рыбою или оглодками сухой рыбы, притом кормят их тогда, когда оне нужны. В летнее время, в которое оне никакой работы не делают, большую часть из оных отпускают на волю, и тогда оне сами стараются о своём пропитании. Сии собаки очень искусно промышляют себе пищу, бегая по полям и по берегам озёр и рек; исправное возвращение к своим хозяевам доказывает чрезмерную верность сих животных.

По наступлении зимы оне дорого платят за свободу и временное спокойствие, которым оне пользовались. Работа их начинается вместе с неволею. Надобно думать, что сии собаки имеют чрезмерную крепость, когда могут выдерживать такие труды, хотя собою не чрезмерно велики. Оне совершенно походят на дворных или пастушьих собак. Нет ни одного рускаго или природнаго жителя, которой бы не имел пяти собак; употребляют их для возки самих себя, дров из лесу, запасу и прочих вещей, для перевозки проезжающих с одного места на другое так, что лошади, в самом деле, не больше бы для них наработали.

Их, так же как и лошадей, кладут (холостят, скопят. — *Ред.*), но отличным образом. Не вырезавают, но вырывают помощью зубов, заострённых и нарочно для того сделанных. Некоторые из них умирают, а другия делаются уродами и не способными к работе. Не сделав такой операции, не можно было бы употреблять собак в работу и запрягать их с самками. Однако оставляют известное число самцов для разводу, и часто некладеных берут с собою на охоты.

Сии собаки запрягаются по две в ряд, одна наперед и служит вожатым; выбирают для сего лучше выученную и более догадливую. Она чудным образом понимает выражения человека, разполагающаго ею в дороге. Естьли он хочет повернуть направо, то кричит им *таг-таг*, *таг-таг* и *куга-куга*, естьли налево, передовая собака, услышавши, подаёт собою пример послушания следующим за нею. *Аг*, *аг* их останавливает, *а-га* заставляет бежать. Число собак запрягается, смотря по тяжести повозки. Когда сия повозка, обыкновенно называемая санками, не тяжеле человека, то запрягают четыре или пять собак. Повозки, на которыя накладываются пожитки или другия вещи, называются *нарты*, и запрягают в них по десять собак.

Хомуты их делаются из кожи (камчадалы называют их *алаками*), надеваются пониже шеи, то есть на груди сих бегунов, и привязываются к повязке ремнём, длиною в три фута вместо постромок. Сверх того, за ошейники связываются попарно, и часто сии ошейники покрываются другою какою-нибудь кожей, как-то медвежьёю и прочей, что означает украшение.

Повозки. Повозки походят на продолговатую корзину, которой две стороны возвышаются кружком; длина оной около трёх футов, а ширина не более одного. Сей род корзинки, составляющей ящик повозки, делается из тонкаго дерева; края оной пошире и покрыты разноцветными ремнями; медвежья кожа постилагается на том месте, где должно сидеть человеку. Сия верхняя часть повозки от земли около трёх или четырёх футов на четырёх подножках, которые книзу раздвигаются пошире и прикреплены к двум столбикам, равно отстоящим один от другого, шириною от трёх до четырёх футов. Сии столбики очень тонки и длиною не более самага ящика; они служат местом для подпор и за полоз; почему под всякой во время оттепели ремнями привязываются три или четыре китовых кости такой же ширины. Два конца сих столбиков выдаются вперёд, загибаются вверх и соединяются с каждой стороны с перекладиною, которая немного опускается пониже, для того, чтобы можно было там поместить часть запаса. Передняя часть повозки украшена висячими возжами, которые, однако ж, безо всякаго употребления.

Едущий проводник держит в руках своих изогнутую палку, которая служит для него путеводителем и бичом. На одном конце сей палки навешаны кольца железныя как для украшения, так и для побуждения собак стуком такого рода гремушек, которые он времянно потрясывает. На другой конец насажено острое железо, чтобы удобнее подпираться на льду и на снегу. Оно служит также и к побуждению собак скорее бежать. Выученныя собаки не имеют нужды в крике; должно только ударить палкою по снегу, дабы их поворотить налево, или подпоркам повозки, чтобы поворотить направо, а чтоб остановить их, то кладут её впереди между повозкою и снегом. Если их воз облежится, то они делаются развлечёнными и невнимательными ни к знакам, ни к крику, в таком случае усмиряют, кидая в них сию палку (сия палка называется *охтол*). Собаки, не чувствуя более той тягости, бегут, не останавливаясь, до тех пор, пока не разобьют повозки о дерево или не выбьются из сил от усталости. Тогда должно иметь великое проворство, чтоб её поднимать, несмотря на скорость бегущих

собак; и сие-то есть главным доказательством искусства в проводнике. Камчадалы все вообще отменно проворны в сем случае. Я удивлялся искусству их править своими повозками, и как было сказано мне наперёд, что и мне должно будет ехать на таком приборе, то я почёл за нужное делать над собою частые опыты не столько для того, чтобы привыкнуть, но чтобы научиться самому править. Мне стали представлять опасности, каким я подвергался, отваживаясь один садиться на повозку, не получивши чрез навык ловкости сидеть без проводника. В такие лета ни о чём не думают, почему и я не хотел слушать никаких представлений. Лёгкость повозки, имеющей не более десяти фунтов, и высота делали её очень удобною к падению, трудность держать себя в равновесии и следствия, какая может причинить падение, когда не будет тяжести на повозке; все сии убеждения, представляемые мне, не могли меня ни утешить, ни сделать противною опасную науку.

Однажды сел я на новой своей повозке, согласясь в первые разы быть провожаемым многими. Бывшие со мною недолго ожидали исполнения своих предсказаний. Я тотчас представил им зрелище паденья верх ногами; лишь только встал, то опять упал и опять заставил хохотать над собою. Несмотря на то, я не потерял бодрости, садился опять, и для того только, чтобы чрез минуту упасть. Я привык к сей досаде, ибо во многия уроки платил дань моей неопытности. При первом опыте падал я семь раз, но ни разу больно не ушибся. Поохотился в другой раз въехать, в третий, потом в четвёртой; наконец не проходило дня, в которой бы я не сделал несколько выездов. Число падений моих уменьшилось по мере, как я становился более искусным и знающим, а успехи так меня приохотили к сему упражнению, что я скоро сделался искусным. Правда, мне стоило великаго труда приучить себя к тому, чтобы сидеть крепко, наблюдая отвес. Должно быть в безпрестанном движении, уклоняться налево, когда покачнётся повозка направо, вдруг бросаться направо, когда повозку вскинет налево, в других случаях становиться на ноги прямо, и если бы не будет употреблено проворства и внимательности, то в ту ж минуту должно упасть. Упавши, не надобно упускать повозки, но крепче держаться за неё, дабы тем, прибавя тяжести, остановить собак, котрых в противном случае убежали бы, как я сказывал.

Обыкновенно садятся на повозке боком, как наши дамы на лошадях. Можно садиться также и верхом, но на крутом повороте надобно иметь более проворства и ловкости, то есть, став прямо,

держаться на одном колене, весело смотреть на искусных в таких прекрасных положениях.

Способ ловить зайцов и рябчиков. Я, сделавшись в состоянии один сам собою ездить, никакой другой повозки не употреблял и, будучи всегда кем-нибудь провожаем по причине неизвестных для меня дорог, ездил то прогуливаться, то на охоту за зайцами и рябчиками, которых следы мы находили на снегу, и в таком множестве, что весь снег казался быть испещрённым наподобие решета. В лесу местами он так глубок, что нельзя было ступить одного шага, не увязнув. В таких обстоятельствах мы оставляли свои повозки, которые нам тогда ненужными делались, и ставили их к стороне, взяв такую предосторожность, которой довольно было для удержания собак, потому что он тотчас ложились кучкою на снегу и ожидали спокойно своих проводников. Мы привязывали к ногам кожею тонкия дощечки шириною от шести до осьми дюймов, длиною от трёх до четырёх футов, которых передней конец загибался наподобие полозов, а нижняя часть оных покрывалась кожею морских волков или кожею с лапок оленьих.

Сии дощечки называются в сей стране *лыжами*. В северной части сего полуострова употребляют другой род лыж, называемых *лапками*, оне не так длинны и делаются из ремней, связанных узлами, наподобие сетки. Снизу привязываются к ним по две коротких заострённых костей, которые, втыкаясь в снег, не допускают скользить.

Таким образом обувшись, начинали охотиться. Сперва я с трудом мог привыкнуть, чтобы ходить на таких дощечках, и, скользя несколько раз, падал назад и наперёд, но от удовольствия, какое приносила хорошая и удачная охота, забывал все неблагоприятныя приключения. Хотя трудно было сыскивать зайцов и рябчиков, которые белизною своею походили на снег, однако ж благодаря за искусство и усердие моим товарищам, я никогда не приезжал с охоты без того, чтобы не привезти с собою множество добычи.

Это было для меня приятнейшим препровождением времени; впрочем, часы мои проходили в скуке и безпокойстве о продолжительном моём пребывании на одном месте. Для успокоения мыслей своих в лучшие дни вместе с другими ходил прохаживаться в окрестныя места, которые опять осмотрел, поехавши, почему и буду их описывать в дороге своей. Работа при наших повозках (род кареты, в которой можно лежать, которая делается на ходу; оне называются *возками* и очень употребительны. Моя была внутри обита медвежьею кожею, а снаружи кожею морского волка)

несколько меня занимала, но главное утешение для себя находил я в обхождении с г. Козловым и офицерами его свиты; их обращение со мною и замечания, какия делал я одно за другим, заставляли меня всякой день их записывать, которыя по порядку и помещаю здесь.

Болезни. Во-первых, следует статья о болезнях, царствующих в Камчатке. Хотя она требует неприятных описаний, но я за долг себе поставляю сего не упускать, и как она составляла часть моих замечаний, почему и помещаю в своей дневной записке.

Оспа, об опустошении которой я уже писал, кажется не природною болезнью в сей стране и не на всяком, как обыкновенно, бывает. От нашествия иностранцев и от частых их приездов сия всеобщая болезнь показалась в 1767 и в 68 годах. Тогда она привезена была в сию страну на русском судне, ехавшим на Восточные острова для ловли выдр, лисиц и прочего. Причиной пагубной сея болезни был один матрос, ехавший из Охоцка, где он до отъезда своего лечился. Он ещё имел приметные остатки жестокой болезни и как только сошёл с судна, то и заразил оною бедных камчадалов, которых от оной три четверти погибло. Она опять не показывалась, из чего и можно заключить, что сей народ не подвержен таковой болезни. В 1790 году свирепствовала между живущими на северной части Камчатки, но не дошла до сего полуострова. Она началась около Анадыря, и не знают, кто её занёс.

Камчадалы узнали и венерическую болезнь, которая, к счастью, не усилилась между ими. Это чужестранной бич для них, они редко и с трудом вылечиваются от оной, употребляют разные корни и сулему, которая в сей стране, так как и в других местах, делает несчастныя следствия, а особливо, когда принимают её без знания меры и нужды.

Здесь не рождаются горбатыми и хромыми, но делаются таковыми, падая с высоких мест, что нередко случается с камчадалами, когда они живут в балаганах. Мало из них имеющих цынготную болезнь и сыпь. Они избавляются от оной употреблением травы *дикаго глаза*, некоторых ягод и плодов; россияне и вновь приехавшие часто подвергаются сей болезни.

Болезнями в лёгком страждущих довольно много, но угри, опухли, чирьи и волдыри суть обыкновенныя болезни. Их лечат, разрезывая и выдёргивая с корнем. Для такой операции употребляют простой нож или острой камень, который бы по своему виду мог служить вместо ланцета. Смотри по инструментам, не можно заключать, чтобы операторы имели надлежащее знание своей долж-

ности, и ясно видеть можно, что хирургия, которая в других местах приведена в совершенство, находится в Камчатке покрытой мраком великаго неведения.

Лекари и колдуны. Медицина также невеликия успехи имеет; однако ж в разсуждении оной они приобрели некоторое понятие, то есть перестали верить обманщикам и смешным шарлатанам. Прежде были самозванцы-колдуны, называемые *шаманами*, которые, пользуясь легковерием их, выдавали себя за докторов медицины и присвоили таким образом себе двойныя права почтения и доверенности (я имел случай в одном остроге, находящемся близ Большерецка, узнать об них подробнее, что и будет описано во время пребывания моего в том месте). Странной их наряд много способствовал к снисканию от всех почтения себе и весьма сходствовал с необычайным их притворством. Мне так много чудес рассказывали об них, что я бы никак не поверил, если бы не знал хитрости богемцов и других подобных им колдунов. Совсем не разсуждают ни о сумозбродствах сих ложных лекарей, ни о безчинствах, какими прикрывают свои повеления или мнимыя откровения. Вероятно, что их лечение часто имело худыя следствия и что число их жертв равнялось числу больных; но как продолжительной обман производить скуку, особливо в опасностях жизни, то начинают роптать на лжецов, которые не чувствительным образом теряют доверенность и, наконец, остаются в презрении и забвении. Что самое случилось с шаманами: малое просвещение, какое россияне торговлею распространили в сих местах, открыло глаза живущим в оных. Они тотчас узнали нелепость колдовства, какое приписывали себе их учителя, которые, потеряв прежнее уважение, сделались не столь корыстолюбивы, а с уменьшением прибыли уменьшилось в скором времени и число колдунов. Люди, получившие презрение к ним, оставили их. Они вместо того возымили прибежище к старухам, которыя, без сумнения, не так прозорливы, следовательно, от них и более могли, выманывать. Перемена, какая сделалась в Камчатке с шаманами, не есть ли точная история наших шарлатанов, такие ж обманы, такое ж царствование и такое ж падение! Какое заключение можно сделать в разсуждени сего? Например, что все народы, будучи также легковерны и малознающы, как и камчадалы, служили несколько времени предметом обмана хитрых их колдунов. В том нет ничего чуднаго и непростительнаго, но что при таком невежестве и легковерии приметили свои заблуждения и исправились, вот что, по мнению моему, стоит того, чтобы удивляться и поздравлять их,

ибо не видим ли мы, что в просвещёнейших европейских государствах всякой день появляются такие же шаманы, хитрия и опасныя.

Женщины в сей стране редко родят более десяти младенцов, обыкновенно четыре или пять, а в сорок лет теряют надежду иметь детей. Родят очень редко, и в родах помогают одна другой; однако ж есть и повивальныя бабки, но их немного. Нещастныя приключения, тяжёлыя родины, которыя многих родильниц лишают жизни, здесь нечасто случаются, кроме родин нечаянных на открытом воздухе, на дорогах и везде, где хозяйство заставляет женщин работать для дому своего. Мне сказывали, чему и поверить можно, что в сих случаях оне употребляют свои волосы для перевязки пупка, потом сами приносят домой своих детей и тотчас кормят их грудью. Время кормить грудью их не определено. Я видел, что матери давали сосать груди свои детям четырёх и пяти лет; из сего можно судить, какого крепкаго сложения должны быть сии женщины. Несмотря на то, примечено, что камчадалы обоего пола живут не долее русских.

Лекарство, употреблением котораго одолжены медведю. Я позабыл сказать о лекарстве, которое жители сего полуострова охотно употребляют во всяких болезнях. Оно есть корень, называемый *медвежьим*, которым настаивают вино. Самое название сей травы означает уже, кому они одолжены сведением оной. Приметив, что медведь более прочих трав ест её и что, будучи ранен, катается по оной, они заключили из того, что она имеет какое-нибудь отличительное и полезное свойство, и с тех пор сами стали её употреблять. И так сие животное давало им первыя наставления в искусстве различать травы и составлять лекарства. Сказывали мне, что медведи сею травкою вылечивали у себя всякия раны; почему может полезна быть она и для человека, но я не имел случая испытать действия оной над самим собою и знаю сию траву только по описанию.

Вера. Вера христианская введена россиянами в Камчатке, но жители сего полуострова могут только назваться крещёными, а не христианами, ибо они весьма далеки от исполнения тех обязанностей, какия налагает на них сие таинство. Знают ли они начальныя правила христианства, сомневаюсь. Предаваясь всем своим склонностям, они следуют стремлению оных, не разбирая, хорошо ли делают или худо; вспоминают о вере единственно для одной благопристойности или выгоды, или когда обстоятельства требуют того. Сие служит доказательством великаго недостатка в наставлении сих народов; и должно обвинять в том, по мнению моему,

их духовенство, котораго долг есть выводить их из мрака невежества. Но сии священники их или проповедники имеют ли сами довольно просвещения? Правда, что они не имеют случая просветить себя глубоким знанием наук, и, вероятно, что и не требуется того, потому что иногда и самых камчадалов определяют в сии должности.

Все церковные служители зависят от протопопа, живущаго в Нижнекамчатске. Он сам зависит от епископа Иркутскаго, который один по своей воле располагает ими так, что все церковники принуждёнными бывают ездить в сей город. Может быть, дальность и опасность дороги вменияют им в научение, может быть, без заслуг и испытаний не посвящаются в духовной чин, но только известно, что они, возвратившись, бывают ни лучше, ни умнее. Каждой из церковников имеет особливую должность, в которой бывает неопределённое время, и перемена оной совершенно зависит от воли их начальников.

Церкви. Главных церквей считается восемь: в Камчатке, Паратунке, Большерецке, Ишинске, Тигиле, Верхнекамчатске, Ключевской и две в Нижнекамчатске, можно прибавить также и Ижигинскую, в земле, населяемой коряками.

Семь острогов и Курильские острова составляют Паратунской приход, то есть село того ж имени, Петропавловская гавань, земля коряков, Начикин, Апачин, Малкин и Большерецк. Число прихожан, живущих в сих острогах, не более четырёхсот, не считая Курильских островов, по исчислению вообще не более шестисот двадцати христиан. Императрица определила приходскому паратунскому священнику восемьдесят рублей в год жалованья и сверх того двадцать пуд ржаной муки. Прихожане не платят ему никакой дачи, но он получает подаяния и другия случайныя прибыли, относящияся к его церкви. За венчание, крещение или погребение требуют денег или других вещей, им угодных. В разсуждении сего нет никаких правил, располагают по своей воле, что и бывает причиною великих злоупотреблений. Обыкновенно располагают своими требованиями, смотря по состоянию своих прихожан, и всегда добровольно.

Налоги, или подати. Камчадалы, вольной народ, будучи покорены, России платят только годовую подать, состоящую, как я уже сказывал, из разных мехов, так что их вся ловля зверей составляет доход казны государственной. Всякой начальник семейства обязан ставить за себя, за каждого сына, даже и младенцов, известное число шкур, смотря по окладу, что всё составляет около семи

рублей, более или менее, и что наблюдают только щёт шкурки, а не доброту их. Таким образом, платимой подушной оклад в Камчатке должен составлять великой доход короне, судя по одним только соболиным шкуркам, которых всякой год сия провинция доставляет более четырёх тысяч. Всякой тойон собирает подушной оклад в своём остроге и отвозит его потом в государственное казначейство, но наперёд каждому камчадалу даёт росписку своей руки в получении с него подушнаго оклада или замечает своею печатью, либо каким-нибудь знаком принятыя им от каждого шкурки.

Деньги. Ходячия монеты суть империалы золотые, рубли, полтины, мелких серебряных денег очень мало; медныя и ассигнации не взошли ещё в употребление на сем полуострове; а сие не служит ли доказательством, что безделица там должна продаваться по полтине? Здесь много старинных монет, как-то Петра I, Екатерины I и Елисаветы, и за них берётся промен; серебро в них очень чисто и дороже обыкновенных монет.

Жалованье солдатам. Жалованья солдатам или козакам даётся по пятнадцати рублей в год, но офицеры, посылаемые правительством в сии отдалённые страны, получают двойной оклад.

Правление. Полуостров Камчатка, когда г. майор Бем начальствовал в Большерецке, непосредственно находился под ведомством иркутскаго правительства. При отъезде сего командира, котораго агличане видели в первой свой приезд на сей полуостров в 1779 году, капитан Шмалёв определён был зауряд к правлению на место его. Он пользовался около года властью и удовольствием делать вспомошествования и благодеяния жителям, к которому они навсегда остались благодарными и усердными. Г. Ренекин занял сие место в 1780 году и был отозван в 1784 году по приказанию правительства для некоторых причин, о коих я должен умолчать. После таких перемен Камчатской уезд причислен к Охотскому. С того времени начальники, офицеры, живущие в разных острогах, сёлах и деревнях сего полуострова, находятся под ведомством охотскаго коменданта и правительства, находящегося в сем городе; а сии сами находятся под ведомством генерал-губернатора иркутскаго, которому во всём отдают отчёт. Офицерское место в Большерецке, бывшим прежде главным местом в Камчатке, занимает ныне простой сержант. При мне был *Рассторгуев*, котораго определил на сие место г. Козлов.

Я приметил, что правящие разными острогами, даже и офицеры, нижних чинов в рассуждении вышних, не должны отдавать взаимнаго отчёта в своём правлении, также каждого власть про-

стирается только на живущих в местах, зависимых от него. Сверх того, императрица установила быть в каждом уезде капитан-исправнику, или надсматривающему офицеру, котораго должность есть объезжать каждой год камчадалские остроги, выслушивать их жалобы, разбирать их споры, судить их, наказывать виноватых, словом, наблюдать порядок и спокойствие между ними; стараться делать ободрения в торгах, рыбной и звериной ловле, собирать исправно подушной оклад, починивать дороги и мосты, которых, к нещастию, очень мало, да и те в худом состоянии, вводить нравы и обряды русские. Сия важная должность поручена была в 1784 году г. барону Стенгелю, который местом пребывания своего избрал Нижнекамчатск. По некоторым делам он отозван, и при моём приезде в Камчатку г. Шмалёв заступил его место, который, провожая нас, и осматривал свой уезд.

Судебныя места. Правление не есть совершенное военное, учреждены некоторыя судебныя места для производства дел приказным порядком для решения прозъб и прочего. Такия при-судственныя места находятся в Тигиле, Инжиге и Нижнекамчатске, сии места зависят от охотскаго правления, так как и все нижныя судебныя места в России подчинены вышним, которыя и делают последния определения по делам. Есть ещё сверх того в Большерецке особливой суд, называемый *словесным*; судьи в нём купцы, они умеют разбирать все споры относительно к торговле, а их мнения подтверждаются или опорочиваются судом, в которой дела переносятся. Довольно сказать, что все дела решаются по российским законам. Они довольно известны, почему считаю за ненужное разпространяться в описании оных, я не могу повторять того, о чём писали разные историки и примечатели, просвещённейшие, нежели я.

Обыкновения в рассуждении наследства. За долг себе почитаю сказать, что имение камчадалов переходит по их воле без всяких затруднений ближайшим наследникам или тем, коим они хотели оставить. Воля завещателя изъясняется и укрепляется письменно, как бы то делано было в Европе, у народов, весьма тонко исследующих права наследства.

Примечания о женитбе. Разговор между камчадалами не употребителен и не позволен. Россияне, по-видимому, охотно ищут их союза, хотя оный для них и не составляет никакой особой выгоды. Нелегко узнать побудительныя причины; свадьбы так часто бывают, что по окончании сего рождения поколение природных жителей сей страны совершенно истребится.

Смертные казни отменены во всей империи, а в Камчатке никогда не бывали. В первые времена россияне, обвинённые в насилии, сделанном камчадалкам, наказывались кнутом; некоторые претерпевали сие жестокое наказание по различным жалобам, но ныне отменено. Виновные или сделавшие важныя преступления наказываются телестно. Какая ж произошла польза от того! Простой и скорый способ наказания делает их дерзновеннее и смелее на всякия злоупотребления.

Наречия. Наречие камчадалское показалось мне грубым, гортанью произносимым и трудным для выговора. Есть столько же наречий и разных ударений, сколько и острогов. Например, странно покажется слышать, выехав из Петропавловской гавани, в Паратунке другой испорченной выговор; то ж самое должно примечать и в других ближних сёлах.

Несмотря на перемены в наречии, я постарался собрать небольшой словарь, я собирал его со всяким старанием, и мне делали в трудах нужныя вспомошествования мои знакомцы. Живя в Большерецке, занимался разными примечаниями, которые всякаго уверят, что в сие время мне не можно было отправиться в дорогу.

Примечания о климате. В конце ноября очень холодно стало, реки в скором времени замёрзли, даже и Большая река, которая чрезвычайно быстра. По ней на другой день лёд, который покрывал её, пошёл вниз и остановился против Большерецка повыше коммандантскаго дому. Хотя сия река замёрзла во многих местах, однако ж много промоин, в которыя видны быстро текущая воды оной.

На всяком при морском месте сего полуострова примечается чувствительная перемена в воздухе. Когда сухие дни весною бывают в Петропавловской гавани, тогда жалуются в Большерецке на безпрестанные дожди; однако ж мне показалось, что вообще осень в сем годе не очень дождлива была. Великие дожди вредны для сей страны, потому что причиняют большия наводнения и отгоняют рыбу, от чего бывает голод у бедных камчадалов, как то и случилось в прошедшем году в деревнях, лежащих на западном берегу полуострова. Сие пагубное наказание было везде одинаково, так что жители принуждены были оставить свои жилища и переселиться со всеми домашними на берега Камчатки реки в надежде найти на оных себе пропитание, потому что сия река рыбнее прочих. Г. Козлов намерен был ехать западную стороною полуострова, потому что на восточной уже был, но известие о голоде остановило его предприятие против воли, чтобы не быть задер-

жанным в дороге или чтобы не подвергнуться опасности на половине пути, не сыскав собак и запаса на западной стороне.

Во время моего пребывания в Большерецке ветер очень переменялся; западной бывал чаще и постояннее, также северо-западной и северо-восточной; иногда бывал с полуденной стороны, но редко с восточной. При южном и западном ветре всегда выпадали снега, не проходило ни одной недели без того, что и продолжалось до генваря, в течение котораго времени две или три случились бури. Оне обыкновенно набегали с северо-запада. Порывистые ветры продолжались не менее одних или двух суток, а однажды семь или восемь. Тогда можно было бы величайшим безрасудством почесть, естли бы кто осмелился пуститься в дорогу, видя такая опасности. Небо казалось покрыто со всех сторон мрачными облаками, снег вихрем вился и делал на воздухе такой туман, что в шести шагах не видно было ничего. Вот неминуемая гибель всем находящимся в дороге в сие страшное время! Тогда всякой принуждено бывает по нужде остановиться, как я уже сказывал о том, иначе подвергнули бы себя опасности погибнуть или попасть в какия-нибудь пропасти, ибо нельзя видеть дороги. Как можно ехать, сражаясь с сильным вихрем и едва выбиваясь из снега, кучами сыплющагося? Хотя бы люди и избежали сих опасностей, то что должны претерпеть бедныя собаки? В таких случаях, когда на дороге нечаянно настанет страшной ураган (сии ураганы свирепствуют чаще в ноябре, декабре и генваре), обыкновенно повозки одна от другой отстают на две, на три версты и более, а иногда и сбиваются с дороги.

Причины замедления пребывания в Большерецке. Частыя бури и несчастныя следствия, от оных происходящия, принудили нас отложить наш выезд. Г. Козлов столько же нетерпеливо желал возвратиться в свой город, как и я хотел продолжать свою дорогу, дабы скорее исполнить наложенную на меня должность, тем паче, что мне советовали не медлить. Но все старания, какия мы ни прилагали, удерживали нас и доказывали, особливо мне, что безрасудно было бы пускаться с отважностью в дорогу, имея важныя письма, какия мне были поручены. Я принужденным нашёл себя согласиться на усильныя прозбы и советы г. Козлова и бывших при нём офицеров; он дал мне своеручное свидетельство в том, что я по необходимости долго медлил в Большерецке, чем и оправдал меня по моему желанию. Ветры, наконец, утихли около 15 генваря, мы стали готовиться к выезду, который назначен был 27 генваря.

Приготовления к нашему выезду, назначенному 27 января. Мы запаслись сколько можно было водкою, говядиною, овсяною мукою и крупю. Напекли множество хлебов, коих часть оставили для первых дней нашей дороги, а прочее, изрезав в кусочки, высушили; остальную мукою насыпали мешки в запас, как будет нужда.

Г. Козлов приказал собрать более собак. Тотчас стали приводить их из острогов кучами, также и доставляли с собою и запас, которого стало так много, что не знали, куда девать. Как стали укладывать в наши повозки, то поклажи было так много, что, несмотря на множество услуживающих нам, не прежде вечера 27-го числа могли управиться. Мы хотели выехать по утру того дня, но нам вечером уже сказали, что не было готово, что заставило всех весь день от нетерпеливости скучать, а мне этот день показался очень долгим против прочих. Сия задержка до такой нетерпеливости нас довела, что мы не хотели остаться до утра. Тотчас побежали к своим повозкам и в ту же минуту выехали из Большерецка, как скоро сказали нам, что всё готово было.

Выезд из Большерецка. В семь часов вечера выехали мы при лунном сиянии, которое ещё делалось живее от чрезмерной белизны снега. Сей выезд стоит того, чтоб описать. Представьте себе многочисленной обоз, разделённой на тридцать пять повозок, только нам одним принадлежащих. Большая часть из оных были обыкновенныя, какия описывал я, другия были крытыя и походили на возки или кибитки. Моя была та самая, о которой я упоминал выше. В число тридцати пяти повозок не поставляю тех, на которых ехали жители большерецкие, провожающия нас до Апачина.

На первой сидел сержант *Кабешов*, которому велено было ехать наперед и управлять всем обозом. Он дал знак, и вдруг все повозки поехали одна за другою в линию; под ними было около трёхсот собак, которых скорость равнялася их горячности. Под повозкою г. Козлова было сорок пять собак, а под моею тридцать семь. Но тотчас порядок нарушился, линии прервались и смешались. Благородное рвение одушевляет проводников, начинается всеобщей бег, всякой погоняет своих бегунов, никто не хочет остаться назади, даже и самые собаки, по-видимому, не хотят подвержены быть такому безчестию. Они торопятся наперерыв, оббегают одни других, дабы иметь честь остаться победителями, сражение усиливается, повозки падают, и едва некоторыя из них не разбиваются в мелкия части. Крик опрокинувшихся, визг убитых собак, лаianie бегущих, странное и непрерывное лепетанье проводников

такой делали беспорядок, что нельзя было подать ни своего голоса, ни слышать других.

Я желал полюбоваться таким смятением, оставил свою повозку, в которой меня заперли, как невольника, потребовал лёгкой, на которой сверх того удовольствия, что ехал и правил один, мог видеть всё, что ни происходило вокруг меня. К счастью, ничего не случилось такого, за чтобы я мог упрекать себя в любопытстве. Причиною главною сего смятения были жители большевецкие, которые из усердия и почтения к своему начальнику хотели проводить нас до Апачина, куда мы прибыли около полуночи: от Большевецка до сего острога считают сорок четыре версты.

Приезд в Апачин. В скором времени после нашего приезда поднялся страшный ветер, который наделал бы нам много хлопот, если бы застал нас на дороге. Сия непогода продолжалась всю ночь и целой день 28-го числа, что и задержало нас в Апачине.

Прощание с большевецкими жителями. Мы простились с большевецкими жителями, провожавшими нас. Их сожаление об отъезде г. Козлова, признательность и почтение, оказываемая ему, чувствительным образом растрогали моё сердце, более всего удивлялся тому, что всякой из них принимал участие во мне и, желая мне счастливаго пути, изъяснялся о том предо мною, как умел. Я тем более чувствовал их доброжелательство тогда, что во время пребывания своего в Большевецке по случаю приметил, что имя француза не в великом уважении было между сими народами. Они имели такая худыя мысли об нас, что с трудом верили, когда им сказывали, что все бывшие в нашей экспедиции обходились с живущими в Петропавловской гавани учтиво и дружески. Однако ж по мере, как их соотечественники хвалили наши поступки в рассуждении себя, их предубеждение слабо. Я старался совершенно истребить оное своими разговорами и обхождением с ними; я не могу себя ласкать, чтобы в том имел успех, но кажется, что они, наконец, гораздо лучше стали думать об нас.

Причина худых мыслей, которыя имеют камчатские жители о французах. Сии худыя мысли, какия они имели о свойстве и склонности нашей нации, произошли от внушения себе вероломства и жестокости, какия сделали мы на сей части полуострова. За несколько лет был здесь славный Беньиовский. Сей славянин назывался французом и поступал с ними безчеловечно.

Историческое описание Беньиовскаго. История его известна. Во время возмущения 1769 года он служил в Польше в числе конфедератов; неустрашимостию своею привлёк к себе довольно

число иностранцев, или таких разбойников, как и он, сделался над ними начальником, и как конфедерат содержал их на своём иждивении. С ними прошёл всё государство, принося в жертву бешенства своего всё, что ни попадалось; обезпокоивал также и россиян, которые почитали его таким же неприятелем своим, как и поляков. Они принужденными нашлись искать способов освободиться от опаснаго врага, поймали его и поступили с ним так, как он заслуживал по своим делам.

Будучи сослан в Сибирь, а оттуда в Камчатку, опять возобновил он жар своего мщения. Вышедши из кучи снегов, в которых почитали его погибшим, вдруг показался в Большерецке с толпою ссылочных, которым внушил такую дерзость своим примером. Овладел гарнизоном и их оружием, самого комманданта г. Нилова убил собственными своими руками. Судно тогда стояло в гавани; Беньиовский завладел оным. Всё дрожало от его взоров и всё принуждено было ему повиноваться. Он заставил бедных камчадалов собрать им требуемаго запаса и, не довольствуясь жертвами своими, позволил необузданным беглецам, в своей свите находящимся, грабить их жилища, которым в жестокости и злодеяниях был сам примером. Он сел на оное судно со своими товарищами, поехал, сказывают, к китайской стороне, будучи проклинаям камчатскими жителями. Это был один самозванец-француз на сем полуострове, и, судя о нашей нации по его только поступкам, без сомнения, можно было им нас не любить и бояться.

Г. Шмалёв оставляет нас для того, чтобы осмотреть оставшуюся часть своего уезда. Г. Шмалёв оставил нас на самом разсвете и поехал вперёд по тигильскому, или западному берегу для осмотра оставшейся части своего уезда. Причиною поездки его было то, чтобы сыскать и прислать нам запасу. Он опять съехался с нами, как то видно из моей записки.

Выезд из Апачина. Мы выехали из Апачина около того же времени и постарались, чтобы свита наша не так была многочисленна. Проехавши равнину, на которой стоит сие село, подъехали к Большой реке, по которой продолжали дорогу несколько часов. Мы ехали ея извилинами то посреди лесов, то при подошвах высоких и бесплодных гор, которыя по берегам оной находились. В пятнадцати верстах от Малкина оставили сию реку для того, что от быстроты лёд начал подыматься, ломаясь во многих местах, а близ сего острога, переехав чрез оную около двух часов за полдень, прибыли в оной. Мы проехали от Апачина шестьдесят

четыре версты, не имея места, где бы можно было остановиться, чтоб дать собакам нашим отдохнуть.

Приезд в Малкин. Малкинской тойон тотчас пришёл к своему командиру, прося его в свой дом. Он для принятия нашего сделал много приуготовлений, почему мы и решились там переночевать. Он оказывал нам всякое почтение и угощал нас, сколько мог лучше, но мы ещё более имели причину хвалить его за усердие, что он старался во время ночи успокоить нас, так чтобы ничто не могло прервать нашего сна. Я жестоко мучился тем, что близко были нас бегуны наши, к которым я не привык. Громкой и беспрестанной вой сих проклятых животных голову мне разломил и не дал сомкнуть глаз во всю ночь. Должно слышать сию ночную музыку, самую противнейшую, дабы представить себе те мучения, какия претерпевал я, не привыкнув к оной, ибо, продолжая моё путешествие, научился спать, несмотря на их шум. Мы счастливы тем, что можем скоро привыкнуть ко всему.

После некоторых худо проведённых мною ночей, будучи отягощаем, я сном перестал слышать шум и мало помалу так привык к вытью сих животных, что посреди их спал очень спокойно. Я заметил, что дают собакам есть по окончании дневной езды. Сей корм, даваемый однажды в день, состоит из сушёной лососины, которой куски кидают каждой собаке особливо.

Острог Малкин. Острог Малкин сходен с теми, кои видел я и описал. В нём пять или шесть изб и с пятнадцать балаганов; стоит на берегу Быстрой реки и окружён высокими горами. Я не имел времени осмотреть тёплые ключи вод, которые, как слышал я, находились поблизости. Сказывали мне, что они имеют крепкой серной запах, и один из них был на покатоности холма, при подошве котораго составлял лужу воды, довольно прозрачной.

Принужденной поворот с дороги. Из Малкина поехали в Ганал, в сорока пяти верстах находящийся острог, но не могли так скоро проехать сию дорогу, как надеялись. Быстрая река не совсем ещё замёрзла. Должно было объехать, пробираясь сквозь лес, в котором снег был глубок и топок, так что наши собаки вязли по брюхо и очень измучились, что самое заставило нас и сию дорогу оставя, опять поворотить к Быстрой. Мы приехали к ней за десять вёрст от Ганала и нашли её в таком состоянии, в каком для нас нельзя лучше было желать. Судя по толстоте льду, можно было ехать по оной; и так мы сею рекою приехали к самому селу, стоящему на берегу. Четыре избы и одиннадцать балаганов составляют весь острог, в котором я ничего примечания достойнаго не нашёл.

В Ганале. Мы слышали только, что здесь были очень страшные ураганы, которые ещё и теперь продолжались, но только не с такою силою. Не трудно сыскать причину таких жестоких непогод: высокие горы делают узкие проходы, в которых ветер сгущается. Чем более препятствий, тем он более усиливается, он ищет открыть себе свободную дорогу, от препятствия уклоняется, извиваясь вихрем, уносит снег на дороги и делает их часто непроезжими.

Очень затруднительной день. Препроводив очень худо ночь в доме ганалскаго тойона, поехали до свету в Пуцино. Хотя от сих острогов считается девяносто вёрст, однако мы в дороге были только четырнадцать часов, а в последней половине много претерпели безпокойств. Дорога не была ещё проложена, и наши повозки на два или на три фута вязли в снегу. Ухабов так много, что я почитал себя счастливым, однажды только упав. Судя по направлению снега и количеству онаго, покрывающаго дерева, казалось нам, что он в чрезмерном множестве выпал при северном ветре, что самое подтвердили нам и живущие в сей стране. Мы долго ехали березником и на несколько времени потеряли из виду цепь тех гор, около которых в прошедший день ехали, но, приближаясь к Пуцину, опять увидели их.

В Пушине. Камчатка, протекающая мимо сего острога, шире, нежели в Ганале. Отличным для меня здесь показалось то, что избы не имели труб. В них так, как и в балаганах, делалось небольшое отверстие вверху, это было одно место для выхода дыма, которое, не мешкая, ещё запирали задвижкою, дабы не простудить комнаты. Когда топится печь, то нельзя быть в покое, должно или вытти, или лечь на землю, естли кто не хочет задушить себя или потерять глаз своих от дыму. Он всегда прямо стремится к потолку и по мере накопления распространяется в горнице в виде густаго и серноватаго облака. И как часто случается, что не дают времени ему разойтись, то внутренность изб обыкновенно покрыта сажею, которой запах при входе чувствителен, а вид совершенно отвратителен.

Но сие ещё не так омерзительно, как вредной запах от тёмной лампы, освещающей целой дом. Она очень грубой работы, есть или кремь с ямкою, или выдолбленной камень, из котораго выставляется лоскуток холстины, свёрнутой наподобие светильни, около котораго кладут сырой жир морскаго волка или других животных. Как светильню зажгут, то всё вдруг покажется покрытым темноватым паром, который также чернит, как и дым, и набивается в нос, горло и внутренность. Кроме вони в сих жи-

лицах противнее для меня показался дух от рыбы сушёной или гнилой, когда её готовят или едят. Остатки оной отдают собакам, выметая куски, разбросанные по всем местам.

Неопрятность живущих в избах. Сверх того, зрелище, представляемое живущими в сих избах, не менее противно. Там толпа женщин, лоснящихся от жиру и валяющихся на куче измаранных лоскутков. Там некоторые дают сосать свои груди детям, полуодетым и завалявшимся в грязи с ног до головы, там другие, по-домашнему одетые, но не менее измаранные, лежат на медвежьих кожах, болтают между собою все вдруг и, занимаясь домашнею работою, ожидают своих мужей. К счастью, дома тойона были, по возможности, чисты, назначенные для г. Козлова, который никогда меня не отпускал от себя.

Дороги очень снежные. Затруднительность моих проводников. Мы ночевали в Пущине и поехали на другой день очень рано; проехали в день только тридцать четыре версты. Чем далее ехали, тем более снегов примечали на дороге. Два проводника, бывшие при мне, безпрестанно занимались тем, чтобы держать мою повозку в равновесии, дабы нам не опрокинуться или не сбиться с дороги. Они должны были помогать собакам, которые, несмотря на то, что часто их погоняли, останавливались. Сии бедные животные чрезвычайной крепости весьма трудились, выбиваясь из снега, в котором они вязли. Должно было их вытаскивать, а чтобы самим держаться на оном, то каждой проводник привязывал к одной ноге лыжу, а другой стоял на полозе. Без сомнения, такое упражнение затруднительно и требовало сколько сил, столько и искусства.

Острог Харом, в которой мы, по счастью, приехали, стоял на Камчатке и не заслуживал никакого внимания. Мы ночевали в нём и до свету выехали.

В семь часов приехали в Верхнекамчатск, находящийся в тридцати пяти верстах от Харома. Сей город примечательнее всех прочих, в которых я был прежде. В нём было более ста домов; положение онаго довольно выгодное и весёлое. Стоит близ реки (Камчатка в сем месте ещё не замерзла) и близ лесов и полей, в которых земля очень хороша и жители начинают её употреблять в свою пользу. Церковь деревянная, не противной архитектуры; желательна, чтобы внутренность оной соответствовала наружности. Жители ничем не разнятся от прочих. В первой раз увидел здесь строения вышиною с балаганы, в которых только сушат рыбу. Сержант управляет в оном и живёт в казённом доме.

В нём же живёт несчастной Ивашкин, которого историю описал я при выезде своём из Петропавловской гавани. Он был всегда при нашем обозе и не оставлял нас до тех пор, пока не вздумал наперёд приехать в Верхнекамчатск, с тем намерением, чтобы успеть заколоть быка своего, которого принять на дорогу просил нас в знак своей признательности к нам. Сей поступок оправдал мою приверженность к сему несчастному дворянину, которого один вид не однажды производил во мне соболезнование об участи его. Я не понимал, как бы он мог привыкнуть к такой жизни, если бы он не чувствовал в совести своей невинности, которая одна может укрепить наш разум. По прибытии нашем в Верхнекамчатск мы побывали у него в доме; он пил, веселясь с некоторыми своими соседями. Радость его была непринуждённая и нимало не показывала, чтобы он был человек, чувствующий прошедшие несчастия или скучающий настоящим своим состоянием.

Замок, или сельцо хлебопашцов. Мы недолго жили в Верхнекамчатске; пустились в дорогу после обеда, желая ночевать в Милковой деревне, в пятнадцати верстах находящейся. Дорогою сперва проехали полем, довольно пространном и обнесённым плетнём; потом мимо *Замка*, то есть сельца, в котором живут земледельцы; они суть козаки или русские солдаты, определённые пахать землю, и поправляют её на счёт правления. Они имеют восемьдесят лошадей казённых, которые служат как для пашни, так и для заводу лошадей, назначенному в сих местах для размножения сих животных, полезных и редких на полуострове. Около пятисот шагов от онаго сельца, называемого Чигаси, находится рукав Камчатки и мельница деревянная водяная, мало внимания заслуживающая. В тогдашнее время никакой пользы не было от оной; прибывшая вода так была велика, что она перешла чрез плотину и залила часть поля, в котором и замёрзла. Земля здесь показалась мне очень хорошею и околележащая места весьма приятными. Я расспрашивал у некоторых козаков из их жилища о плодородии земли, где, по мнению моему, всякой хлеб должен родиться очень хорошо, и мне отвечали, что последняя жатва была весьма прибыльна и хлеб так добротен, что они не ожидали такого, и что он ни в чём не уступал лучшему в России; от двух пудов ржи родилось десять.

Жители мильковские. Приехав в Мильково, я очень удивился, не нашед в оной ни камчадалов, ни козаков, но поселённых в довольном числе крестьян, которых вид и обхождение показывали, что их поколения не перемешаны. Сии поселенцы были выбраны

в 1743 году отчасти из россиян, отчасти из сибиряков в число первых жителей, то есть хлебопашцев. Посылая их в сей полуостров, правительство имело в виду своё то, чтобы поправить землю, завести хлебопашество, надеясь, что примеры и успехи сих поселенцев научат природных жителей сея страны и заставят их с большею охотою заниматься сим благородным и нужным упражнением. К нещастию, они по чрезмерной своей безпечности, которую я уже описал, худо соответствовали благоразумным намерениям правительства. Они ещё далеки не только от чувствований поревнования, но даже от расположений пользоваться наставлениями, пред глазами их находящимися. Сия пагубная нечувствительность делает приметнее и заставляет с удивлением видеть деятельность выходцов, которые за труды свои получают довольные награды. Их дома, состоящие близ Камчатки, можно почесть выгодными. Они водят скотину, которая, по-видимому, была тогда в хорошем состоянии; заботливость их подаёт надежды иметь успех во всём. Я приметил, что они, по-видимому, все вообще были довольны своим состоянием, любили чистоту, всё для них служило в пользу, и ничего не было трудного.

Всякой пахал и засевал своё поле, и, обязываясь только заплатить подушное, всякой имел волю собирать плоды своих трудов, которыми плодородная земля награждала его с излишеством. Я уверен, что более пользы получали бы, естли бы число хлебопашцев увеличили. Главная жатва состоит из ржи и меньшаго количества ячменю. Они не занимаются звериною ловлею, и правительство из предосторожности даже запретило им в оной упражняться, дабы не отвлекались от своих работ, но я узнал, что они не слишком уважают сие запрещение. Начальник их от правительства назван *старостою*, который выбирается из стариков в деревне, как самое имя его показывает. Он бывает при засеве и жатве хлеба, назначает время, сверх того, ленивых понуждает или ободряет прилежных хлебопашцев и старается содержать их в порядке и повиновении.

Желая в Машуре побывать на один день у барона Стейнгеля, я оставил г. губернатора в Милкове и поехал оттуда за сутки перед ним для того, чтобы не задержать его в дороге. Для лёгкости и скорости взял малую повозку, но в сей стороне дороги были не менее снежны и трудны, так что я, несмотря на все свои предосторожности, не мог исполнить предпринятого мною намерения. Первой острог попался мне на дороге Кирган. Не доезжая до онаго, миновал я несколько балаганов и домов пустых, по-видимому;

но мне сказывали, что всякое лето приезжают туда хозяева. Сельцо Кирган состоит из немногих строений на берегу речки Кирганик; её составляют многие ручьи, текущие из гор, которые сливаются повыше сего острога в пятнадцать верстах от Милкова.

Морозы так были велики, что, несмотря на осторожность, какую я взял, обвязав лицо своё платком, в полчаса обморозил себе щёки. Я тогда прибегнул к обыкновенному средству: тёр лицо снегом и избавился от онаго тем только, что терпел несколько дней несносную боль. В то время как лицо у меня мёрзло, тело моё совсем противное чувствовало. Я сам правил свою повозкою. Непрестанное движение, какого требовало сие упражнение при тяжести камчадалских одежд, произвело во мне такой сильной пот, что измучил меня.

Наряд мой заслуживает подробное описание. Судите сами, можно ли было в нём мне скоро поворачиваться? Я обыкновенно надевал простую оленью парку и подвязную шапку, которою в нужде закрывал свои уши и часть щёк. Когда становилось холоднее, то я сверху надевал ещё две *кукланки*, также род широких *парк*, имеющих мех погуще, из коих одна делалась шерстью внутрь, а другая снаружи. В большие морозы надевал ещё кукланку самую толстую из собачьяго или бораньяго меху, всегда шерстью внутрь, а кожа, или верх ея, — красной краски. К сим кукланкам привязывается спереди косыночка, которая подымается для того, чтобы защитить лицо от ветру, сверх того, у всякой есть висячий капшон сзади. Иногда сии три капишона надевал я на обыкновенную свою шапку один на другой, на шее повязывал ошейник из собольих или лисьих хвостов, а на подбородок — подбородник соболей, который привязывался к шапке. Лоб, как часть, более чувствующую холод, защищают повязкою соболью или из других мехов мягких. Широкие шаровары и прочее платье очень меня согревали. На мне были два оленьих платья, одно мехом внутрь, а другое снаружи; они называются по-камчатски *чиги*, на ногах *торбасы*, или оленьи сапоги, внутри которых положил солому *тонхичи* травы, очень мягкой и имеющей свойство согревать. Несмотря на все мои предосторожности, по прошествии двух или трёх часов ходьбы ноги мои промокли либо от поту, либо от нечувствительно взошедшего сквозь сапоги снегу; и немного посидя без движения на моей повозке, чувствовал сильной холод. Вечером оставил сию обувь и надел на ночь пару широких сапогов, обшитых внутри оленьим или бараньим мехом, которые называются *унти*.

Несмотря на то, я не остановился в Киргане. В некоторых верстах подалее я нашёл к северо-востоку огнедышущую гору, которая не извергала пламени, но выходил из оной столбом очень густой дым. Я имел случай тотчас опять побывать на одной и спросить. Я заметил близ Машуры густой сосновой лес, и он первой, которой попался мне в Камчатке; деревья были прямы, но очень тонки. В два часа пополудни приехал в острог Машуру, лежащий в тридцати семи верстах от Кирганика на реке Камчатке.

Пребывание моё в Машуре у г. барона Штейнгеля. Я приехал к барону Штейнгелю, прежнему капитану-исправнику, котораго место после того заступил г. Шмалёв. Познакомился с ним у Большерецка и очень доволен был тем, что мог с ним говорить на разных языках, а особливо на отечественном моём; хотя ж он и не чисто выговаривал, но говорил по-французски, и мне казалось, что видел в нём своего соотечественника. Всякой странствующий из Европы в отдалённые страны должен тоже чувствовать, что и я, должен почитать своим единоплеменником всякаго живущаго с ним вместе или говорящаго одним языком. Малейшее напоминание о нашем отечестве приносит нам живейшее удовольствие; сердце наше перелетает тогда к друзьям, братьям, так, как будто бы мы их видели пред своими глазами, как будто бы мы переселились в свою отчизну. Такое сладкое удовольствие вкусил я, увидевшись с г. Штейнгелем, его обхождение тотчас сделало меня к нему навсегда приверженным. Я имел нужду повидаться с ним, поговорить, я весьма веселился, несмотря на то, что он говорил очень неправильно по-французски, немецким произношением. Я препроводил с ним день, а вечером приехал г. Козлов, о чём меня и уведомили.

Новое описание шаманов. Острог Машура был из числа лучших на полуострове, когда ещё не было в оном оспы; но сия жестокая болезнь так его опустошила, что двадцать только фамилий осталось после того. Все камчадалы, живущие в сем местечке, как мужчины, так и женщины суть шаманы, или верящие колдовству сих мнимых колдунов. Те и другие чрезвычайно боятся русских священников и совершенно их ненавидят, почему всегда ищут случая убегать их встречи; когда ж сего сделать нельзя, то, видя их на дороге, закрывают своё лицо и, не мешкая, скрываются. Я приписываю сей страх, какой они чувствуют, увидя священника, великой ревности, оказываемой, без сомнения, за истребление идолопоклонства, и знакам их гонения. Они почитают, следовательно, распространителей веры за больших своих неприятелей.

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛЬ

ПУТЕШЕСТВІЯ

Г. ЛЕССЕПСА.

Изъ Камчатки во Францію.

1788 Февраля 11 дня.

О Японцахъ бывшихъ въ Нижне-Камчатскѣ.

Примѣчанія достойнѣйшимъ показалось мнѣ въ Нижне-Камчатскѣ, и о чемъ умолчать не могу; девять Японцовъ, которые прошедшимъ лѣтомъ занесены были въ Алеутскіе острова на Рускомъ суднѣ, назначеннымъ для шергу выдрами.

Одинъ изъ сихъ Японцовъ рассказывалъ мнѣ, что онъ побѣжалъ съ своими единоплеменниками на суднѣ своемъ къ Южнымъ Курильскимъ островамъ, намереваяся торговать съ Островишчанами. Онъ бѣжавши близъ береговъ не много поспѣшилъ отъ оныхъ и вдругъ насталъ такой сильной вѣтръ, что ихъ очень далеко отнесло отсюда, и они потеряли дорогу. По его

Часть II. А

Первая страница второй части «Лессепова путешествія»

Къ вечеру возвратились опять на берегъ, и остановились въ прекрасномъ еловомъ лѣсу близъ рѣки Иреша.

К О Н Е Ц Ъ

второй Части.

Мих Сергеев

Последняя страница «Лессепова путешествия» с экслибрисом
Михаила Алексеевича Сергеева

Может быть, что духовные особы, желая их обратить в свою веру, в виду своём имели только одно разорение идолов. Сии священники не подают собою пример тех добрых дел, о которых проповедуют им, не зная сами. В самом деле, они более искали средства обогатиться, нежели приводить в свою веру, а наипаче удовольствоваться свою склонность, какую имеют к пьянству.

Почему не должно удивляться, что сии жители привержены ещё к старинным своим погрешностям. Они тайно почитают бога Кутку; такую имеют к нему доверенность, что молятся особенно ему, когда что начинают или желают что-нибудь хорошее получить. Идут ли на охоту, то не моются и не крестятся, призывают на помощь своего Кутку, потом первого соболя или первого животного, пойманого ими, приносят тотчас в жертву сему богу, будучи уверены, что от таких обетов их ловля должна быть щастливее; а, перекрестясь, противного ожидая, не надеяться иметь успехов в оной. Они имеют ещё суеверие посвящать своих перворождённых младенцев их Кутке, с тем, чтобы они, оставя колыбель, были шаманами. Нельзя себе представить, какое уважение имеют в сем местечке к сим колдунам. Оно происходит от безумства и достойно по справедливости сожаления, ибо странности, с какими они употребляют во зло доверчивость своих соотечественников, так необыкновенны и смешны, что более хохотать, нежели сердиться можно. Ныне не оказывают явно своего искусства и не с такою славою открывают своё колдовство; не носят на платьях своих таинственных колец и разных из металла сделанных символических фигур, которые при малейшем движении тела их производят стук. Равным образом оставили свои *бубенчики* с барабаном азияцким, в которой они в татку били при мнимых своих колдовствах или извещая свой приход, наконец, оставили все магические инструменты.

Вот каким образом мало помалу уменьшались их обряды в собраниях, которые ныне скрытым образом не меньше прежних. Представьте себе круг зрителей, с изступлением внемлющих и стоящих около колдуна или колдовки; ибо я сказал, что и женщины принимают в таинственную должность шаманов. Вдруг он или она начинают петь, или, лучше, громко кричать без меры и значения, а собрание, приуготовленное к оному, отвечает им таким же голосом, что и составляет очень нестройной и несносной концерт. Мало-помалу шаман оживляется, начинает плясать по неровным восклицаниям в своём покое, сипня и ослабевая от чрезмерного жару и удивления своего. Пляска становится живее по мере, как дух

пророчества усматривается в слуге Кутки. Как Пифонисса (древнегреческий мифологический чудовищный змей. — *Ред.*) на треножнике, он обращает суровые и зверские глаза с судорожными движениями. Рот его кривится, члены деревенеют, словом, нет ни одного вздрагивания, ни одной ужимки, которых бы он не сделал к великому ужасу предстоящих. После сих притворных кривляний, продолжавшихся несколько времени, вдруг перестаёт, как вдохновенной, он становится столько же тих, сколько прежде был подвижим. Нет в нём прежнего бешенства и восторга, он приходит в чувство, как священный человек, и, будучи исполнен божьим вдохновением, которое управляет им, намеревается говорить своим голосом.

Удивлённое и дрожащее собрание пребывает в глубоком молчании в ожидании чудес открываемых. Оно слышит тогда исходящая из уст самозванца пророка несвязные слова, которые проносит обманщик с розстановкою; он тогда выдаёт всё, что ни говорит, за действие вдохновения Кутки. Обыкновенно оратор сопровождает свою речь или плачем, или смехом, смотря по тому, доброе ли или худое он возвещает, а изъяснительные движения его переменяются сообразно с его чувствованиями.

Можно сказать в разсуждении сего, что шаманы сходствуют с сектою квакеров. Известно, что последние также присваивают себе право вдохновения и что некоторые из них, не имея силы противиться побуждению, начинают говорить в молчаливом своём собрании или проливая горькия слёзы, или вдруг оказывая знаки радости. По крайней мере, сии дальновидцы говорят без разбору о нравоучении, выбирая, по мнению своему, всё лучшее; напротив того, камчадалские витии не знают и сами, о чём говорят, и употребляют сие таинственное и обманчивое учение для того, чтобы укрепить в идолопоклонстве простодушных своих слушателей. Сии описания о шаманах доставили мне люди верные, имевшие случай быть свидетелями их вздорных откровений.

Ведомость о возмущении коряков. В Машуре нас уверили в справедливости того, о чём инженер Бажанов уведомил уже г. губернатора. Он послан был в околележащая места реки Пенжины, чтобы избрать место для построения города и снять с онаго план, имея приказание ехать по западному берегу Камчатки до Тигила и снять карту исправную своего путешествия. По приезде своём в Каменной (острог, лежащий на берегу реки Пенжины) нашёл, говорил он г. Козлову, что множество возмущённых коряков пришло к нему с оружием в руках с тем, чтобы остановить и не допустить его

исполнять своей должности. Всех до шестисот, которых, вероятно, не допустили бы и нам продолжать своей дороги. Надежда была очень худая, а особливо для меня, нетерпеливо желающего быть в Охотск так, как будто бы оттуда во Францию один день езды оставался. Как было горестно представлять, что мы, не зная другой дороги, как чрез сей город, принуждёнными будем остановиться. Одна мысль производила во мне холодной пот от нетерпеливости. Г. губернатор, так же как и я, желая поспешить, решился не останавливаться от такого известия. Они могут быть не очень справедливыми; важность, с какою рассказывали нам, страх, показывающийся на лицах у рассказывающих, и малые прибавления, всякой день делаемая, заставили нас поверить. Почему решились мы сами испытать справедливость дела, ехать вперёд, изыскивая всякия средства продолжать наш путь, если бы сии возмутители стали противиться нам. Но мы тотчас были обрадованы нарочным, присланным к г. Козлову, который сказал нам, что никаких остановок на дороге с ним не случилось, уверял, что всё было покойно. Вероятно, что он в противном случае приметил бы какое-нибудь движение, почему мы не имели причин бояться никаких остановок в нашей дороге.

Отъезд из Машуры. На развете я оставил г. барона Стейнгеля с сожалением и признательностию за приятное угощение и все ласки, какими я пользовался во время краткого своего пребывания в Машуре. Я нашёл в нём человека, достойного почтения по своему знанию и честности.

Несмотря на все старания, я имел несчастие лишиться соболя, котораго подарил мне г. Козлов. Я тотчас велел снять с него кожу для сбережения оной. Для меня очень весело было смотреть на его резвость. Он по чрезвычайной своей живости не мог терпеть цепи, часто искал случая освободиться от оной. Он бы когда-нибудь и ушёл, если бы я не надсматривал над ним, и всегда, как я его ловил, он кусал мои руки. Он ел рыбу, а лучше мясо, которое в лесах составляет первую пищу соболей; они с непонятным искусством ловят птиц и животных, слабее себя. Мой почти весь день спал, а ночью безпрестанно стучал, ворочая цепь свою, но был чрезмерно робок и когда видел кого-нибудь входящего, то переставал стучать, а оставшись один, опять начинал. Я обыкновенно выпускал несколько раз в день. Выскочивши на снег, валялся и прятался, подкапываясь, как крот, и временно выскакивал опять.

Мы проехали нынешней день шестьдесят шесть вёрст по Камчатке реке, на которой лёд был крепок и везде толст. Я ничего не

видал на дороге примечательного также и в сельце Хапине, куда приехали мы вечером, как солнце стало садиться.

На другой день выехали из онаго рано. В сей день снег очень беспокоил нас. Земля им была покрыта и дорога сделалася трудною, так что мы безпрестанно ехали чрез весьма частой сосновой и берёзовой лес. Около половины и ещё немного подалее попались нам две реки, из коих одна около тридцати аршин и называлася *Никулкою*, а другая была невелика. Обе оне составлялися из источников, вытекающих из гор, которые соединяются в одно место здесь, впадают в Камчатку, ни та, ни другая не замёрзли, чего причиною чрезмерная быстрина оных. Место, чрез которое я ехал, представляло прекрасную картину; но страннее всего было то, что все ели, находящиеся в великом множестве близ сих рек, кажутся ледяными, густой иней, происходящий от паров из воды, прилипает ко всякому сучку и делает беловатую всю поверхность оных.

Огнедышущия Толбачинския и Ключевския горы. В некотором разстоянии от Толбачина мы проехали одну степь, где нашёл я три огнедышущия горы, но ни одна не извергала пламени, а только очень густой дым. Первая, о которой упоминал я выше, едучи в Машуру, имеет огонь во внутренности горы, которая не совершенно конического виду. Сказывали мне, что извержение пламени из оной остановилось, было, на несколько времени так, что думали её погасшею, но недавно вдруг она опять разгорелась. К северо-востоку от оной показывается вершина горы, на которой есть отверстие огнедышущее, испускающее безпрестанно дым, но ни малейшаго огня не видно. Третья к северо-востоку от второй; я не мог рассмотреть её по своему желанию, потому что высокая гора закрывала её от глаз моих. Она имя своё получила от близ лежащей деревни Ключевской, и сказывали мне, что мне недалеко от оной проезжать надобно будет. Другия две горы также называются по острогу Толбачину, в которой прибыли мы довольно рано. Он лежит на Камчатке в сорока четырёх верстах от Хапина и нет в нём ничего чрезвычайнаго. Мы услышали, приехавши, что ныне по утру женились два камчадала, я очень сожалел о том, что не мог видеть их обрядов, которые, сказывают, таковы же, как и в России. Я видел двух супругов, которые показались мне детьми ещё; я спросил у них, которой им год, мне отвечали, что жених был четырнадцати лет, а невеста не более одиннадцати. Подобныя свадьбы для годных прежде времени случаются не в одной только Азии.

Путешествие в Нижнекамчатск. Мне очень хотелось видеть город Нижнекамчатск и уже давно желалось удовлетворить своё любопытство; я почитал непростительною погрешностью то, чтобы выехать из сего полуострова, не побывав в главном городе онаго. Я был уверен, что любопытство моё в разсуждении сего не препятствовало решимости моей, чтобы кончить свою дорогу как можно скорее. В самом деле, я принужден был сделать крюк, но он был не так велик, чтобы мог сделать большую задержку. Съехавшись с г. Козловым, который старался доставлять мне все средства, дабы моя дорога была безопасна и не огорчительна, я условился опять съехаться с ним в Еловском остроге, где, как сказывал мне, хотел он препроводить многие дни для приведения в порядок разных дел по своему правлению.

Нимало не теряя времени, я простился с ним в тот вечер по приезде нашем в Толбачин, но дороги были гораздо хуже тех, которые мы проехали. Едва мог приехать на разсвете в Козыревку, деревню, в шестидесяти шести верстах находящуюся от Толбачина.

Приключение со мною на дороге в Камчатку. Я там не остановился, очень радовался о том, что избавился щастливо всех опасностей, какия встречались со мною ночью на дурных дорогах (я узнал, что повозка г. Козлова в день разбилась в щепы, ударившись о дерево, и от онаго удара два проводника больно ушиблись). Казалось мне, днём нечего бояться; ехал дорогою с безопасностью, за которую скоро был наказан. Проехав довольно число вёрст по Камчатке, которую нашедши очень радовался и удивлялся ширине оной в сем месте, принужден был оставить оную и подняться в узкой проход, где снег, нанесённой ураганами, делал поверхность неровною и обманчивою. Нельзя было ни видеть, ни избежать нас окружающих опасных камней. Я слышал треск, и верно что-нибудь изломалось в моей повозке. В самом деле, полоз разколотся надвое; мои проводники поправили, как ни попало, и мы, по щастию нашему, приехали в Ушково без всякого приключения около полуночи, проехав в сей день шестьдесят шесть вёрст. Первым моим старанием было поправить свою повозку, что и держало меня до самага утра.

В сей деревне была одна изба и одиннадцать балаганов. Число жителей состоит из пяти фамилий, разделены на три юрты. Близ сего острога есть очень рыбное озеро, куда из около лежащих деревень приезжают запасаться оною. Оно также служит великою помощию для главнаго города, который без сей ловли имел бы недостаток в рыбе, составляющей первую пищу по необходимости.

Я выехал из Ушкова рано, проехал до полудни сорок четыре версты, частью по Камчатке и частью по большим степям. Первая деревня была на дороге Крестова; она мне показалась немного лучше прежней, но мало отличалась от прочих. Я недолго мешкал, переменяя собак. До сего места я ехал по той же самой дороге, по которой должно было ехать г. Козлову в Еловку, но вместо того чтобы мне ехать оттуда в Харчино, я, выехавши из Крестовой, поворотил к деревне Ключевской, до которой оттуда было тридцать вёрст. Время, начиная с нашего выезда из Апачина, было очень хорошо и холодно, стало немного переменяться после обеда. Небо покрылось облаками, а при западном ветре шёл большой снег. Он до крайности нас беспокоил, а особливо препятствовал рассмотреть огнедышущую Ключевскую гору, которую увидел я вместе с Толбачинскими. Гора, по-видимому, сколько можно было судить, выходящая из середины, была выше двух прочих; безпрестанно извергала пламень, который казался выходящим из середины снегов, которыми гора покрыта до самой вершины.

Жители Ключевские. При наступлении ночи приехал я в деревню Ключевскую. Жители оной все сибиряки, переселённые из около лежащих мест при Лене и посланные в сии страны для обрабатывания земель за пятьдесят лет назад. Число мужескаго полу, как совершеннаго возраста, так и младенцов, не более пятидесяти; оспа была только на тех, которые её не имели, и более половины лишились жизни от оной. Сии хлебопашцы не менее щастливы были, как и живущие около Верхнекамчатска. Жатва их, состоящая из ржи и ячменю, нынешний год сверх ожидания была прекрасная. Сии крестьяне имеют много своих лошадей, а некоторые из оных и казённые.

Острог Ключевской. Сей острог довольно велик, а тем ещё более кажется, что разделён на две части, отстоящая одна от другой около ста шагов. Он длиннее от запада на восток, на последней стране поставлена церковь деревянная российского вкуса. Большая часть жителей имеют избы, строением и чистотою лучше, нежели все те, кои видел я до сего времени, и сверх того есть у них довольно великие закромы. Балаганов очень мало, и совсем не такие, как у камчадалов; они продолговатой фигуры, а крышка их, которая так же поката, как и у наших домов, построена на столбах и перекладинах.

Камчатка течёт мимо сего острога и никогда в сем месте не замерзает; она часто наводняется и из берегов выходит летом, заливая дома, несмотря на то, что они стоят на высоком месте.

В четырёх верстах к востоку от церкви Ключевской есть ещё *Замок*, или небольшая деревня, населенная козаками или солдатами, папущими землю, которых хлеб принадлежит казне; но мне не захотелось сделать крюк для того, чтобы посмотреть оной.

Я на малое время остановился в Ключевской. По нетерпеливости своей видеть Нижнекамчатск в тот же вечер поехал в камчатдальской острог Камини, в двадцати верстах стоящий отсюда, прибыл туда в полночь, и не останавливался.

До разсвету приехал в Камоков в двадцати верстах от Камини, в скором времени приехал в Чоковскую, или Чоки, проехав ещё двадцать две версты. Из онаго до Нижнекамчатска оставалось мне переехать двадцать две версты; почему я ещё несколько часов пробыл в дороге. К удовольствию своему приехал я в главной камчацкой город до полудни, который издали виден, но не величествен и не приятен.

Нижнекамчатск. Он представляет кучу домов с тремя церквями, лежащих на берегу Камчатки в долине, которую составляет цепь около лежащих гор, однако ж некоторые из оных одна от другой в довольном разстоянии. Такое было местоположение Нижнекамчатска, о котором пока ещё не видал, был лучших мыслей. Все сии дома, коих, как мне сказывали, было до полутора ста, деревянные, нехорошо выстроенные, малые, засыпанные снегом, которой наносят туда ураганы. Они безпрерывно продолжались на сем берегу и перестали за несколько дней до приезда моего. В Нижнекамчатске две церкви, одна в городе, и имеет две колокольни, а другая в крепости городской; обе худаго строения. Крепость внутри города состоит из довольно обширной ограды наподобие квадрата. Сверх упомянутой церкви в сем окружённом стеною месте находятся магазины, арсенал и казарма для солдат, застава для освидетельствования проезжающих днём и ночью. Дом тамошняго комманданта г. майора Орлеанкова стоит близ крепости, кроме величины сей дом не отличается от прочих ни строением, ни вышиною.

Я был у несчастнаго изгнанника *Снафидова*, который в одно время почти с Ивашкиным имел несчастную участь, но не по одинаким причинам; он сослал в Камчатку в 1744 году.

Как только я взошёл к нему, то г. Орлеанков прислал ко мне офицера поздравить меня с щастливым приездом. С ним были лучшие офицеры в городе и предлагали мне учтивейшим образом свои услуги. Я со своей стороны засвидетельствовал им чувствительность моей благодарности, но внутренно огорчился тем, что

они меня предупредили в том. Одевшись, пошёл каждого особенно поблагодарить. Начал с г. майора Орлеанкова, и нашёл занимающегося приуговлением бала, которой дать он должен был на другой день по случаю женитьбы поляка, в российской службе находящегося, на племяннице протопопской. Он из учтивости не только пригласил меня на сию свадьбу, которой издержки все взял на себя, но ещё советовал быть мне на другой день поутру, желая взять меня с собою для того, чтобы я не мог пропустить случая видеть сие зрелище, которое было, по мнению его, для меня достойным любопытства.

Бал, данный майором Орлеанковым. Удивительнее всего показалось мне строгое наблюдение порядка в церемонии. Отличительность чинов наблюдаема была со всякою точностию, приветствия разговоры и холодная учтивости при открытии бала придавали ему вид надутливости, обещающей более скуки, нежели увеселения. Стол был великолепнейший, судя по тамошней стороне. Наставили множество разных супов, холодных мяс, которых сперва много ели. В другой раз поставили жареное и пирожное, которые означали более вкус к лакомству, нежели к излишеству. Напитки были сделаны из разных плодов сей страны, вареных и смешанных с французскою водкою. Чаще всего подавали водку простую, настоящую сладкою травою. Сия наливка не противнаго вкусу и душиста, а охотнее приучаются употреблять для того, что здоровее простой одной водки. Все, бывшие за столом, не чувствительно развеселились. Они недолго могли наблюдать прежнюю отличительность между собою по причине крепких напитков; тотчас все стали шутить и веселиться. После шутливого и пышного стола открылся бал довольно учливой. Собрание было весело, и танцевали до самого вечера по-русски и по-польски. Бал кончен довольно хорошим фейерверком, которой сделал сам г. Орлеанков. Он хотя и не очень пышен, но без остановки горел. Мне весело казалось смотреть на удивление и радость многих зрителей, не привыкших ещё к сему роду забав; они все были в неприменном положении, неподвижны от удивления и вскрикивали при всякой новой перемене. Не менее забавы для меня приносило их сожаление о том, что недолго продолжался искусственный огонь. Все его хвалили, и уходя домой всякой с сожалением вспоминал о всех удовольствиях прошедшего дня.

На другой день приглашён был к протопопу, дяди вышедшей замуж. Всё было то же, выключая фейерверк. Протопоп есть главной над всеми церковнослужителями в Камчатке. Всякой священник

зависит от него, и он решает все духовныя дела, живёт в Нижнекамчатске. Он старик, довольно ещё здоровой, имеет большую седую бороду, делающую его тем почтительнее и важнее. Обращение его духовное заставляет его уважать и любить жителей сея страны.

В Нижнекамчатске два присудственные места; к одному относятся дела, касающияся до правительства, а другому все споры между купцами. Магистрат, в котором присутствует бургомистр, под ведомством городничаго или комменданта городскаго. Все сии присудственные места относятся к Охотску и дают отчёт во всех делах городничему онаго.

Часть II

1788 февраля 11-го дня. О японцах, бывших в Нижнекамчатске. Примечания достойнейшим показалось мне в Нижнекамчатске, и о чём умолчать не могу, девять японцов, которые прошедшим летом занесены были в Алеутские острова на русском судне, назначенным для торгу выдрами.

Один из сих японцов рассказывал мне, что он поехал с своими единоземцами на судне своём к Южным Курильским островам, намереваяся торговать с островитянами. Он, ехавши близ берегов, немного поотдалился от оных, и вдруг настал такой сильной ветр, что их очень далеко отнесло оттуда, и они потеряли дорогу. По его рассказам, очень невероятным для меня, они сражались с морем около шести месяцев, не видя земли; надобно думать, что у них запаса было очень много. Наконец Алеутские острова показались. Они, обрадовавшись, решились подъехать к оным, не зная, где пристать к берегу; стали на якоре близ одного острова и на шлюбке все на землю приехали. Они нашли там россиян, которые предлагали им выгрузить свой корабль и поставить его в безопасном месте. Или по недоверчивости, или думая, что и на другой день будут иметь время, сии японцы не согласились на их предложение. Но в скором времени стали жалеть о своём нерадении, ибо на другой день сильной порывистой ветр ударил судно в берег, что увидели уже на разсвете, и едва могли спасти малую часть груза и несколько остатков корабля, который весь почти был сделан из душистаго дерева. Россияне, собравши их вещи, старались всё то делать, что могло сих несчастных успокоить в разсуждении потери. Они их всячески утешали и уговорили, наконец, ехать с собою в Камчатку. Японец сверх того прибавил, что их было

гораздо более, но морския трудности и суровость климата были причиною смерти большой части его единоплеменников.

Говоривший со мною, по-видимому, имел приметное преимущество пред прочими осьмью: известно, что он был купец, а те — матросы, служившие ему. Они ему оказывают отменное уважение и любовь: печалятся и весьма беспокоятся, если он когда бывает болен или чем-нибудь огорчён, всякой день по два раза посылают одного наведываться к нему. Можно сказать, что и он со своей стороны не менее дружества оказывает им, ибо не проходит ни одного дня, в которой бы он не побывал у каждого, и старается о том, чтобы они ни в чём недостатка не имели.

Имя его *Кодаил*, видом не странен, но более приятен, глаза не так малы, как обыкновенно у китайцев, нос продолговатой, бороду часто бреет, ростом около пяти футов и довольно статен. Он носил волосы по-китайски, то есть посредине головы оставлял один клочок волос во всю их длину, а прочие брил, но склонили его, наконец, отрастить и завязывать по-нашему. Чрезмерно боится стужи, самая тёплая одежда едва его защищать могут от оной. Он носит сверху своё платье. Оно состоит из одной или многих очень длинных шёлковых рубашек, подобных нашим спальным платьям; сверху надевает другую шерстяную, которая, вероятно, у них дороже почитается; ловкость ли причиною такого наряда, я того не знаю. Рукава у сих платьев широкия и не завязанныя. Несмотря на суровость климата, у него всегда руки голы и шея открыта, только повязывают ему на шею платок, когда он выходит на стужу, но взошедши в покои, он тотчас снимает его, сказывая, что не может терпеть.

Преимущество его пред своими соотечественниками должно было отличить его, но оно более заслужил оное своим благоумием и кротостию. Живёт у г. Орлеанкова. Вольность, с какою он входит к комменданту или к другому кому, почли бы в другом месте невежеством; поступает совершенно по своей воле, садится на первой стул, какой ему попадётся, просит подать того, чего ему угодно, или сам берёт, если близко. Табак курит безпрестанно; трубка оправлена серебром и немного длинновата; табаку мало входит в неё, и всякую минуту набивают. Так пристрастен курить табак, что с трудом можно упросить его, дабы он не брал трубки своей за стол. Он чрезвычайно проникателен, понимает с удивительною скоростию всё, что ему изъясняют; сверх того очень любопытен и примечателен. Меня уверили, что он ведёт вседневную записку всего, что видит и случается с ним. В самом деле, предметы

и обыкновения, встречающиеся глазам его, могут почесться редкостью в его отечестве и достойными примечания. Замечая, что делают и говорят при нём, всегда записывает для памяти.

Буквы показались мне такими же, как и китайския, но иначе пишутся. Сии пишут, начиная с правой руки к левой, а японцы сверху вниз; говорит по-русски так хорошо, что понимать можно; но наперёд, обращаясь с ним, должно привыкнуть к его произношению. Он произносит странным образом наыворот, так что иногда непонятно бывает, а иногда другое значение даёт словам своим; его ответы живы и непринуждённы, никогда не переменяет своих мыслей и говорит чистосердечно, иногда и нацёт каждого. Обхождением приятен, нравом постоянен, но очень подозрителен. Посмотрит ли кто на что-нибудь, то в ту ж минуту представляет себе, что у него украли, от чего часто кажется безпокойным. Я удивлялся его трезвости, что совершенно не сходствует с свойством сея страны. Когда он решился не пить крепких напитков, то нельзя было принудить его, чтобы он хоть одну каплю водки выпил; просит подать себе оной, как захочет, и много никогда не пьёт. Я заметил, что он по-китайски за столом употреблял две палочки, которыми действовал очень проворно.

Монета японская. Я просил его показать мне монету своего отечества, и он не отказал удовлетворить моему любопытству. Монета золотая была наподобие листка длиною около двух дюймов, толстовата и почти продолговатая, имеет надпись японскую. Золото показалось мне очень чисто, без всякой примеси и легко гнулось. Монета серебряная была квадратная, немного поболее, тонее и легче золотой, и он меня уверял, что в Японии она дороже стоит золотой. Монета медная такая же, как и у китайцов *каш*; круглая, величиною с наши копейки, посреди имеет четвероугольную скважину.

Товары, составлявшие груз японского судна. Я спросил у него о товарах, которые были сбережены по разбитии его корабля, и из ответов его понял, что они состояли из чайных чашек, ящичков и прочих тому подобных мелочей; был также очень хороший лак. Часть оных уже продал в Камчатке.

Я думаю, меня простят в том, что я распространился в описании японцов, ибо я не думал, чтобы оное было противно, потому что оно может служить понятием о таком народе, котораго мы очень редко имеем случай видеть и слышать.

Отъезд из Нижнекамчатска. Препроводив трое суток в Нижнекамчатске, я поехал 12-го числа в час за полдень догонять

г. Козлова, котораго наверное полагал найти в Иеловке. Выехал опять на оставленную мною дорогу. Прибыл довольно рано в Чоки, ближайшую деревню от Нижнекамчатска, отстоящую от онаго не более, как на двадцать две версты. Там был сильной и безпрестанной ветр с западной стороны, причиною чего считают положение сего острога на берегу реки между двумя полосами гор, разделяемых от оной и продолжающихся по обоим берегам на двадцать вёрст.

Ночевал я в Камокове, на другой день рано приехал в Каменной острог, а оттуда отправился в Харчино. На дороге переправлялся чрез три озера, из коих последнее очень велико и в окружности имеет около двадцати вёрст. Ночевал в последнем остроге, отстоящем от предыдущаго на сорок вёрст и лежащем на реке Харчине (вообще, все деревни называют именем рек, на берегу коих находятся, выключая лежащих на реке Камчатке).

Выехал оттуда до разсвету и, несмотря на дурную погоду, продолжавшуюся весь тот день, проехал семьдесят вёрст, остававшихся до Иеловки. Сей острог стоит на реке того ж имени и окружён горами.

Г. Козлов удивился моей точности, но я тщетно ласкал себя надеждою, что, увидевшись, не мешкая, поедем. Некоторые дела по должности его задержали в оном; однако ж он ожидал, что и г. Шмалёв скоро приедет к нам. В самом деле, смотря по расположению нашей дороги, ему можно было застать нас в Иеловском. Мы остались там ещё на пять дней, как для окончания дел, так и ожидая его напрасно. По моей нетерпеливости г. губернатор согласился выехать 19-го числа очень рано.

Непогода на дороге. Мы проехали сперва пятьдесят четыре версты довольно спокойно, но после обеда настала непогода с западной и северо-западной стороны. Мы проезжали поле. Вихри так усилились, что нельзя было ехать.

Снег, поднимаемый ветром на воздух, затмевал свет подобно туману, а наши проводники, несмотря на то, что все дороги были известны им, безпрестанно твердили, как бы не заблудиться. Мы бы никак не стали продолжать дороги, но несносно казалось оставить себя на произвол страшному урагану. Я уже начинал мучиться от беспокойств, но в то самое время наши проводники предложили нам своротить в лес, которой от нас не очень далеко был и в котором, по крайней мере, могли бы сыскать безопасное убежище. Мы недолго колебались в том, чтобы согласиться на их предложение; но нельзя было видеть, нам надлежало подождать, пока все повозки собрались в одно место, иначе, разделившись, мы

бы разтеряться. Собравшись, мы поехали к лесу, который, по счастью нашему, недалеко был. Мы стали тут в два часа за полночь.

Каким образом камчадалы приготавливают себе постели на снегу. Во-первых, камчадалы выкопали в снегу яму, который в сем месте глубиною был, по крайней мере, шесть футов. Другие принесли дров, тотчас развели огонь, и стало тепло. Лёгкой обед и несколько рюмок вина всех оживили. При наступлении ночи всякой старался сыскивать средства препроводить оную спокойнее; всякой старался о своей постели, а моя была в возке, в которой я свободно лежал, но никто, кроме г. губернатора и меня, не имел таких покойных повозок. «Как, — говорил я сам себе, — сии бедные люди будут спать?» Я безпокоился о них. Я видел, каким образом они готовили себе постели, и мне показалось то достойным примечания, хотя и просто её делали. Они, выкопавши яму в снегу, покрывают её самыми мелкими прутьями, потом, укутавшись в *кукланку* и надев на голову капишон, ложатся, как на самой лучшей постели. Собаки наши были выпряжены и привязаны к деревьям около нас, где они препроводили ночь, как обыкновенно, на снегу. Ветр гораздо утих, мы поехали до свету. Осталось ещё до Озернаго острога тридцать вёрст, где мы располагались ночевать. Приехали туда в десять часов поутру. Собаки наши очень замучились, так что принуждены были остановиться в оном и ночевать, надеясь, что ветер, который после обеда опять усилился, между тем временем утихнет.

Острог Озерной. Острог Озерной называется сим именем потому, что находится озеро близ онаго. Река Озерная течёт внизу сего острога и ничего в себе примечательнаго не имеет. Дом тойона состоял из одной избы, и мне сказывали, что такого строения не будет до самой Инжиги. Было в оном до пятнадцати балаганов и две юрты. Я бы описал здесь подземные жилища, но как оне малы, в разсуждении тех, кои в скором времени буду иметь случай видеть, то и оставляю оное.

Мы ещё одни сутки прожили в Озерном, ожидая напрасно сержанта из свиты г. губернатора, которой послан был в Нижнекамчатск. На другой день поехали в Уке и прибыли в оной очень рано, до котораго считают двадцать шесть вёрст. Мы не расположились ехать далее для того, чтобы дать время подъехать сержанту, как ему было приказано не мешкать, но он не бывал.

Острог Уке. Острог Уке состоит из одной избы, двенадцати балаганов и двух юрт, из коих одну опростали для г. Козлова, в которой мы препроводили ночь.

Выехали из сей деревни на разсвете, на половине дороги видели несколько пустых балаганов, в которых живут только во время рыбной ловли. Недалеко от оных было море, по берегам которого мы ехали несколько времени. Я досадывал на то, что не мог сам собою узнать, как далеко оно замёрзло и какое было положение сей части восточного берега Камчатки. Северной ветр очень беспокоил нас, и снег стремился прямо нам в лицо, так что мы не могли от онаго защититься; сверх того стоял над морем туман, который начинался с берегов и продолжался далеко, и закрывал совершенно от глаз наших всё море. Тамошние жители, у которых я спрашивал, сказывали мне, что мы едем вдоль большой губы и что море покрыто льдом на тридцать вёрст от берега.

В Халули. Байдара, обитая кожей. Халули — острог, лежащий на реке того же имени в шестидесяти шести верстах от Уке, и немного отдалившийся от моря, состоит из двух юрт и двенадцати или тринадцати балаганов. Я в оном, к удовольствию своему, увидел байдару, обшитую кожей. Длина сего судна от пятнадцати до осьмнадцати футов, а ширина четыре, всё основание онаго состояло из весьма тонких, решеткою сплочённых, драниц, а дерево длинное и толстоватое служило килем. Рамы были связаны ремнями и покрыты многими кожами волков морских большого рода. Я удивлялся тому, как сии кожи были выделаны и хорошо сшиты, что вода не могла проходить в судно. Оно походило на наши, но не так кругло и красиво; сужено к концам наподобие шпиля и имело плоское дно. Для лёгкости сего судна, очень кочливаго, вероятно, по нужде таким образом строили, чтобы не опрокидывалось. Сия байдара стояла под навесом, который сделан был для защиты онаго от снегу. Халульский тойон уступил нам свою юрту, в которой мы ночевали, ибо принуждены были дожидаться другого дня, чтобы ехать, по той причине, что ветр по прибытии нашем усилился и не прежде ночи перестал.

В десять часов утра мы потеряли из виду Халули и проехали мимо старой деревни того же имени, оставленной по причине худаго местоположения. Далее миновали пустыя жилища Ивашкинского острога, перенесённые по той же причине на несколько вёрст от перваго места. Потом опять приехали к морю и продолжали дорогу несколько времени по восточному берегу онаго. Оно представляло нам в сем месте другую губу, которую также хотел было я по своему обыкновению осмотреть, но густой туман, бывший на море, а особливо около берега, не позволял мне оное сделать, однако ж мне казалось, что туман светлее становился по

мере, как ветер, дувший до сего времени с западной и северо-западной стороны, становился северо-восточным.

Ивашкинской острог. Ивашкинской острог находится в сорока верстах от Халули и очень близко к морю; состоит он из двух юрт и шести балаганов, построенных на речке того же имени, которая также вся замёрзла, как и прежняя.

В Дранках нашли российского офицера г. Гауса. Мы ночевали в сей деревне и, опасаясь урагана, которым нас напугали, пробыли в оной некоторую часть дня. Как страх наш миновался, то мы, несмотря на то, что довольно поздно было, решились выехать, намереваясь ночевать в Дранках, до которых считают тридцать вёрст. Положение сего острога было такое же, как и прежнего. В нём был г. Гаус, российской офицер. Он приехал туда из Тигила и привёз к г. губернатору разныя вещи, касательно до натуральной истории.

Губа, выгодная и примечания достойная. Мы выехали из Дранок на разсвете. После обеда переехали губу, которой ширина пятнадцать, а длина двадцать пять вёрст; при входе своём не более пяти вёрст имеет и составляет южным берегом. Она глубока, но по мере приближения к морю становится мельче. Направление губы к западу, северо-западу и к востоку, юго-востоку. Мне показалось, что к западу, северо-западу при входе своём к Карагонскому острогу корабли могут быть защищаемы от ветров южных, западных и северных. Южная часть оной ничего не обещает хорошаго. Тамошние жители уверяют, что много имеет в сем месте отмелей. Я принужден был поверить их словам, потому что лёд и снег препятствовали мне самому узнать обстоятельнее.

Острог Карагинской. Мы проехали в сей день семьдесят вёрст, а вечером прибыли в Карагинской острог. Он стоит на возвышенном месте, с котораго видно всё море; строений в нём: три юрты и двенадцать балаганов, мимо которых течёт река Карага. Она впадает в море на несколько ружейных выстрелов от острога, составляющего последний острог из Камчатского уезда, потому что не считают уже сельца, отстоящего от онаго на сто вёрст и имеющего в себе очень мало камчадалов.

Как мы принуждены были здесь дожидаться запаса, состоящего из сухой рыбы, оставленного назади и определённого для корму наших собак в степях, которые нам переезжать надлежало; то я употребил сие время для того, чтобы сделать описание примечания достойных предметов в сем и предыдущих острогах. Они не будут помещены таким порядком, как я их проезжал, потому что по скорой езде нашей нельзя их в точности представить.

Может быть, мне выговаривать станут за то, что я делаю часто сухия и единообразныя описания. Я бы избежал оных, естли бы не намерен был описывать всё с исправною точностию, но естли кто представит себе, какими я предметами был окружён в неизмеримой стране, тот узнает, что они везде одинаковы. Теперь судите, от меня ли зависит делать перемены в описаниях и не быть подвержену упрёкам.

Карагинский острог и описание юрт. Во-первых, я скажу что-нибудь о юртах, которых не описывал, потому что оне показались мне заслуживающими особое внимание. Сии странные дома строятся в земле, как я уже сказывал (проездом чрез Паратунку я упоминал о юртах; оне почти все развалились, так что нельзя было описать наружнаго вида оных), а крыша, выведенная наверх, имеет вид усечённаго конуса. Но чтобы иметь ясное понятие об оных, то должно представить себе большую квадратную яму, около семи аршин в поперешнике и восемь футов глубины. Четыре стороны оной покрыты брёвнами или досками, а все промежутки стен наполнены землею, соломою или травою сушёною и камнями. На дне сей ямы поставлены многие столбы, поддерживающие перекладыны, на которых укреплена крыша; она начинается с поверхности земной, и не выше четырёх футов бывает; толстота оной в два фута, а крыша немного поката, около вершины сделано окно. Сие отверстие имело четыре фута в длину и три в ширину, сквозь которое выходит дым. Дыму бывает так много в сих подземных жилищах, что не может весь выйти сквозь оное отверстие. Для сего самага делают в не занимаемом углу позади печи род отдушины наклонённой, он называется *жупаном*. Отверстие оной проводится наружу на несколько футов от окошка, закрывают оное обыкновенно плетёнкою или соломенною решёткою.

Входят в юрту по лестнице или по столбу со ступенями, который ставится внутри к отверстию; по оному ходят как мужчины, так и женщины. Считают за безчестие ходить в низкую дверь, сделанную в стене юрты. Что ж касается до внешняго описания сих жилищ, то надобно упомянуть, что они окружены довольно высоким палисадником, вероятно, для того, чтобы защититься от ветру и падающаго снегу; а другие уверяют, что сии стены служили защитою сим народам от неприятелей.

Внутреннее разделение и украшение юрт. Естли захотят быть вне сих диких жилищ, то выходят наверх; вид и запах в них испорчены, и одна комната составляет всю внутренность оных, вышиною около десяти футов. Кругом покоя делается подмосток

шириною в пять футов, покрытый старыми кожами оленей, морских волков и прочих зверей. Сей подмосток вышиною от земли на один фут и служит обыкновенно постелью для них. Я нащитал в одной юрте более двадцати человек, как мужчин, так и женщин. Все вместе едят, пьют и спят, как ни попало, без омерзения и стыда исполняют телесныя свои нужды, и никогда не скучают на дурной воздух, бывающий в сих местах. Огонь почти всегда горит. Обыкновенно очаг делается посредине или к стороне. Вечером горящия уголья собирают в кучу и запирают оба отверстия для дыму; таким образом комната нагревается, и тепла бывает во всю ночь. При свете тёмной лампы, которой вид и запах, от оной происходящий, уже известны, можно рассмотреть в углу покоя (сие место некоторым образом отделено от общего покоя, оно не так замазано, потому, что не часто туда ходят, сберегая, как назначенное для приёму гостей) образ какого-нибудь святого, лоснящийся от жиру и почерневший от дыму. Пред сими образами они поклоняются и читают молитвы свои, а прочия домашния украшения состоят из скамеек, деревянной и берестовой посуды, а поваренная посуда вся или железная или медная, но всё вообще не чистой работы. Куски сушёной рыбы валяются по разным местам, а всякую минуту женщины и дети жарят куски лососиной кожи, почитая оную лучшим кушаньем.

Платье детей. Детское платье обратило на себя моё внимание по своей странности, и сказывали мне, что оно совершенно сходствовало с корякским. Оно цельное, делается из оленьей кожи так, что покрывает и обхватывает все части, представляя детей как бы зашитыми со всех сторон. Одно отверстие внизу наперед и назад служит для очищения их. Сие отверстие закрывается лоскутком кожи, которая так привязана, что может подыматься в случае надобности; он поддерживает пучок моху (также потребляют траву *тонхичу*), которой кладут вместо пелёнки детям и переменяют, если замазается. Кроме обыкновенных рукавов, есть ещё два у платья их, в которые они прячут руки во время холоду, они по концам зашиты, а внутри оных кладётся мох. Одевают их сверх того в капишон из такой же кожи, как и платье, но в юртах почти никогда не покрывают их голов, и капишон тогда висит на спине. Подпоясывают широким оленьим ремнём. Матери носят их на спине своей с помощью ремня, который обвивается вокруг лба женщины и задницы младенца.

Карагинской тойон, у котораго мы стояли, был старинной бунтовщик; едва могли убедить его к исполнению своей должности,

он наделал нам несколько беспокойства, отказываясь совершенно сыскать рыбы.

Нравы жителей сего острога очень сходны с коряками, их соседями. Сие сходство примечается не только в наречии языка, но и в одежде детей. Я имел случай заметить то на другой день нашего приезда.

Узнавши, что в окружности были две орды коряков оленных, мы послали к ним тотчас нарочнаго спросить, не продадут ли они нам оленя? Они не заставили себя просить, ибо в тот же день привели к нам двух. Сие очень успокоило наших людей, которые начинали было беспокоиться о том, что будут иметь недостаток в пище, но более голод угрожал нашим собакам, потому что корму для оных не привезли. Тотчас убили одного оленя, что же касалось до условия о цене, то мы с великим затруднением могли условиться с продавцами. Они не говорили ни по-русски, ни по-камчатски, а знаки их не были вразумительны. Мы бы никогда не поняли их, если бы один карагинской житель не служил нам вместо переводчика.

Разделение коряков на два рода. Два рода коряков; одни называются коряками сидячими, потому что имеют жилища свои неподвижные, а другие кочующие, известные под именем *оленных коряков*; они имеют многочисленныя стада для своего пропитания и пасут их на таких местах, где много моху. Ежели сей корм начинает переводиться, то они ищут других; таким образом, они переходят с места на место, живя в кожаных палатках и питаясь своими оленями.

Сказывали мне, что некоторые из сих коряков ездят на остров Карагин, в двадцати шести верстах находящийся от деревни того ж имени на востоко-юго-восточной части губы. Я думаю, что уже давно известен сей остров.

Сии животныя служат им не менее для перевозки, как и собаки камчадалам. Коряки, бывшие у нас, приехали на двух запряжённых оленях, но запряжки оных, езда и вид повозки заслуживают особое описание. Однако ж я думаю, что согласны будут читатели отложить оное до того времени, как я, проезжая мимо сих народов, буду иметь случай сделать подробнейшия замечания об них.

Привоз запаса. Ожидаемой запас привезён к нам вечером 29-го числа сержантом, для котораго мы мешкали несколько дней. Мы располагались ехать на другой день поутру, но во время ночи поднялся ветр очень сильной западной и северо-западной. Сей ураган сопровождаем был снегом, котораго так много выпало, что

мы принуждены были отложить наш выезд до другого дня. Надобно ж быть такому страшному времени для нашей задержки, ибо по привозе запаса мы сделались нетерпеливее; запаса было немного, а по необходимости и начали его уже употреблять. Итак, для нашей собственной пользы нельзя было мешкать, дабы прежде времени всего не истратить.

Поутру ветер утих, но снег не переставал и небо угрожало нам новою бурей к вечеру того дня. Она в самом деле стала усиливаться около двух часов по полудни и продолжалась до вечера.

Славная плясунья-камчадалка. Для разогнания нашей скуки советовали нам позвать и посмотреть искусства в пляске камчадалки, живущей в Карагинском остроге. Мы очень любопытствовали её видеть, призвали к себе, но она по упрямству или дикости не согласилась плясать, несмотря на все наши прозбы. Тщетно представляли ей, что она тем делается ослушною и не почтительною против г. губернатора; ничто не могло её склонить. К щастию нашему, мы близко имели водку, несколько рюмок оной переменяли ея упорство. В то время по нашему научению один камчадал стал плясать перед нею, вызывая её голосом и телодвижением. Мало-помалу глаза сей женщины стали воспламеняться, заметили в ней нетерпеливость, и все тело ея дрожало, как она сидела на подмостке. На ужимки и вскрикивания плясуна она отвечала таким же голосом и била в такт качанием своей головы разным образом. Наконец телодвижения так сделались убедительны, что она, не будучи в силах удержать себя, вскочила на землю, стала вызывать со своей стороны человека того криком и кривлянием очень странным. Нельзя представить себе, как смешною представилось мне ея пляска; все члены ея казались быть не на месте; она двигала их сильно и проворно, ударяла себя в грудь с видом бешенства, открывала, как будто бы хотела разтерзать, его и платье на себе. Сверх странных движений положения ещё были странные, словом, она походила не на женщину, а более на фурику. В слепом бешенстве своём она бы попала во огонь, горевший посреди юрты, ежели бы муж ея для предосторожности не поставил скамейки и, сверх того, не отходил от неё ни на шаг. Когда заметил он, что она, совершенно потеряв память, бросалась во все стороны и что принуждена была, дабы поддержать себя, ухватиться за плясуна, то он взял её в свои руки и отнёс на подмосток. Она упала на оной, как колода, не имея чувств и дыхания. Она была около пяти минут в таком состоянии, а камчадал, гордясь своею победою, не переставал петь и плясать. Опамятовавшись, сия женщи-

на услышала пляску. Вдруг, несмотря на свою слабость, опять вскочила, вскрикивая нескладные слова, и хотела опять начать трудной спор. Муж, удержав, просил извинения вместо неё; а победитель, почитая себя неутомимым, продолжал её вызывать так, что мы принуждены были властью велеть ему замолчать. Несмотря на похвалы, приписываемые действующим лицам, я признаюсь, что мне представление сие не весело показалось, а более, естли сказать правду, презрение произвело.

Склонность сих народов к табаку. Мужчины, и женщины, и все люди здесь курят и жуют табак. По хитрости своей, которой я, однако ж, не знаю, мешают его с золою для того, как мне сказывали, чтобы он был крепче. Жители, которых мы потчивали тёртым табаком, берут его не в нос, а в рот. Я разсматривал их трубки, они таковы же, как и китайские, все были цельные из кости и очень малы. Когда они курят, то дыму не выпускают изо рта, а глотают его с удовольствием.

Все тойоны из острогов, которые мы проехали, начиная с Озернаго, из усердия и почтения к г. Козлову провожали нас до Ко-рагинскаго.

На третий день нашего приезда они стали проситься у нас в свои деревни. Их прощания были трогательны. Опять попросив извинения у г. губернатора в том, что не могли его лучше принять во время проезда, изъявляли пред ним чувствительнейшее сожаление о разлуке своей с ним, как бы оставляли его посреди великих бедствий. Несли к нему всё, что имели, не имея другим чем оказать знаков своей приверженности. Равным образом просили и меня неотступно взять что-нибудь у них. Тщетно я отговаривался, мои отговорки делали их упорнее, и так для их удовольствия принуждён был принять подарки.

Я отдаю долг справедливой признательности всему камчадальскому народу за все обязанности, какими я пользовался в бытность свою у них. Мне весело было вспоминать всегда о том, с каким усердием они угощали и принимали меня, мне приятно было видеть их ласковость и приветливость ко мне, но не могу найти довольно слов, чтобы описать их приверженность и усердие, какия оказывали мне сии добродушные люди. Не было, кажется, ни одного начальника в острогах, который бы не подарил меня чем-нибудь: или собольею шкуркою, или лисьею, или рыбою, или плодами и прочими вещами, которья, по мнению их, могли быть приятны для меня. Я всегда отказывался от их подарков, они опять приходили с тем же и принуждали меня принять, они старались

загладить предо мною свой проступок и несправедливость, какую они долгое время оказывали ко всем французам. Часто благодарили меня за то, что я вывел их из заблуждения в разсуждении нас, иногда изъявляли своё сожаление о том, что меня более не увидят и что мои соотечественники редко имеют случай ездить на их полуостров.

Выезд из Карагинского острога и круг, сделанный по причине взломавшегося льду на морской губе. Мы выехали из Карагинского острога в час поутру в тихое время, которое продолжалось во весь день. Одну только противность на дороге встретили от того, что мы не могли переехать морскую губу по нашему желанию, на которой лёд прошедшая буря взломала. Так мы принуждены были сделать круг. Сия губа очень глубока, в ширину имела от осьми до десяти вёрст, и направление оной показалось мне к северо-востоку и к юго-западу. Лёд повредился только до устья, а от онаго был твёрд и продолжался в море. Итак, по причине круга, которой сделать принудила нас оттепель, мы проехали в тот день только пятьдесят вёрст.

Описание нашего ночлега на открытом поле. При наступлении ночи мы остановились на открытом поле. Тотчас раскинули палатки, под самую большую, принадлежащую г. Козлову, его и моя повозка подвезены были и поставлены дверцы к дверцам так, что мы, опустя стёкла, сделанные из слюды, могли удобно разговаривать между собою и передавать друг другу, что надобно было. Прочия повозки по две в ряд были поставлены около нашей палатки, одна от другой на одну повозку, покрыты парусиною или кожею, под покровом которых наши проводники и люди, бывшие с нами, могли спать. Вот какое расположение было нашего ночлега на открытом поле.

В чём состоял наш ужин. Как котёл с водою вскипятили, то мы напильсь чаю, а между тем готовили для нас ужин. Капрал, как хозяин и повар, занимался оною работою; он готовил не очень вкусныя и многия кушанья, но мы, имея хороший аппетит, довольны были, тем более, что проворно стряпал. Он обыкновенно готовил нам суп с чёрным хлебом, сарочинским пшеном (рисом. — *Ред.*) или овсяною крупкою, которой в полчаса попевал, а варил его следующим образом: брал кусок мяса и, не кладя ещё его в воду, изрезывал в мелкия и тонкия куски, которые в минуту попевали. Накануне нашего отъезда из Карагинского острога мы убили и почали втораго оленя. Мы подчивали друг друга жареным и сырым мозгом из костей онаго, кото-

рый показался мне очень вкусен. Велели сварить язык, и я ничего приятнее не едал.

Недостаток в корму для собак, из коих несколько умерло. Мы поехали в дорогу очень рано, но нельзя было переехать более тридцати пяти вёрст. Ветр переменился; стал дуть западной и юго-западной так сильно, что заметал нас снегом навстречу. Проводники наши терпели многия затруднения, а особливо собаки, из коих многия от усталости померли на дороге; другия не могли итти от слабости по причине недостатка в пище. Им давали только четвёртую долю обыкновенной порции, и едва оставалось ещё им пищи на два дни.

В такой крайности мы решились послать солдата в Каменной острог с требованием для нас помощи и с приказанием итти к нам навстречу проводникам, дожидавшимся в оном г. Козлова. Их было сорок человек, коих послали туда из Инжиги, как скоро услышали о возмущении коряков.

Приезд в сельцо Гавенки. Нам оставалось только пятнадцать вёрст до сельца *Гавенки*, где мы надеялись сыскать рыбы для наших собак и в надежде сего осмелились дать вечером двойную порцию, дабы сделать их в состоянии везти нас. Препроводив ночь таким же образом, как и предыдущую, пустились в дорогу в три часа поутру, оне отделились от морского берега до самых Гавенок, в которыя приехали в десять часов. Сие сельцо так называется по причине своей гнусности и бедности. В нём только две юрты и шесть балаганов, построенных из негодного криваго лесу, которой море иногда прибывает к берегам, ибо нет ни одного дерева в околележащих местах онаго, а только местами одни мелкие и редкие кусты. Я не удивлялся тому, что недавно двадцать человек жителей тамошних по своей воле оставили оное, желая сыскать лучшее жилище себе. Теперь здесь не более пяти семей, в числе коих тойон и ещё два камчадала, пришедшие селиться из Карагинскаго острога. Мне не сказывала причины, для которой они переменили место своего жилища, но не думаю, чтобы они от сей перемены имели какой-нибудь выигрыш.

Описание Гавенок. Спустя один час по приезде нашем в Гавенки произошла ссора между нашим сержантом и двумя мужиками того сельца, у которых он просил дров. Они грубым образом отвечали, что не хотят дать. Слово за слово разгорячились, камчадалы, не уважая угроз сержанта, схватили свои ножи (ножи могли быть длиною около двух футов, они их привязывают к поясу, вкладывая в ножны) и бросились на него, но тотчас были обезоружены

двумя солдатами. Как скоро г. губернатор услышал о сем произшествии, то приказал примерно наказать виноватых. Велел их привести к юрте, в которой мы были, и старался внушить страх прочим жителям. Вышел сам к ним, дабы тотчас им наказание сделать. Тойон, оставшийся со мною, начал роптать на строгость, с какою обходились с его единоземцами; семья его окружила меня, ещё более крича. Я был один и, стараясь успокоить их, заметил что г. Козлов позабыл своё оружие. Усмотря первое движение, по которому я знал, что тойон хотел выйти вон, взял саблю с собою и вслед за ним же вышел.

Он уже подошёл к г. губернатору и, возмущая стоящих с ним, просил с криком, чтобы развязали преступников, говоря, что он один здесь судья и что ему одному должно их наказывать. На досадные сии крики г. Козлов отвечал суровым взглядом, которой прекратил наглость мужиков и их начальника. Он ещё проговорил несколько слов, но его схватили и принудили быть при наказаний, которому он противился. Из двоих возмутителей, осуждённых на оное, один был молодой человек осьмнадцати лет, а другой около тридцати. Их раздели, положили на землю, по двое солдат держали за руки и за ноги, а четверо били по спине. Их секли одного после другого сухими еловыми лозами, так что вся спина покрылась кровью. По просьбе женщин, которыя по слабости своего пола всегда бывают сострадательны, прекратили наказание, отдали им молодого человека. Оне тотчас сделали ему прекрасное увещание, которое он хорошо принял, ибо не был в состоянии ни слушать, ни подумать о вторичном бунте.

Жители отказались сыскать нам рыбы. Строгость, какую употребил в сем случае г. губернатор, была необходима, судя по вредным и неприязненным обхождениям беспокойных коряков. Жители гавенские, будучи совсем противных нравов в разсуждении камчадалов, заставили нас сомневаться в том, чтобы они были тот же самый народ. Сколько мы хвалили ревность и благосклонность первых, столько сожалели о грубости и плутовстве последних. Мы никоим образом не могли выпросить у них рыбы для наших собак; они уверяли нас хладнокровно, что нет у них, но несогласные ответы изменили им, и наши люди скоро узнали их несправедливость. Копааяся, они дорылись до их подземных хранилищ, где сии люди до нашего приезда спрятали свой запас. Несмотря на осторожность, с какою закрывали признаки, засыпая их искусно землю и снегом, в скором времени всё разрыто было нашими собаками, к чему понуждали их голод и обоняние.

Видя, что ямы их были разрыты и из оных выбрана рыба, жители представляли нам слабыя причины для своего оправдания. Сим поступком они увеличили наше негодование против их, и не жалея их, мы бы всё могли взять, но довольствовались только малою частию.

Какая рыба ловится на сих берегах. По доставаемому запасу из ям заметили мы, что на сих берегах ловится лососина, сельди, треска и разные двустихийныя животныя.

Озеро близ Гавенок. Нет близко ни ручейка, ни речки, но одно только озеро, доставляющее воду гавенским жителям. Зимую они колют лёд, берут его большими кусками, кладут в корыта висящия, в рост человека. От великаго жару лёд понемногу тает, а сию самую воду черпают и пьют.

Отъезд из Гавенок. Близ сей деревнишки есть гора или род окопа, сделаннаго сими людьми, которые имели там убежище во время бунту. Мы стояли в Гавенках не более двенадцати часов, поехали ночью в Пусторецк, отстоящий от оной более, нежели на двести вёрст. Надлежало нам быть, по крайней мере, пять дней добрых в дороге, и никогда в дороге таких затруднений не имели. Мы первой день ещё не жаловались, а на другой снег и ветер очень беспокоили нас. Они переменялись безпрестанно и с такою жестокостию, что ослепили наших проводников. На четыре шага пред собою ничего не видели, не могли даже видеть и повозки, первой едущей за ними.

К большому несчастию, проводник, взятой нами из Гавенок, был стар и близорук, часто сбивался с дороги; тогда он останавливался, ходил один наперёд, ища примет по дороге, но как можно было сыскать их на большой степи, покрытой снегом, на которой не было ни лесу, ни гор, ни рек? Несмотря на удивительное знание сей дороги, наш проводник со всем своим искусством по причине худой погоды часто делал ошибки; по небольшому пригорку, по кусточку узнавал дорогу, однако ж по ошибкам его надобно думать, что мы всякой день вёрст двадцать делали кругу.

От голоду наши собаки умирали. По прошествии двоих суток досталась моим собакам только одна рыба. Недосток в пище в скором времени привёл их в слабость, едва могли тащить нас. Одне издыхали под ударами наших проводников, другия становились негодными к употреблению, иныя падали на месте от изнурения голодом. От тридцати семи собак, запряжённых при выезде моём из Большерецка, осталось только двадцать три, да и те были очень слабы. Г. Козлов также потерял много своих.

Наконец голод так сделался велик, что мы накануне предвидели, что нам не выехать из степи. За недостатком рыбы для наших собак уделяли из собственного нашего запаса, но очень мало, потому что из предосторожности нам должно было наблюдать крайнюю бережливость.

Мы оставили некоторыя свои повозки на дороге. В такой крайности мы оставили некоторыя свои повозки на дороге под приглядом проводников, запрягали, выбравши из всех повозок лучших собак, и поехали, взявши нужнейшия только вещи с собою.

Новыя затруднения. Однако ж мы не избавились хлопот и безпокойств: у нас не стало воды, а ручёек, на дороге нам попавшийся, покрыт был толстым льдом; и так утоляли жажду свою снегом. Недостаток в дровах также приводил нас в смущение. Не было ни деревца на дороге. Мы с версту ездили в сторону от дороги, когда видели негодное дерево не более фута вышиною. Всё, что ни попадалось нам на дороге, тотчас рубили и брали с собою, опасаясь иметь нужду, но так мало и редко попадалось, что с трудом могли сварить себе кушанье. Нечем было разкладывать огонь для того, чтобы согреть себя. Стужа была жестокая, а по тихой езде совсем перемерзли, на всяком шагу принуждены были останавливаться для того, чтобы выпрягать собак, умирающих друг за дружкую.

Я не могу изобразить всего, что происходило во внутренности моей в таких обстоятельствах. Я более мучился мыслями, нежели тело моё жестокими приключениями. Я разсуждал на свободе о безпокойствах, какия претерпел со своими товарищами. Их пример и молодость моя давали мне силу всё перенести мужественно, но я терял твёрдость, воображая о своих депешах. Дни и ночи проходили, а я дожидался и проводил оныя с ужасом. Нетерпеливость моя исполнить наложенную на меня должность, представление препятствий, неизвестность оныя преодолеть, все сии воображения приводили кровь мою в волнение. Я старался освободиться от оных, но частыя огорчительныя встречи опять их возобновили.

Средство, употребляемое нами для поощрения собак. Выехав из Гавенок, мы оставили восточной берег, а западной представился нам в двух верстах от Пусторецка; и так мы проехали поперёк сию часть Камчатки, имеющею, по-видимому, не более двухсот вёрст. В дороге более шли пешком, нежели сидели в повозках, ибо наши собаки так изнурились, что мы за лучшее почли для облегчения их переносить трудности дороги на себе и всегда ехали шагом. Проводники наши безпрестанно тащили сами повозки, а мы для

поощрения собак свертывали свои платки наподобие рыбы и манили их, идя наперед, они следовали за сею приманкою, которая по мере их приближения удалялась.

Приезд в Пусторецк. Помощию сего средства переправились мы чрез гору, идущую к Пусторецку. Я почитал себя избавившимся от всех хлопот, взошед в сию деревнишку, смотря по ласковой встрече женщин, вышедших к нам. Их было шесть, и оне окружили нас со знаками глупой своей радости. Мы из слов их поняли, что мужья их пошли в Потнагорной острог искать кита. Оне повели нас в свои жилища с песнями и прыганьем, как сумасбродныя.

Одна из них скинула с себя оленью парку, дабы одеть оною г. губернатора. Другия изъявляли громким смехом свою радость о нашем приезде, уверяя, что оне никак нас не ожидали. Хотя сие нам невероятным казалось, но мы не подавали и виду своего сомнения, надеясь чрез то быть от них лучше принятыми.

Мы приехали в Пусторецк 9-го числа в три часа пополудни и прежде всего постарались осмотреть закромы с рыбою. Как мы опечалились, найдя оныя пустыми! Вдруг стали подозревать, что жители взяли такую же предосторожность, как и гавенские; расспрашивали женщин, рылись во всех норах, думая, что запас был спрятан, чем более отрекались, тем более делали поисков, но без пользы, ибо ничего не нашли.

Печальное зрелище, какое представляли нам собаки. Между тем отпрягли собак и связали их в кучу, как обыкновенно. Как скоро оставили их у столба, то оне с жадностию кинулись на свои завязки и хомуты, в минуту всё съели. Тщетно их удерживали, большая часть убежала в поле и, скитаясь по оному, ели всё, что зубы их могли грызть. Некоторые из них всякой час умирали и становились пищею других. Оставшияся тотчас бросались на падаль и разрывали оную в куски; похититель за всякой член должен был спорить с кучею приступающих к нему с жестокостию. Естли он от множества побеждён бывал, то становился предметом новой драки. Мы для защиты своей от сих голодных собак принуждены были не выходить без палок или других каких орудий, могущих их разогнать. При страшном зрелище пожирающих друг друга собак представляли печальной вид лежащие возле нашей юрты. Сии животныя так были худы, что едва могли двигаться, их жалкое и безпрестанное вытьё, казалось, требовало помощи и упрекало нас в том, что мы не в состоянии были сделать оной. Многия из них, будучи мучимы стужею и голодом,

легли на краю отверстия юрты, сделанного на крышке, в которую идёт дым. Чем более оне чувствовали теплоты, тем более подвигались; наконец от слабости или перевесу падали на огонь при наших глазах.

Солдат, посланный в Каменной острог, остановился на дороге. Немного спустя после нашего приезде воротился к нам проводник, посланный с солдатом 9-го числа в Каменной острог с требованием помощи. Он уведомил нас, что поверенной наш сам имеет крайнюю нужду в оной и, к щастию своему, нашед на дороге в двенадцати верстах от Пусторецка негодную пустую юрту, спрятался в оной от непогоды, по причине которой раз десять сбивался с дороги. Запас, данный ему и для его собак, весь изошёл, и он с нетерпеливостью ожидает, чтобы его избавили от такой крайности, без чего нельзя ему оставить место своего убежища, как для исполнения данного ему приказания, так и для приезде сюда.

Г. Козлов, не унывая от новаго противнаго случая, ободрял нас, предлагая сделать последнее средство. Уверившись, что кита выкинуло на берег близ Потнагорнаго, он послал туда нарочнаго с приказанием, чтобы он, нимало не мешкая, привёз мяса и жиру сей рыбы, сколько можно более.

Сержант Кабешов поехал в Каменной острог с остальною частию нашею запаса. Хотя сия помощь ещё была ненадёжна, однако г. губернатор предложил нам, чтобы мы пожертвовали частию нашего запаса, хранимаго для собственных каждого собак. Надобно было уделять сержанту Кабешову, назначенному ехать в Каменной острог. В рассеянности нашей малой блеск надежды заставлял отваживаться на всё. Мы приняли сие предложение с радостью, препоручая себя усердию и расторопности сего сержанта.

Он поехал 10-го числа, получа подробныя наставления и будучи известен об оставшемся у нас запасе. На дороге должен был взять с собою беднаго нашего солдата и потом поспешать в назначенное место для исполнения должности, которой тот не мог совершить. Взяв все предосторожности, мы советовали ему быть терпеливу, а сами старались утешать друг друга во время таких огорчений, надеясь, что Провидению угодно будет избавить нас от бедствий. Я употребил сии свободныя часы на описание моих замечаний в Пусторецке.

Описание Пусторецка и округи онаго. Сия деревнишка стоит на пологости горы, омываемой морем, ибо нельзя того назвать рекою, что, собственно, составляет очень узкой залив, продолжаю-

щийся до самой подошвы сей горы. Вода солоновата и не годится для питья, за недостатком в оной мы таяли снег и пили его вместо пресной воды. Вся деревнишка состоит из двух юрт, в которых живут человек пятнадцать; можно причислить к оным несколько балаганов, куда жители переселяются при начале лета. Они построены на несколько вёрст далее от берега и юрт.

Какую пищу употребляли жители в бытность нашу у них. Они живут в оных, лучшее время занимаясь ловлею и приуготовлением запаса на зиму. Судя по кушаньям, готовимым для пищи их, надобно думать, что рыбы не очень довольны. Их пища во время нашего пребывания состояла из мяса или жиру китоваго, из корки древесной сухой и почек древесных, намоченных жидким жиром китов, морских волков и прочих животных. Они сказывали нам, что ловили на открытом море иногда мелкую треску. Я не знаю, сыскалили что-нибудь оной в некоторых углах, но мы, сделавши множество напрасных поисков и видя дурную их пищу, перестали трудиться напрасно, почитая их в самом деле такими бедными, каковыми они казались быть.

Способ ловить оленей. Способ ловить оленей, которых очень много в сих округах, не менее надёжен, как и удобен. Они обносят плетнём некоторое пространство земли, оставляя в оном несколько отверстий. В сих узких проходах ставят свои сети или петли, после того разходятся в разныя стороны и гоняют оленей в сии сети. Сии животныя, убегая от них, бросаются в оныя и бывают останавливаемы или за шею, или за рога. Но всегда очень много уходит, разрывая снурки или разламывая загородки; однако ж двадцать или тридцать человек, ходившие на ловлю, добывают в один раз более шестидесяти оленей.

Сверх домашних работ женщины выделывают кожи разных животных, а особливо оленей, красят и сшивают. Оне скоблят сперва их острым камнем, вделанным в дерево. Снявши жир, чистят до тех пор, пока сделаются не так толсты и мягки. Употребительнейший есть один тёмно-красной цвет; они достают его из ольховаго дерева. Кипятят его корку, трут оною кожу до тех пор, пока она напитается краскою. Ножки, употребляемыя для разрезывания оных, кривые, вероятно, изобретены сими народами.

Жилы, тонко ссученныя и приготовленныя сими женщинами, служат вместо ниток. Оне шьют очень хорошо, иголки привозятся из Охотска и ничего необыкновеннаго в себе не заключают, напёрстки их такие же, как у наших портных, и надевают на указательной палец.

В проезд свой чрез Карагинской острог я упоминал, как сии народы курят табак. Но принуждённым нахожусь опять повторить для того, что узнал о многих пагубных следствиях, происходящих от того, и был очевидным свидетелем примеров несчастных. В трубки их кладётся не более щепотки, и курят с излишеством несколько оных до тех пор, пока обезсилют, следующим образом: они дым не выпускают изо рту, но глотают; мало-помалу до такой степени пьянеют, что падают даже в огонь, естли оный близко их находится. Чубуки сих трубок делаются из дерева, вдоль разколотаго, открываются посредине, и по бережливости курящие скоблят их края, дабы опять курить сии оскрёбки.

К щастию, они научились употреблять в пользу свою постепенное увеличивание слабости своей, из предосторожности садятся и опираются на первой предмет, попадающийся им. Такой обморок продолжается не менее четверти часа, во время котораго оне находятся в жалком состоянии. Холодной пот выступает по всему телу, слюна течёт изо рту, дыхание тяготеет, и безпрестанно кашляют. Они почитают, что тогда только хорошо и курили, когда приходят в такое состояние.

Одежда. Ни мужчины, ни женщины не носят здесь рубашек (в описании камчатских одежд упомянуто, что они под парком носят короткия рубашки из китайки и бумажной материи), обыкновенная их одежда подобна оной, но короче и из оленьей кожи. Когда выходят куда-нибудь, то надевают наверх потеплее. Зимую женщины не носят юбок, но шаровары.

Г. Шмалёв приехал к нам. Г. Шмалёв 19-го числа приехал к нам. Возвращение его к нам тем приятнее было, что мы много безпокоились о нём. Уже шесть недель прошло, как мы с ним разстались (читатель вспомнит, что он нас оставил в Апачине 29 генваря) и около месяца времени прошло, как мы условились опять съехаться. У него осталось очень мало запасу, но его собаки были не так худы, как наши. Мы перевезли на них наш обоз, которой мы принуждены были оставить на дороге и о котором не получали никакого известия со времени нашего приезда.

Юго-западной ветр, причинивший нам множество безпокойств в дороге, продолжался с такою же свирепостью несколько дней; потом стал дуть северо-восточной, но время не менее было жестоко и при оном.

Казалось, что сама природа в гневе своём возстала против нас, умножая препятствия и продолжая наши бедствия. Пусть кто-нибудь испытает быть в подобном положении, тогда узнает, как

весело видеть себя угнетаемым непрерывными препятствиями, узнает, можно ли разбивать свои мысли, вооружаться терпением, и как от продолжительности теряются силы и слабеет разум. Ничто так не делает несчастия наши несносными, как неизвестность окончания оных.

Печальной ответ от сержанта Кабешова. Мы мало имели надежды получать письма из Каменного. Никакой помощи не обещал нам в оных Кабешов. Отряд из Инжиги был не в состоянии притти к нам навстречу; ибо живя около двух месяцев в Каменном остроге истратил не только весь свой запас, но и назначенной для нас. Собаки их также одна другую пожирали, как и наши, и сорок человек доведены были до последней крайности. Наш сержант уведомлял нас сверх того, что он вознамерился послать немедленно в Инжигу-город, служащий единым прибежищем в случае нужды. Нарочный от него не прежде мог возвратиться, как по прошествии нескольких дней, но сумнительно, чтобы и он принёс радостную ведомость; сей не мог иметь довольно запаса и собак, по причине многих требований, на которые он их посылал.

Г. Козлов получает ведомость о своем повышении. От сей печальной ведомости мы лишились всей надежды и почитали себя погибшими. Так были унылы и печальны, что г. Козлов сперва казался быть нечувствительным, получа известие о своём повышении чрез того же курьера. Письмами из Охотска уведомляли его, что императрица за услуги переименовала его из охотского якутским губернатором. В других обстоятельствах такая милость привела бы его в восхищение. Она открывала его ревности (старательности. — *Ред.*) пространное поле и надёжные средства употребить в пользу общества искусство своего правления, но он не был в состоянии представить себе все выгоды новой должности по месту. Он в опасности лишился всех чувствований и казался быть истощённым.

Я вздумал оставить г. Козлова. В такое опасное время вдруг вздумал я, что должно почитать божеским вдохновением оставить г. Козлова. Размышляя о том, чувствовал, что сие неучтиво будет против его и огорчительно для меня. Я, было, хотел переменить свои мысли, но тщетно: некоторое тайное побуждение советовало мне исполнить оныя. Я думал об отечестве своём, семействе и должности. Они взяли неоспоримую власть над моим сердцем, и я открылся в том г. Козлову. При первом случае предприятие моё показалась ему странным, и он хотел мне отсоветовать. Сильное желание исполнить оное доставляло мне убедительныя ответы

на все его представления. Я ему доказывал, что мы, вместе будучи, отнимали друг у друга средства продолжать дорогу, что вместе ехать мы не можем, не сыскав множество собак, что осталось из всех только двадцать семь годных, а прочия умерли или сделались неспособными быть в упряжке. Я не позабыл, кажется мне, сказать, что мы выехали из Большерецка почти на трёхстах собаках. Один из нас согласился другому уступить двадцать семь оставшихся собак, и так последний был в состоянии продолжать дорогу. Но остающийся беспокоился о том, как бы достать корму для небольшого числа голодных бегунов. Г. Козлов говорил мне: «Вам всегда должно промышлять запас для них, как же вы достанете?»

Привозят к нам из Пусторецка китовое мясо и жир. Я не знал, что отвечать на сие представление, как вдруг доложили нам, что наш нарочной приехал из Поднагорного, будучи более щастлив в исполнении возложенной на него должности, нежели другие. Он привёз нам жиру и мяса китоваго очень много. Я, увидевши оное, чрезвычайно обрадовался, все препятствия кончились, и почитал себя уже выехавшим из Пусторецка. В ту ж минуту я пришёл с прозьбою своею к г. губернатору, который, не имея никаких препятствий мне представить и хваля меня за ревностное исполнение должности, согласился на моё требование. Он остановил меня только до 18-го числа. С того времени стали заниматься приуготовлением всего нужного к точному исполнению наших намерений.

Спокойствие восстановлено между коряками. Всё обещало хорошую надежду в моём предприятии. При несчастных известиях из Каменного острога мы получили некоторые очень приятныя. Нас уверили, что мы никаких беспокойств не будем иметь в дороге. Спокойствие между коряками было восстановлено, и для нашего уверения в оном многие из них пришли с солдатом, посланным с письмом к г. губернатору. Сын главного бунтовщика по имени *Ейтель* был предводителем сего острога. Он сказывал нам, что его соотечественники ожидают нас долгое время с нетерпеливостию и что отец его из почтения к г. Козлову послал его самого сюда.

Приём наш коряков. Будучи обрадованы тем, что нам нечего было бояться в рассуждении сего, мы постарались засвидетельствовать сим корякам наше удовольствие за их благосклонность к нам. Мы дали им подарки, каких только могли сыскать по тогдашнему нашему состоянию, то есть табаку, материи и разных вещей, каких я накупил в бытность свою на море и прочих остав-

ленных мне г. графом Перузским. Мы также дали несколько оных и для их родственников, но главное наше намерение было напоить их допьяна, дабы они могли хвалиться, приехавши домой, нашим приёмом; почему и должны были угощать их по их вкусу, а сие почитается у них лучшею учтивостию.

Они берут взети два моих чемодана. Я предлагал корякам взять у меня два чемодана. Сперва они неохотно брались, потому что я просил их отвезти оныя до Инжиги, однако ласкою и деньгами склонил их. Одни выгоды заставили их оказать мне сию услугу, которая так была нужна для меня, что, казалось, будто бы они дешёво с меня взяли. Таким образом, избавившись лишней тяжести, заботился об одних только своих депешах. Я мало заботился о вещах, порученных мною корякам по той причине, что солдат, посланный с инжигской почты и возвращающийся с ними назад, обещался мне беречь и стараться о том, чтобы всё верно было исполнено по моему желанию.

Г. Козлов препоручает мне свои депеши и пашпорт для моей безопасности. До самого моего отъезда г. Козлов занимался письмами, которые хотел со мною послать. Это можно было назвать жестокою работою, естли вообразить, что в юртах нельзя иначе писать, как лёжа на земле, что мы коптились в дыму, что наши чернилы мёрзли. Он дал мне *подорожную* до Иркутска, в которой прописал, чтобы мне давали все нужныя пособия. Сей пашпорт служил указом для всех русских офицеров и прочих подданных императрицы, каких я встречал на дороге, дабы они старались доставлять мне надёжныя и скорыя средства к продолжению моей дороги. Г. губернатор по прозорливости своей ничего не упустил, что мне было нужно и полезно, и прилагал обо мне попечения, как о любимейшем своём брате.

Сожаление моё о разлуке с г. Козловым. Я остановился, ибо не мог противиться волнению душевному, воображая, что расстаюсь с почтенным человеком, котораго добродушие и более благоразумие заставили меня вечно его любить и уважать. Благородное пожертвование его при сем случае тронуло моё сердце и стало мучить меня за то, что оставляю я его. Чего мне стоило прежде моего отъезда оставить его в сих степях, не зная, как он сам собою выедет из оных. Воображение о печальном его положении ни на минуту не оставляя меня, мучило. Ах! Без сумнения решился я оставить его, несмотря на запрещение г. графа Перузскаго, будучи только совершенно убеждён тем, что не было других средств к скорейшему доставлению моих депешей. Кроме сего побуждения,

кроме сего намерения, с каким посланы были со мною депеши, ничто не могло оправдать мою нетерпеливость продолжать дорогу. О! Если бы моё чувство благодарности, какой требует признательность за все милости, оказанные мне г. Козловым, могло споспешествовать к его повышению и благополучию! Я бы за величайшее удовольствие почёл, когда бы опять увидавшись с ним мог с горячностью обнять его!

Отъезд из Пусторецка. 18 марта, получив увольнение от г. Козлова, пошёл я прощаться. Прощание наше столь же было нужно, сколько жалостно. Из Пусторецка выехал я в девятом часу поутру на санях. В оные впряжены семь собак, которыми я сам правил. Провожавший меня солдат ехал на осьми собаках. Впереди нас ехал один бродовщик, или провожатой с обозом, выбранной из жителей сея деревни. В его сани были впряжены двенадцать собак, которыя везли оставшееся моё имение и наш дорожный запас. Меня ещё провожал г. Шмалёв и унтер-офицеры, составлявшие его свиту, но вместо того, чтоб нам прибыть вместе в Инжигу, как мы, было, согласились, спустя несколько разогнались.

Во время моего пребывания в Пусторецке г. комендант отпустил камчадалов, которые нас провожали. Некоторые из них были из окрестностей Большерецка и находились от онаго за четырёхста миль. Сей бедный народ, лишившись всех почти лошадей, которыя померли у них на дороге, принуждены были возвращаться пешими.

Выехавши из Пусторецка, спустились мы в залив. Путешествие наше сначала весьма было хорошо. Лёд везде был твёрд и гладок; чрез несколько часов мы достигли устья. Тут путь наш сделался гораздо труднее; принуждены будучи ехать по морю близ берега, каждую минуту наезжали мы на громады льдов, которыя столько нам представляли опасностей, что мы с часу на час ожидали своей гибели. Напрасно старались мы их объезжать: неровныя цепи сих ледяных гор простирались очень далеко в стороны и преграждали нам путь. Мы при всей опасности, чтоб не упасть на каждом шагу, принуждены были решиться перебираться чрез сии великия глыбы. Не раз в сих падениях по неосторожности получал я опасные удары. Ружьё моё, которое я привязал к саням, изломалось и изогнулось в дугу, многие из моих товарищей получили сильные удары, никто не оставался без приключения.

Разорённая деревушка. На разсвете прибыли мы к одной деревушке, которая находится на берегу моря и состоит из двух юрт и трёх балаганов; все сии жилья совершенно разорены. Один чело-

век, живший в той юрте, в которую мы вошли, был извещён о нашем прибытии (все кочующие коряки бегали от нас, чтоб не быть принуждёнными нам впомоществовать). Я от одного из наших, которой прежде нас туда вошёл, узнал, что этот человек был шаман, или колдун. Думая, что нам должно было прибыть туда на другой день, испужался и ушёл в поле, чтобы найти себе убежище у олуторцов (сей народ находится на востоке, к югу от чукотов), ему надлежало там быть, пока г. Козлов проедет.

Находим съестные запасы, которые были скрыты в сей деревне. Козак, которой мне обо всём этом подробно объявил, был напёрёд сюда отправлен г. Шмалёвым накануне нашего отъезда. Ему приказано было остановиться в сей деревне и, ожидая нас, искать там, не лежало ли в каком-нибудь погребе рыбы. Сия предосторожность была весьма полезна; сей козак по прибытии нашем ввёл нас в один погреб, которой он нашёл. Сей погреб был наполнен рыбою, которой я довольно отсюда взял, поелику из Пусторецка съестных припасов взял я не более, как только на два дни.

Трудной путь чрез целой день. 19-го числа, очень рано поутру, пустились мы в свой путь. В этот день путь наш был гораздо труднее, нежели в прошедший. Двадцать раз видел я, как мои сани готовы были изломаться, и это непременно бы случилось, если б я не решился, наконец, итти пешком. Я по необходимости принуждён был для самого себя предупреждать опасности падения; таким образом надлежало мне итти почти весь день, но сим я избёг зла для того только, чтоб впасть в другое.

Неосторожность, которая переменяла моё здоровье. Чрез несколько часов почувствовал я столь сильную усталость, что хотел было сесть на свои сани, как вдруг они сильно качнулись в сторону, что принудило меня оставить моё намерение. Я принуждён был кое-как тащиться. Колена мои подгибались подо мною, я был весь в поту, и от усталости томила меня сильная жажда. Снег был слабою только в том помощью, я ничем не мог утолить оной. По нещастию попался один небольшой источник; я тотчас побежал к оному и, не представляя себе нимало последствия своей неосторожности, пробил лёд и напился. Но я не умедлил укорять себя в сей поспешности, которая была совершенно машинальная. Жажда моя была утолена, но я из крайняго жара, на которой жаловался, пришёл тотчас в противную крайность: со всех сторон объял меня холод, и я весь дрожал.

Остановка. Ночной холод умножил моё дрожание, и я столь сделался слаб, что не мог далее итти. Я просил моих товарищей

остановиться среди степи; они из уважения ко мне согласились на то и, не могши достать себе там дров, поехали в сторону. Едва можно было набрать оных столько, сколько нужно на подограние котла, и те состояли из нескольких небольших сырых прутьев, которые не могли гореть. Мы были весьма щастливы, что могли согреть чаю.

Выпивши несколько чашек онаго, я пошёл в старую палатку (сия палатка состояла из полотна. Я её купил у г. Ворохова прежде моего отъезда из Пусторецка), лёг на небольшом тюфяке, посланном в снегу, и покрылся многими тёплыми мехами в надежде возвратить свободное дыхание. Но это было напрасно, всю ночь не мог я свести глаз. С тоскою, происходящею от сухой и жгучей лихорадки, соединилось непрерывное стеснение и с первыми припадками болезни сильныя безпокойствия. Признаюсь, что я почитал себя опасно больным, наипаче когда, вставая, не мог выговорить ни слова. У меня сильно болели грудь и горло, лихорадка ни мало не утихла. Со всем тем, мысль, что долгой сон был бы для меня бесполезен и что мне можно только бы надеяться помощи от поспешности, заставила меня скрыть мою болезнь от г. Шмалёва, и так я первой просил, чтоб ехать, но в этом я советовался более со своим мужеством, нежели с силами.

Упражнение меня излечает. Едва проехали мы несколько вёрст, как болезнь моя сделалась несносною. Будучи принуждён итти пешком и, следовательно, быть всегда в движении, часто проходил я ещё трудныя дороги, бежал по сторону своих саней, кричал на собак, чтоб скорей везли, но они по причине моей охриплости меня едва могли слышать, и только чрез великое усилие, которое привело меня в крайнюю слабость и разбило мне грудь, едва мог я добиться, чтоб они меня услышали. В сем безпокойствии я действительно был доволен сим упражнением: всё трудное было для меня целительным. Мало-помалу возвратилось моё здоровье, вечером дышал я гораздо свободнее, лихорадка меня покинула, остался только один насморк, от котораго я чрез несколько дней освободился. Вседневной труд был единственным моим лекарством; я всегда старался быть в поту, потому что он много подавал мне помощи, и я уверен, что ему одолжен я скорым моим излечением. Но как бы то ни было, грудь моя столько была нездорова, потому что я долгое время чувствовал следствия сей болезни.

В сие время, по крайней мере, я не терпел суровости погоды; воздух был чист и небо ясно. Мы тогда пользовались самыми лучшими днями зимы; без сего, может быть, я никогда бы не возвра-

тился в своё отечество, но небо, кажется, для того благоприятствовало моему путешествию, чтоб привести меня в забвение о том, что я претерпел.

Встреча трёх конвоев, отправленных к г. Козлову. Скоро печаль, доселе меня угнетавшая, переменилась в живейшую радость. Мы встретились в различных детаашаментах (французское слово, означающее отряд или подразделение, выделенное из состава более крупного для решения самостоятельной задачи. — *Ред.*) с тремя конвоями, отправленными к г. Козлову сержантом Кабешовым. Сия неожиданная помощь тем больше делала для меня удовольствия, что жалостное состояние, в котором находился сей коммендант, безпрестанно обращалось в моих мыслях. Какая перемена сделалась в его положении! Сто пятьдесят собак, весьма проворных и жирных, везли к нему запас. Он может отъехать завтра, говорил я сам себе, и естли мне нельзя ласкаться надеждою опять с ним видеться, то, по крайней мере, он будет вне всяких затруднений. Сие уверение успокоило меня в разсуждении его участи.

Солдат, которой провожал сии отряды, поднёс мне одну часть из сих запасов, но я не хотел их принять. Их было немного, и при том мы не имели в них нужды. Итак, я не препятствовал ему, сколько было возможно.

Прежде, нежели мы с ним разстались, сказал он мне, что князёк Ейтель, или начальник коряков каменновских, котораго обвинили в заговоре, шёл сам к комменданту, чтоб вывести его из заблуждения.

Продолжая свой путь, наехали мы на небольшую речку, окружённую несколькими деревьями, и на цепь утёсистых гор, на которья должно с одной на другую с трудом взъезжать. Потом спустились мы на другую реку, называемую *Таловка*. Она тем становилась шире, чем были ближе к устью; по берегам ея растёт лес, в котором я приметил довольно большия деревья. Мы оставили сию реку в некотором разстоянии от Каменной, чтоб переехать одну пространную пустошь; потом большее озеро; наконец мы ехали по реке Пенжине почти до самаго ея устья от юго-востока к северо-западу.

Путешествие по реке Пенжине. Сия река довольно широка, и зрелище, которое составлял лёд, покрывавший оную и лежавший кучами удивительной высоты, показалось бы для меня гораздо разительнее, естли бы нам можно было ехать по другому пути, гораздо выгоднейшему. Но мы не могли найти лучшаго, и потому принуждены были, так сказать, поднимать наших собак со льдины

на льдину. Посему легко можно судить, сколь трудна и медлительна была наша поездка; я всячески старался сбересть в сем пути своё здоровье.

Прибытие в Каменной. Мы ещё ехали около двух часов, чтоб достигнуть Каменного, в которой мы вошли 24-го числа прежде полудни. Тамошние жители приняли нас так, как лучше нельзя от них ожидать. В отсутствии Ейтела управлял ими другой князёк, по имени *Ейла*. Он вышел к нам навстречу с российским детаашаментом. Нас провели в ейтелову юрту, которая давно была убрана для прибытия г. Козлова.

Сей Ейла оказывал нам всякое почтение; мы имели безменную у ворот стражу, которой было приказано ни для кого не отворять ворот, как только для тех, о которых мы уверены, что они не имеют намерения нас обижать.

Оправдание сих коряков, ложно обвинённых в бунте. Это не значило, чтобы слух о бунте, которой приписывали сим корякам, не показался нам совершенно ложным. Их поступок в разсуждении нас и приём, которой они намерены были сделать г. комманданту, не могли подать ни малейшаго подозрения об их настоящим расположении. Сему слуху заставили верить напрасно выдуманная свидетельства инженера Бажанова. Помниться, нас уверяли, что сии коряки вооружённою рукою воспрепятствовали ему взойти в реку Пенжину. Когда я об этом говорил с ними, то они все свидетельствовали, что они не только не противились переходу сего инженера, но и во время его пребывания жили с ним в совершенном согласии и дружестве.

Не надлежало также думать, чтобы это было только действие присутствия солдат, призванных из Ижигинска. По причине бедности, до которой они были доведены (сей детаашамент сначала состоял из сорока человек, но по прозьбе Кабешова прибавлено к нему десять козаков, которые прибыли в Каменной со вспоможением, которое мы получили), были они не в состоянии обмануть других в характере сих коряков. Они весьма мало уважают жизнь, о чём я скажу ниже. Ничто не могло бы их удержать, если бы они имели малейшую причину неудовольствия.

Увидев пушку и сих вооружённых козаков, которые, однако ж, вошли в деревню, не объявляя никакого неприятельскаго намерения, сначала они обезпокоились. Они пошли тотчас к унтер-офицеру, которой начальствовал над сим небольшим отрядом, и просили его сказать, не пришли ли оне похитить у них свободу и разрушить их щастие, прибавляя ещё, что если такое было намерение

россиян, то все коряки скорее согласятся быть побитыми, нежели предаться. Сей унтер-офицер их успокоил. Он им ответствовал, что причина, для которой послан он, нимало не должна их беспокоить, что ему приказано идти навстречу г. Козлову, что это составляло почтение к его чину и предписано военною дисциплиною в России в разсуждении коммендантов, когда они объезжают свои уезды. Сего объяснения довольно было к тому, чтоб истребить в них подозрения; тогда коряки и россияне жили в наилучшем согласии.

Безопасность первых столь была велика, что они не старались о средствах к защищению себя в случае нечаянного нападения; они даже нимало не вникали в долговременное сих солдат между ними пребывание, отчего начали им быть в тягость такие постояльцы.

Я не долее думал пробить в Каменной, как только, чтоб дать время отдохнуть моим собакам. Но на 25-е число ночью небо покрылось облаками и вдруг возставшие порывистые ветры угрожали приближающею продолжительною бурей. Итак, опасаясь, чтоб не претерпеть оной в поле, принужден я был отложить свой отъезд.

Описание Каменного. Сей острог находится в трёхстах верстах от Пусторецка, стоит на возвышенном месте, почти на берегу моря и при устье реки Пенжины. Он заключает в себе великое число балаганов и двенадцать юрт, весьма пространных, построенных наподобие прежде мною описанных. Хотя сии жилища весьма стеснены между собою, однако занимают великое пространство. На ограде, которою они обнесены, стоят копыя, луки, стрелы и ружья. Сии палисадники чаще и выше тех, которыми обгорожены камчадалския юрты. Под покровом сих бедных укреплений коряки почитают себя непреодолимыми. Сим-то они отражают нападения своих неприятелей и между другими нападения чукчей, своих соседей, весьма для них опасных как по своей многочисленности, так и по храбрости.

Меня здесь уверяли, что сии народы, узнав о моём приближении в Ижигинске, вероятно, вышли бы ко мне навстречу по одному любопытству.

В Каменном было тогда народу не более трёхсот человек, как взрослых мужчин, так женщин и детей. Я теперь ничего не скажу об их нравах, все подробности о сем предмете оставляю я до приезда моего в Ижигиск, где чрез несколько дней надеюсь быть.

Примечания о байдарах. Я видел ещё прежде моего отъезда двадцать байдар, или лодок, различной величины. Они подобны

были той, о которой я говорил прежде моего отъезда из Халули, только выделка казалась превосходнее, и по лёгкости своей оне способнее были для плавания. Я удивлялся также их чрезвычайному пространству. Многие из сих байдар могли поднимать от двадцати пяти до тридцати человек.

Г. Шмалёв принужден был меня оставить. По прибытии нашем г. Шмалёв наперёд узнал, что ему трудно было выехать со мною из деревни, поелику солдаты онаго детаашамента, которые приходили объяснять ему крайния свои нужды, безпрестанно к нему приставали, то он почёл за нужное их не оставить и употребить все средства, какия только его достоинство и совершенное знание сей стороны подавали ему к их вспомоществованию. Хотя он нетерпеливо желал, так как и я, ехать в Инжигу, где брат его давно его ожидал, однако он решился отпустить меня одного.

Он даёт мне солдата Егора Голикова. Он мне с прискорбием о том сказал, убеждая взять с собою одного надёжнаго солдата по имени *Егор Голиков*. Это был, говорил он, истинный дар, которой только он мог мне дать. Впоследствии видно будет, что он меня не обманул. Провожатых со мною было четыре человека, имянно: Голиков, солдат, котораго я взял из Пусторецка, и двое, выбранные из детаашамента инжигскаго для того, чтоб мне служить бродовщиками, но я почёл за нужное взять кроме сих одного проводника их коряков, будучи уверен, что он лучше знал дорогу.

Столь честной поступок сего добраго и храбраго офицера возбудил большее сожаление о нашей с ним разлуке. Из моей к нему благодарности я должен бы был повторить здесь то, что агличане писали по своей чувствительности и политике, но я оставляю графу Перузскому удовольствие платить долг за всех бывших при нашей экспедиции, которым г. Шмалёв старался всегда во время их пребывания в Петропавловской гавани оказывать все услуги, сколько мог.

Река Шестакова. Из Каменнаго выехал я 26-го числа в осьмом часу поутру. Время тогда было весьма хорошее (недостаток собак в Каменном и худое положение моих принудили г. Шмалёва дать мне оных из детаашамента). Чрез пятнадцать вёрст нашёл я ту же цепь гор, на которую наехал по сию сторону деревни. Я опять чрез них перебрался, потом переехал реку, называемую *Шестакова*, по имени одного унтер-офицера российскаго, которой был убит во время его начальства над детаашаментом, состоящим из пятидесяти козаков, посланных для усмирения коряков. Сии ночью захватили их по берегу сей реки и не упустили

из них ни одного, все россияне были побиты. Я на сем месте остановился.

Буря. Я проснулся от сильной бури, которая снегом помрачила весь воздух, так что едва можно было узнать, день ли это был. Несмотря на сие ужасное сражение ветров, я решился пуститься в путь, но никак не мог склонить на то моих провожатых. Они за лучшее почли не оставлять сего места, опасаясь сбиться с дороги и других странных происшествий, которые могли случиться на столь худой дороге.

Прибытие к нам семи чукотов. Таким образом, принуждён будучи оставить своё намерение, убрался я в свою палатку от столь сырой погоды. В полдень весьма я был обрадован прибытием семи чукотов. Они были на таких же санях, на каких ездят кочующие коряки, в которых были впряжены олени. Я их принял в свою палатку и попросил остаться у себя до окончания бури. Они приняли моё предложение с величайшим удовольствием, как то приметно было из их взоров.

Разговор мой с их начальником. Между сими чукотами был начальник сей орды по имени *Тумме*. Он тотчас начал со мною говорить и свидетельствовал мне, сколь они благодарны за мой благосклонной приём. Он меня уверял, что они ничего только не желали, как знать обо мне, что они находились в великой опасности, если бы не наехали на меня, что они никогда не забудут ни моего обличья, ни честности и что они дадут верный в этом отчёт своим соотечественникам. Благодаря их за их усердие, я ответствовал, что меня наперёд ещё уверили в их желании меня видеть и что я столько же желаю сего свидания, как и они.

Тут разговор сделался общим. Говорили о различных материях, особенно же об их и моём отечестве. Любопытство моё равнялось их любопытству; с обеих сторон были предлагаемы безпрестанные вопросы. Когда я им сказал, что я для возвращения во Францию должен ехать чрез город, где живёт их государыня, они просили меня сделать о них верное описание и засвидетельствовать пред ея стопами их почтение и преданность. Они прибавили, что они теперь тем щастливее живут данниками России, что в коммерции своей с россиянами получают они великия выгоды и знаки дружества, которое для них лестно. Особенно они хвалились г. Гатеном, коммендантом ижигинским.

Таковыя хорошия обращения россиян заставили их сожалеть о том, что им невозможно иметь чаще с ними соотношение. Средство к преодолению всех препятствий, говорили они, состояло в том,

чтоб они завели новое селение на реке Анадырь. Они обещали, что вперёд не только не будут беспокоить россиян, но, оказывая им дружество, постараются привести в забвение несправедливость прежнего поступка. Началом сего поступка была ошибка, общая для них с коряками. Они прежде сего представляли себе, что вся российская нация ограничивалась небольшим числом людей, которые отважно взошли и поселились на их земле и в их соседстве. Из ревности, толико всем натуральной, сии народы видели в сих пришельцах таких неприятелей, коих рачение и деятельность были для них подозрительны. Для необходимой своей пользы они вздумали от них избавиться, будучи уверены, что истребляя их, они искоренили их потомство.

Чукоты признались мне, что они чувствовали свою погрешность и вину, когда научились познавать россиян. Напрасно ныне побуждали их к бунту; они, напротив, расположились воспрепятствовать возмутительным пронырствам князька, или начальника чукотов, *Херурги* называемаго, или умаляя его важность, или даже подвергая его власти россиян.

Не могши узнать, в какой я части света родился, спрашивали они меня, не по другую ли сторону большой реки находилось моё отечество. Чтоб на сие им ответить, я хотел сперва знать, что они раз умеют под словами «сия и другая сторона». Они воображают, что по другую сторону России, о которой они едва имеют какое-нибудь познание, находится весьма пространная река, которая отделяет её от другой земли, населяемой различными народами.

Трудно было объяснить им сие. Я долго о том говорил, но они ни одного слова не поняли из моего географического разсуждения: они не имели никакого понятия ни о пространстве, ни о числе. Не менее трудно было дать им какое-нибудь понятие о важности общества, о богатстве и власти государя. Они даже никогда и не старались помышлять о важности России. Чтоб дать им о том некоторыя понятия чрез знаки, я принужден был объяснить им обилие произведений, денег и о многочисленности народа сего государства чрез сравнение, взятое от множества животных, которых они со двора выгоняют, и от количества рыб, которых они каждой год ловят, но никогда всех не могут выловить. Сие объяснение, представленное их понятиям по моей возможности, крайне им понравилось. Я употребил тот же способ, чтоб научить их мерить пространство. Пространство, которое заключала в себе моя палатка, было первым предметом моего изъяснения. Потом, взяв

лист бумаги, сделал я из него некоторой род географической карты, чтоб после показать им положение и отдаление России и Франции по соотношению к их стране.

С немалым трудом дошёл я до того, что они меня стали понимать. Я почёл себя за то награждённым их вниманием и ревностю, с которыми они меня слушали. Вообще я удивлялся постоянному их духу и жару, с которым они желали это знать. Превосходя в сем коряков, своих соседей, они, кажется, более так же размышляли о том, что они говорили, и о том, что видели или слышали. Сии два народа говорят почти одним наречием, различие, которое меня поразило в выговоре чукотов, состоит в том, что они протягивают последние слоги и что их произношение приятнее и тише, нежели произношение коряков. С помощью моего провожатого, которой мне служил вместо толмача, продолжал я очень хорошо сей разговор.

Внимательное моё разсматривание их платья возбудило в них желание знать о нашей французской одежде (читатель должен припомнить, что я одевался тогда по-камчадальски). Я велел вынуть однорядный мой плащ. При виде его удивление изображалось во всех их движениях, вот до чего были они тронуты! Каждый с удивлением говорил о его отменности и красивости; пуговицы мои с французскими гербами привлекли на себя взоры их, мне надлежало ещё выдумать, каким бы образом представить им в понятном виде то, что сие изображение представляло и к чему оно служило. Они не дали мне исполнить своё намерение, они плясали, радуясь на мои пуговицы, и просили меня усильно дать им из оных несколько. Я на то согласился, когда они обещались соблюдать их с крайним рачением. Цель их в соблюдении сих пуговиц была та, чтоб сделать их знаком благодарности, которой бы показать всем иностранцам, какие бы ни прибыли в их страну, в той надежде, что когда-нибудь зайдёт туда француз.

За несколько пред сим лет их соотечественники видели много агличан. «Для чего, — говорили они, — французы нас также не посещали? Они бы были приняты от нас с радостию и усердием!» Я их благодарил за благосклонное их расположение и сказал им, что наше отдаление было препятствием тому, чтоб нам часто пользоваться и их благосклонностию; однако я им обещал дать о том верное свидетельство по своём прибытии в своё отечество.

Угостивши их табаком и не имея, чем бы их подарить, чтоб могло большее принести им удовольствие, мы разстались наилучшими друзьями в свете. Отъезжая, они мне сказали, что, может

быть, скоро мне попадутся навстречу их жены с экипажем, которых они оставили позади, чтоб самим скорее ехать.

Спустя несколько по отъезде сих чукчев ветер утих, и я пустился опять в свой путь.

На другой день, когда я вздумал остановиться и пошёл подле одного лесу искать для того выгодное место, увидел впереди многочисленное стадо оленей, свободно пасущихся на вершине горы. Разматривая пристальнее, увидел я несколько человек, которые, по-видимому, их берегли: я сперва не знал, бежать ли от них мне надлежало или к ним подъехать, но любопытство побудило меня ехать к ним, и я поспешил, чтоб об них узнать.

Встреча едущих с багажом их чукотов. Мне сказали, что, будучи вдоль по сему лесу, я их достигну. Я не сомневался, что, проехав лес, был бы от них отделён пространною рекою, которой один рукав за четверть часа прежде я переехал. Между тем, как я с одного берега до другого искал глазами тех людей, то подошли ко мне две женщины, которыя прогуливались около сих мест. Старшая из них начала говорить со мною. Сколь велико было моё удивление, когда я услышал, что она говорила по-русски, так как и ея подруга. Они видели меня, как я был ещё на двести шагов от стана чуков, которых лес от меня скрывал. Спустившись на берег, я в самом деле увидел сани и палатки и просил сих женщин, чтоб туда меня проводили.

История двух женщин, которые ко мне пришли. Идучи, спрашивал я их, откуда они, потому что наречие их не показывало, чтоб они родились и всегда жили между сим народом.

Одна мне рассказывала, что она была россиянка и что материнская любовь побудила её следовать за сими чуками... Опасности, труды, худыя обращения, всё она сносила, желая притти с ними в их страну, чтоб взять оттуда свою дочь, которая была удержана в залоге. Вот как она её лишилась.

Сие дитя за два года пред сим странствовало со своим отцом и с многими другими россиянами по реке Пенжине. Сей караван, состоявший из девяти человек, ехал спокойно среди коряков, притесняемых тогда одною частью чукотов, которых начальником был Херурги, о котором было сказано выше. Чтоб прогнать сих опасных соседей, коряки вздумали дать им совет об отъезде сих странников, так как о добыче, которой не должно было упускать.

Вероломные коряки всегда почти старались возбудить ненависть чуков против россиян или чрез ложные доносы, или изменяя сим последним, когда сами не могли или не смели их притес-

нять. Сии хитрые происки суть причиною толиких жестоких действий, в которых россияне упрекают чукотов и которые немало не сходны с характером сей нации

Хитрость сия получила успех. Чукоты, прельстившись великою добычею, состоящею в железе и табаке, которую они желали получить, погнались вслед за сими путешественниками. Храбрость их не могла их спасти; четверо пали с оружием в руках и сделались жертвою безразсуднаго своего сопротивления. Что ж касается до мужа сей женщины, он был убит, когда защищал свою дочь, которую победители исторгли из его объятий и повели вместе с тремя несчастными ея подругами. С сего времени россияне не преставали просить отпущения у них сих невольниц и получили на то обещание, но ещё и доселе возвращены только две.

Трогательная повесть сей несчастной матери, которую несколько раз слёзы ея прерывали, вдохнула в меня к ней усердие. Ее зная ещё, могло ли моё посредствие иметь какую-нибудь важность пред чукотами, я почувствовал в себе сильное желание с ея прозьбами соединить свои, и я имел удовольствие видеть, что они не были бесполезны.

От другой россиянки я узнал, что она родом из чукотов. В малолетстве была она полонена россиянами на реке Анадыре, приведена в Якутск и там крещена и наставлена христианскому закону, сколько могла понять. Один солдат на ней женился и чрез несколько лет оставил её вдовою; наконец по повелению правительства возвратилась опять она в своё отечество со своими детьми, чтоб там исполнить обязательства, которые она имела у россиян. Ей было приказано объяснить подробно всем чукотам, даже отдалённейшим (то есть тем, которые находятся по ту сторону Чукотскаго Носа), и внедрить им, что они безчисленные обрели бы выгоды, если бы установили безопасную и мирную коммерцию с ея благодетелями.

Сия женщина говорит по-российски, по-якутски и по-чукоцки с равною удобностию. Она мне рассказывала, что она посредством малаго просвещения, каковым одолжена своему воспитанию, по приезде своём приобрела себе доверенность между своими соотечественниками, что она даже пользовалась некоторою властию над их умами, чтоб истребить в них некоторые предрассудки, и что она ласкалась нечувствительно дать им сведения об их истинной пользе. Ея в разсуждении сего надежда основана была на характере сего народа, которой, уверяла она меня, был страннолюбив, благороден, приятен и во всём превосходнее коряков.

Прибытие моё в чукотской стан. Разговор сих женщин так меня занял, что я неприметно был в стане чукчев. Они, увидя меня, очень обрадовались, в минуту меня окружили, все вдруг говорили, чтоб я обязался с ними провести сию ночь. Я им отвечивал, что это-то было моё намерение. Тотчас новые восторги, новые крики. Я приказал раскинуть мою палатку вне стана, и пока сие исполняли, я послал попросить начальников притти ко мне. Будучи готовы исполнить мою прозбу, они не ожидали, чтоб я взошёл в свою палатку, а им следовать за мною; я нашёл их там довольно много, сколько только могла поместить в себе одна палатка.

После первых поздравлений начались разговоры, и с обеих сторон слушались с равным вниманием. Мы говорили коротко о наших странах, нравах и частных обыкновениях. Они почти тоже говорили, что Тумме и его товарищи, они изобразили мне своё повиновение к России, своё искреннее желание иметь всегда с нею союз в разсуждении коммерции и возобновить учреждение на Анадыре. Потом уведомили меня о причинах их путешествия. Они главною целию имели то, чтоб посетить некоторых своих сродников, находящихся в союзе с россиянами и поселившихся на Инжиге. Может быть, их побудило также к тому какое-нибудь намерение, касающееся до коммерции, но, по их словам, одна их привязанность к соотечественникам была побуждением к их переезду. В самом деле, сие патриотическое чувство познал я из их взоров, которые обращали они на сию чукотскую женщину, к ним возвратившуюся, и из любви, которую оказывали они к ея детям.

Они часто уговаривали меня оставить всякое сомнение и надеяться на их дружество; по-видимому, они предполагали здесь отговорку, которую делают для них россияне во время их свидания, но я, не имея таковых причин их опасаться, нимало ни в чём их не подозревал. И о сем-то так же дал я им знать, ответствуя, что я, не намереваясь никого обижать, кто бы ни был на моём пути, не думал, чтоб кто-нибудь захотел меня беспокоить, а особливо ещё среди такой нации, какова была их, которой доброта сердца и справедливость уже известны. Сей довод им очень понравился, и они были им удовольствованы, так же, как и моею безопасностью; посему я вздумал оружия свои спрятать и отвергнуть предложение моих солдат, которые советовали мне поставить караул пред своею палаткою.

Отменных из чукотов оделил я табаком и тем обязал их услужить мне впоследствии чаем и ржаными сухарями. Их начальник, или князец *Щегуяга*, равный Тумме и достоинством, и важ-

ностию, его отец и мать, две женщины, которые служили мне истолковательницами, ужинали со мною. Стол был умеренной, но весьма весёлой. Гости мои вышли столь же довольными, как едали бы ели они наилучшее мясо. Нужда в успокоении побудила меня раздеться.

Описание стана. Оставшись один, вздумал я записать то, что слышал от них и что сам особенно заметил.

Стан чукоцкой расположен был по берегу реки подле их экипажей и на краю лесу, о котором я говорил. В нём находились двенадцать палаток, которые стояли рядом вдоль по берегу, оне имели фигуру четвероугольную и сделаны из оленьих кож, привешенных ремнями к кольям, поставленным на четыре угла. Связки копьев и стрел, воткнутых в снег пред каждою палаткою, кажется, для защищения входа (опасаясь нечаянных ночью нападений от коряков, принуждены они были брать сию предосторожность), которой весьма низок и затворяется тем же, из чего состоит и палатка. Внутри оных великой жар; оленьи кожи, которые составляют стены и кровлю палатки, шерсть всегда имеют внутри и бывают непроницаемы воздухом. Что касается до постели, то она подобна той, которую употребляют камчадалы в своих останках, разстилают на снегу мелкой хворост, наподобие подстилки, потом сверх онаго растягивают оленью кожу: там-то целая семья сидит на ногах и ложится, не различая ни возраста, ни пола. Пространство столь тесно, что даже непонятно, каким образом все сии люди туда могут помещаться. От этого-то происходит у них там несносная духота и грязь. Довольно сказать, что они без омерзения смотрят на свою пищу и питье, стоящие подле самых нечистых вещей, поелику нет выражений на описание чрезвычайной их небрежности.

В числе сих чукотов, которых было человек около сорока, находилось от пятнадцати до шестнадцати жён и почти столько же детей, которые все занимались приуготовлением палаток и пищи. Каждой из начальников имел у себя слуг, которые смотрели за оленями и защищали их во время ночи от волков, коих в той стране очень довольно.

Многожёнство в употреблении у сего народа. Можно сказать также, что у них допускается взаимность или перемена жён, ибо думают, что это есть один из тех народов, которые столь великое наблюдают уважение к своим постояльцам, что уступают им своих жён или дочерей. Это бы значило сделать обиду, едали в сем отказать. Я не могу уверять в истине сего повествования.

Одежда чукоцких жён. Женская одежда была особенная; она состояла из одной оленей кожи, которая от шеи, и сзади и спереди открытой, висела в виде широких шираваров за колена. Способ скинуть сию одежду состоит в развязывании узлов, которые держат её под бороною: в одну минуту упадет она в кучу, и женщина становится нагою. Здесь подумают, сколь невыгодно за частою нуждою совершенно обнажаться. Когда оне бывают в дороге, то сверх обыкновенной своей одежды надевают другую, называемую *кукланки*; кожа, с оленьих ног снятая, составляет их единственную обувь. Волосы у них очень черны, иногда завязывают оне их в косу на затылке, но весьма часто, отобравши их ко лбу, спускают в виде длинных кос по сторонам. Уши их и шея украшены серьгами и цепочками или чётками различного цвета, когда они у них зябнут, то кожаной и с шерстью колпак служит им вместо головного убора.

Физиогномия. Физиогномия их вообще ничего не имеет приятного. Черты лица их грубы, однако ж оне не имеют ни расплющенного носа, ни продолговатых глаз, так как камчадалки. В сем менее оне на них похожи, нежели как корячки; станом оне так же выше, но не так толсты; тяжесть и ширина их платья не мешает их проворству. При всём том они обременяются великими трудами, как-то топят печь, носят дрова, ходят за водой, и всё то делают, что нужно для их экономии. Всё это исполняют по большей части те, которыя старше других.

Черты мужчин показались мне гораздо правильнее, они ничего не имеют, что прилично жителям Азии. Лице их весьма смугло, так как и у жён; их одежда, сани и, наконец, все обыкновения совершенно сходны с обыкновениями кочующих коряков. О них я буду говорить в своём месте.

Путешествия чукоцов в Ижигинск и их коммерция. Чукоты каждой год в сие время ездят в Ижигинск. Они выезжают из своей страны с начала осени и всегда приезжают в сей город в первых числах марта. Как только кончат они дела, для которых туда ездят, и поелику для сего им только несколько дней довольно, то пускаются опять в путь, чтоб получить ещё прибыль от путешествия; однако ж редко случается, чтоб они могли возвратиться к себе прежде последних дней июня.

Товары, которыя они привозят, состоят из кунных и лисьих кож, из слоновых или мамантовых костей, из которых выделываются различные вещи, известныя под именем вещей из слоновой кости; они на обмен берут котлы, табак, копыя, ружья, ножи и другия,

из железа сделанные вещи. Поелику они мало привыкли к ружьям, то оныя им ни к чему почти не служат, но для отмщения обид они умеют метать стрелы и управлять копьями, которыя составляют главное их оружие.

Они, как все северные народы, чрезвычайно склонны к пьянству. Страсть их к вину столь сильна, что естли кто хочет их попотчивать, то непременно должно напоить их допьяну, а без того они почтут себя обиженными и даже может быть до того дойдут, что будут угрожать и насилием доставать себе оное. Они также страстные охотники курить табак, так как и коряки, имеют даже свои трубки и употребляют различные обряды в курении онаго.

Я оставляю сих чукчеев. Не желая долее здесь стоять, на разсвете пошёл я взять у них увольнение в их палатках, но дурной запах и жар принудили меня скоро выйти. Разлука наша была очень чувствительна; они один по одному меня обнимали и осыпали своими ласками. Известно, что при сем прощании я не остался одолженным ласковости и, вероятно, не мог довольно похвалиться приёмом сего страннoлюбиваго народа.

Описание Парейна. Я выехал очень рано в намерении проехать в сей день вёрст около пятидесяти. На половине пути попались мне на одном берегу моря два балагана и одна юрта, в которых жила одна семья коряков, чрез час доехал я до острога *Парейна*, которой хотя был меньше Каменнаго, но жителей в нём гораздо больше. Положение его для меня показалось выгодным. Он стоит на реке, именем которой называется, в трёх верстах от ея устья, которым она впадает в море Пенжинское.

История ижигинской женщины. Первой человек, которой представился мне в сей деревне, была одна старая женщина. Печальной ея вид поразил меня, сострадание и любопытство побудили меня к ней подойти. Вопрос мой о причине ея печали извлёк у неё пронзительной стон, и слёзы ея были одним ответом. Наконец усиленною прозвбою и знаками некоторой для неё выгоды убедил я её рассказать мне повесть о ея нещастии.

Прошло тому почти пятнадцать дней, как она, муж ея, сын и многия из их друзей выехали из Ижигинска в Парейн для свидания со своими родственниками. Будучи захвачены на дороге одною из тех ужаснейших бурь, от которых думал я двадцать раз испытать пагубныя следствия, сии путешественники сбились с дороги и разсеялись в разныя стороны. Отец с сыном сели на одни сани. Они долго плутали, желая найти себе пристанище или хоть некоторые следы собравшихся людей; наконец совершенно

пропали. Употребили все старания, чтоб об них узнать; чрез два дни их нашли глубоко зарытых в снегу и от холода умерших. Всё тело их замёрзло, положение их показало, что сии два несчастливца, не имея более сил ездить, чтоб согреться, легли один подле другаго и, заключив друг друга в объятия, умерли. Сия женщина была щастливее своего мужа: она нашла себе пристанище на берегу одной реки, за пятнадцать вёрст от Парейна, куда она и ея товарищи достигли, измождённые от усталости и впавшие в болезнь. Она говорила, что во время сей непогоды не видели они ни неба, ни земли. Замерзший снег, упадая, сгущался в воздухе и был подобен ледяному дождю, платье их всё промерзло, так что ни к чему им более не могло служить. Но то более умножило печаль сей женщины, что она не в состоянии была возвратиться в свою сторону; никто здесь к ней не был так расположен, чтоб подать ей в том помощь, хотя не переставала она о том просить, но всё бесполезно. По сих словах поток слёз лился по ея лицу. Я не знал, как её утешить, я всё ей говорил, что только сожаление в меня вдохнуло, но, не могши оказать ей никакой помощи, я её с сожалением оставил, не оказав ей ничего, кроме одного бесполезнаго сострадания.

Безпокойства, которыя мне причиняет один коряжской начальник, желая меня оставить. В то время как я разговаривал с сею женщиною, жители парейнские собрались вокруг меня. Начальник их, или князёк по имени *Юлтитка*, подошёл просить меня в свою деревню ночевать. Суровой его вид подтвердил всё то, что мне рассказывали о его вероломстве, и я ему сказал, что нимало не хочу здесь медлить. На мой отказ возразил он мне тем, что собаки мои не могут мне служить на завтрешнее утро и не доставят съестных припасов.

Причины, которыя он мне на то привёл, явно возвестили мне злое его намерение, я даже думал узнать пагубныя намерения. Решившись избавиться от такой незаслуженной мзды, какова была сия, сказал я ему в ответ, что мне надлежало продолжать свой путь не потому, что я не мог быть удержан, но потому, что ничто меня не обязывало остаться. Он притворился, как бы меня не понимает, и представил мне новое препятствие, в то же время смотрел он на меня с горестною улыбкою, которая, по-видимому, призывала меня к отъезду. Я понял, что надлежало мне вооружиться величайшею твёрдостью или решиться терпеливо повиноваться закону, каковой ему хотелось чрез хитрость на меня возложить.

Я тем ещё более утвердился в сем на его подозрении, что начало его предприятия привело мне на память средства, которыя он

употреблял в прошедшем году для удержания одного матроса, несшаго важныя письма от правления. Сей, вознамерившись итти до означеннаго места, расположился выйти из Парейни, когда Юлтитка убеждал его остаться до другаго дня, чтоб тогда опять отправиться в свой путь. Матрос совсем об этом и не думал, и хотел итти в поле. Спор их разгорячился, жестокосердый коряк бросился на него и умертвил бы его в ту же минуту, естли бы не вырвали у него сего матроса. Он приказал его связать и поставить над ним караул на три дни. Наконец, принудив его терпеть все злые его с ним поступки, согласился отпустить его в путь, может быть, в надежде удобнее умертвить его на пути, но добыча его убежала.

Вся деревня сюда собралась, по крайней мере, двести человек, и с шумом теснились около меня или для того, чтоб посеять во мне страх или чтоб приметить моё от того смущение. В сем опасном обстоятельстве вздумал я обратиться к ним речь мою на российском языке, надеясь, что между ими найдётся, может быть, несколько таких, которые будут меня слушать и которые не столь будут неутолимы, как их начальник.

Речь моя была коротка, но имела великую силу. Я представил в ней, сколь великую важность должна иметь моя должность, мои права на их помощь, а наипаче желание оказать услугу в разсуждении их моим поступком, польза, которую мне оказали все их соотечественники в моём путешествии. Напротив того, от них, продолжал я, никогда не требовал помощи, которая для меня нужна; они, чтоб со мною примириться, не ожидали представления тех должностей, которыя я на себе носил, но всегда старались предупредить мои приказания.

При слове должности приметил я, что мои люди, изумившись, взирали друг на друга. По мере, как моё разсуждение произвело в них впечатление, удвоил я жар и уверительность. Потом, вынувши вдруг свой пачпорт и устремив на Юлтитку разгневанный взор, дал ему оный, сказав, что я хотел выехать ночью во втором часу. Сия жаркая речь привела его в смущение. Он видел, что ему нельзя было мне не удовлетворить, не зделавшись виноватым: приказание г. комменданта было личное и повелительное, которое он не осмелился нарушить.

Итак, он решился приказать из всех садков набрать рыбы, сколько для меня было нужно, прося меня уважить небольшие их запасы, из которых я хотел немалую часть взять. Это даже было причиною, говорил он, которая побудила его сделать мне некоторыя препятствия, так как он опасался, чтобы я не опустошил их

погребов. Но это была только одна увёртка, я довольно знал, что их погребя были наполнены съестными запасами.

Однако чтоб показать вид старающагося вознаградить свой неучливой для меня приём или, может быть, в намерении заставить меня воздержатся брать из его запасов, принудил меня итти в свою юрту и там дожидаться, как мои люди сделают нужные приуготовления к моему отъезду. Мой отказ открыл остаток его безпокойствия. Напротив, я хотел уверить его, что я ничего не опасуюсь, притом же время было обедать, и в надежде склонить к тому не чувствительнаго сего изменника я согласился на его предложение, обещая сделать для него лучший стол, нежели как он меня мог употчивать. Я шёл за ним с видом так спокойным, как будто бы я был в совершенной безопасности. Но, признаться, я чувствовал в себе трепетанье, когда мне для входа в сию юрту надлежало сходить в землю на сорок футов. По причине столь чрезвычайной глубины сего уединённаго жилища я положился на скромность своего хозяина. Свита моя никак не могла меня ни слышать, ни подать мне помощь. Я трепетал от своей ошибки, но поправить её было некогда. Я был хорошо вооружён и в случае нападения приготовился защищаться своим искусством.

Первое старание Юлтитки было посадить меня на том почтенном их месте, которое предоставлено для начальника семейства. Семейство его довольно было многочисленно; человек около осьмидесяти жили с ним в сей юрте. Услышав о моём прибытии, все они вышли вон и остались близь моих людей, так, что я находился один для сохранения своей жизни от трёх или четырёх сотоварищей или родственников Юлтитки, которые меня окружили, смотря мне прямо в лицо. Поелику они умели говорить по-русски, хотя очень дурно, но сделали мне один по одному несколько вопросов, один другога глупее. Моё состояние требовало, чтоб им угодить, и я отвечивал каждому с ласковостию и ясностию. Таким образом, я провёл с час времени среди сих зверовидных варваров, нарочно кажется на то произведённых, чтоб меня устрашить, а наипаче каков был вид их начальника. Трудно вообразить такого безобразнейшаго человека: толстой и niskой, по лицу его везде оспинныя пятна и премножество рубцов; вид угрюмой, волосы чёрные, которые соединялись с большими и густыми его бровями, из под которых виден был один глаз впалой и свирепой; другой он каким-то образом потерял. Вот точныя отличительныя черты князца корякского.

Солдат мой не сходил ко мне. Когда я встал с места, чтоб вытти, то и коряки стали передо мною. Один из них взял меня за плечо, чтоб посадить, причём спрашивая, хочу ли я себя спасти. В сем случае я хорошо поступил, но, признаюсь, что грудь моя стеснилась. Однако я ободрился и, несмотря на перемену, которую могли они приметить в моём лице, ответственвал им, что я не думал, чтоб надлежало их мне опасаться. Юлтитка старался тогда придать мне более бодрости и с клятвою уверял, что он имел великое ко мне почтение и что я был у него в безопасности. Прошедший его поступок, прибавил он, мог сделать его подозрительным в моих глазах, но он уверял меня своею честью на свой щёт вывести меня из заблуждения. Гордясь тем, что он был судьёю в нижнем земском суде ижигинском, он слишком старался о своей чести.

Тут я узнал, что мне не должно было ни мало полагаться на его ласковыя уверения, и я почитал себя щастливым, что не осмелился он сделать того, что мог, вероятно, произвести мне во вред. Я поспешил вытти из юрты под предлогом посмотреть, где были мои люди, и приказать им готовить обед. Но сим не мог я ещё отвязаться от сего вероломнаго коряка. Он против моего желанія был со мною, когда я собирал свою свиту. Каждое моё слово, по-видимому, приводило его в смущение. Не зная по-русски, сам он требовал тотчас изъяснения и с особенным вниманием замечал все мои движения.

Я нашёл, что мои люди меняли тогда худых собак, которые у них оставались, на мехи и на платье, сделанное из оленьих кож. Это привело у них в забвение моё приказание и бедствие, в котором они меня оставили; но я по причине свидетелей скрыл своё неудовольствие, возвратился в юрту с Юлтиткою и с двумя своими солдатами, которые вышли вон для приуговления нам обеда. Женщины помогли чистить нашу посуду (оне для сего не употребляют ни тряпиц, ни салфеток, но берут палку, скоблят её несколько минут и сими стружками вычищают очень хорошо всю поваренную посуду), и я мало помалу с помощью водки прогнал свой страх и отчаяние. Стол наш был весьма весел, я даже часто старался подражать своим собеседникам в великом их смехе, чтоб лучше засвидетельствовать пред ними своё удовольствие, поелику сие только одно пространное изъяснение чувствования им нравилось. Обед кончился, я позвал к себе одного из своих солдат, приказал запрягать моих собак, которыя уже несколько отдохнули. Запасов моих нашлось довольно для свиты моей. Чрез две минуты всё было готово, и я пошёл к своим корякам прощаться. Они,

по-видимому, были мною очень довольны. Не знаю, в самом ли деле, что ж до меня касается, я очень был рад, избавившись от них, и удалился от них, сколько можно было скорее.

Отъезд из Парейна. Время тогда было около двух часов пополудни. Я почёл за нужное пользоваться остатком дня и вознаградить оное принуждённое своё медление. Не думал я остановиться, не проехав пятнадцати вёрст от Парейна.

До конца сего дня и на другой день в дороге ничего не случилось со мною замечательного. Я переехал много рек, ни одной не было важной, и весьма мало было таких, которые по берегам имели несколько малых дерев. Выехавши из Парейна, я оставил море, которое мне опять надлежало видеть по ту сторону реки Инжиги. Почему мы не имели более дров, каковыя находили прежде на берегу. Это нас очень много беспокоило тем, что мы безпрестанно искали каких-нибудь для себя деревьев и боялись, что никогда оных не найдём.

Потом долгое время питался я одним только оленьим мясом. Сколь оно ни приятно, но скоро можно им наскучить. Вымя сих животных столь для меня понравилось, что я запас, которой вёз, до тех пор не употреблял, пока все оныя поел. В день ели мы только по одному разу. Другия наши кушанья состояли из сушёной рыбы и варенаго морского волка. Также я был очень доволен, поймав удачно в сей день двух рябчиков. Я их заколол, и сколько ж ими прибавил вкусу в моей кастрюле! Сие кушанье произвело во мне приятное отвращение от скучной единообразности в пище.

Хорошая погода благоприятствовала нашему пути. Ясное небо, кажется, предвещало нам сильный мороз, какового мы желали, потому что снег был столь слаб, по которому собаки наши по брюхо вязли. Всякой из нас, чтоб проложить им дорогу, принуждён был итти впереди на лыжах. Ожидание хорошаго другаго дня ободрило моих провожатых, и мы весело ехали сей день. Мы остановились уже очень поздно, на пустом совершенно месте; для дров нашли мы там один только небольшой смолистой кедр, которой расстился по земле и был весь изогнут.

Остановка. Ещё не отходя в свою палатку, ночью увидел я на краю горизонта облака, что-то худое предзнаменующие. Я уже довольно привык к сему климату, так что мог судить о погоде по малейшим знакам. Я сообщил свои догадки моим сопутникам, но они в сем знании почитали себя гораздо превосходнейшими, нежели я, и сказали, что нам не надлежит опасаться худаго дня, поелику захождение солнца было очень хорошо. Я знал, что они

никогда прежде в сем не обманывались, и потому принужден был положиться в том на их опытность. Я перестал беспокоиться о том, что они меня принудят препроводить день в сем месте, в которое не вдруг буря могла достигнуть.

На разсвете меня разбудил один из моих провожатых. Он с шуткою убеждал меня ехать и пользоваться хорошим наступающим днём. Луна ещё светила, и небо было чисто. В то время как я по своему обыкновению завтракал, употребляя чай и ржаные сухари, которых несколько берегли для меня мои люди, желавшие всегда лучше сами оных не иметь, нежели допустить, чтоб я терпел в оных недостаток. Они спрашивали меня, что я думал о погоде, чем они издевались надо мною. Но я ничего им не сказал, принуждая их ждать до вечера, чтоб разсудить, справедливо ли или нет, что предвещал я им о буре.

Встреча кочующих коряков. Едва мы съехали с сего места, как увидели в некотором разстоянии коряков, едущих на пяти санях, в которыя были впряжены олени. Наши собаки, чувствуя запах сих животных, с удивительным стремлением побежали. Чем более мы вперёд ехали, тем более коряки в сторону от нас удалялись. Я сначала подумал, что это было действие природной их недоверчивости, но из лаяния и прыгания наших собак я заключил, что они-то были причиною страха, которым наполняло их наше приближение. В самом деле, собаки непременно бы бросились на олень, естли бы были ближе. Я приказал остановиться, но весьма трудно было удержать наших бегунов, и мы с великим трудом могли их остановить. Мы старались чрез знаки объяснить им, что мы хотели иметь с ними краткой разговор. Они на сие казались согласными. Чрез несколько минут один из них отстал, чтоб подойти к нам, но, остановясь шагов за двести от нас, просил нас чрез знаки же послать кого-нибудь из наших к нему, а наипаче не пускать наших собак. Я приказал одному из своих солдат на лыжах итти навстречу к сему коряку и спросить у них, откуда и куда они ехали? Не знали ли чего-нибудь о г. Козлове, а наипаче в каком разстоянии находились мы от Ижигинска.

Чрез полчаса посланник мой возвратился со следующими вестями: что сии коряки были кочующие, они ехали к своим семействам, которыя они оставили, отбыв в Ижигинск для продажи оленьих кож и для свидания со своими друзьями. Они думали, что уже было известно о подмоге собак и дорожных запасов, отправленных недавно навстречу г. коменданту, но они никакого другаго о сем не имели известия. Что ж касается до того, сколь мы

далеко от сего города, то их ответ был совершенно согласен с мнением моих товарищей, которых я за несколько до того минут о сем спрашивал по случаю новаго спора, происшедшаго между ими и мною. И вот что подало к тому довод.

Спор между мною и моими людьми о погоде. В то время как мы ожидали возвращения сего солдата, я увидел, что несколько облаков прошли быстро над нами. Их вид и направление утвердили меня во мнении о приближении угрожающей нам непогоды. Солдат мой Голиков не менее был недоверчив, как и другие, он охотно защищал противное; однако же он на то соглашался, что происшествие всегда почти оправдывало мои предсказания. Он так сие утверждал, что даже рассказал обо мне корякам, как о некотором в сем роде пророке, и не препятствовал мне впасть в погрешность и сделаться недоверчивым.

Сие безпритворное согласие тем для меня более казалось смешным, что мои провожатые были онаго свидетелями. Оно произвело во мне желание посмеяться их простоте и незнанию. Обстоятельства были к тому способныя. Я им опять говорил, что чрез два часа будут они уверены в моём знании, но прежде всего должны они меня уведомить, можем ли мы найти себе на дороге какое-нибудь место, которое бы послужило нам убежищем от худой погоды. «До самой даже реки Инжиги, — говорил мне один из них, — не будем мы ничего проезжать, кроме пространной и гладкой долины, где едва ли можно приметить какия-нибудь возвышения, составленныя из земли или из громады снегу, намётаннаго бурями и затвердевшаго от морозов».

Это привело меня в смущение, поелику я наперёд знал, что мы принуждены будем воротиться назад, чтоб найти себе убежище близ небольшого лесу, которой мы проехали и были от онаго в полумиле, но упорное мнение моих провожатых, которые говорили, что нам нет ни малейшей опасности, причинило затруднение. Положившись на свою мнимую опытность, они вздумали далее продолжать путь, чего и я желал, надеясь к вечеру прибыть в Ижигинск.

Я употребляю свой компас к великому удивлению моих провожатых. Чтoб вернее исполнить своё намерение, я надеялся найти помощь в своём компасе, которой один нас мог проводить сквозь бури. Я узнал от одного из моих провожатых, которой более прочих это знал, в каком направлении находился от нас Ижигинск. Он мне показал оное тотчас, давши заметить мне в отдалённости одну гору, которой вершина, по-видимому, терялась в облаках.

«Город, — говорил он мне, — отстоит на несколько вёрст по эту сторону и в прямой с нею линии, мы находились от него на пятьдесят или пятьдесят пять вёрст». Я прервал его слова, чтоб остановить воздух в том месте, где мой компас находился, и чтоб исчислить по часам скорость нашего пути.

После нашего ночлега проезжали мы в час от шести до семи вёрст, но во время бури мне надлежало ожидать гораздо медлительнейшей езды, посему я и положил в час проезжать только три версты. Тогда был шестой час утра, и по моему щёту я надеялся прибыть в Ижигинск прежде полуночи. Я узнал ещё от своего провожатого, что для приезда на реку, которая туда ведёт, надлежало нам доехать до одного весьма пространного лесу, которой она разделяет. Это привело меня в совершенное безпокойство. Великое пространство сего леса вправо и влево уверило меня, что мы не можем из него выехать и не сбиться с дороги.

Предприняв все сии меры, объявил я своим людям, что я ничего не желаю лучшего, как только скорее ехать, но что я решился не останавливаться, чтобы с нами не случилось. Я приказал им ехать впереди, хотя они просили, чтоб я не был их вожатым, уверяя, что нельзя было узнавать дороги. Важность, с которою отдал я им сие приказание, их усмирила. Они с изумленным видом смотрели друг на друга, не осмеливаясь сказать мне явно, что я сумазбродничал. Смелейший, однако ж, из них представлял мне, что, не проезжая никогда сей дороги, я не мог взяться их провожать, не опасаясь подвергнуть всех погибели, и что, без сомнения, я захотел повеселиться. Вместо всякаго ответа с видом вспылчивым послал я каждого на свои сани, угрожая тому наказанием, кто не послушается, и в тоже время дал знак к отъезду.

Сильная буря. До половины девятого часа проехали мы вёрст около пятнадцати, и по моему щёту оставалось ехать сорок вёрст, но уже около часа прошло, как горизонт покрылся мрачными облаками, буря постепенно приближалась, и вихрь начинал подымать снег. Товарищи мои молчали, страх владел ими почти столько же, сколько и смятение, они не знали, где тогда были. Скоро буря с такою силою на нас подула, что опрокинула многия из наших саней. Посредством шума собрались мои провожатые и, признавая себя побеждёнными, пришли просить меня остановиться, хотя мы были тогда в пустом поле, будучи заслеплены мятьею, которая дула нам прямо в лицо. Они опасались, чтоб нам не заблудиться.

Я напомнил им о своём обещании и не переменил своего желания ехать далее. Я приказал, чтоб все сани, сколько возможно,

были друг за другом ближе, дабы при малейшем несчастном случае можно было одному другому слышать и подать помощь. Потом помощью своего компаса, которой я привязал под своим мехом, чтоб безпрестанно иметь оной пред своими глазами, начал я управлять нашим караваном. В сем порядке ехали мы остаток дня и, можно сказать, среди ночи. Я не мог видеть и того солдата, который позади меня ехал, и едва видел я передних его собак.

Около семи часов вечера товарищи мои начали меня крайне беспокоить своими жалобами и увещаниями. Безпрестанно просили меня остановиться, но, думая, что нам до леса оставалось не более пяти или шести вёрст, уверял я их, что ежели мы не доедем до него в девятом часу, то ночью далее не поедем, естли, достигнувши леса и реки, не захотят они ехать до Ижигинска, к которому столько мы близко будем, но что я позволяю им избирать то, что почтут они за лучшее. Сие условие, по-видимому, их успокоило, однако ж не потому, чтобы они думали, что столь близко находились к своему предмету. Они, как кажется, думали, что мы не были на дороге, и они в той только надежде желали остановиться, что поутру можно найти путь.

В осьмом часу увидел я, как будто бы раскрылось пред нами мрачное покрывало. Предмет увеличивался и чернел по мере, как мы к нему приближались. Через минуту провожатые мои вскричали, что они увидели деревья и были спасены. В самом деле, мы были в лесу ижигинском. Я послал несколько вперёд узнать, где мы были, и они тотчас возвратились с радостью и сказали мне, что мы приехали к реке.

Почтение, с которым они мне о сем объявляли, довольно меня веселило, благодаря меня за то, что я их столь хорошо проводил. Коряк говорил, что ни один из их шаманов не сделал столь чудесного дела: предсказал худую погоду, когда всё пред их глазами, по-видимому, представляло противное, узнал, каким образом их сопроводить и сохранить от сей *пурги* (так они называют таковые непогоды); столь чрезвычайная была в нём проницательность. Признательность прочих моих провожатых столь же почти была простодушна. Они не могли вытти из своего удивления. Напрасно показывал я им свой компас, напрасно хотел я им изъяснить, каким образом он составлял всё моё знание, они, наконец, мне говорили, что этого никто ещё не может знать, кроме мудрецов, так как я, наученных магическому искусству.

Я был уверен, что, находясь в столь малом расстоянии от Ижигинска, они не хотели более останавливаться, каждой нетерпели-

во желал видетъся с женою и обнимать своихъ детей. Не принимая моего предложена, чтобъ расположитья станомъ в сем лесу, они убеждали меня спуститься на реку, уверяя, что трёхъ часовъ довольно на то, чтобъ туда приехать. Мы съехали на берегъ, по которому проехали до того места, которое было противъ города. Тамъ надлежало намъ переехать сию реку, которая течётъ близъ его стенъ. Лёдъ былъ весьма твёрдъ, но буря покрыла водою его поверхность, такъ что мы намочили свои ноги.

Прибытие в Ижигинск. В воротахъ Ижигинска, по обыкновению, наблюдаемому в укрепленныхъ местахъ, меня спрашивали, и я принужденъ былъ дожидаться, чтобъ доложили обо мнѣ коменданту. Зная давно о моемъ путешествии, г. майоръ Гагенъ тотчасъ вышелъ ко мнѣ навстречу и взялъ меня в свой домъ. В одиннадцатомъ часу с половиною въехалъ я в сей городъ, весьма важной и имеющийъ довольное число жителей.

Описание города. Онъ стоитъ на реке, темъ же именемъ называемой, в трёхъ верстахъ отъ ея устья, и представляетъ извне четвероугольную окружность, огражденную палисадомъ, котораго вышина и толщина меня удивили, и деревянными бастионами, которые на сваяхъ возвышаются по четырёхъ угламъ параднаго места. На каждомъ изъ сихъ бастионовъ стоятъ пушки и другіе различные военные припасы, здѣсь день и ночь стоятъ караульные (они всегда стоятъ в сторожкахъ, опасаясь нападенія коряковъ, находящихся в окрестностяхъ, которые по своему вздорчивому и гордому нраву заводятъ часто бунты и осаждаютъ городъ в такое время, когда ихъ не ожидаютъ. Имъ также не велено долго здѣсь быть, когда они производятъ торговлю), такъ какъ и в трёхъ воротахъ сего города, изъ которыхъ одни только отворяются. Предъ комендантскимъ домомъ парадное место, у входа на одной сторонѣ — караулъ. Не менее сего удивился я строенію домовъ: все они деревянные и очень низки, но все имеютъ правильной фасадъ и для каждаго дому, какъ кажется, употребляли одинаковой планъ. Г. Гагенъ намеренъ украсить такимъ образомъ мало-помалу свой городъ. Избы, построенныя по его прибытіи, при приятномъ наружномъ видѣ имеютъ все те внутреннія выгоды, какия только могутъ быть в сихъ местахъ. Намереваются ещё перестроить церковь, которая очень худа и угрожаетъ паденіемъ.

Жителей в сем городе считается до четырёхъ или пяти сотенъ человекъ, которые все разделяются на купцовъ и военныхъ людей. Сии послѣдніе занимаютъ большую часть и составляютъ гарнизонъ. Они находятся в строгомъ порядкѣ, который частая нужда в защитѣ себя делаетъ необходимымъ. Попечение и ревность коменданта

в разсуждении сего ничего не оставляют в небрежении. Суды там те же, каковыя в Нижнекамчатске.

Коммерция. Торговля ижигинская состоит в мехах, а наипаче в оленьих кожах. Вообще, там более различных мягких рухлядей, нежели в Камчатке, которыя показались так же мне превосходнее камчатских. На сем полуострове много хороших кож снимают с выдр, с морских медведей, но собольи кожи там не так хороши, как здесь, где они, однако ж, реже. Камчадалы не имеют мехов куньих, беличьих и американских крыс, называемых *рысями*, которыя коряки достают чрез промен от чукотов, своих соседей, и привозят в Ижигинск со своими оленьими кожами. Они продаются не выделанными, и весьма дорого, обдельваются они там с удивительнейшим искусством, что трудолюбивые мастера вывозят для того инструменты, изобретённые в Европе. Тонкость и красоту их работы не уступает выделке европейцев, разве только крепостью. Сии мастера делают перчатки и чулки. Рубцы и нашивы делают они из оленьих волос, щетин и цевочнаго золота, и сделали бы честь нашим искусным перчаточникам.

Но время говорить об обыкновениях коряков. Я для того и оставил сие описание до сего времени, чтоб более в оном распространиться. К тому, что я познал о сем из моего путешествия по разным их острогам, присоединю я ещё точнейшия примечания, основанныя на повествованиях, достойных вероятия. Я старался занять сведения о сем предмете из разговоров г. Гагена и других важных жителей, но большую в сем пользу сделал мне один коряк, о котором прежде всего за нужное я почитаю дать некоторое известие.

История князьца корякского Умиявина. Я его сперва нашёл в Каменном, удивляясь почтению, которое сделал ему г. Шмалёв, спрашивал я его о состоянии и чине. Мне сказали, что он был ижигинской заседатель и пришёл к нам навстречу для того, чтоб оказать свои услуги. Его способность говорить на российском языке и праводушие меня пленили. Я бы почёл его за россиянина, естли бы он не заговорил в то время на своём природном языке, я тогда узнал, что он был князец корякской, брат одного начальника кочующих коряков, и назывался *Умиявином*.

Любопытство побудило меня сделать ему очень много вопросов. Он отвечал с такою тонкостью и проникательностью, каковою я не приметил ни в одном из его соотечественников. Возможность разговаривать с ним без помощи переводчика сделала для меня его обращение столь драгоценным, что я для того остался в Каменном; оно было для меня источником удоволь-

ствий и познаний. Между различными предметами, о которых мы говорили, важнейшей составляла религия. Зная, в чём состояло богопочитание россиян и богопочитание коряков, он ни одного из них действительно не держался. Но, по-видимому, он был расположен принять крещение, когда б наставить его в некоторых пунктах, которых он не понимал. Удивляясь изяществу евангельскаго участия и величеству внешняго богопочтения, он признавался, что ни что не было столь сильно вдохнуть в него желание принять христианство, но строгая нравственность, заключающаяся в некоторых наших правилах религии (наипаче он был утращён постами, которые, как известно, весьма строги и часты у греков), неизвестность небеснаго блаженства и понятие о Боге, угрожающем вечным наказанием, наполнили его страхом и смущением. Он говорил, что их религия при всех своих грёзах и нелепостях подавала, по крайней мере, более надежды, нежели страха. Она не возвещала ему о наказаниях, как только в сем мире, а в будущей жизни обещала ему награждение. Душа беззаконника смущалась только в сей жизни, по смерти ожидало её щастие. Всеми сими разсуждениями возмущённая душа его находилась в безпрестанном сумнении и недоведении; он не осмеливался ни отвергнуть, ни держаться веры отцев своих, он стыдился и любил заблуждения.

Искренность, с которою он признался мне в своей нерешимости, тем большую мне принесла выгоду, что я узнал, что его разсуждения и его сердце имеют добродетель не всем общую, а особенно любовь к истине. Чтоб утвердить сей колеблющийся дух, и нужно было истребить предрассудки, которыя помрачили оный и которыя своим источником имели ложныя начала, ему внушённые. Всяк другой, на моём месте будучи, может быть, предпринял бы оныя истреблять; я не взялся за это, опасаясь видеть покушение своё бесполезным, потому что я имел мало времени с ним обходиться как в Каменном, так и в Ижигинске, куда он прибыл за день прежде меня, как сам то обещал. Он оказал мне весьма великия услуги тем, что сообщил мне объяснения о своей стране, чего я очень желал, и предупредил моё желание и нужды, касающияся до моей свиты.

Пространство земли корякской. Между коряками, имеющими постоянныя жилища и кочующими, приметно великое несходство. Несогласие, или я ещё скажу больше, ссора, которая царствует между ними, показалась весьма странною. Кто бы подумал, что это суть два народа различные, разделённые неизмеримыми границами. Однако ж они имеют одно отечество. Сие их отечество

занимает великое пространство, которое граничит к югу с полуостровом Камчаткою и с Пенжинским заливом, к востоку с олуторцами, к северу с чукотами, к западу с тунгусами, ламутами и якутами.

Народ (1788 г., апрель). Уверяют, что сия страна была некогда чрезвычайно многолюдна, но её опустошила очень много оспа. Я сомневаюсь, чтоб оспа истребила более жителей, нежели сколько частыя их ссоры с россиянами и другими соседями. Коряков сидячих считается ныне около девятисот, а о кочующих, которых невозможно почти точно исчислить, думают, что они не превосходят число оных.

Нравы коряков сидячих. Нравы их не заслуживают ни малаго уважения. Коряков обыкновенные характеры криводушие, недоверчивость и сребролюбие. Они имеют все пороки народов Северной Азии, не имея их добродетелей; по свойству своему хищны, склонны к подозрению, жестоки, не имеют ни снисхождения, ни сожаления. Чтоб получить от них хоть малейшую услугу, надобно наперёд оказать им большую, дать им даже за то награду, их толико настоящим можно тронуть и заставить сделать какую-нибудь услугу. Я признаюсь, что я не имел причины столько жаловаться на кочующих коряков. Вообще, я нашёл их гораздо простосердечнейшими, гораздо услужливейшими, и я не умелю привести на сие доказательство.

Невозможно, чтоб с сими вероломными и зверскими свойствами могли жить в мире и иметь постоянной союз со своими соседями. Сие не насыщаемое их свойство должно производить страх в соседственном владении; отсюда-то происходили безпрестанные нападения на россиян, их жестокие грабежи, их повседневные набеги на окрестные народы, отсюда-то с обеих сторон беспрерывно возрождающияся мщениа.

Неукротимая храбрость всех коряков. Сие состояние войны поддерживает жестокость во всех нравах. Способность защищаться и осаждать возродило в них ту неутомимую храбрость, которая всегда производит поражения и составляет славу презрения смерти. Суеверие придало в их глазах вид благородства сей кровожадности, налагая на них закон, чтоб они погибли или погубили. Сила и превосходное число их противников ничего не имеют такого, чтоб могло их утратить; по сему-то они клялись *истребить солнце*. Они исполнили ужасное своё обещание, когда истребляли своих жён, детей, пожигали всё своё имение и, наконец, бросились с яростию в средину неприятелей. Сражение кончилось одним только совершенным истреблением целой страны, побеждённые

не искали своего спасения в бегстве. Честолюбие не допустило до того коряков, никто не хотел остаться в живых по убиении его соотечественников.

Род жизни сидячих коряков. Даже доселе соседство россиян не произвело никакой перемены в сидячих коряках. Отношения, касающиеся до торговли, которая соединяет их с сими чужестранцами, не сделало их чувствительными, как только к приятностям богатств и грабежей. Будучи хладнокровны к выгодам благоустроеннейшей жизни, они, по-видимому, презирают всякое просвещение и свои нравы и обыкновения почитают наилучшими.

Прежде коряки казались ещё жестокосерднее; независимость, к которой они привыкли, сие натуральное безпокойство, которое образует их характер, нимало не располагало их к тому, чтоб им принять на себя иго; притом же желание повелевать сделало, может быть, вначале россиян не столь умеренными. Может быть, сии не употребили искусства, чтоб заставить их себя любить, нежели бояться, надёжное средство в том состояло. Россияне видели, как целыя орды совершенно разсыпаются при малейшем виде притеснения и бегут от городов, где выгода коммерции подавала им надежду иметь постоянныя жилища. Сии бегства продолжались до прибытия г. Гагена. Известно, что его убеждения и выгодныя наставления, соединённые с его ласковым поведением, созвали одно после другаго разбегшия семейства. Сначала возвращено было одно, потом два, три и так далее. Пример возбудил ревность, которая побудила к тому же прочих. Во время моего приезда считали одиннадцать юрт коряков около Ижигинска.

Но что предусмотрительное правление г. Гагена, как я узнал, лучше приуготовило успехи для намерений его государыни. Это происходило от того, что он пользовался соотношениями, которых требовала коммерция, чтоб возстановить тем между россиянами и сидячими коряками, так и кочующими в окрестностях, взаимность и договоры одного с другим, которые изображает древнее страннопримство и которые, верно, будут началом перемены нравов в последних.

Коряк, естли будет принуждён по своим делам итти ночью в город, он найдёт себе прибежище у своего друга-россиянина. Без всяких околичностей входит он в дом к своему хозяину, которой за долг себе поставляет принять его; об нём стараться, предупредить все его желания и нужды, ничего не щадить, чтоб его угостить, то есть, чтоб напоить до пьяна. По возвращении в свои жилища он с удовольствием рассказывает о ласковом приёме,

которой ему сделали. Это есть обязательство, священный долг, которой он старается тотчас заплатить, как только случай будет. Это много имеет пользы, а особливо для российского солдата, которому часто случается путешествовать в соседственные места. Благодарность коряка к своему другу не ограничивается тем, чтоб дать ему ночлег, угостить его и дать запасов для дороги, он его защищает, делается его покровителем даже против его соотечественников.

Звериная и рыбная ловля составляют их обыкновенное упражнение. Но не все времена года позволяют им упражняться в трудах. Во время сих разстояний, они, зашедши в свои глубокия жилища, спят, курят табак и пьют вино, не заботясь о будущем и не сожалея о прошедшем, они не выходят из своих юрт, как разве когда необходимость побуждает.

Жилища их, будучи пространнее, нежели северных камчадалов, представляют почти те же разделения. Я не знаю, не более ли ещё беспокоит их там грязь, нет у них ни дверей, ни *жупана* (на Камчатке под ним подразумевали подземный канал для впуска в юрту воздуха во время топки. — *Ред.*), или отдушника; и дым так же там несносной.

Пища. Сей народ, будучи крайним неприятелем трудолюбия, питается так, как и камчадалы, сушёною рыбою, мясом и жиром кита и морского волка. Все коряки, чрез которых я ехал, путешествуя из Пусторецка, не меньше терпели недостатка в съестных припасах, как жители сей деревни. Берёзовая кора, смешанная с жиром морского волка, составляла тогда всю их пищу. Иное обыкновенно едят сырым, иное сушат и варят таким же образом, как и рыбу, но жилы, мозг, как тот, которой в костях находится, так и тот, которой в голове, жрут всё сырым с превеликою жадностию. Мясо оленьё у них очень важно. Коряки употребляют его таким же образом, как мясо морского волка, китов и других животных, которых они ловят. Они питаются также растениями, осенью собирают различныя ягоды; одна часть из оных служит к составлению прохладительнаго напитка (реки, которыя текут недалеко от их острогов, столь почти малы, что при первом морозе вода в них пропадает, и большую половину года жители принуждены бывают пить растопленной снег и лёд), а остальные давят и мешают с жиром китовым или морского волка. Сие тесто называется *тултшихою*; в сей стороне употребляют его для важных случаев, но по моему вкусу, нет ничего хуже онаго.

Питья. Пристрастие их к хмельным питьям, возбуждаемое дороговизною водки и трудностью удовлетворять в том своему

желанию по причине великаго их отдаления, побудило их выдумать напиток столько же пьяной, которой делают они из красного гриба, известнаго в России по причине своей ядовитости под именем *мухомора* (в русских домах употребляют его для истребления некоторых насекомых). Они кладут его в сосуд с другими плодами, сбивают вместе, и едва дадут время отстояться, созывают друзей своих. Между пирующими возжигается благородное некоторое соперничество, чему более способствует ещё хозяин, поднося им сей свой нектар. Пирушка продолжается день, два и более, пока весь этот запас выйдет. Часто чтоб скорее лишиться употребления разума, едят они сей гриб сырой. Непонятно, как нет там примеров пагубных следствий сего пьянства, однакож я видел, что некоторые из них важныя получили невыгоды и необходимое наказание, но опыт их не исправляет. Они при первом случае повинуются только своей слепой и скотской неводержности, поелику это не есть у них чувство вкуса, и неудовольствие отвеживать напиток, которой, как скоро раз они откушают, делается для них необходимым. В пирушках своих они о том только и стараются, чтоб забыть самих себя, чтоб притти в сие состояние расслабления и безумия и, естли так сказать можно, перестать существовать. Вот в чём состоит их единственное увеселение! Вот для них истинное щастие!

Физиогномия. Обличие большей части оных не имеет ничего азиатическаго, кроме малости их стана, недостаточнаго расположения цвета кожи. Они очень подобны европейцам. Другие коряки имеют одинаковой характер физиогномии, какой и камчадалы. Между женщинами редкия не имеют продолговатых глаз, расплющенного носа и одутливых щёк. Мущины почти безбородые и имеют волосы очень короткия; женщины никак волос не убирают и вообще все распускают их по плечам, но некоторыя завязывают их в косы или покрывают платком.

Что касается до одежды, как мужеской, так и женской, то она такова, каковую я описал, путешествуя в Караге и Пусторецке.

Колыбели для детей. Жёны детей носят в колыбели, которой расположение показалось для меня особенным. Она сделана наподобие ниши, или корзины, согнутой кверху, в которой младенец сидит или лежит.

Супружества или женитьбы. Из странных их обыкновений приведу я один случай, которому подвергается молодой человек, желающий жениться. Естли он выберет для себя невесту, то приходит к ея родителям, предавая себя на все услуги и работы. Это

его начало. Тотчас на дочь надевают великое множество платья, которым она так закутается, что едва лице её можно видеть. С тех пор ни минуты не бывает она одна. Мать ея и многия другия честныя старухи всегда за ней ходят, вместе с ней ложатся и никогда не выпускают её из вида ни под каким предлогом. Любовник ея должен всё своё искусство и всё старание употреблять на то, чтоб прикоснуться к ней нагой. Это только есть одно средство к получению ея. Между тем он с ревностию и преданностию исполняет все должности, которыя налагают на него родители. Сделавшись, так сказать, рабом целой семьи, он обязывается исполнять все домашния работы, как-то ходить за дровами, за водою, заготовляет лёд и прочие. Любовь и присутствие невесты его ободряют. Один ея взгляд, хотя б был он хладнокровен, делает то, что он забывает все беспокойства и тяжесть своей службы: надежда сократить продолжение времени управляет всеми его действиями, глаза, верно наблюдающие идол его сердца, замечают все его движения, надсматривают следы его и безпрестанно его сопровождают. Нет почти средства обмануть сего Аргоса (античный мифический герой, сын Завса и Ниобы. — *Ред.*), по крайней мере, оно состоит в безпрестанной брани, бодрствовании с проворностию. Всякой замечает и поступает с равномерным жаром, с равномерным постоянством. Судя по такой ревности, по такому страстному действию любовника, по таковым мерам, предприемлемым для приведения в беспорядок его дел, можно подумать, что он хочет похитить редкую какую-нибудь красоту. Кто бы поверил, что предмет желаний и мыслей вздыхающего коряка есть самая гнусность и что он в награду за свои труды желает только прикоснуться к телу, покрытому жёлтой и лоснящеюся кожею? Нашед для себя удобной случай свободно на неё смотреть и к ней подойти ближе, он старается разом сделаться ея достойным чрез некоторое тайное прикосновение, но множество толстых одежд препятствуют ему в том, как непреодолимая преграда. Разгорячившись по причине толиких препятствий, он раздирает сии досадныя для него платья. Нещастен сей безразсудный, еслили захвачен будет в сем покушении. Родители, немилостивыя надзирательницы нападают на него и принуждают отпустить пойманную. Они, обыкновенно ударяя ногами или палкою, побуждают его отойти и избирать способнейшее для себя время. Еслили он противится, то тащат его за волосы или злыя оныя старухи ногтями обдирают ему лице; еслили он опечалится, еслили заропщет на сей жестокой поступок, то его тотчас отпускают, и он лишается навсегда своих прав на сей союз.

Столько-то велико бесчестие, которое может получить корякской любовник! Но трудности делают его желанья живейшими. Не получа удовлетворения и не унывая от толиких строгостей, он думает сделаться достойнейшим того счастья, которое он себе воображает. Он ободряется, снискивает себе славу всеми несчастиями, которыя он сносит в своей страстной и трудной службе. Это редко бывает, и то разве чрез два или три года, что он достигает конца своего намерения, сей столь трудной цели. Тогда, гордясь своею победою, тотчас приходит и рассказывает об оной родителям. Они созывают свидетелей и спрашивают о том дочь. Ей должно признаться и подтвердить, что она была поймана, что напрасно силилась себя защищать. Тогда ея рука даётся ея победителю, у котораго требуют ещё отсрочки, чтоб увериться, может ли сия девушка с ним жить. Вероятно, что хорошая не бывает долго нечувствительна и что также, чтобы её любовник терпел столь трудной искус, не умедливает признаться, что он к ней прикоснулся, хотя бы в самом деле того не было.

С сего времени, освободившись от всех работ, он без принуждения строит свой дом для будущей своей жены, которая сама не скушает, освободившись от тяжести многочисленных своих одежд. Редко случается, чтоб она много продолжила свой второй искус: тотчас в присутствии своих домашних она открывает своё согласие с своим мужем, и сего довольно, чтоб ему взойти в свои права.

Церемония и праздник свадебной состоит в том, что собираются родители, которые охотно напиваются по примеру новобрачных. Многожёнство, кажется, запрещено у коряков, однако ж я видел таких, которые брали много жён без всякаго зазору.

Похороны. Похороны их совершенно основаны на древних учреждениях язычества, которое и ныне ещё находится у различных варварских народов новаго света. Ежели умрёт коряк, то его ближние и родственники собираются, чтоб отдать ему последний долг. Они накладывают костёр дров, на котором кладут часть богатств умершаго и часть съестных запасов, как-то оленей, рыбы, вина, словом, всего того, в чём, по их мнению, может он иметь нужду для совершения великаго путешествия и чтоб не умереть от голоду на другом свете. Ежели этот коряк из кочующих, то взвозят на костёр оленями, а ежели из сидячих, то взволакиваем бывает собаками. Труп сей одевают лучшим из его платья и кладут в некотором роде гроба; там прощаются с ним около его стоящие, которые, имея в руках факелы, превращают скоро в пепел сего своего родственника или друга. Потеря его причиняет им печаль об отсутствии,

а не вечной разлуке. Они более о нём не плачут, и великолепие погребательное кончится пирушкой сей семьи, где пары, происходящие от горячих напитков и табаку, мало-помалу истребляют в них память об умершем. После нескольких месяцев жёнам его, оставшимся вдовами, позволяется опять выходить замуж.

Сии суеверныя действия при погребении, краткая печаль тех, которые в живых остаются, о том, кто мог быть для них любезным, суть, по моему мнению, ясное доказательство их холодности к жизни, краткость коей их ни удивляет, ни оскорбляет. Чаятельно, что система их религии ласкает их утешительною надеждою о непрерывности существования; смерть, по их мнению, есть только путешествие к другой жизни; оставляя свет сей, они не думают, что лишаются удовольствий, и есть другия увеселения, которыми идут они наслаждаться. Сей ласкательный предразсудок, о котором я уже дал знать при повествовании о первом моём разговоре с Умиявином, есть причиною его незнания в содержании религии и упорной твёрдости его соотечественников. Но их нелепые догматы требуют, чтоб их объяснить лучше, хотя богопочтение, на оных основанное, весьма просто, и чудесность ея не весьма обманчива. Вот в чём состоит система коряков о происхождении богов. Такова же теогония и чукчей, а прежде введения христианства была и у камчадалов.

Религия. Они признают высочайшее существо, создавшее все вещи. По мнению сих народов, оно обитает в солнце, котораго пламенный шар представляет им страну и престол Владетеля природы. Может быть, даже они не различают оное от сего небесного огня, которой они полагают ему жилищем. Так меня побуждает думать то, что они его не боятся, ни почитают, никто никогда ему не молится. Благость, говорят они, составляет его сущность, оно не может вредить. Всякое благо, которое на земле бывает, от него проистекает. Не показалось ли бы посему, что зрелище безпрестанных и всеобщих благодеяний Царя звёзд, который даёт жизнь, действие и силу всему на земле, долженствовало вдыхать сие слепое упование, представляя сие светило мира так, как божество его сохраняют. Началом зла, по их мнению, есть только злой дух, которой с существом всеблагим разделяет царство природы (однако ж они допускают ещё богов низших, или подчинённых: одни из сих составляют роды богов домашних, покровителей их жилищ. В отличнейших местах юрты поставляют они сих идолов, грубо вырезанных и закопчёных дымом. Они по-корякски их одевают, привешивают к ним колокольчики, кольца, всякаго рода

посуды железные и медные. Другие низшие боги, по их мнению, обитают на горах, в лесах, в реках. Это приводит нас на память нимф, в мифологии древних греков помещённых), могущество их равно, и один столько занимается щастием человеческим, сколько другой старается сделать их несчастными. Болезни, непогоды, голод, все наказания суть его дело и орудие его мщениа. Чтоб укротить сие его мщениа, то принуждены бывають приносить дары и возсылать молитвы сему злему божеству. Страх, которой оно поселяет во всех сердцах, есть чувство, которое заставляет их приносить ему жертвы; почтение, которое ему делают, состоит в жертвах очистительных. Ему приносят недавно родившихся животных, оленей, собак, первые плоды звериной и рыбной ловли, и всё то, что имеют лучшаго. Молитвы, которыя к нему возсылають, состоять в прошениях или приношении благодарности. В путешествии моём часто мне попадались остатки собак, зарезанных и повешенных на кольях, которые свидетельствовали о набожности жертвоприносителей.

Там нет ни храма, ни жертвенника, куда бы его поклонники долженствовали собираться. Везде сей воображаемый бог может быть почитаем; он внемлет коряку, которой один в пустыни его просит, так как и соединённой семье, которая думает его умилиловать, с благоговением упиваясь в своей юрте, поелику привычка к пьянству сделалась у сею народа действием, касающимся до религии и основанием всех торжеств.

Этот демон, этот страшный дух есть, без сомнения, тот же, что и Кутка, котораго камчадалские шаманы называются служителями или орудиями. Здесь, так как и в оном полуострове, сии колдуны таинственным своим наречием обманывают легковёрных и у многих снискивають для них уважение. Они отправляють медицину и хирургию с таким же успехом. Сии ненадлежащая должности, о которых думают, что оныя получили они более от вдохновения, нежели сколько чрез свой опыт, уверяють многих в неограниченной их власти. Их со всех сторон призывают и наперёд свидетельствуют им великую благодарность. Они гордо требуют того, что им нравится, и то, что им дають, принимают так, как должную дань. Это называют они приношением, приятным богу, которой, как они уверяють, говорит, чтоб они присваивали себе то, что жители сих стран имеют у себя наилучшаго. Не надобно думать, чтоб это делали они чрез оказание каких-нибудь добродетелей, или чрез вид строжайших нравов, чем бы сии обманщики обвораживали сей глупой народ. Будучи необузданны и безсовестны,

они во всех пороках превосходят других и показываются ещё менее трезвыми. Накануне своих магических обрядов они весь день постятся, а вечером награждают сей пост, употребляя в пищу и питье мухомор, тот пьяной яд, которой я уже описал, они едят и пьют его досыта. Сие предварительное пьянство так же у них установлено. Вероятно, что они чувствуют оное ещё и на другой день и сие то производит в них ту дурноту голове, которая делает их сумасшедшими и даёт им силу, чтоб предаться безумным своим изступлениям.

Наречие. Наречие коряков не имеет никакого сходства с наречием камчадалов; произношение их острее и тише, но оно не так трудно и не имеет тех странных звуков, тех присвистываний, которые столь же трудно произнести, как и написать.

Остаётся мне ещё сообщить некоторое известие о коряках кочующих. Но, имея мало о сем сведений, оставляю сие до моего прибытия к брату Умиавинову, где сии предметы буду иметь пред глазами.

Распоряжение к моему отъезду. По прибытии моём в Ижигинск г. Гаген по усиленным моим прозьбам всячески старался о том, чтоб как можно скорее мне выехать. Если б это зависело от меня, то я не пробыл бы там более суток. К нещастию, собаки мои крайне измучились, и нельзя было во всем городе сыскать других, как только малое число, которые не лучше были моих.

Посему я отпустил своих провожатых и ничего ещё не говорил о своих прогонах; потому, что когда я ехал с г. Козловым, то он имел об этом попечение, и я, разставаясь с ним, не имел, чем бы ему заплатить за сие одолжение. Теперь я должен читателю сообщить примечание о сих издержках. Для курьеров сего прогону кладут по две копейки на версту на каждую лошадь, а для прочих ездовых по четыре. В Камчатке и Сибири стоит это вполовину меньше, но поелику в полуострове для езды употребляют только собак, то платят оную цену за *подводы* или за каждую запряжку пяти собак. Три подводы, или пятнадцать собак, стоят столько ж, сколько в Сибири одна лошадь, то есть одной копейки для курьера, а для других путешественников двух.

Мне советовали взять оленей. Я на сие согласился тем охотнее, что надеялся ехать гораздо скорее и что давно уже имел я великое желание испытать сию езду. Мне ничего не сказали о невыгодностях сего путешествия, оно гораздо опаснее и труднее, но я по причине нетерпеливаго своего желания ничего не видел, кроме возможности скорее ехать и удовольствия изведать самому скорость сих животных.

Чтоб удовлетворить сильному моему желанию и сделать меня в состоянии продолжать путь свой безпрепятственно, г. Гаген решился согласиться с начальниками коряков, кочующих в окрестностях, и потому он велел призвать их к себе. Чрез два дни увидел я прибывших двадцать сих начальников и многих других коряков, которых коммендант также приказал о том уведомить.

В сих посещениях учтивости их не ограничиваются так как у нас невкусными церемониями или холодными ласкавостями, сопровождаемыми несколькими отборными словами. Как только собрание усядется, то приносят вина. Один из домашних подносит вокруг всем, каждому страннику — по три больших стакана, из которых в другом месте одного было бы довольно. Подумали бы, что здесь только и просят удвоить и утроить сей приём. В самом деле, склонный к пьянству коряк не бывает доволен первым. Принимая его, он приятно улыбается, смотря на всю компанию, а особенно на хозяина, которому он делает не так большой поклон, потом один за другим выпивают очень скоро все три стакана, которые тотчас бывают наполняемы и опоражниваемы; и никто из них не показывает ни малейшаго знака отвращения к питью, ни даже самые дети. Я видел одного мальчика от шести лет до семи, которому отец поднёс один из сих стаканов и которой выпил его весь одним разом, не показав никакой перемены.

При сем довольном угощении г. Гаген всегда оделял некоторыми подарками, состоящими из железа, шёлку или табаку. Он всё внимание употребляет на то, чтоб узнать склонности и нужды каждого. Чукчи и сидячие коряки, когда приходят в Ижигинск, бывают им так же принимаемы. Таким-то образом умел он нечувствительно приучить сих диких и взять над ними сильную власть. В сем-то слабая награда тех приношений, которые он каждой день делал для вспомоществования сим щедростям. Поелику он один делал сии издержки, дороговизна различных вещей в сей стороне должна была сделать для него оныя очень тягостными.

После обыкновенных учтивостей он меня представил пред собранием. Тут же толмач изъяснил им кратко, кто я был, представил важность моего послания и нужду, которую я имел в их помощи. По сем кратком объяснении поднялся между ими великой ропот. Напрасно хотели привести у них в силу самовластныя в разсуждении меня повеления правительства. Шум более умножался, так что нельзя с начала было их слышать и познать причину их неудовольствия. Наконец из всех сих криков поняли, что они жаловались на то, что на них одних налагают весь сей труд, между

тем как сидячие коряки от сего освобождены. По каковому праву наслаждаются они сим обидным изъятием, по каковому преимуществу сии спокойные домоседы остались в своих юртах? Для чего тех не определить к сей службе, как и их? Сии представления очень основательныя, но происшедшия от пьянства, и потому начинали меня сильно беспокоить об успехе моего требования, как вдруг один престарелой начальник, вещавши с гневом, вскричал: «Время ли нам жаловаться? Естьли во зло употребили нашу ревность, то отвечает ли за то сей чужестранец? Меньшее ли право имеет он на наши услуги? Я ему свои обещаю, я берусь столь долго его провожать, куда ему надобно будет. Согласитесь только провести его до меня. Неужто не найдётся между вами ни одного, который бы захотел ему оказать сию малую услугу?»

При сих словах смущение в их взорах изображалось, мятежники укротились. Помолчав с минуту, каждый хотел освободиться от упрёка, котораго он опасался быть достойным. Я слышал бесчисленныя от них извинения и представления и сим-то получил я право на то, чтоб перевезли меня, моих людей и имение до *Студёной реки*, на берегу которой жил тот услужливой коряк, которой обязался служить мне провожатым. По преодолении всех препятствий я назначил днём моего отъезда третий после сего, то есть 5 апреля, и всё собрание обязалось явиться по моему приказанию к показанному дню. Старый начальник, которой столь благородно меня защищал, первой укрылся от моих благодарностей, уехав в то время под предлогом, что нужно было сделать ему у себя некоторыя для меня приуготовления. Сколь велика была моя радость, когда я узнал, что тот, кому я столько был одолжен переменюю в склонностях сих коряков, был Умиавинов брат, котораго я столь нетерпеливо желал знать.

С сего времени г. Гаген не переставал заботиться о приуготовлениях, нужных для моего отъезда. Он тут же приказал напечь довольное количество небольших пшеничных хлебов и наготовить ржаных сухарей; часть съестных запасов, которые он хранил для своего употребления, была против моей воли положена в мой обоз. Он присовокупил к сему некоторыя подарки, которые своею ласковостию и усильными прозьбами принудил меня принять. Наконец, я не мог исчислить всех добрых его в разсуждении меня поступков. Во всё время, которое я у него проводил, не проходило ни одного часа, которой бы не был ознаменован особенными с его стороны ласковостями и стараниями. Более всего старался он о моём спокойствии, чтоб тем подкрепить слабость

моего здоровья, которым я не был доволен по причине простуды, полученной мною по отъезде моём из Пусторецка.

5-го числа, когда уже я был готов к отъезду, так как мы сие время к тому назначили, я чрезвычайно был поражён, видя, что мои провожатые ещё не прибыли. Многие нарочные тотчас посланы были разведать о сем, но целой прошёл день и не было никакого известия. Ночью они к нам явились, приписывая одни другим невольное медление.

Суеверие моих солдат. На другой день неприятное случилось со мною препятствие. День этот был воскресенье, и богобоязливая совесть моих солдат воспрепятствовала им пуститься в путь. Надлежало ли уважать их сомнение или паче их страх? Поелику это было более суеверие, нежели набожность, то не святость дня сего их остановила, но одно только мнение, что сие сделает их несчастными. При всей моей приверженности к религии я предпринял, чтоб выслушать с ними обедню, но и тем не было средства склонить их к отъезду. После довольных прозб и напрасных доводов я принужден был возвратиться обедать к г. комменданту, которой учтиво издевался надо мною сим новым препятствием, чему он радовался. Видя по всему, что сие много отнимало у меня времени, он предложил мне истребить в моих людях сей химерической страх. Я на это согласился, но не доверял, чтоб подлинно он мог то сделать. В ту ж минуту по его приказанию начали подносить вино всем моим людям, как россиянам, так и корякам. Не приметно, как головы разгорячаются, весёлость приводит в забвение мнимую опасность. Упрямеишие первые просили, чтоб приказали впрягать оленей; и коль скоро приказано, тотчас и исполнено, и мои сани на дороге.

Прощание с Умиавином. При отъезде моём случилось со мною одно произшествие, которое меня на несколько времени остановило и которым я был подвержен насмешкам. Умиавин по любви своей ко мне напился довольно пьян. Сильное сожаление о моей с ним разлуке принудило его делать всякия нелепости, которые он называл своим прощанием. Он ходил, бегал, хотел во всем помочь, и едва мои сани готовы были к отъезду, он почёл за нужное их поднять, дабы узнать их тяжесть, но по состоянию, в котором находился сей простодушной коряк, принуждён он был потерять равновесие и в своём падении отломил он конец моей сабли. Соболезнование его при сем малом случае было весьма горестно. Я увидел, как он бросился к моим ногам, обнимал их и орошал слезами, прося меня прежде моего отъезда простить его. Я старался его

поднять и уверял его в моём дружестве. Он с упорностью оставался при моих коленях и проливал слёзы, и я не менее как через полчаса мог его своею ею ласковостию успокоить.

Отъезд из Ижигинска. Я вышел из города пешком в провожании всех почти жителей онаго, которые говорили, что они желают сделать честь одному французу, который у них пробыл несколько времени. Г. Гаген и гарнизонные офицеры охотно проводили меня за ворота, где я разстался с ними чувствительно, благодаря их с моей стороны за их учтивство, ласковость и усердие.

Я беру товарища в своё путешествие. Из четырёх солдат, которые меня провожали по моём отъезде из Каменнаго, остались у меня только Голиков и Недорезов, а других оставил я в Ижигинске на месте их обыкновеннаго пребывания. Но я взял с собою по рекомендации г. Гагена одного молодаго купца российского, по прозванию *Киселёва*, который выпросил у меня позволение ехать со мною до Охоцка. Из частых моих с ним разговоров во время моего пребывания в Ижигинске узнал я приятность его обращения и потому почитал себя счастливым, что имел такого в пути своём сотоварища.

Кто был мой провожатый? Напрасно готовился я править свою повозкою сам. Все тому противились, опасаясь, что незнание новых моих подъяремников могло сделаться для меня опасным. Меня принудили позволить, по крайней мере, провожать себя кому-нибудь первой день.

Прибежавши к своей повозке, в самом деле, нашёл своего извозчика, сидящаго наперед. Я без всякаго внимания сел на своё место, но он повернул свою голову, и я узнал в нём одного корякского начальника по имени *Евиава*. Он старался изъяснить мне свою радость, что он имел случай меня провожать, потом вздумал сесть со мною рядом.

Описание корякских саней. Теперь я должен представить читателю изображение саней корякских. О! Когда бы мог я столько занять своим описанием, чтоб удостоился извинения в том, что столь долго отлагал оное.

Два полозка параллельные, то есть два деревянные бруса длиною в шесть футов с половиною, а шириною в три дюйма, не очень спрямлённые, и которых передние концы подняты наподобие первой четверти луны служат основанием всем саням. Сани по справедливости нельзя иначе назвать, как рамою, наподобие решётки зделанною, поднятою от земли вверх на два фута и несколько дюймов, шириною в осьмнадцать дюймов, а длиною в пять футов.

Два небольшие шеста, имеющие около пяти дюймов в окружности, составляют две рамы, которые сделаны из толстых брусьев, вделанных одни в другия. Перекладина, которая крепче, нежели сии две рамы, наперед соединяет их концы непосредственно после соединённых с согнутыми концами полозьев, и к оным привязаны ремнями. Нижняя часть рамы лежит на палках, согнутых в дугу, которых разведённые концы входят равномерно в сии полозья, а верхняя часть оканчивается назади наподобие малаго открытаго ящика, имеющаго шестнадцать дюймов в высоту и два фута в ширину, сделаннаго полукружием из коротких палок, наподобие полуобручей, почти так, как прислонки садовых наших кресел. В сей-то тесной окружности обыкновенно кладут съестные запасы и всё то, что нужно для повседневнаго употребления. Что касается до меня, я поставил туда сундук с своими депешами и сидел на нём до тех пор, пока пересел на место моего провожатаго. Его место составляет середина рамы, недалеко от перекладины. Он сидел верхом, а ноги его стояли на полозьях.

Способ впрягать и править оленей. Запрягают двух оленей рядом, прибор их состоит из ременнаго ошейника, который одною частию проходит под груди между передних ног, к которому на боку привязывается ремень, наподобие постромки. Сия постромка для оленя с правой стороны привязывается к перекладине саней, а для оленя с левой стороны — к концу согнутых подпор повозки и той же стороны. Вместо возжей употребляются два долгих и узких ремня, которых конец переплетается и прицепляется внизу рогов каждаго оленя. Иногда внизу плетёнки подвязывают заострённые кости, которые при малейшем натягивании служат побуждением ленивым оленям. Запрягая оленей, весьма стараются о том, чтоб не впрячь на правую сторону того, которой приучен к левой.

Естьли надобно ехать вправо, то тянут тихо возжу, с сей стороны находящуюся, ударяя наотмашь животное, которое находится за рукою. Чтоб ехать влево, довольно для сего дать несколько чувствительных ударов правою возжею тому оленю, к которому она привязана, а левая возжа ни к чему не служит, как только чтоб удерживать того оленя, к коему она прицеплена.

Погонщик имеет в руках прут, у котораго на одном конце приделан некоторой молоток. Это есть кость, утверждённая горизонтально; будучи с одного конца очень тонка, представляет она спицу в два дюйма. Сия спица наипаче к тому полезна, чтоб без остановки расправлять постромку, когда олени запутываются в оной

ногами, что почитается великим проворством для кучера. Другой конец сей кости несколько кругл и служит вместо кнута, но удары его весьма жестоки. Сих ударов столь много достаётся бедным животным, что иногда видна бывает текущая из них кровь. Поелику сей прут может скоро очень ломаться, то запасают оных по несколько и привязывают вдоль саней.

Мы очень скоро ехали до вечера. Я принуждён был сносить одно то неудовольствие, что, не имея переводчика, не мог я наслаждаться разговором провожающего меня начальника. Я, без сомнения, потерял много хорошаго, что мог он мне сообщить, и взаимное наше молчание сделало дорогу для меня неприятною.

Мы остановились в седьмом часу. Надлежало доехать до одной горы, известной нашим корякам, которые назначили оную в нашем путешествии для первой нашей упряжки.

Напрасно старался я найти убежище в лесу, я бы мог сие сделать, если бы ехал на собаках. Тут не ищут для выгоды путешественника спокойнаго места, стараются об одной выгоде оленей, и место, обилующее мягкою травою, всегда предпочитается оному. На половине горы олени наши были распряжены и перепутаны верёвками. Тогда я увидел, что они разрывали снег, под которым очень довольно находили для себя пищи. В нескольком расстоянии поставлен наш котёл. Время нашего ужина соответствовало его умеренности, я пригласил к себе своего корякского начальника, который, казалось, такую честью особенно был доволен. После я лёг на снег, где на несколько часов уснул. Время прошло, и меня пришли безжалостно будить, чтоб опять ехать.

Достойно то замечания, что в течение четырёх, пяти или шести дней коряки почти не спали. Олени приучились бегать ночь и день часа два или три без отдыха, потом их выпрягают, чтоб дать им около часа времени для паствы, после чего опять они исполняли своё дело с таким же жаром. И сей манер повторяли они всякой день даже до конца нашего путешествия. Из сего всяк видит, что я почёл бы себя щастливым, когда б дали мне два часа ночи провести во сне, но это недолго продолжалось. Мало-помалу я принужден был привыкнуть к образу жизни моих упрямых провожатых, и признаюсь, что для меня это было нелегко.

Прежде, нежели сел я на свои сани, Евиава сказал мне, что он почёл за нужное облегчить повозку, поелику груз двух человек от долгаго пути становился тяжелее для наших оленей, и просил меня, чтоб, если я хотел ехать один, позволил ему сесть на одних из тех саней, которыя при всём том, что могут подпасть какому-

нибудь нечаянному случаю или лишиться оленей, ехали за нами порожняком. Предложение его было для меня приятно, и я без всяких отговорок на оное согласился. Я немедленно взял возжи и начал новое своё упражнение.

Я начинаю править оленями. Я не менее нашёл сие для себя беспокойным, как и то, чему я подвергался в Большерецке, с тем только различием, что тогда я первой смеялся частым своим падениям, а теперь в своих беспокойствах испытал ужасную опасность. Поелику на левой стороне к санной подпорке был припряжён олень, быстро бегающий, то его постромка касалась почти левой ноги погонщика, которому всячески надлежало стараться, чтоб не запутаться в оную; то по забвению или по неопытности я не наблюдал сего правила. Меня трясением качнуло в левую сторону и нога моя запуталась в сей роковой построжке. Сильный удар, какой я получил в падении, или, я думаю, сильная и нечаянная боль, каковую я чувствовал в своей ноге, принудили меня безразсудно ослабить возжи, чтоб ухватиться за сани рукою, и так не было уже к тому средства, чтоб мне выпутаться из постромки. Олени, чувствуя, что они более не обузданы, волокли меня с большою скоростию. Каждое моё движение более их побуждало. Таким образом, когда меня тащили мои бегуны, голова моя волоклася по снегу и билась безпрестанно о санные полозки, так что на оной делались знаки от ударов. При каждом шаге казалось мне: нога моя готовилась переломиться. Я не имел уже более силы кричать, я лишился памяти, как чрез машинальное некоторое движение положил я левую руку на свои возжи, которые тряслися от новаго удара повозки. Рука моя свалилась, и ненарочнаго сего дёрганья довольно было на то, чтоб остановить моих оленей, которых в то же время настигли некоторые из моих людей. Прочие прибежали ко мне, не сумневаясь, что я был опасно изранен. Я узнал напоследок от своих солдат, что они не думали найти меня живаго. Между тем, после расслабления, продолжавшагося несколько минут, происшедшаго непременно от потрясения и страха, которыя я имел, почувствовался я, и мои силы возвратились. Остались только у меня удар в ноге и боль в голове, которыя не имели никакого последствія. Удовольствие, происходящее от того, что я избавился от сего бедствія, меня ободрило. Я сел опять на свои сани и продолжал свой путь, так как бы ничего со мною не случилось.

Сделавшись осторожнее, когда я опрокидывался, то старался удержать тотчас своих оленей, и должен щастливым себя почестъ, что они в своём стремительном беге не увозили меня на горы.

Они удалялись от дороги, но не волочили меня никогда более пятидесяти шагов, тогда как бы их своротить? Иногда гоняются за ними по три и по четыре дня, и не всегда удаётся их поймать. Сие познание опасности, о которой мне дали знать коряки, привело меня в страх в разсуждении моих депешей, которыя с сундуком будучи привязаны у моих саней, что они могли каждую минуту потеряться.

Деревня Карбанда. Влево оставил я деревню *Карбанду*, стоящую на берегу моря в девяноста верстах от Ижигинска. Сей острог показался неважным, как только можно было о нём судить, находясь от него за версту. С той же стороны я увидел в трёх или более верстах две юрты и шесть балаганов, куда жители сего острога приходили жить летом.

Остановка в одной деревне на берегу Нояхоны. Мы проехали семь вёрст, чтоб достигнуть места, где мы положили остановиться, то есть до одной худой деревни, стоящей среди небольшого леса, чрез которой протекает река *Нояхона*. Сия деревенька состоит из одной юрты и трёх или четырёх балаганов; там живут лето и зиму от десяти до двенадцати коряков, имеющих постоянныя жилища, которые меня не худо приняли. По крайней мере, я нашёл у них себе убежище, и сего было довольно для человека, которой прежде сего принуждён был спать часто на открытом воздухе и на снегу.

Около двух часов утра послали мы искать наших оленей, которых отогнали от жилищ для того, чтоб сыскать им корму и чтоб не загрызли их собаки той деревни. Мы после пустились в путь, но во весь день ничего не случилось с нами важнаго.

Вечером Евиава, не зная подлинно положения юрты брата Умиавинова, советовал мне переехать чрез одну гору, которая была у нас в левой стороне и на вершине которой надеялся он найти кого-нибудь из своих соотечественников, которой бы знал об этом лучше нас. Чрез полтора часа мы достигли вершины, откуда, смотря вокруг, тщетно старались усмотреть жилище сего другаго кочующаго князьца. Ничто нам онаго не показывало, и ночь препятствовала простирать нам далее взор свой. Евиава печалился, видя, что я очень устал и неохотно желаю ехать далее. Чтоб удовлетворить ему, сказал, чтоб он шёл один искать своего друга и потом возвратился бы на сие место, где я, ожидая его, хотел успокоиться. Чрез три часа он прибежал с радостью меня будить, ибо нашёл своего князьца Амула-мулу и всю его орду. Те и другие усиленно меня просили не оставлять моего места до утра, желая на другой

день притти ко мне все навстречу. Я не досадовал на сие произшествие, которое мне стоило целой ночи.

Посещение и подарок, которой получил я от князьца Амуламулы. На разсвете увидел я идущих ко мне сих редких людей. Начальник первой ко мне приблизился, сделал мне почтение на корякском языке и мне подарил хорошую тёмно-жёлтую лисицу, или *сиводушку*, которую он нёс под своею полою и упросил меня оную принять.

В знак моей благодарности за сие почтение я подчивал старейших из них вином и табаком, которыми довольно запасся в Ижигинске, и таким образом дав им знать, сколь был я чувствителен к их благосклонному приёму, распрощался с ними, наведавшись от них о дороге.

Поступок сей тем для меня был приятнее, что я сего не ожидал. До сих пор ни один коряк ничем меня не подарил. Никогда б я сего не сказал, естли бы, оставив недавно простодушных камчадалов, которые обременили меня подарками, можно было не отважиться на то, чтоб сравнить свойства сих обоих народов.

Хотя снег был очень глубок и не так твёрд, но олени бежали хорошо и с удивительною лёгкостью. Они имели ту выгоду пред собаками, что ноги их менее уходили в снег. Таким образом мы избавились от труда итти на лыжах и прокладывать им дорогу, но собаки не так скоро устают и потому не причиняют той скуки путешественнику, чтоб чрез каждые два или три часа останавливаться.

Продолжая путь, побил я много белых рябчиков. Судя по их количеству, которое мы видели, надобно думать, что их много в сей стране. Несколько диких оленей убежали при нашем к ним приближении, и я едва имел время их рассмотреть, но, к щастию, имея довольно запасов, я не хотел их бить.

Прибытие к брату Умиавинову. В полдень увидели мы *Студёную реку*, чрез час оную переехали и скоро прибыли к брату Умиавинову, до котораго Евиава обязался меня проводить. Новой мой хозяин шёл ко мне навстречу так, как начальник своего семейства. Удовольствие его о моём прибытии изображалось в его взорах. Я подошёл к нему весьма близко. Поздравление престарелаго князьца было коротко, но трогательно и исполнено той искренности, которую уже он мне оказал. Он просил меня повелевать им самим и всеми его домашними. Всё, что ни имел, было к моим услугам. Каждой старался поставить мои сани и имение в покрытом месте. Я заботился только о своих депешах, чтоб

взять оные с собою, надлежало изъясниться, что сей сундук никогда я не оставлял.

Вошедши в юрту, я начал делать расчёт с Евиавою за почту. Я имел двенадцать санок, из которых в каждые запряжено было по два оленя; переехали мы сто восемьдесят пять вёрст. Итак, я за двадцать четыре оленя должен был заплатить семь рублей сорок копеек (столько стоят четыре лошади в Сибири и Камчатке для курьера). Получая сию сумму, доброй мой провожатый удивлялся моей щедрости. Я старался ему доказать, что он не должен уступать мне того, что ему по праву следует. Он не мог понять моего щёта, он безпрестанно твердил, что он никогда не находил столь честного человека, расчёт сей казался для него действием высочайшей добродетели. Такие похвалы могли бы привести в подозрение россиян, что они слишком уже наблюдают экономию. В самом деле, уверяют, что их путешествия в сии страны для них не дороги.

Потом начали мы обедать. Обед наш продолжался очень весело. Евиава и хозяин мой ели со мною, вина было довольно, и мои собеседники не памятовали, употребляли ли они когда столь хорошие кушанья. Остаток дня препроводил я, примечая и спрашивая обо всё том, что меня окружало, но читатель, может быть, полюбопытствует знать точнее о сем честном коряке, которой столь ласково меня принял.

История о моём хозяине. Он называется также *Умиавином*, крещён он в малолетстве и получил имя *Симон*, которое служит для различения его от его брата. Он признавался мне с самою чистою откровенностию, что он не имел никакого понятия о религии христианской. Столь мало старались наставить сего новокрещенного юношу, что он не знал ни своих должностей, ни даже главных догматов евангельского закона. Будучи оставлен в безразсудной смеси заблуждений своей страны и некоторых внешних правил христианства, которыхя он обязался хранить (в присутствии россиян он не опускает делать на себе обыкновенного изображения креста, входя в юрты, также прежде и после обеда), к щастию, нашёл он в своём сердце начала натуральной нравственности, которая одна управляет его действиями.

Так как и все коряки, он малоросл и чёрен. Ум его имеет свойство его сердца; свободное и ласковое его выражение предубеждает в его пользу, наконец, белые его волосы и правильныя черты дают ему отличный вид. Правая рука у него изувечена на одном сражении, которое он имел с медведем. Товарищи его от страха все разбежались, он один противостал сему животному, хотя не

имел никакого оружия, кроме ножа. Однако, наконец, он его повалил на землю и заколол. Звериная ловля составляет величайшее его удовольствие. Будучи сколько проворен, столько и неустрашим, почитается он за весьма удачного звероловца.

Намерение Симеона Умиавина. Но большаго уважения достойными показались для меня способности его души. Намерение, которое он предпринимал и которое к несносной его досаде произвести ему в действо воспрепятствовали, не могло произойти, как только от высокаго ума. По крайней мере, он говорит очень умно и гораздо разсудительнее, нежели его соотечественники. Вот то, что подало к тому случай. Долгое время сей грубый и любящий вольность народ едва знал сколько-нибудь, что он находится данником России. Строгое правление коммендантов сии дикие почитали тиранским злоупотреблением власти. И в самом деле, в числе офицеров, без сомнения, много было таких, которые стали притеснять новых подданных Российской Империи.

Сии притеснения перваго возмутили Симеона Умиавина. Будучи тронут ещё более жестокостию тех, которые более надлежащаго требовали, нежели их грабительствами, он думал, что сей поступок не мог быть уполномочен государынею, которой милость и правосудие непрестанно хвалили. Сие справедливое рассуждение произвело впечатление в его духе и возбудило природное его мужество. Тотчас собравши нескольких, подобно себе несправедливо обиженных сими малыми тиранами, предложил им своё мнение и намерение.

«Чувствуете ли вы, братцы, — говорил он, — тяжесть ваших оков? Их налагает на нас не царствующая над нами, но ея поверенные. Они, будучи поставлены начальниками над нами, по своей алчности употребляют во зло власть свою и взирают на нас, как на имение, которое они могут употреблять и расточать по своей воле. Постараемся избавить себя от их нападения. Не должно на сие покушаться с оружием. Мы не имеем силы стоять против наших неприятелей, и они чрез свои опустошения сделаются для нас ужаснейшими, но осмелимся переехать великое пространство земель, которое они переехали, чтоб прибыть к нам. Сделаем, чтоб наши жалобы слышны были при дворе нашей императрицы. Это производится под ея именем, но не по ея приказанию нас притесняют и грабят. Столько злых поступков, столько вероломств опровергаются мудростью ея правления. Ея недостойные министры представляют только ей о спокойствии и повсеместном блаженстве ея подданных. Поспешим прибегнуть к ней, поспешим пасть

пред ея стопами и объявить ей о наших несносных тягостях. Она общая наша мать, она преклонит слух к воплям одной части своих подданных, которую она не может и знать, как только из ложных объявлений ея правителей».

Сие разсуждение, которое я здесь привожу так, как слышал оное от самага Умиавина, во всех произвело гнев и энтузиазм, каковой он сам имел. Советовались посему, кому бы ехать в Санкт-Петербург; богатейшие и отважнейшие были предпочтены. Начальник сего мнения, поелику очень хорошо мог говорить по-российски, отправился к начальству депутатства со множеством дорогих вещей, которыя должно было употребить на подарки. Прибывши в Охоцк, сии путешественники имели нужду в помощи. Они просили комменданта снабдить их средствами, как им, по крайней мере, приехать в Иркутск. Он подозревал их намерение, потому что предвидел для себя опасность, и для того предпринял воспротивиться их путешествию. Под вероятным предлогом испросить сперва согласие от вышняго правителя, он удержал их у себя несколько месяцев. В продолжение сего времени он старался произвести в действо свою хитрость. Доказательства, ласки, всё было употреблено, чтоб отвратить их от продолжения своего пути, но всё было бесполезно, они были непоколебимы в своём намерении. Тогда прибегли к насилью и вздумали делать корякам обиды чрез преследование и новые налоги, чтоб их за сие наказать, принудили наконец их возвратиться назад и лишили их большей части имений и оленей.

Сей печальный опыт не истребил совершенно предпринявшаго намерения в начальнике сего корякского заговора. Он находил для себя новую пользу в своём предприятии и необходимость в исполнении онаго. С сего времени он всегда ласкался иметь лучшия когда-нибудь следствия. В моём к нему прибытии сердце его ещё горело желанием предпринять сие путешествие. «Так, — говорил он, — несмотря на мою старость, я бы поехал теперь же. Побуждения мои были различны и, без сомнения, мне бы не надлежало опасаться подобных препятствий, поелику все наши комменданты ныне того только достойны, чтоб их хвалить и на них полагаться. Моё желание состоит в том, чтоб видеть нашу государыню». «Иногда, — прибавил он, — старался я снискать понятие о ея великолепном жилище, богатстве и разности, которыя там находятся. Я крайне сожалею о том, что не могу видеть ея среди ея величества и славы. Она кажется нам некоторым божеством; и верной тот отчёт, который каждой из нас отдал ея соотечествен-

никам, произвёл во всех сердцах почтение и преданность. Прилеплены будучи к ней более ещё любовью, нежели были когда-нибудь страхом, мы все с радостью отдаём умеренную дань, на нас наложенную. Мы от соседей научились любить нашу высочайшую власть, свидетельствуя свою благодарность».

Черта благородства сего князца коряков. Таковы были все почти наши разговоры с сим добрым коряком. Я почёл за нужное описать оныя здесь для изображения его характера, да будет мне позволено присоединить последнюю черту онаго.

Важныя его издержки клонились к совершенному его разорению. Ему много было надобно времени, чтоб иметь такое же стадо, каковое в отсутствии его пропало по нерадению ненадёжных надсмотрщиков. В сем-то случае он оказался весьма благородным. За несколько пред сим месяцев один из его родственников лишился всех оленей и принужден был итти в работу. Симеон Умиавин для вспомоществования ему выбрал несколько оленей из своего стада и дал ему без всякаго процента. По возвращении оных, несмотря на свою крайнюю бедность, он не взял ничего назад, видя, что не столько стадо размножилось, чтоб должник его, расплатившись с долгом, мог остаться ещё неразорённым. Сие-то подлинно составляет единственное богатство сего народа. Начальник орды имеет оленей от двух до трёх сотен; многие по тысячи, по две, по три и по четыре. Стадо Симеона Умиавина состояло тогда из осьми или девяти сотен оленей, которое произвело во мне великое удовольствие, когда я на него сам посмотрел.

Оленья стадо. На вершине одной горы, лежащей близь Студёной реки, видели сие множество оленей, то вместе, то врознь ищущих под снегом мох; редко далеко они уходят, и ловят их без всякаго труда. Вечером по моём прибытии я увеселялся сим зрелищем. Оленей собрали тогда, чтоб выбрать из них число, нужное для меня. По крайней мере в четверть часа это было исполнено; на крики пастухов ручные олени пришли, молодые, которых не употребляют в езду, убежали в другую сторону. Езжалые и несмирные были кладены, и ловили их посредством петли, которую наматывали на них с особенным проворством. Некоторых из них выбрали для меня, а прочих отогнали к другим.

Самок никогда не впрягают, а берегут для размножения. Осенью их случают, а весною оне рожают. Молодых, назначенных для езды, кладут таким же образом, как в Камчатке собак.

В стаде всегда почти находится три или четыре оленя, приученных к ловле. Инстинкт сего животного непонятен: ходя по лугам

ловить других оленей. Естли он встретится с диким оленем, вдруг, скрывая все знаки своего обмана, подражает ему в щипании травы, в бегании и во всех движениях, а тот подходит к нему ближе, не примечая сих сетей. Тотчас они играют вместе, сцепливаются своими рогами, расцепляются, сходятся опять, бегают и друг за другом гоняются. В сих игривых беганиях приученной олень малопомалу приводит свою добычу против отверстия ружья звероловцова. Проворнейшим оленем ловят и живых. Для сего вешают на рогах сего петлю, которую он, играя, надевает на рога своего противника. Чем более тот старается вырваться, тем более узел затягивается, и тем другой сильнее тащит его к себе, чтоб дать время притти к себе своему хозяину. Часто также дикой олень узнаёт сей обман и избавляется опасности бегством.

Когда коряк выходит поутру из своей юрты, то его олени собираются около него, ожидая от него наилучшего для себя пойла. Оно состоит из человеческой урины, которую собирают в корыто или корзины. Сии корзины делаются из соломы и притом так крепко, что никакая влажность сквозь их не может пройти. Всё стадо с жадностию бросается к сему пойлу и выпивает в одну минуту, сколь бы много его не было.

Подарок Умиавинов. Симеон Умиавин приказал при мне зарезать одного наилучшаго оленя. Мне изготовили его в запас и прибавили к тому половину дикаго оленя, котораго мясо показалось для меня ещё сочнее; он дал мне также четыре оленьих весьма хорошия кожи. Заметить надобно, что из ста кож с молодых оленей, которыя называют *пыжиками*, едва можно найти две, которыя бы годились на меха; они все белыя. После сего взошли мы в его юрту, где я провёл ночь на своём тюфяке, разостлав его в углу.

Юрты кочующих коряков. Хотя название одинаково, однако никакого нет сходства между жилищами коряков кочующих и подземными обиталищами коряков сидячих. Не зная, как назвать различныя жилья сих народов, россияне, по-видимому, присвоили всем имя *юрты*, так что нимало им в том не мешает главное онаго знаменованье подземнаго дома. Юрты, о которых здесь говорится, сказать собственно, суть палатки, зделанныя наподобие шалашей, поставленных на земле. Чтоб положить основание, то ни о чём другом не заботятся, как только чтоб провесть на снегу круглую черту. То, что в оной находится, выметывают вон, потом ставят вокруг великое множество кольев в равных расстояниях, которые кверху сближаются и одни другим служат подпорою, поддерживают худое покрывало, состоящее из выделанной оленьей

кожи, которая покрывает всё верхнее пространство юрты снизу до несколько футов вверх, где оставлено непокрытое место для прохода наружного воздуха и дыма. Отсюда происходит та и невыгода, что дождь и снег беспрепятственно входят во внутренность жилища. Между прочим тут сделан очаг и уставлена кухня. Юрта моего хозяина имела около четырёх сажений в поперешнике и столько ж почти вверх. Окружность основания была двенадцать сажений, а верхушка конической фигурю. Семья и служители, смотрящие за стадами, ложатся под *пологами*, сделанными наподобие домиков или палаток весьма низких, которые, имея различные и единообразныя фигуры, стоят около стен юрты; сии пологи подобны четверугольным палаткам чукчей.

Непостоянству сих блуждающих народов можно приписать изобретение их жилищ. Поелику перенести целой сей дом столь же удобно, сколь и выгодно, стоит только им решиться переметнуть уезды. При первой нужде или неудовольствии снимают палатку; колья привязывают вдоль саней, на которых покрывала завёртываются вместе с запасами. Если избрали для себя новое место, то располагаются на оном с тем, чтоб и оное так же оставить и переехать на другое. Посему они пред жилищами оставляют сани совсем убранные, и из вещей, которыя там уложены, не вынимают, кроме самых нужнейших. Они всегда, как я сказал, ищут мест, лежащих близ рек, а наипаче изобилующих мягкою травою.

Отъезд. Прибывши к Симеону Умиавину, нашёл я двенадцать саней, приготовленных к моему отъезду. Первое попечение князьца сего состояло в том, чтоб меня уверить, что он был моим провожатым и что проводить меня до Ямска, если то нужно было. Я так как должно принял сию верную услугу, и десятого дня, в восемь часов поутру, отправились в свой путь. В полдень переехали мы реку *Таватому*, проехав уже двадцать пять вёрст.

Тёплые ключи реки Таватомы. Любопытствуя видеть тёплый ключ, на которой указывал мне Умианин, выпросил я лапок (лыж) для переходу небольшого леса, по краю котораго течёт он каналом в шесть футов ширины, впадающим в *Таватому*. Я согласился с ним, чтоб им в продолжение сего времени переезжать вершину горы, которая находилась от нас в правой стороне. Там должны были они кормить оленей и приуготовляться к нашему обеду. Что касается до меня, я с г. Киселёвым прошёл ещё две версты, чтоб достигнуть до сего источника.

Можно бы подумать, что сей источник состоит из многих других источников, которые, выходя из горы, лежащей по левую сторону

реки, соединялись в своём течении. Густой дым в виде облака возвышался над сими водами, но оныя не испускают от себя никакого худаго запаха. Вода сия чрезвычайно тепла и безпрестанно кипит, вкус имеет неприятной и крепкой, в котором чувствуются серныя и соляныя частицы. Может быть, чрез химическое разделение можно бы было даже найти также части железа и меди. Камни, которые я собирал, ходя берегом вдоль сего источника, все имели вид камней, исходящих из огнедышущих жерл, но я должен объявить о том действии, которое произвела над нами сия вода. Я только что пополоскал ею рот, а Киселёв в то же время умыл оною своё лице; чрез полчаса у него лице истрескалось, а у меня язык и нёбо совершенно облупились; почему долгое время не мог я есть ни тёплага, ни солёнаго или приправленнаго пряными кореньями.

Любопытство своё я удовлетворил, мы вознамерились итти к своим. Для сего за необходимое мы почли взойти на одну гору, весьма утёсистую, противолежащую той из которой истекали сии тёплыя воды; но, снявши лапки свои, которыя принуждали нас более назад скатываться, нежели подвигаться вперёд, мы должны были карабкаться ногами и руками. Как прошед более половины горы, я крайне устал и боялся упасть назад, то просил своего товарища, которой в этом был опытнее меня, ползти таким образом по снегу и постараться достигнуть вершины, откуда надеялся узнать о наших экипажах. Он на сие согласился, и чрез час, как я ожидал от него известия и безпокоился, явился Умиавин, которой гнал для меня одни сани. Он мне говорил, что мы верно бы заблудились, и Киселёв думал, что мы погибнем прежде, нежели найдём наш небольшой стан. По прибытии моём пустились опять в путь и остановились очень поздно, проехав более двадцати пяти вёрст от тёплых ключей *Таватомы*.

11-го числа (апреля 1788 г. — *Ред.*) решились мы доехать до цепи гор, называемых *Вилегинским хребтом*, но это было невозможно. К вечеру начинали только мы их усматривать. Мы хотели, по крайней мере, гораздо ближе к ним подъехать, чтоб завтра проехать оныя по утру.

Гора Вилега, или *Вилегинской хребет*. Каждой из нас с нетерпением желал до сих гор доехать; мы, однако ж, находились от них ещё в восьми верстах. Проехавши сие расстояние, переехали мы небольшую реку, называемую *Вилегою*, которая извиваясь, течёт при подошве сих гор. Потом достигли мы Вилеги, высочайшей из всех, и которой именем они называются. С первого взгляду

казалось, что никак на неё нельзя было взойти, потом нашли один тесной проход и положились во всё на князьца, которой меня провожал. Четырёх почти часов довольно было, чтоб взойти на её вершину. Там, разсуждая о чрезвычайном её возвышении, лишился я бодрости. В самом деле, представьте себе безобразную глыбу, имеющую, по крайней мере, сто саженей в высоту и почти перпендикулярно со всех сторон обведённую утёсами, на которых снег, уносимый бурями, не мог держаться. Оставалось онаго очень мало, и сей оставшийся делал путь столь скользким, что каждую минуту наши олени спотыкались. При всём нашем старании удерживать наши сани, стремительные раскаты увлекали оныя назад, что принудило и самих нас безпрестанно отскакивать, опасаясь, дабы на нас оныя не упали. Это бы, действительно, случилось, если бы ноги перестали служить. Много раз, хватаясь за скалу, которая казалась быть прикреплённою, чувствовал я, что она под рукою моею отрывалась, и я терял равновесие. Без помощи Умиавина и моих солдат, которые шли подле меня и которые меня одерживали, я непременно бы упал и скатился с горы. Когда я был на вершине, то не мог без страха воззреть на то место, которое я прошёл. Представление опасности, которой я избегнул, причинило мне такой страх, что я принужден был сесть.

Я ещё не почитал себя совершенно спасшимся от опасностей: мне оставалось сходить с сей горы. Верный мой коряк для ободрения меня изъяснил мне совершенно, каким образом надлежало мне это делать. Его наставление избавило меня от страха падения, но не от всех ещё беспокойств. Я оставил часть своего обоза под горою. «Кто осмелится итти искать меня?» — говорил я. Мужественный Умиавин взял ещё на себя и сие попечение, и тотчас с некоторыми людьми поехал к оному. Сильная жажда меня изнуряла, вершина горы была покрыта снегом, но не было средства растопить оный. Около нас не было ни одного дерева, надеясь найти какое-нибудь внизу, я решился не ожидать своего провожатаго и по его советам спускаться с горы. Для сего с самага начала выпрягли мы оленей, привязали их позади наших саней, и на каждых санях сели по два человека. Потом мы покатались наподобие жителей санктпетербургских, которые во время масляницы увеселяются таким образом на ледяных горах, кои строят они на реке Неве. Помощию наших рычагов поддерживали и управляли повозки; от осьми до десяти минут очутились мы при подошве горы. К щастию, нашёл я несколько небольших кедров. Тотчас развели мы огонь, и я возмог утолить свою жажду. Тогда был

второй час пополудни; в седьмом часу все мы собрались. Умиавин прибыл здоров, но он столько устал, что мы не могли продолжать своего путешествия, как только до девяти часов.

Следующий день не столько был тягостен для нас, сколько для наших оленей. Снег глубины имел более трёх футов и столько был рыхл, что сии животные по самое брюхо в оный вязли. Многие совершенно не могли нам служить, их надлежало оставить на дороге. Вот это-та ещё невыгода путешествовать на оленях, когда надобно будет переехать довольно великое пространство; надобно их хорошо сберечь. Когда они устают, то ездоки принуждены бывают остановиться или совсем их покинуть, а их невозможно более с места тронуть.

Я надеялся 14-го дня поутру приехать в *Туману*. Уже нам оставалось до ней вёрст с десять, как вдруг застала нас сильная буря и поднялась великая метелица, которая совсем нас заслепила. Принуждены будучи ехать тише, мы не могли вступить в сию деревню прежде четырёх часов пополудни.

Острог Тумана. От Ижигинска лежит сей острог к юго-западу в четырёхстах сорока верстах в небольшом лесу, которой растёт около реки Туманы. От устья отстоит острог сей на три версты. Три юрты, столько же деревянных анбаров и двенадцать балаганов составляют оной, и народу до двадцати семей. Хотя река весьма рыбна (мы в оной ловили отменных пеструх), но я видел, что жители или от лености, или от испорченного вкуса, питались берёзовою корою, омоченною в китовом жире.

Умиавин принужден меня оставить. Худая погода продолжалась два дня, то есть 15-го и 16-го. Но напрасно желал я опять ехать, олени наши не могли меня долее везти. Умиавин не осмелился мне открыться; из его печали я узнал, что он хотел меня оставить. При первых словах, которыя я ему говорил, он старался предо мною извиняться, так как будто бы я имел право на него гневаться, поелику он нашёл для себя невозможным проводить меня до Ямска, что он прежде обещал. Многого труда для меня стоило убедить его в том, что я был совершенно уверен в его добродушии и что я должен возблагодарить ему за все его добрыя услуги. Мне надлежало почти разсердиться, чтоб принудить его взять некоторые подарки, которые почёл я за нужное присоединить к моей расплате за почту.

По его совету принуждал я жителей дать мне всех собак, которых они не имели. Но по точнейшим разыскиваниям нашлось оных малое число, и для дополнения того числа, которое для меня

было нужно, не нашли другого средства, как запрячь молодых собак и даже ценных сук. Благородство сих жителей простиралось до того, что они дали мне часть своих запасов, состоящих из сушёной рыбы, которой у них не очень много было.

Отъезд из Туманы. 17-го дня ветер утих, но небо осталось покрыто мрачными облаками, предвещающими весьма худую погоду. Между тем я, простившись с верным моим Симеоном Умиавином и с туманскими моими хозяевами, выехал оттуда в первом часу после полудня со своими провожатыми и со всем обозом на пяти санях. Каждая запряжка состояла от осьми до десяти собак. Я взял одного человека, чтоб он служил мне вместо кучера, поелику я не имел в себе более ни сил, ни бодрости править своими собаками.

Непогода. Скоро мы приехали к морю, на которое спустились, дабы избегнуть семи гор, которые бы сделали путь наш чрезвычайно трудным. Едва проехали мы вёрст пятнадцать, частью по льду, частью по берегу, куда к великому нашему щастию принуждены были сворачивать. Как подул сильный ветер, которой качал наши сани и отталкивал собак, и пошёл снег, провожатые мои тотчас уведомили об опасности и, боясь, чтоб не заблудиться, советовали укрыться в недалеко лежащую пустую юрту, которая им была известна.

Пустая юрта, которая служит нам прибежищем. Она стоит на большой реке, называемой *Гованою*, в двадцати верстах от Туманы. Мы прибыли туда озябши и будучи покрыты снегом. Надлежало туда сходить, чтоб укрыться от худой погоды, но на четыре фута снега навалено было на крышку. Мы поставили сани свои наподобие некоторой загородки, потом на своих лапках старались без заступов проложить себе дорогу. Работа сия продолжалась около часа; недоставало нам лестницы, чтоб сойти в юрту. Смелейший отважился туда спрыгнуть, а другие последовали за ним. Мы упали на кучу морских волков мёрзлых, из которых некоторые были до половины съедены, без сомнения, плотоядными животными, которым в холоднейшее время зимы сие подземное жилище долженствовало служить иногда вместо пещеры. Кожанья рыболовные сети, лежащая в углу, показывали, что и люди сюда приходили. Вероятно, что коряки, в окрестностях живущия, сделали оную для себя, так как некоторой погреб. На стенах был лёд, которой падал в виде хрустальных мелких камней, и я не мог ни с чем сравнить сие жилище, как с пространным ледником: оно было четверугольно и имело пять футов глубины и десять ширины.

Между тем как мы складывали к стороне морских волков, чтоб более иметь для себя места, мои провожатые привязали наших собак и дали им несколько сушёной рыбы.

Снег столь был велик, что сии бедныя животныя были как бы погребены под оным. Но, привыкши к сим непогодам, они ложатся в кучи, а рыло всегда выставляют наружу, так что теплота, происходящая от их испарения, их согревала от наружного холода, и они притом свободно могли дышать. Они так же отрясают покрывающий их снег, когда он делается очень тяжёл.

В то же время разложили огонь, чтоб нам обогреться и поужинать; после ужина лёг я на коже, которую нашли мы в юрте. Морской волк служил мне вместо подушки. Мои товарищи подражали мне, и мы, кроме того, что было нам несколько тесно, препроводили ночь очень хорошо. Корякам дали мы целой угол, но им так было тесно, что они совершенно не могли расположиться; впрочем, никто из них на то не жаловался, и, кажется, они нимало о сем не заботились. Я видел, как они сидели на цыпочках, так как обезьяны, прятали голову в свою парку, потом, облокотясь на колена, засыпали так же покойно, как мы на просторе.

На другой день подул с другой стороны ветер столь же сильной, как и прежний. Он был для нас ещё невыгоднее, возмутил в юрте дым так, что мы от онаго не могли хорошо дышать и видеть; и потому решились не раскладывать огня, как только для обеда.

Я хотел отвратить сию невыгоду некоторыми внешними расположениями. Когда я вышел вон, то чуть было ветер меня не опрокинул, у г. Киселёва, которой вышел за мною, унесло ветром шапку. Он вздумал за нею бежать с некоторыми из наших провожатых, но напрасно. Удалившись только на пятнадцать шагов от нашего убежища, потерял её из виду, не зная, в какую сторону воротиться, чтоб найти нас, и мы могли только его к себе привести, ответствуя на его крики.

Мы постарались сделать довольно возвышенную ограду, чтоб выход дыма сделать безпрепятственным. С тех пор имели мы у себя огонь днём и ночью, но при всём нашем старании иметь у себя оной мы часто все оцепеневали от холоду. Сырость сделалась столь же несносною, как и холод. Безпрестанно горящий огонь растоплял лёд, которой нас окружал. Головы наши все были мокры и под ногами текла вода. К большему беспокойству, морские волки начинали оттаивали и испускали вонючий запах. Происходившее от нас испарение одно довольно было к тому, чтоб наше убежище сделать настоящею пропастью. Нас было десять человек, и между

нами находилось семь коряков, которых дурное свойство уже известно. Не могли сделать лучшим воздух, мы старались, по крайней мере, избавиться от морских волков, близь нас лежащих. Провожатые мои первые мне советовали кормить ими наших собак, покамест здесь пробудем. Я тем охотнее на сие согласился, что малое количество моих припасов, состоящих из сушёной рыбы, делало меня для них скупым. Присвоя себе то, что случай нам доставил, без отговорок сделал я обиду некоторым несчастным жителям сих берегов. Но, когда доведён будешь до крайности, тогда эгоизм некоторым образом позволителен.

Нетерпеливо желая продолжать свой путь, я послал своих коряков посмотреть, какова была погода. Через две минуты они пришли назад до половины замёрзшими, платье их и шапки все были покрыты снегом. Они до того озябли, что не могли развести зубов. Жалостное их состояние подтвердило их объявление, но из всех их уведомлений то паче всего меня поразило, что как я от них слышал, утёсов, находящихся в нескольких шагах от нашей юрты, откуда можно ещё было видеть их накануне, было не видно.

Когда погода, по-видимому, успокоилась, и снег перестал идти, я готовился к отъезду. Уже собаки были запряжены, и мы выходили из юрты, как вдруг ужасная буря разрушила все наши намерения, поднялась метель, и надлежало скорее уходить, чтоб найти себе безопасное убежище. Через минуту сделался я весьма нездоров, не знаю от чего это произошло: от скорого ли перехода из холода в тепло, или от отвратительных испарений, которые я вдыхал, входя в нашу юрту, или, может быть, от досады, которую произвели во мне толикия препятствия, то только справедливо, что я с четверть часа был без памяти. В сем случае узнал я ревность своих солдат. Чтоб привести меня в память, один лил на меня воду, другой натирал снегом, и столь неосторожно, что, кажется, содрал кожу.

План моего путешествия. После сего обморока разсуждения мои были столько же печальны, как и моё положение. Я смотрел на план своего путешествия как на разстроенной препятствиями и принужденною медленностию. Я опасался, что не могу прибыть в Охоцк прежде, как пройдут реки. Впрочем, необходимо было пользоваться остатком зимней езды, чтоб достигнуть места, называемого *Юдомской Крест*. Я узнал, что отсель до Якуцка чрез излучину, которую я себе предположил, проезжая реки Юдому, Мойю и Алдан (сия излучина имела более семисот вёрст; по быстроте реке я надеялся иметь хорошее плавание, которое доставило

мне выгоду, проистекающую от лучшего времени, и приятность наслаждаться первыми днями весны), избегну препятствий, происходящих от оттепели, которая делает путь для самых лошадей непроходимым, но в счёт ни одной минуты не было опущено. Если бы нечаянно промедлить один день, то потребно будет более двух месяцев лишних. Надобно быть на моём месте, чтоб узнать, какую печаль причиняло мне сие ожидание. 21-го дня нам можно было опять ехать. Небо было мрачно, всегда был густой туман, а более ещё ветров. Это принудило нас отъехать, несмотря на ожидание новой бури, которая много нам причинила помешательств, поелику не было надежды найти для себя убежища, не доехав до Ямска. Мы своротили на море, по которому ехали верстах в двух от берега, но к вечеру почли за нужное к оному приблизиться, чтоб остановиться. Лёд был совершенно твёрд, и для расположения нашего небольшого стана не было никакого неудобства.

Залив Ирецкой. Мы наутро отправились в путь очень рано и, чтоб избежать излучины берега, мы поехали опять морем. Вчера мы приметили несколько заливов, но они не столько пространны, как тот, которой мы переехали сего дня после полудня. По несчастию, когда мы были на оном, поднялась буря, которая не дала мне сделать никакого примечания.

Я узнал от своих провожатых, что сей залив называется именем реки *Ирета*, которая там протекает, и что он был почти совершенно заперт, летом находится без воды, с самага Нижняго моря. Там по временам бывает великое множество водяных птиц. Из Ямска и из окрестных мест ходят туда ловить их сетями и бить палками, когда они линяют. Поелику сей залив столь мелок, что везде можно его переходить вброд, то он этим благоприятствует намерениям охотников.

К вечеру возвратились опять на берег и остановились в прекрасном еловом лесу близ реки *Ирета*...

Ниже представлена любопытная брошюра, вышедшая во Владивостоке в типолитографии газеты «Дальний Восток» отдельным изданием в 1913 г. Её в 1912 г. написал в Петропавловске-на-Камчатке протоиерей Даниил Константинович Шерстенников, тогда благочинный камчатских церквей, позже епископ Охотский. Судя по замечанию на титульном листе, первый вариант этой работы был опубликован в 1—3 выпусках «Владивостокских епархиальных ведомостей» за 1913 г. Стоимость брошюры была определена в пятнадцать копеек, а «деньги, вырученные от продажи настоящей брошюры, назначены на нужды Православного Камчатского Братства во Имя Нерукотворного Образа Всемилостиваго Спаса».

При подготовке к публикации нами, по возможности, сохранена стилистика исходного текста, но исправлены опечатки и допущенные автором отдельные ошибки.

ПРОТОИЕРЕЙ ДАНИИЛ ШЕРСТЕННИКОВ

ПАМЯТНИКИ И НАДПИСИ КАК ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА ПЕТРОПАВЛОВСКА-НА-КАМЧАТКЕ

Петропавловский порт на Камчатке, заброшенный на край света среди бурного океана и неприютной величественной северной природы, представляет из себя центр высокопатриотической, ознаменованной подвигами русской гражданственности прошлого. Русские люди, гражданские и военные чины, духовенство здесь, вдали от коренных центров великаго Русскаго Государства, нередко являлись стоящими на высоте своего призвания и честно и мужественно держали в своих руках знамя верности Родине, Царю и Православию. Благодарная память об их делах и подвигах не умрёт, пока живёт Россия.

Путешественник, всходя на борт судна, отправляющагося от берегов России Дальняго Востока к берегам неведомой Камчатки, думает ли встретить на своём пути заветныя святыни вере, гражданской и военной доблести там, где страна снежных гор и огнедышащих сопок, одиноко и просторно раскинулась среди океана, полузабытая людьми?

Например, я, оставляя Европейскую Россию и Сибирь, не ждал встретить здесь то, чем богата наша царственная Москва, славный Киев, древний Новгород и другия русския города. Но я, к счастью,

ошибся, так же, как ошибается всякий, который с предвзятою мыслью вступает на девственную почву Камчатки. Действительно, как бы далеко ни была заброшена Провидением Камчатка, но и она вместе с мрачными картинами прошлого видела светлые дни и имела в себе славные имена. Лучшие русские люди, волею судеб заброшенные на эту окраину, так или иначе оставляли свой след, постепенно насаждая здесь гражданственность, господство православия, защищая от врагов отечество с таким же мужеством, с каким наши предки и отцы проливали свою кровь пред стенами Москвы в 1612 году или умирали на курганах Севастополя в 1855 году. Тот же дух мужества, тот же огонь любви к отечеству окрыляли на подвиги здесь, как и там... С другой стороны учёные предприимчивые русские мореплаватели, избравшие Камчатский полуостров опорным последним пунктом своих плаваний, оставили память об открытиях.

Посетите маленький, живописно раскинувшийся у подножия двух высоких гор на берегу Авачинской бухты, Петропавловский порт. Это — средоточие памятников на Камчатке.

Ещё вы не успели подойти к пристани, ещё вы с любопытством смотрите на камчатские домики, красиво прилепившиеся к склонам Петровской горы, как ваш взор прежде всего падает на высокий, синяго цвета памятник Славы, стоящий на песчаной природной косе, разделяющей бухту на внешней рейд и тихую гавань, попросту называемую «Ковшем». Но вот пароход у пристани, вы выходите на берег, кстати, видите много лодочек и шлюпок. Можете спросить себе шлюпку и пойти обратно к косе, на которой только что видели памятник Славы. Он стоит того, чтобы его осмотреть. Припомните то, что, быть может, читали про геройское отражение врагов жителями Петропавловска в 1854 году...

Памятник Славы. На песчаной косе Петропавловского порта в виду всего города возвышается массивный чугунный монумент на широком чугунном основании в виде пика, увенчанного позолоченною главой и восьмиконечным крестом. С северной и южной сторон на стенке памятника изображён вылитый из металла белый лавровый венец с крестом на верху. На западной стороне: «Поставлен в 1881 г.». С восточной стороны: «Памяти павших при отражении атаки Англо-Французского флота и десанта 24 августа 1854 г.».

На углах четырёх сторон памятника деревянные столбы поддерживают железную цепь и лежат чугунные пушки с ядрами.

Благодарные граждане Петропавловского порта, соорудившие этот монумент (с соизволения Государя Императора Александра III),

прежде всего позаботились достойно почтить память героев, павших на поле битвы. Для сего тела убитых воинов — и русских, и иностранных, были собраны и погребены в две большие могилы у подножия Никольской горы, там, где происходило последнее сражение 24 августа 1854 года, рядом с пушечными батареями.

Осмотрев памятник Славы, вернёмся на берег и пройдем мимо старого Петропавловского собора по главной улице к Братской могиле.

Братская могила. На перешейке между Петровой и Никольской горами, у подножия последней, круто возвышающейся над Авачинской бухтой, покоится прах воинов в виде двух могильных курганов.

Могила на правой стороне заключает в себе прах русских воинов. Это четырёхугольный курган высотой полтора аршина, шириною девять аршин (аршин равен двадцати восьми дюймам, шестнадцати вершкам, или 71,12 см. — *Ред.*), обложенный дёрном, заросшим кустами клубники и дикими цветами. Среди кургана поставлен из толстаго балочнаго железа четырёхконечный крест, утверждённый на камне. На кресте надпись: «Памяти убитых при отражении англо-французов 24 августа 1854 г. Мир праху вашему».

Доблесть русских, над которыми мы прочли столь краткую надпись, особенно оттеняется рядом расположенною могилою такой же формы и величины и надписями над ней. На левом кургане утверждены на камнях два креста — один деревянный с медной доской, окружённой лавровым венком. Надпись на доске гласит: «In Memory of the Officer, Seamen & Marine killed in action Aug. 1854 at Petropaulski. H.B.M.S. "Ereikia" 1877—1878».

Второй крест из полосового железа с надписью: «A la memory des marins seront listris au combat de Petropaulowsk le 24 Aout. 1854».

На середине могилы утверждена беломраморная плита восемнадцати вершков ширины и двадцати двух вершков высоты с надписью: «† A la memoire de M. M. Armand leuvre, Bounasse lieut. de V-au Charles Cicguel des Touches Enseigne et des Marins da la Forte, de l'Eurydice, de l'Obligado decedes le 4 7-bre. 1854. Prieur euxi poiller aine et fils a brest finistere France».

Обе могилы окружены чугуною оградю. Между курганами положены три чугунные пушки, как свидетельницы и участницы славнаго отражения врагов. Большая пушка с отломленным дулом.

Храм на Братской могиле. Имена русских воинов, павших в сражении с неприятелем 20 и 24 августа 1854 г., вписаны в синодик

для вечного поминовения за богослужениями, совершаемыми в Петропавловском соборе.

24 августа каждой год до литургии священнослужители с народом приходят на Братскую могилу и поют панихиду. Затем после литургии крестный ход идёт по городу на песчаную косу к памятнику Славы, где поётся благодарственное молебствие с многолетиями, далее крестный ход на кунгасах переправляется по проливу на Никольскую гору и приходит к месту бывшего сражения у Братской могилы, пред которой снова служится благодарственный молебен с многолетиями.

В 1885 г. усердием петропавловского купца надворного советника Александра Феодоровича Филиппеуса в довершение ко всему вышеизложенному построен при Братской могиле деревянный храм, освящённый в честь святого благоверного князя Александра Невского и святых мучениц Веры, Надежды и Любви. Этот храм построен весьма искусно из камчатской лиственницы и обшит американскою сосною, покрыт деревянною черепицей. Каких-либо надписей, имеющих отношение к событию 1854 года, в храме, однако, сделано не было. Как памятник и дань уважения верующаго христианина к почившим героям, храм этот оставался на Братской могиле до 20 августа 1912 года. Ещё в 1905 году он был разгромлен японцами, высадившимися в Петропавловске. Безчинство врагов выразилось в том, что они, ворвавшись в храм и алтарь, опалили огнём престол, жертвенник и стены алтаря... В таком виде храм оставался до 1912 года, когда он был отремонтирован. Но к этому времени на расстоянии пятнадцати саженей от храма, над Братской могилкой построен был каменный памятник. Храм, по мнению администрации города, препятствовал видеть этот новосооружённый памятник с площади, заслоняя его своим корпусом. Посему с разрешения архиепископа Владивостокского и Камчатского Евсевия, согласно желанию губернатора Камчатской области, храм был снесён и поставлен на городском кладбище в том же самом виде.

Памятник на Братской могиле. По инициативе губернатора Камчатской области Василия Власевича Перфильева на пособие от государства, на средства пожарнаго общества и пожертвования разных лиц над Братской могилкой в 1910—1912 годах по проекту областного инженера Заранека на пятисаженной высоте в горе воздвигнут величественный памятник-часовня. Материал постройки — цемент и камень вулканическаго происхождения пепельнаго цвета с блёстками каменнаго угля. По-видимому, это застывшая

пемза или лава, глыбы которой лежат на берегу Авачинской бухты. К памятнику от могилы ведёт цементовая лестница с широкой площадкой, в глубине которой в основании памятника устроена цементовая ниша. С площадки с того и другого конца её к памятнику ведут ещё две такие же лестницы с удобными ступенями. Затем вы входите на вторую широкую площадку, облицованную по сторонам в гору в разбег дёрном и усыпанную морской галькой. На середине площадки возвышается красивое здание часовни, увенчанной цементовым крестом. Конструкция памятника настолько проста, настолько же и изящна. Стены его восьмигранны, по четырём сторонам с боков поставлено по небольшой колонне. Вы открываете железную дверь с восьмиконечным крестом посередине, затем — вторую стеклянную. Стенки внутри покрыты цементом, но украшений пока ещё нет. Здесь стоят жертвенник, образ Спасителя и знамёна, изнесённые из бывшей церкви. Теснота помещения (четыре аршина в диаметре) не позволяет поставить что-либо более. Есть предположение поставить сюда образ Спасителя с предстоящими Михаилом Архангелом и Святым Николаем Чудотворцем, нарочно написанным для памятника, а пред святым образом зажечь неугасимую лампаду. В нише написаны будут имена павших воинов.

24 августа 1912 г. памятник этот был торжественно освящён в присутствии граждан, генерал-губернатора Приамурского края Гондатти и губернатора Мономахова.

По сторонам верхней площадки на деревянных лафетах стоят две чугунные пушки, участницы отражения неприятеля.

В настоящее время, в 1912 году, у подножия сего памятника и Братской могилы, на том месте, где стояла батарея № 6 и где было главное и последнее сражение с неприятелями, на средства Святейшаго Синода построено здание второклассной учительской и при ней церковноприходской школы.

Там, где пролилась кровь самоотверженных защитников Отечества, вкусивших смерть, теперь расцветает заря христианского просвещения, могущего дать Камчатке силу высшего знания. Можно сказать вполне справедливо, что вновь открытое училище стоит на костях и на крови мучеников-воинов, своим примером завещавших потомкам завет верности и любви к Отечеству там, где оканчивается, можно сказать, последняя пядь Русской земли. Могила и памятники на ней, не исключая школы, не служат ли призывом всем прибывающим сюда русским свято хранить священный завет наших предков: стоять непоколебимо, до смерти, за Веру,

Царя и Отечество? Да славится наша Родина, Святая Русь, доблестями граждан и подвигами благочестивых воинов, душу свою полагающих за честь России!

Воздав дань благоговения подвигу воинов, продолжим осмотр других памятников, которые кратко, но красноречиво расскажут нам про дела другого порядка, гражданского или церковного, про общечеловеческие скорби, надежды и утешения, подаваемые верою в печалях земной жизни.

В церковной ограде Петропавловского собора на левой стороне у входа на церковную паперть, на массивном сераго цвета круглом камне вулканического происхождения возвышается четырёхаршинной высоты чугунный памятник в виде круглаго столба (две четверти в диаметре) с чугунною бомбою наверху, положенною в цветок лотоса. Надпись на памятнике: «Основателю Петропавловска в 1740 году мореплавателю Берингу».

Известно, что могила Беринга на острове Беринга. Но граждане Петропавловского порта запечатлели своё уважение к заслугам знаменитого мореплавателя, исследователя полярного моря постановкою особаго памятника.

Другому известному мореплавателю Лаперузу команда крейсера «Забияка» поставила памятник на Никольской горе, в узком перешейке, отделяющем Никольскую от Сигнальной горы, где стояла батарея № 3. В тенистой берёзовой роще на берегу моря положен массивный тёмно-краснаго цвета гранит, имеющий в диаметре полтора метра. На нём утверждён второй сераго цвета камень в форме сердца. Это осколок от глыбы застывшей лавы. Камень этот обвит толстыми железными цепями с якорем, лапы которого опираются на гранит. Надпись гласит: «Памяти Лаперуза 1787 г.».

Прекрасная глубокая идея выражена оригинальною формою памятника. Тёмно-красный гранит не напоминает ли собою волнующуюся пучину океана, на волнах котораго качается судно с горстью отважных моряков, оставивших родину и вверивших себя изменчивым стихиям? Сердца их наполнены сознанием долга, но не чужды им порывы туда, где тихая пристань и радости жизни манят их к себе. Надежда на будущее гармонирует с цепями долга. Вот почему мы видим сочетание трёх эмблем — сердца, якоря и цепи.

Или несколько иначе: среди бури сердце просит любви и жизни, долг призывает к мужеству, а якорь спасения — горячая вера в Провидение — окрыляет морехода на великие подвиги, подобные тем, какие совершили незабвенные Беринг и Лаперуз, достиг-

шие теперь своей тихой пристани, навеки закончившие своё земное плавание...

Следующий памятник говорит про достижение тихаго небесаго пристанища человеком, совершившим в течение своей жизни на земле путь, равный плаванию вокруг света.

У алтаря собора с правой его стороны стоит невысокий изящной работы железный сквозной восьмиконечный крест на цементном фундаменте с медной доской и надписью на ней: «Протоиерей Пётр Аполлинариевич Донской. Родился в Ярославле 21 декабря 1830 г. Скончался в Петропавловске 16 июля 1902 года. В священническом сане был 49 лет, прослужил из них 26 лет на Камчатке в должностях настоятеля Петропавловскаго собора и Благодиннаго Камчатских церквей. Мир праху труженика!»

Прослужить на Камчатке двадцать шесть лет при тяжёлых условиях жизни и службы — значит, совершить подвиг. Но этот подвиг вырастает, если мы представим то, что почивший протоиерей Пётр Донской каждый год совершал зимнее путешествие по Камчатской области, пространства которой необъятно широки. Пять тысяч вёрст нужно проехать по горам и тундрам среди бурь и снегов на собаках и оленях для того, чтобы посетить за один раз селения, часовни, школы, церкви Камчатской области, начиная от Петропавловска до Анадыря через Гижигу и обратно. А такие путешествия отец Пётр совершил 1 раз! (так в тексте. Понятно, что пропущена одна цифра. То есть отец Пётр совершил по Камчатке от 10 до 19 поездок. — *Ред.*).

Своим добросердечием, услужливостью и другими прекрасными качествами своей души отец протоиерей заслужил горячую любовь всех, его знавших. Повсюду на Камчатке с благодарностью вспоминают его донныне. Граждане Петропавловские почтили любимого пастыря постановкою памятника — креста на его могиле. Действительно, да будет мир праху этого труженика, много стараний принёсшаго на алтарь Церкви и Отечества. О величии его подвига засвидетельствует Бог в день воздаяния.

Памятник погибшим. На правой стороне собора стоит из сераго мрамора памятник с надписью: «Помяни, Господи, во Царствии Твоём, рабов Твоих, Юлию Зубову, урождённую Щёголеву, мужа ея Василия и сына Сергия и всех сопутствовавших с ними, погибших у сего места во время крушения судна “Викентий” 19 сентября 1870 г.».

Надпись на могиле Веры Голенищевой. В церковной ограде старого Петропавловскаго собора на правой стороне, на двух

железных листах сохранилась такая надпись: «Здесь покоится прах Ея Высокоблагородия Веры Васильевны Голенищевой, драгоценный мужу, детям и сестре ея. Жила в сем мире 30 лет, 1 месяц и 28 дней, в замужестве была 2 года, 9 месяцев и 10 дней, прешла в вечность 1829 года, 15 ноября, по полуночи и в 1¹/₄ часа, оставив мужу-другу для утешения в жизни двух сынов-малолеток: Василия 2-х лет 18³/₄ ч., Николая 1 месяца, 29 дней, 15¹/₄ часов».

«Где Вера, друг мой? Где, где, она? Оставила лить слёзы горести отца с малютками детьми. Сама отошла туда — к Творцу вкусить добра, творимаго ею здесь, награду. А вечно драгоценной прах твой для меня сокрыт под хладным камнем сим.

Быть может, милостив Творец! Он подаст и мне награду у ног твоих почить, а ты, живущий здесь ещё, при Вере с Надеждою и Любовью, творя добро, ты вкусишь там то, что смертным здесь от века ведать не дано.

1829 года, декабря 8-го дня. Осиротелый Аркадий Голенищев».

«Взлелеянной в стенах столицы знаменитой, пришедшей в дальний край, чтоб в нём добро творить, чтобы бедным другом быть, чтобы сирым быть защитой, увы! Судил Творец так рано смерть вкусить! И где ж? В такой дали от родины священной, среди этих гор! Вот праведный удел, удел достойнейшей религии смиренной! Она совершила то, что Бог ей повелел».

Памятник погибшим морякам. На старом городском кладбище среди крестов и надгробных плит обращает на себя внимание значительный по размерам цементовый памятник в виде усечённой конусообразной пирамиды с крестом и венком на верху. Надпись: «Погибшим в борьбе с волнами. Вечная память».

Ниже на чугунной плите другая надпись: «Здесь покоятся тела матросов команды транспорта “Колыма”, утонувших с восьмерки у устья реки Озерной 21 сентября 1906 г. — Георгий Питюлин, Сергей Шишкин, Михаил Порсинский, Тимофей Полковников, Матвей Тимкин, Степан Волков, Яков Шабуров, Трофим Берюнок». (Ныне фрагмент чугунного креста с этой братской могилы военных моряков выставлен в постоянной экспозиции Камчатского краевого объединённого музея. — *Ред.*)

Памятник князю Максutowу. На том же кладбище возвышается среди кустарников шипицы и зарослей папоротника изящной работы вылитый из чугуна памятник-крест на высоком каменном фундаменте. Надпись гласит: «Князь Александр Петрович Максutow, 1860 г. Родился 30 января 1830 года. Ранен 24 августа

1854 года при защите Петропавловского порта. Умер 10 сентября 1854 года».

Кстати, припомним про подвиг князя А. МаксUTOва. Князь Александр МаксUTOв 2-й, командир батареи № 3, продолжал действовать успешно: первым ядром был сбит английский флаг. Английский фрегат на буксире пошёл дальше к батарее № 7 и стал на якорь, а против батареи № 3 стал французский фрегат и открыл по ней жесточайший огонь: весь перешеек буквально был изрыт ядрами. Пятипушечная, совершенно открытая, батарея первое время действовала успешно против тридцати пушек фрегата. Каждое ядро попадало в оснастку или в корпус, но по прошествии получаса из пяти пушек остаётся лишь одна, остальные приведены в негодность, половина прислуги изранена и перебита. Неприятель, пользуясь этим, свозит десант. Князь А. МаксUTOв бросается к единственной уцелевшей пушке, наводит её, — и большой французский катер вместе с десантом идёт ко дну. Фрегат в отместку даёт залп целым бортом. Ураган ядер и бомб несётся над батареей, она вся в дыму и обломках; князь МаксUTOв падает с оторванной рукой, а неприятель посылает залп за залпом, подбивает последнее русское орудие и свозит, наконец, десант (Записка Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, т. V, вып. 1, стр. 37).

Священные изображения в Петропавловском соборе. Небогат Петропавловский собор, беден и ветх. Но он является хранилищем святых икон, происхождение которых связано с дорогими воспоминаниями из прошлого Камчатки. Основатели и строители этого собора свои стремления и религиозные упования выразили в написании образа *Спасителя* на правой стороне царских врат, с изображениями предстоящих Господу Святителей Филиппа, Петра, Алексия и Ионы — митрополитов московских. Под изображением написан тропарь Спасителю и святым.

«Первопристольницы Россійстіи, истинніи хранителие Апостольскихъ преданій, столпи непоколебиміи, православія наставницы, Петре, Алексіе, Ионо и Филиппе, Владыку всех молити миръ вселенней даровати и душамъ нашимъ велію милость».

Словами церковной песни сделан завет наших предков о том, какими задачами должны быть проникнуты русские люди, посвящающие свои силы далёкой окраине. Хранение Апостольских преданий, непоколебимость в православной вере, проповеди слова Божия среди язычествующаго инородческаго населения низведут молитвами святых благословение Божие на Камчатку, которая

*В. Слободкиной.
Петропавловск*

Протоіерей Даниилъ Шерстенниковъ.

Кам.

1938 г.

ПАМЯТНИКИ и НАДПИСИ,

КАКЪ ДОСТОПРИМЪЧА-
ТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА
ПЕТРОПАВЛОВСКА,
НА КАМЧАТКЪ. ○ ○ ○ ○ ○

Извлечено изъ Владивостокскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей за 1913 голь.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Типо-автографія газеты „Дальній Востокъ“.
1913.

2464

явится драгоценною жемчужиной в короне русского государства. Явятся желающие похитить эту жемчужину, но мир и благоденствие Камчатки будут обеспечены в том случае, если насельники ея не забудут подражать «Первопрестольникам Российским» в хранении веры, благочестия и непоколебимой преданности Престолу Русских Самодержцев.

За правым клиросом стоит *образ святого апостола Петра* художественной работы в серебряной ризе. Апостол изображён с большим ключом в левой руке. Внизу под образом надпись: «Сей святой образ обложением украсится тцанием и по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овцына и всех служителей, спасшихся с Пустова острова и достигших Камчатский берег... св. Петра в августе месяце».

На левой стороне царских врат *образ Божией Матери* с предстоящими св. Николаем Чудотворцем, Иннокентием Иркутским, Апостолами Петром и Павлом. В нижней части образа красками изображён Петропавловский порт времён 1854 года с надписью на доске: «Отражение неприятеля от Петропавловскаго порта и города 1845 года, августа 24 дня, участвовавшими в сем деле офицерами и волонтерами под начальством контр-адмирала В. С. Завойко».

Защитники Петропавловска не приписывали победу своей силе, так как все знали, что силы у нас было мало, а неприятель многочислен. Во время сражения на вершине Сигнальной горы пелся молебен Господу Богу о даровании победы. Действительно, враг был поражён и со стыдом бежал. Начальник неприятельской эскадры после неудачного сражения ещё в 19-е число августа лишил себя жизни. Могилу его и крест на ней доселе можно видеть в Тарьинской бухте. Свою веру в помощь Божию победители засвидетельствовали постановкой в храме священнаго образа. Да, Бог даёт победу там, где сердца воинов исполнены благочестием!

Наконец, рядом стоит изящной работы живописный *образ святой Юлии-мученицы*, венчаемой двумя ангелами и благословляющим Спасителем, в перспективе видно волнующееся море с островом, на котором стоит златоверхий пятиглавый храм. Внизу образа надпись в серебряной оправе: «Образ сей написан в память усопшей рабы Божией Юлии, супруги начальника Камчатки капитана 1 ранга Рос. Григ. Машина, урождённой Княжниной, родившейся 1825 года июля 6-го дня, умершей 1850 г. марта 30, погребённой

в соборном приделе св. Веры, Надежды и Любви в Петропавловском порте. Приношение от Р. Г. Машина».

Достоин примечания то обстоятельство, что когда в 1910—1912 годах возникла мысль построить в Петропавловске новый соборный храм в ознаменование Царской милости, выразившейся в даровании Камчатскому краю сначала губернаторства, а затем Августейшаго Покровителя Православного Камчатского Братства в лице Его Императорского Высочества, Наследника Престола, Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, то комитет озабочен был приисканием эскиза храма. После долгих розысков и совещаний, наконец, остановились выбором на изображении храма, написанного на иконе святой мученицы Юлии. Решено по этому эскизу заказать план будущего храма, который да будет милостями свыше благополучно воздвигнут во славу Божию на далёкой окраине нашего Отечества.

1912 г.

Гор. Петропавловск-на-Камчатке

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

Ниже опубликованы двенадцать исторических очерков, охватывающих период с середины XVIII до конца XX вв., в разное время написанных уже известной вам Г. Б. Намжиловой (1945—2007). Вступительная статья подготовлена специалистом отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки имени С. П. Крашенинникова Анной Валерьевной Ляшук. Статья написана на основе воспоминаний родственников, коллег и друзей Г. Б. Намжиловой, а также её неопубликованных материалов: текстов выступлений, лекций, отдельных заметок.

Г. Б. НАМЖИЛОВА

«ЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИШЬ ДОБАВИЛО ГАРМОНИИ МОЕМУ “КНИЖНОМУ МИРУ”...»

В 2005 г. судьба свела меня с удивительной женщиной. Её отличали доброта, мягкость, деликатность и, как я узнала позже, потрясающая начитанность, широкий кругозор и неиссякаемая тяга к познанию. Она — Галия Намжилова — «хозяйка» отдела редкой книги главной библиотеки Камчатки — областной научной, переводчик и талантливый исследователь. В её сердце мирно сосуществовали две большие любви — к России и Франции. В школьные годы Галия попала в руки талантливого педагога, привившего ей любовь к французскому языку. Затем последовал закономерный выбор — поступление на французское отделение факультета иностранных языков Бурятского государственного педагогического института. А далее — увлечение французской историей и культурой, оставшееся на всю жизнь.

Работать в областной библиотеке Галия Батоевна Намжилова начала ещё в далёком 1980 г.: отдел контроля, читальный зал, затем отдел литературы для юношества. Но направление, ставшее главным в жизни, она найдёт только через десять лет. В 1990 г. в библиотеке был создан отдел, точнее, сектор редкой книги, который она и возглавила.

Редкий фонд библиотеки формировался не одновременно и не просто. В течение всех отпущенных ей лет Галия Батоевна была для отдела и хранительницей, и собирательницей. Книги попадали к ней разными путями — неожиданно обнаруживались в общем фонде, их приносили в дар и, конечно, покупали. «Однажды, — вспоминает известный камчатский фотохудожник Игорь Вайнштейн, — вся областная библиотека по рублю собирала на книгу, а Галия в это время держала за рукав нетерпеливого продавца: “Миленький, подожди...”» К сожалению, возможности

библиотеки всегда были ограничены, а продавцы не всегда терпеливы. Так, в конце 1990-х гг. не удалось приобрести ценное в историческом плане Евангелие, пожертвованное в 1918 г. Петропавловскому собору.

«Передо мной старинная книга — Евангелие... в дорогом золочёном окладе, богато украшенная орнаментами и миниатюрами... Тиснение оклада и... страниц — золотое. Найдено сокровище в Петропавловске около полувека назад (утверждалось, что книга была обнаружена в тайнике в одной из стен бывшего здания собора. — *А. Л.*). Издано в синодальной типографии г. Москвы. На отдельном листке написано: “Жертвуется Петропавловскому собору от Елены Христофоровны Шаталиной в память ея умершего мужа мирового судьи Петропавловско-Командорского участка Николая Ивановича Шаталина, умершего 14 июня старого стиля 1918 года... г. Петропавловск”. В 1999 г. владелица книги, в семье которой она хранилась с начала 1950-х гг., решила её продать. Но библиотека не смогла предложить достаточно высокую цену, и Евангелие в состав редкого фонда не попало [*Савина Л.* Сокровище разрушенного храма // *Городская газета.* — 1999. — 15 дек.]».

Об этом Галия Батоевна с сожалением вспоминала ещё не один год. Но людей, любящих книгу и понимающих её истинную нематериальную ценность, к счастью, всегда было больше. «Особо дороги хранителям раритетов бескорыстные дары друзей библиотеки. Эти люди, расставаясь со своими семейными реликвиями, понимают, что в библиотеке эта книга “выйдет в свет”, станет украшением выставок, предметом удивления и восхищения многих людей вместо скромной судьбы “домашней книги”», — сказала однажды Галия. Так, супруги Гропяновы передали в дар библиотеке «Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога...», изданную в 1811 г., почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского Роберт Савельевич Моисеев — «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича» (1737 г.), супруга писателя Георгия Германовича Поротова — Надежда Алексеевна Поротова — старинную Псалтырь. Были и другие книги, подаренные от чистого сердца и без оглядки на стоимость.

Книгу к книге терпеливо собирала Галия и кирпичик к кирпичику — свои знания о них. Ведь каждая из них была готова рассказать внимательному и вдумчивому человеку свою историю. «Однажды сотрудник книгохранения показала мне тоненькую брошюру, на титульном листе которой было написано: “Глубокоуважаемому Владимиру Ивановичу г-ну Огородникову на добрую память. 21.1.13. *Л. Ильинский*”... Так вот что означает экслибрис — вязь из двух букв “В” и “О”, встречаемая на некоторых книгах. И, казалось, книги стали сами попадаться мне на глаза... Итак, одна за одной находятся книги и потихоньку рассказывают, где куплены и за сколько, кто подарил... Что же делать дальше? Нужно искать, но уже за пределами библиотеки, и я пишу в Иркутск, в Казань, во Владивосток... Письма ушли, канули... Я уже перестала надеяться на ответ, и вдруг — письмо! Из Владивостока от библиографа-краеведа Рублёвой. В своём письме коллега из Приморской областной библиотеки

писала: “В 1923 году Владимир Иванович Огородников по поручению Дальревкома приступает к работе в должности ректора Государственного Дальневосточного университета”. Действительно, путь его в Приморье лежал через Казань и Иркутск. И на самом деле он был историком и занимался в основном историей культур народов Азии и Сибири.

Постепенно количество книг в особом шкафу “Библиотека профессора Огородникова” увеличивалось, помогали коллеги из книгохранения, иногда даже читатели... А затем высветилась связь между ним и книгами со штампом “АКО”, в которых встречались пометки, сделанные рукой Огородникова (я уже научилась отличать его почерк)... Но вот наступила перестройка, и многое стало возможно... Стало возможным обратиться в органы внутренних дел за справкой о судьбе профессора Огородникова...»

В течение нескольких лет она восстанавливала биографию историка, осуждённого, как выяснилось, в 1934 г. по делу «Автономная Камчатка». Собранные сведения стали основой для интереснейших очерков: «Загадка одного института» и «Библиотека АКО».

Вообще, конец 1980-х — начало 1990-х гг. — время политической нестабильности и экономического коллапса по совместительству стало и счастливым для образованного россиянина. «Конец 1980-х гг., — пишет Галия Батоевна, — ознаменован переломными событиями в истории нашей страны. Можно сказать, что для книголюбов это был “золотой” период. Издаются книги Ахматовой, Цветаевой, Волошина, Гумилёва. Все мы переживали как бы второе рождение этих поэтов. Кто заново открывал для себя эти имена, а кто и впервые слышал и читал их произведения... Снова заговорили о философии конца XIX — начала XX столетия. Наконец-то можно было открыто говорить о “русском зарубежье”. В общем, ветер свободы буквально опьянял, и не только головы книголюбов. На поэтических вечерах, как в начале XX века, звучали пресловутые, множество раз осуждённые “Ананасы в шампанском” Игоря Северянина, потрясал до глубины “Реквием” Анны Ахматовой. Может быть, историки и литературоведы назовут этот период “Ренессансом русского Серебряного века?”».

А в областной библиотеке это было время расцвета Литературной гостиной, собиравшей десятки любителей поэзии, живописи, музыки. Галия Намжилова с удовольствием окунулась в этот мир — без её участия не создавался ни один значимый сценарий и не проходил почти ни один литературный вечер. «Четверговые салоны в областной библиотеке... дошли и до французской культуры... потому что без неё немислима культура мировая. Второй причиной является наличие в Петропавловске знатоков этой культуры и языка. И третья причина... работа в библиотеке Галии Намжиловой, которая не только знает язык и культуру французов, но и с некоторых пор концентрирует вокруг себя многие наши связи с этой удивительной страной» [*Смышляев А. Французский вечер без французов // Вести. — 2000. — 26 апр.*].

Как же так получилось, или, вернее, с чего всё началось? Осенью 1995 г. Галия Батоевна смогла осуществить свою мечту — побывать во Франции.

Она отправилась в эту страну на стажировку, организатором которой выступила Французская федерация сотрудничества библиотекарей. Отбор претендентов был доверен библиотеке иностранной литературы им. Рудомино (Москва). Так, восемь счастливых со всех концов России смогли провести месяц в различных городах Франции. То, что Галия Батоевна оказалась в их числе, на Камчатке вряд ли кого-то удивило. В те годы она была одной из немногих на полуострове, владеющей французским языком на высоком уровне. Её хорошо знали в культурной среде и именно к ней зачастую обращались за консультацией.

По программе стажировки — день в Париже, затем переезд в пункт назначения. Галие выпал Тулон. Во французской столице её очень удивил Центр Жоржа Помпиду — удивил и восхитил своим размахом, оснащённостью, новейшими технологиями. Но в дальнейшей работе ей всегда помогали профессиональные и дружеские связи, сложившиеся с сотрудниками муниципальной библиотеки Тулона. Она, «находящаяся в прекрасном старинном здании XIX века, со скульптурами, витринами — была координирующим центром городской сети библиотек... Во главе — Колетт Куле — главный хранитель, что соответствует высшей ступени библиотечной классификации. В библиотеке их всего четверо — Martine, моя хозяйка... тоже относится к этой категории...» — скрупулёзно фиксирует Галия всё увиденное в своих путевых заметках.

Далее, помимо обстоятельного анализа принципов библиотечной классификации, состава фонда, работы с читателями, межбиблиотечного абонемента между Западной Европой и США, среди профессиональных записей вдруг появляются и бытовые, видимо, она попросту не смогла удержаться. «Меня встретила Мартина Жильберт, её дом в одиннадцати километрах от Тулона. Боже мой! Что это за дом! Мы видели такое только в фильмах и не можем себе представить, что простые люди могут так жить... Трудно подыскать слова, чтобы описать всё. Мне постоянно приходилось говорить: “Как красиво, как замечательно”. Дом состоит из двух этажей, кроме гаража и пристройки. Меня поместили в нижний этаж, это целая квартира из двух комнат, маленькой кухни и санузла. Всё очень простое, но такое удобное и красивое».

В последующие годы Галлия Намжилова совершит ещё несколько поездок во Францию, но именно эта, первая, останется в памяти счастливым и незабываемым воспоминанием.

В её лице Тулонская библиотека приобрела и читателя. Галия Батоевна штудирует книги и документы о французах — исследователях Тихого океана и удалённых восточных территорий России. И вот, на страницах черновиков впервые появятся имена Лессепса, Лаперуза и других исторических личностей, которым вскоре предстоит обрести плоть и кровь в её статьях. Увы, всё хорошее когда-нибудь заканчивается, и 12 октября 1995 г. настала пора «Depart gare de Toulon». Можно предположить, что расставание было грустным, но дома Галию ждали любимые семья и работа. А её «французские» встречи только начинались.

В середине 1990-х гг. предприимчивый француз Филипп Клермон, основавший туристическую фирму «Тайга — Тундра», проводил в России, что называется, «разведку боем» — разрабатывал камчатское направление. Так родился «Медвежий тур» — потрясающий маршрут по территории Кроноцкого заповедника: река Шумная — река Тихая — Долина Гейзеров — Узон. Помимо фантастической камчатской природы, своеобразной «изюминкой» для французов была возможность общения с инспектором заповедника Виталием Николаенко, человеком не только много знающим о камчатском медведе, но и ещё очень общительным, увлечённым, да и, пожалуй, в своём роде харизматичным.

Сейчас трудно установить, как и при каких обстоятельствах познакомились Филипп Клермон и Галия Намжилова, но именно она станет не только бессменным гидом-переводчиком для прибывающих на полуостров французских групп, но и фактически будет координировать все дела его фирмы на Камчатке. Эта деятельность принесёт Галие даже не столько улучшение материальных условий, так необходимое человеку, работающему в библиотеке, сколько возможность общения с очень интересными людьми. Так, например, в 1996 г. французское телевидение (канал «France3») снимало на Камчатке фильм, главными героями которого были Виталий Николаенко и камчатские бурые медведи. Логистическим, как бы сказали сейчас, направлением заведовал Филипп Клермон, а переводчиком для съёмочной группы стала Галия Намжилова. Через два года состоялась ещё одна экспедиция, снаряжённая французским телевидением на Камчатку, к работе с которой также привлекли Галию. В последующие годы таких встреч будет столько, что и не перечислишь: путешественники, журналисты, учёные — все дороги франкоговорящего специалиста, прибывшего в Петропавловск, вели к Галие Батоевне.

В 2000-х гг. Намжилова активно сотрудничала с представителем камчатского туристского сообщества С. А. Хабуная. Сергей Александрович разработал уникальный маршрут, действующий и поныне: Петропавловск-Камчатский — посёлок Ключи — Нижнекамчатский острог — озеро Ажабачье — посёлок Ключи — Ключевской вулкан — посёлок Ключи — Козыревск — Толбачик — Эссо — встреча с звенами, кочующими с оленями стадами — Петропавловск-Камчатский — Долина гейзеров — Парк Налычево — Петропавловск-Камчатский. Неслучайно маршрут был назван «Большим путешествием». Сопровождение таких групп требовало колоссальной подготовки: она должна была владеть буквально всеми сведениями об объектах — от истории и этнографии до ботаники. И ей это удавалось: коллегам по туристической деятельности она запомнилась как прекрасный человек и профессионал. Как, впрочем, и всем людям, которые были с ней знакомы.

Галия Батоевна была удивительно разносторонним человеком. За годы работы в областной библиотеке она стала специалистом по редким и ценным изданиям. Своими знаниями всегда охотно делилась: консультировала, читала лекции, создавала выставки. Вела обширную исследовательскую и переводческую работу. Охотно откликалась на любую просьбу

об участии в библиотечных проектах. А, приняв под своё крыло клуб любителей книги «Библиофил», обрела и единомышленников, и новых друзей. «Среди членов клуба мне, наверное, повезло больше всех, — напишет Галия. — Моё увлечение, моё “хобби” и моя работа совпали... Тот случай, который привёл меня в библиотеку, оказался счастливым. По специальности я — преподаватель французского языка и, конечно, мечтала найти работу, соответствующую моему образованию. Но в итоге и знание французского языка лишь добавило гармонии моему “книжному” миру...»

Галия Батоевна Намжилова скоропостижно скончалась 3 апреля 2007 г. Прошло совсем немного времени, как она вернулась из очередного маршрута. На её рабочем столе в библиотеке ждала перевода французская книга, на этот раз «Воспоминания и путешествия» М. Беньевского. Ждали встречи коллеги и друзья. И столько планов...

Мы собрали в память о Галие её лучшие исторические статьи и переводы, опубликованные в разное время. В них чувствуется не только талант исследователя, но и содержатся ценные сведения, которые, возможно, пригодятся и другим.

А. В. Ляшук

Аббат Шапп Отерш и «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова во Франции

Очерк впервые опубликован в сборнике «Знать своё отечество во всех его пределах...»: тезисы XVIII Крашенинниковских чтений» (Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 101—105).

«Тартария» — так были обозначены на старинных французских картах земли, расположенные к востоку от Урала.

Впервые французские читатели познакомились с «Описанием земли Камчатки» С. П. Крашенинникова в переводе с английского вольного пересказа, сделанного Джеймсом Гривом (James Grieve). В предисловии к этому изданию неизвестный автор объясняет вольное изложение текста Крашенинникова тем, что русский оригинал написан грубым, нелитературным языком. Автор перевода нашёл в книге много интересного и познавательного для европейского читателя, но считал, что текст нуждается в литературной обработке. Впрочем, Джеймс Грива переведил Крашенинникова для собственного удовольствия, часто отвлекаясь на другие дела. С этого сокращённого английского было сделано, в свою очередь, ещё три перевода.

В 1766 г. в немецком городе Лемго был издан немецкий перевод. К этому изданию давалось предисловие Герарда Фридриха Миллера. В 1767 г. в городе Лионе напечатан двухтомник под

заглавием «Histoire de Kamtchatka, des isles Kurilski et des contrees voisines, publiee... en langue russe...», или «История Камчатки, Курильских островов, соседних земель». Второе французское издание под заглавием «Description abregee du pays de Kamtchatka faite sur l'original anglois par A. P. Erlang», то есть «Краткое описание страны Камчатки...», сделанное с английского оригинала, издано в 1768 г. А. П. Эрлангом. И в 1770 г. был издан голландский перевод «Описания». Имя голландского переводчика осталось неизвестным.

Все эти переводы, несмотря на их несовершенство, познакомили европейскую публику с трудом русского учёного. Совершенно иным был подход французского учёного — астронома аббата Шаппа д'Отероша. Со всей пунктуальностью и огромным уважением к русскому исследователю он постарался передать наиболее близко к тексту «Описание земли Камчатки». Оно вышло в виде приложения к роскошному изданию «Путешествия по Сибири». В предисловии издатель сообщает биографические данные автора и даёт краткую характеристику, взятую, несомненно, у Миллера. Издание было снабжено великолепной картой размером почти метр на полтора. Карта, по всей вероятности, выполнена самим аббатом д'Отерошем, который, в свою очередь, использовал карты Миллера. Кроме того, были приложены две карты русского издания и двадцать таблиц рисунков. Но так как эстетические представления французов не совпали с русскими, художнику Лепренсу предложили переделать на свой лад русские рисунки, что и было выполнено им совместно с художником Моро. Этот перевод, за исключением некоторых перестановок, довольно точно передавал содержание книги и стал надёжным источником для изучения Камчатки.

Увы, появление этого издания вызвало неоднозначные отклики. В своём произведении «Антидот» Екатерина II отозвалась о нём, как о «настолько же плохом, как и роскошном». Антидот — по-гречески противоядие. Почему оно понадобилось, и что же собой представлял человек, против которого так резко выступила императрица?

Жан Шапп д'Отерош родился в местечке Мориак в Оверне 2 марта 1728 г. в дворянской семье барона Жана д'Отероша и Мадлен, урождённой де ля Фарж. Учился в колледже Людовика Великого, проявляя великую тягу к науке. Способного и увлечённого юношу заметил Жан Доминик Кассини (из династии французских астрономов Кассини) и направил его увлечения в сторону астрономии. Свою деятельность на поприще астрономической науки тот начал с перевода таблиц Галилея (1752). Затем ему поручили

снять план в графстве де Бич и уточнить географическое положение нескольких населённых пунктов Лотарингии. По возвращении из поездки Жан получает место помощника астронома в Академии наук, заместителя Лаланда.

В июне 1761 г. в среде астрономов ожидалось очень редкое событие — прохождение Венеры через диск Солнца. Впервые участвовать в наблюдениях наравне с Королевским обществом и Парижской Академией наук решила и Петербургская Академия наук. Из Франции для этого должен был приехать Шапп д’Отерош. Михайло Васильевич Ломоносов был страшно разгневан тем, что русских, якобы, оттирают от участия в наблюдениях. Благодаря его вмешательству русские учёные — профессор Никита Иванович Попов и адъюнкт Степан Яковлевич Румовский — едут в Иркутск и Селенгинск для наблюдений.

Шапп д’Отерош отправился из Парижа в конце ноября 1760 г. в Тобольск. Нелёгким был его путь: ненастья, дорожные происшествия, бесчисленные препятствия. Наконец 10 апреля 1761 г. он прибыл на место, пробыв в пути почти пять месяцев. Напугав всех жителей сибирского городка своим снаряжением, он развернул небольшую обсерваторию и приготовился к ожидаемому событию.

В то время как Михайло Ломоносов изучал прохождение Венеры из своей домашней обсерватории в Санкт-Петербурге, в Сибири его наблюдали из Иркутска и Селенгинска Попов и Румовский, а в Тобольске — он, французский астроном Шапп д’Отерош. Ему удалось зафиксировать явление параллакса, то есть смещения компаса. Его наблюдения были напечатаны в Санкт-Петербурге в 1762 г. под заголовком «Воспоминания прохода Венеры через диск Солнца, содержащие также несколько замечаний по астрономии и отклонению компаса, сделанные в Тобольске».

В своей книге «Путешествие по Сибири» француз посвятил астрономическим наблюдениям лишь двадцать две страницы. Всё остальное было описанием его путешествия: дороги, климат, люди и их нравы, Тобольск середины XVIII в., но не им были посвящены главные критические замечания просвещённого аббата. Ему, впитавшему идеалы великих французских просветителей, кстати, ими же была увлечена и правительница Российской Империи, было тягостно наблюдать жестокость, темноту, невежество и беззаконие власть имущих, нищету и бесправие крестьян. Резкие высказывания д’Отероша заставили Екатерину написать ответ, который был напечатан в Амстердаме в 1771 г. под заглавием «Антидот, или анализ плохой книги, великолепно изданной, под названием “Путе-

шествие по Сибири»». Как сказано во французском биографическом словаре де Прево, д'Отерош «имел честь быть подвергнутым критике самой императрицей Екатериной Великой».

Действительно, почти во всех энциклопедиях и словарях имя аббата д'Отероша и его произведение «Путешествие по Сибири» стоит рядом с именем Екатерины Великой. Вернувшись в Париж, он продолжал свои занятия; его работы были опубликованы в «Сборнике мемуаров Академии наук». Следующее прохождение Венеры через диск Солнца был объявлено на 6 июня 1769 г., и вновь Парижская академия направляет его для астрономических наблюдений, теперь в Калифорнию. Казалось бы, что это второе путешествие не могло быть более опасным, чем прошлое по Сибири. Но в жарком климате он заболел заразной болезнью, опустошавшей в то время Сан-Жозеф, который был выбран как наиболее удобная точка для наблюдений. И всё же он решает остаться там, и, действительно, ему удалось полностью завершить свою миссию. Он собирался пронаблюдать затмение Луны, мечтал заняться изготовлением машины для передачи сигналов на расстояние. Увы, зараза не пощадила его: смерть прервала эти планы. Аббат умер 1 августа 1769 г. Результаты его трудов были опубликованы Кассини в 1772 г. под заглавием «Путешествие по Калифорнии для наблюдения прохода Венеры через диск Солнца».

Екатерину II больно задели слова д'Отероша о невежестве не только русских крестьян, но и важных господ, которые всё ещё верили в то, что земля плоская и стоит на трёх китах. Её «Противоядие» имело лишь тот результат, что книга аббата д'Отероша не была переведена на русский язык и осталась малоизвестной в России. Это великолепное издание «Путешествия по Сибири» с приложением «Описания земли Камчатки» Крашенинникова с картой и гравюрами ничем не заслужило эпитета «плохого».

Перевод Шаппа д'Отероша стал поистине кладезем знаний об окраине России, а его карта внесла ясность в географическое положение Камчатского полуострова. «Тартария» приняла, наконец, чёткие очертания и для последующих исследователей. Книга Степана Петровича Крашенинникова в переводе аббата Жана Шаппа д'Отероша дала ясные представления о народностях и природе Страны огнедышащих гор.

Источники

1. Dictionnaire de biographie francaise / sous la dir. de M. Prevost et Roman d'Amant H. Tribout de Morembert, J.-P. Lobies. — Paris, 1878. — Т. 8.

2. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. — СПб., 1890.
3. Томилин А. Н. Небо Земли. — Л., 1974.
4. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. — СПб., 1909.

Степан Петрович Крашенинников и аббат Шапп Д'Отерош

Очерк впервые опубликован в сборнике «Веков связующая нить: материалы XXII Крашенинниковских чтений» (Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 140—146).

Присланную ко мне... книгу, сочинённую профессором Крашенинниковым, называемую «Описание земли Камчатки»... признаю за достойную напечатания ради изрядных об одной земле известий.

М. Ломоносов

На исходе зимы 1755 г. Петербургская академия наук приняла новый устав. Отныне к научной работе допускались люди «всякого звания». Подходила к концу вёрстка «Описания земли Камчатки». Труд Крашенинникова был единодушно признан за выдающееся научное и литературное произведение. Долгих четырнадцать лет минуло с того дня, когда Степан Петрович покинул берега полуострова. Неимоверно трудной и бесконечно интересной была его поездка, но не менее тяжёлой стала обработка её материалов и их подготовка к изданию.

26 февраля 1755 г. Степан Петрович в возрасте сорока двух лет скончался после долгой болезни. На титульном листе первого издания «Описания земли Камчатки» также стоит 1755 г., но автору не суждено было увидеть свою книгу готовой. «Сочинитель произведён в 1745 году при Академии Наук в Адьюнкты, а в 1750 году пожалован Профессором ботаники и прочих частей натуральной истории. Конец житию его последовал в 1755 году Февраля 12 дня, как последний лист сего описания был отпечатан. Он был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков, и сами достойны называться начальниками своего благополучия. Жития его, как объявляют, было 42 года 3 месяца и 25 дней» [1, с. 10—11].

Земные заботы Степана Петровича окончились, а его главное детище «Описание земли Камчатки» начало свой триумфальный путь в истории мировой науки. На Западе ещё до первого издания

«Описания...» сведения о трудах Второй Камчатской экспедиции стали известны благодаря отдельным публикациям и сокращённым переводам. Но все эти издания были не более чем вольные изложения труда Крашенинникова.

Совершенно другая история произошла с изданием Шаппа д'Отероша. В его прекрасно изданный трёхтомник вошли не только астрономические наблюдения, но и описание обычаев, нравов и общего устройства «варварского государства» — России. Шапп д'Отерош воспользовался работами Иоганна Георга Гмелина.

Первый том аббат посвятил собственным наблюдениям, родившимся в результате его долгого пребывания в доселе незнакомой стране, языка которой он не знал. Том условно можно разделить на несколько частей: путевые наблюдения; быт и нравы, состояние культуры и просвещения русских; сведения о состоянии наук, искусств, народонаселении, религии, торговли, армии и флота (здесь приводится много статистических данных); материалы по истории России; документы Петра I о церковной реформе, манифест Петра III о вольности дворянству. Во втором томе помещён труд Крашенинникова «Описание земли Камчатки», а третий является атласом, где собраны многочисленные карты, составленные Шаппом д'Отерошем.

Несомненно, что аббат-астроном придерживался передовых взглядов и судил о российской жизни с позиций представителя века просвещения. Его основной целью было дополнить сведения об этой далёкой огромной стране, прояснить нравственную и духовную сторону её жизни. «Путешествие в Сибирь» из-за общего нелестного тона и критических замечаний в адрес русского правительства вызвало множество отзывов.

Но остаётся неясным один вопрос: почему вторым томом собрания сочинений Шаппа д'Отероша явилось крашенинниковское «Описание земли Камчатки»? Может быть, это было сделано с разрешения и одобрения Петербургской академии наук и лично профессора Миллера? Благодаря материалам Гмелина и Крашенинникова и знаменитой карте Второй Камчатской экспедиции, обратившейся после доработки и оформления в «карту» д'Отероша, книга «Путешествие по Сибири» становится событием в научном мире. «Описание...» во французском варианте выглядело несколько иначе. Главы были переставлены, содержание сокращено, а гравюры российских рисовальщиков заменены работами французского художника Лепрена, также путешествовавшего по России и составившего собственную коллекцию народностей, населявших

российские просторы. Подобное свободное отношение к авторскому праву для тех времён, видимо, было нормальным. Достаточно, наверное, было того, что имя автора, хотя и мелким шрифтом, стоит под общим заглавием.

Лепренс Жан-Батист (1734—1781) родился во Франции в городе Мец. Живописец, рисовальщик, автор жанровых картин, пейзажей, портретов, картонов для шпалер. С 1758 по 1763 г. работал в России. Член Парижской академии художеств. Из путешествия по Сибири привёз многочисленные наброски, предметы быта и костюмы. Работам Лепренса свойственна несколько фантазийная манера, персонажи и пейзажи изображены не такими, какие они есть на самом деле, а такими, какими они остались в его памяти. Многие работы выполнялись уже во Франции по наброскам, вывезенным из России [2, с. 164].

На первой странице «шапповского» «Описания земли Камчатки» напечатано:

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИБИРИ, содержащее
ОПИСАНИЕ КАМЧАТКИ, где находится

- I. Нравы и обычаи жителей Камчатки.
- II. Географическое положение Камчатки и соседних стран.
- III. О выгоде и недостатках Камчатки.
- IV. О покорении Камчатки русскими, о бунтах, произошедших в разные времена. И о нынешнем состоянии острогов в этой части России.

По г. Крашенинникову, профессору Академии Наук
Санкт-Петербурга.

Перевод с русского.

ТОМ ВТОРОЙ.

Конечно, включение работы Крашенинникова в собрание сочинений Шашпа д'Отероша можно было бы причислить к благим делам: хотя бы в урезанном виде, но труд русского академика стал известен в Европе.

Вместо предисловия к тому «Описания земли Камчатки» вниманию читателя предложено «Мнение издателя», где кратко изложена история появления этой книги: «Работа, которая публикуется сегодня, обязана своим появлением просвещённому уму Господина де *** и его любви к работе: он перевёл её в Санкт-Петербурге, где мог консультироваться с Господином Миллером, в то время постоянным Секретарём Академии Наук этого города. Этот учёный Академик, настолько же уважаемый за свои обшир-

ные знания, как и за качества своего сердца, очень хотел прояснить непонятные места. Сначала было предложено убрать некоторые подробности, несколько затянутые; но затем предпочли представить оригинал с наибольшей точностью» [3].

Итак, что мы знаем об этой книге: издатель — Дебюр-отец, художник — Жан-Батист Лепренс. Но кто же переводчик? Здесь мне пора публично покаяться перед уважаемыми слушателями Крашенинниковских чтений. В тезисах XVIII чтений «Знать своё отечество во всех его пределах» я ошибочно заключаю, что аббат д'Отерош сам перевёл книгу Крашенинникова и поэтому включил её в свой сборник. Почти сразу же после их издания я узнаю, что «наш аббат» совсем не знал русского языка.

Чтобы хотя бы частично заглазить свою вину, я продолжила поиски по данному изданию и попытки выяснить имя автора перевода. Специалист по французской книге в России, заведующий сектором редкой книги Российской Национальной библиотеки Николай Александрович Копанев на основании высказывания издателя: «Работа, которая публикуется сегодня, обязана своим появлением просвещённому уму Господина де *** и его любви к работе...», предположил, что им мог быть граф Иван Иванович Шувалов, покровитель и друг Ломоносова, основатель и куратор московского университета. Шувалов постоянно переписывался с Вольтером и Гельвецием и, несомненно, имел все основания считаться человеком «светлого ума». В то же время он мог пожелать остаться инкогнито либо из скромности (в энциклопедическом словаре Ф. Павленкова о нём так и сказано: что он «отличался скромностью и безкорыстием»), либо по политическим или другим мотивам [4, с. 2819].

Мой французский коллега, заведующий отделом редких книг Тулонской муниципальной библиотеки Этьенн Пертус путём библиографического поиска пришёл к следующему выводу: три звёздочки вместо фамилии переводчика должны означать определённое имя. В одном из словарей он нашёл следующую запись: «Histoire de Kamtchatka, des iles Kurilski et des contrees voisines, publiee a Petersbourg en langue russe [par Etienne Kracheninnikov], traduite par M. E***. — Lyon, 1767. 2 vol.» [5], то есть «История Камчатки, Курильских островов и соседних земель, опубликованная в Петербурге на русском языке Этьенном Крашенинниковым, переведена Господином E***. — Лион, 1767. В 2-х томах».

Мне удалось сделать фотокопии первых страниц второго тома этого издания. К сожалению, это только отрывок, начало которого

представляет юридический документ, свидетельствующий о подписании договора между издателем и неким господином Марком-Антуаном Эду о том, что нижеподписавшийся уступает свои права на издание господину Бенуа Дюплени, книготорговцу города Лиона, следуя договору, заключённому между ними. Составлено соглашение в Париже 4 ноября 1766 г. и заверено 7 ноября того же года господином Гано, синдиком Королевской палаты и синдикатом книготорговцев и издателей Парижа.

Любопытно предисловие к этому изданию, составленное, возможно, названным Марком-Антуаном Эду: «География является, может быть, из всех наук самой забавной и поучительной. Что есть более интересного, чем узнавать о климате, об областях, где народы разнообразят поверхность планеты, которую мы населяем».

О переводчике лионского издания Марке-Антуане Эду в библиографии французской литературы XVIII в. указывается следующее: «Эду (Марк-Антуан), инженер из Марселя, переводчик с английского, плодовитый, более трудолюбивый, нежели точный и элегантный, сотрудничал в составлении Энциклопедии» [6, с. 761]. Если Эду — переводчик с английского, значит, он перевёл «Историю Камчатки» Этьенна Крашенинникова с английского оригинала. Таким образом, к сожалению, вывод моего французского коллеги Этьенна Пертуса, скорее всего, не верен. С другой стороны, сравнивая предисловие лионского издания и парижского (то есть «Истории Камчатки и Путешествия в Сибирь»), можно заметить почти полную идентичность текста.

Итак, вопрос об авторе перевода данного издания остаётся открытым... (теперь я поостерегусь делать скоропалительные выводы!)

Вернёмся же к истории Шаппа д'Отероша. Вопрос, на который я не нахожу точного ответа, — почему он включил книгу Крашенинникова в своё «Путешествие по Сибири», адаптировал и словно бы «усыновил»? Ведь я недаром впала в это заблуждение... Принято говорить: «Книга д'Отероша, карта д'Отероша». Напрашивается вопрос: а какое же отношение имеет аббат к трудам Крашенинникова?

Первое, самое простое и благородное: желание обогатить и расширить сведения о Сибири. Ведь Россия на протяжении многих веков притягивала любопытные взгляды иностранных путешественников. Второе: собственных наблюдений оказалось недостаточно, а имеющиеся сведения были довольно незначительны. В своём критическом произведении «Антидот» Екатерина II, возмущённая до глубины души критикой, которую аббат позволил себе по

отношению к правительству и государственному устройству России, пишет, что все выводы и наблюдения аббата, сделанные «из окна почтовой кареты», поверхностны, мелки и полны недоброжелательства. Вообще, это поистине уникальный случай — великая императрица вступает в литературную дуэль с учёным аббатом!

Даже название книги полно негодования: «Антидот, или Экзамен плохой книги, великолепно изданной, озаглавленной “Путешествие по Сибири”...»

Восемнадцатый век имел особое значение для истории России: реформы Петра I, открывшего свою страну для иностранцев, затем правление Екатерины II, влюблённой во французскую литературу, прилагавшей огромные усилия к тому, чтобы российский императорский двор стал одним из самых блестящих в Европе. Она состоит в переписке с Дидро, Вольтером, Гельвецием. А книга Шаппа д’Отероша рисовала картины русской жизни, очень далёкой от той, что пыталась показать Екатерина II. Но и её «Антидот» также выявлял отрицательные стороны в жизни Франции. Строчка за строчкой она разбирает произведение аббата, кроме астрономических наблюдений, прохождения Венеры через диск Солнца, занявшего в его книге немногим более двадцати страниц, и, естественно, «Описания земли Камчатки».

«Антидот» по-латыни — противоядие, но выпады Екатерины не менее ядовиты, чем наблюдения Шаппа.

Впрочем, некоторые заметки аббата скорее забавны, нежели язвительны и отчасти напоминают рассказы барона Мюнхгаузена. Например: «Хотя я и находился в закрытой карете, завернутый в пелерины, но испытывал жуткий холод; и, выйдя из кареты, чтобы погреться у печи, был поражён, увидев маленьких детишек, играющих голыми на снегу в этот страшный мороз!» [7, с. 90]. Ответ Екатерины: «Я думаю, господин аббат, что они были почти голые, хотя я живу в этой стране довольно давно, я никогда не видела голых детей, играющих на улице, тем более во время больших холодов, когда они почти не выходят из дома» [7, с. 92].

В описании быта и нравов русских Шапп д’Отерош очень подробен: посещению бани у него посвящено пять страниц и живописная картинка. Видимо, француз, прочитавший и увидевший это, навсегда сохранил ужас перед русской баней.

Что касается морали русских, то аббат на этот счёт очень невысокого мнения. «Мужчины в высшей степени ревнивы в отношении своих жён в Тобольске и в большей части России; однако они очень мало времени проводят с ними, большую часть дня они

пьют и возвращаются домой совершенно пьяными. Женщины выходят мало: они живут закрыто в своих домах, предоставленные скуке и безделию, источнику разложения их нравов».

Екатерина очень едко и очень по-женски высмеивает аббата. Например, тот утверждает, что русские мужчины и женщины очень нечистоплотны, редко меняют нижнее бельё, несмотря на то, что моются в бане по два раза в неделю. Екатерина спрашивает: «Господин Аббат, а откуда вам известно, сколько раз меняется нижнее бельё?» [7, с. 495].

Обвинения Екатерины доходят даже до того, что она высказывает предположение, что астрономические наблюдения лишь предлог, а сама суть путешествия аббата — очернить Россию, и она напрямую спрашивает: «Вы всё переворачиваете, придавая чудовищный оборот всему, что вы видите. Вам за это заплатили?» [7, с. 587].

Но самым обидным просвещённой императрице показалось обвинение в деспотизме, жестокости, рабстве и отсутствии в России талантливых людей. «Кроме иностранных учёных, которые составляют славу Российской академии наук, можно назвать только имя покойного Ломоносова. Источник подобного состояния науки и искусства нужно искать в недостатке гениальности нации или в правительстве, или в климате... Другие философы видят причину в образовании и в отношении правительства к талантам, увлечениям, тогда как что можно ожидать от деспотичного правления в России». Аббат приходит также к выводу, что наличие или отсутствие талантов зависит от того, живут ли люди на равнине или на возвышенности. Он пишет: «Россия, можно сказать, не более чем обширная равнина от Санкт-Петербурга до Тобольска» [3, с. 245].

Екатерина очень хорошо ответила аббату в отношении талантов: «Разве русские виноваты в том, что вы не можете назвать русских талантливых людей, разве русские виноваты, что господин Шапп д'Отерош, не зная русского языка, не знает ни авторов, уважаемых по сей день, ни учёных? Я признаю невежество господина аббата и назову имена Прокоповича, архиепископа города Новгорода, князя Кантемира, сатиры которого были переведены на разные языки, господина Татищева, оставившего нам историю России, наполненную знаниями и любопытную со всех сторон, господина Тредиаковского, известного повсюду своими переводами, господина Ломоносова, прославленного своим гением и красноречием, господина Сумарокова, кроме трагедий и комедий, имеющие

го разные труды, полные ума и блеска... Но самое отвратительное это то, что Вы, господин аббат, после своего путешествия в Сибирь сами напечатали историю Камчатки, плохо переведённую, изданную на русском языке профессором Крашенинниковым, и, однако, после этого вы смеете говорить, что нет ни одного русского имени, которого можно назвать в истории науки и искусства» [8, с. 609].

«Любовь к славе и к родине незнакомы русским, — говорит аббат. — Деспотизм разрушил ум, талант и любые проявления чувства. Никто не осмеливается думать в России... Страх, если можно так сказать, единственная движущая сила, оживляющая нацию». Ответ Екатерины: «Дорогие читатели, я вынуждена вам сказать, хотя это и невежливо, но что делать, если аббат врёт и в этом случае, как соврал и во многих других... Родина дорога русским, и они трудятся изо дня в день из любви к славе и отечеству. Наше правительство далеко от того, чтобы разрушать ум, талант и любое чувство, напротив, оно заботится о поощрении ума и таланта, всех честных и полезных обществу чувств» [8, с. 588].

По словам д'Отероша, даже иностранные учёные, приглашённые в Россию, быстро разочаровываются и теряют интерес к науке. А как же Иоганн Георг Гмелин, чьи труды послужили ей немало, Герард Фридрих Миллер, Георг Вильгельм Стеллер и многие другие иностранные учёные, проявившие в России свои таланты, навсегда оставшиеся в анналах русской и мировой науки? Так же, как и русский учёный, академик из семьи простого солдата Степан Петрович Крашенинников!

Время отсеивает семена от плевел. Своей славой книга французского астронома Шаппа д'Отероша во многом обязана Степану Петровичу Крашенинникову и яростному «Противоядию» русской императрицы.

Источники

1. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — Т. 1. — СПб.: Императорская академия наук, 1786.

2. *Французы в Петербурге: каталог выставки.* — СПб.: Государственный Русский музей : Посольство России во Франции.

3. *Voyage en Siberie fait par l'ordre du roi en 1761, contenant des moeurs, des usages des Russes et l'etat actuel de cette puissance, la description géographique et le nivellement de la route de Paris a Tobolsk, l'histoire naturelle de meme route... par M. l'abbe Chappe d'Auteroche... contenant la description du Kamtchatka, par M. Kracheninnikow, professeur de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg.* — Traduit du russe. — Tome second. — Paris, chez Debure, pere, 1768.

4. Павленков Ф. Энциклопедический словарь. — СПб., 1909.

5. Histoire de Kamtchatka, les isles Kurilski, et des contrees voisines, publiee a Petersbourg, en Langue Russienne, par ordre de Sa Majeste Imperiale. On a y joint deux Cartes, l'une de Kamtchatka, et l'autre des Isles Kurilski. Traduite par M. E***. — Т. 1. — Lyon, chez Benoit Duplain, 1767.

6. Alexandre Cioranescu Bibliographie de la Litterature Francaise du XVIII siecle. — Т. II. — Paris: Editions du centre nationale de la recherche scientifique, 1969.

7. Helene Carrere d'Encausse «L'Imperatrice et l'Abbe» Un duel litteraire inedit entre Catherine II et l'abbe d'Auteroche. France: Fayard, 2003. — 519 p.

8. Catherine II. Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprime, intitule Voyage de en Siberie, fait par l'ordre du roi en 1761, contenant les moeurs... par M. Chappe d'Auteroche. — Amsterdam, 1770. — 500 p.

Жан-Франсуа де Гало де Лаперуз — исследователь Тихого океана, или любовь великого командора

Очерк впервые опубликован в сборнике «Третьи международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения, посвящённые 300-летию присоединения Камчатки к России: материалы» (Петропавловск-Камчатский, 1999. — С. 65—68).

В октябрьском номере французского журнала «Жео» за 1995 г. [1], одном из самых популярных географических изданий, опубликована статья о Камчатке. Довольно большая, сопровождаемая красочными фотографиями французского журналиста Пьера Деланнуа. Читая её, я испытывала то чувство неловкости и стыда за своё нищее отечество, то возмущение некомпетентностью и поверхностностью суждений автора. Но одна фраза буквально потрясла меня. Цитирую: «Немного дальше мы проходим памятник Лаперузу. Французский исследователь, влюбившись в ительменку, провёл четыре месяца в Петропавловске в 1757 году!» Вот так! Ну, просто удивительное неуважение к историческим фактам! Впрочем, что значит тридцать лет разницы в дате перед лицом Вечности и тем более такой пустяк, как четыре месяца вместо одного! Но вот что же делать с любовью к ительменке? Ведь если следовать этой версии, то потомков Лаперуза нужно искать не во Франции, а на Камчатке!

А ведь автору стоило открыть хотя бы одну из многочисленных работ, посвящённых Лаперузу. Тогда он мог бы узнать и точную дату прибытия французских кораблей на Камчатку, и даже подробности их пребывания в нашем порту. И в известном «Лессепсовом путешествии по Камчатке» [2] одного из участников экспе-

диции Жана-Бартеlemi де Лессепа, и в трёхтомнике «Миле-Мюро» [3], и в книге Джона Дюнмора [4] указана определённая дата: «6 сентября 1787 г. два французских фрегата — “Астролябия” и “Буссоль” — вошли в Авачинскую бухту».

Благодаря Лессепсу, доставившему все бумаги экспедиции в Санкт-Петербург, сохранились дневники самого Лаперуза, поэтому, казалось бы, нет и почвы для подобных заявлений. Все знают, как радушно встречали жители Петропавловска французских моряков, как развлекали их охотой, рыбалкой и даже балами. Что французы подняли якоря 30 сентября того же года, оставив на берегу своего молодого соотечественника, сына французского консула де Лессепа, фантастическая судьба которого — это ещё один увлекательнейший роман.

Но где же наша прекрасная ительменка? Оставим эту фантазию на совести Пьера Деланнуа и вернёмся к подлинной истории Жана-Франсуа де Гало де Лаперуза. Он родился в Альби, тихо дремлющем под жарким небом Лангедока. Обычный южный город с узкими кривыми улочками, вьющимися между домиками из розового кирпича. Семья Гало была из крепких зажиточных торговцев. Первое упоминание о ней встречается в 1478 г. Со временем состояние семьи и её общественный статус выросли. Среди них появляются адвокаты, судьи и врачи. Один из Гало — Жан — в 1558 г. совершил очень важную сделку. Он купил землю в Орбане, принадлежавшую кардиналу де Клермону. Так уж было принято в те времена во Франции, что, приобретая родовое имение, новые владельцы имели право автоматически вступить в дворянское сословие, то есть отныне Гало обзавелись благородной частичкой «де» перед своей фамилией. Позднее, в 1579 г., будет принят закон, отменяющий это право. Впрочем, Гало честно заработали своё дворянство: несколько их поколений верно служили своим согражданам на различных общественных постах. «Облагородились своими заслугами», — говорится в одном из нотариальных актов 1780 г. В XVIII в. семья отдаляется от коммерции; их ещё нельзя назвать богачами, но для своего города и окрестностей они — люди зажиточные и уважаемые. Однако как налогоплательщики они пока принадлежали к буржуазному сословию. Освободиться от этого было можно только поступив на службу к королю. Провидение неуклонно вело де Гало к этому.

Жан-Франсуа де Гало родился 23 августа 1741 г. в семье нотариуса Виктора-Жозефа и дочери полковника Маргариты Рессегье. Жан-Франсуа был их первенцем. Вначале родители боялись, что

ребёнок не выживет: детская смертность в те времена была велика. Из десяти детей в семье де Гало только трое достигли совершеннолетия. Первые пятнадцать лет Жан-Франсуа провёл в Альби или в Го. Мать занималась его воспитанием в перерывах между многочисленными родами. В 1750 г. его зачислили в лицей иезуитов (сейчас здесь находится лицей Лаперуза). Там он учился шесть лет. О его школьных годах известно не очень много, кажется, он был средним учеником, но был силен в математике. Его французский, напротив, хромал и в орфографии, и в синтаксисе: как многие в то время, он писал, как говорил, и его дневник, как и вся его корреспонденция, свидетельствует, что он никогда не терял свой южный акцент.

В декабре 1756 г. Жан-Франсуа де Гало покидает Альби, чтобы поступить на морскую службу. На первый взгляд этот выбор удивляет. Альби — типичный внутренний город, лежащий в трёхстах километрах от Атлантического океана и в ста пятидесяти от Средиземного моря. Жан-Франсуа видел настоящие корабли лишь на гравюрах. Может быть, это юношеский романтизм или указание свыше? На деле же всё оказалось проще. Семью де Гало больше не интересовала ни торговля, ни медицина, ни право. Она уже достаточно разбогатела и прочно утвердилась в общественном положении. Чтобы подняться вверх ещё выше, следовало испытать военное поприще. Армия или флот? Благоразумие Виктора-Жозефа предпочло флот: при равном положении так было дешевле.

Но требовалось доказательство дворянского происхождения Жана-Франсуа. Чтобы избежать кривотолков по этому поводу, их знатный родственник Клеман Таффанюель де ла Жонкьер, морской офицер, будущий губернатор французской Канады, посоветовал прибавить к имени де Гало ещё одно, то есть название второго владения — де ла Перуз [5]. Вот так Виктор-Жозеф создал имя своему сыну, теперь звучащему: «Мессир Жан-Франсуа де Гало де ла Перуз». Оставалось только прославить его. Впрочем, сам Жан-Франсуа никогда не страдал снобизмом: единственной его страстью было море и профессия моряка. В дальнейшем Жан-Франсуа получит титул графа, который, однако, к концу XVIII в. столетия потеряет свою ценность.

В возрасте пятнадцати лет Жан-Франсуа поступает в школу гардемарин в Бресте. Здесь всё было новым, непривычным: и солёный воздух, и холодный туман, и снег с дождём, неуютные серые дома, грязные улицы большого портового города. В школе множество новых предметов: астрономия, навигация, гидрогра-

фия, морская архитектура. Кроме теоретических занятий — практика на кораблях. Действительность обескураживала молодых людей, бредивших подвигами, оборачиваясь долгими разлуками с родными, строгим расписанием занятий, плохой погодой в море, окружением грубых матросов, да и офицеров, не скупившихся на крепкие выражения. Начиналась война, и необходимость вынуждала брать на военные корабли моряков торгового флота (по цвету формы моряки делились на «красных» — военного и «голубых» — торгового флота). Всё это создавало довольно тяжёлую атмосферу для юного гардемарина. Но ему было всего пятнадцать, и он страшно нравился сам себе в новенькой великолепной морской форме!

Несмотря на большую нагрузку, Жан-Франсуа не только успевал находить время на развлечения, но и подражаться на дуэли, за что попал под арест. Его опекун де ла Жонкьер решил не спускать с него глаз и взял его с собой в море, в плавание к берегам Канады. С 1757 по 1758 г. происходит боевое крещение молодого моряка — идёт война с англичанами за владения в Америке.

Из корпуса гардемарин Лаперуз вышел лишь в 1764 г. и очень долго ждал назначения. Уже Луи-Антуан де Бугенвиль организовывает своё первое путешествие к Малуинским островам, но эра великих путешествий еще не пришла. И молодому офицеру приходится проводить время в салонах и за игрой в карты в портовых тавернах. Затем несколько краткосрочных плаваний на разных кораблях.

В 1769 г., впервые за тринадцать лет, он проводит длительный отпуск дома, в Альби. Тогда же отец Виктор-Жозеф заводит разговор о женитьбе: он тревожится о будущем семьи. Да и как тут не беспокоиться — из десяти детей осталось только трое, из сыновей — один Жан-Франсуа. Кому же оставить столь славное имя — де Гало де Лаперуз? А землю, а ферму, а замок в Го? Но Лаперуз ещё далёк от мыслей о браке, как далёк он и от Альби.

Бугенвиль снова готовится в плавание. В 1768 г. он отправляется к Тихому океану. И Лаперуз наконец-то получает назначение на военный корабль «Belle Poule» с двадцатью шестью пушками. В мае 1772 г. «Belle Poule» отправляется к Антильским островам в числе других кораблей. Одним из них командовал его друг и однокашник Флёрьо де Лангль, будущий участник знаменитой экспедиции.

В перерывах между плаваниями молодой Лаперуз посещает Париж, Версаль. Влиятельные родственники де ля Жонкьер и де Терней помогают ему освоиться в светском обществе. Жан-Франсуа

вовсе не был Дон Жуаном. Довольно коренастый, он рано начал полнеть, однако был обаятелен благодаря своему живому весёлому нраву; певучий южный акцент придавал особое очарование его речи, красная с золотом форма и некая таинственность морского волка делали его неотразимым. Но женитьба — это дело серьёзное, её должны организовывать родственники и только во Франции, и предпочтительнее, в Альби. Но когда же Жан-Франсуа найдёт для этого время?

Любовь пришла, как удар молнии, и не во Франции, а девушка, покорившая сердце моряка, была не дворянкой. Это произошло на Иль де Франс, её звали Элеонора. Элеонора Бруду, просто Бруду, без «де». Хотя её отец, Абрахам Бруду, занимал важный пост в Порт-Луи, он не был аристократом. Лаперузу уже тридцать четыре года, но он не может жениться без разрешения отца и без согласия морского министра. Он отлично понимает, как трудно ему будет добиться этого разрешения, но его решимость жениться на мадемуазель Бруду, несмотря ни на что, крепнет день ото дня. Он делает Элеоноре предложение и после некоторой заминки получает её согласие. Одновременно он пишет сестре очень осторожное письмо, где только намекает на возможный брак, но этого было достаточно, чтобы разразилась буря. Виктор-Жозеф в страшном гневе пишет сыну, что он унижил достоинство семьи и уничтожил все свои заслуги, выбрав девушку без состояния, без связей, только из-за каких-то прелестей, существующих, может быть, лишь в его воображении.

В наши дни даже трудно представить себе подобную власть родителей над детьми. Отец запрещает Жану-Франсуа видеться с Элеонорой. И он, в то время уже капитан первого ранга, кавалер ордена Святого Людовика, высоко оценённый королём за участие в войне за независимость Америки, член общества Цинциннати, не мог послушаться отца и жениться на любимой женщине.

В конце концов Лаперуз соглашается жениться на девушке, которую выбрал ему отец, — мадемуазель де Везиан. Семья де Везиан очень благородная и уважаемая в Альби, но Лаперуз с трудом представлял себе эту невесту. Согласившись на брак, Жан-Франсуа поступает очень дипломатично. Он пишет письма матери и отцу невесты, где сообщает, что в данный момент он не свободен, но надеется стать таковым в ближайшее время. Он рассчитывал, что мадемуазель де Везиан сама откажется от такого жениха: он старше её на двадцать пять лет да ещё имеет кого-то «на стороне». Впрочем, саму девушку никто и не думал спрашивать, и хотя

Везианы были не в восторге от признаний будущего зятя, но их дочь достигла брачного возраста, и этого было достаточно. Они вежливо пригласили Лаперуза посетить их, как только он уладит свои дела. Теперь ему не остаётся ничего другого, как навсегда расстаться с Элеонорой. Жан-Франсуа посылает ей с другом записку, умоляя освободить его от обязательств, предлагает ей ренту в 20 000 ливров. Элеонора же с достоинством отвечает, что она не нуждается в его деньгах, что она больше не хочет выходить замуж, что она не представляет себе другого мужчину в своей жизни и... что проведёт остаток жизни в монастырском уединении. Письмо на шести страницах, совсем в духе романов Жорж Санд. Развязка следует совершенно в том же духе. Получив послание Элеоноры, Лаперуз бросается к ней; Элеонора падает в его объятия! *Voilà!* Далее следует опустить занавес.

На следующий день он пишет письмо своим родителям в Альби. Снова буря! Но на этот раз Лаперуз непреклонен, и перед его решимостью неожиданно всё улаживается. И вот 8 июля 1783 г. Жан-Франсуа де Гало Де Лаперуз венчается с Луизой-Элеонорой Брудю в церкви Святой Маргариты в Париже после заключения брачного договора у нотариуса Пике. Родители Лаперуза устраивают в Альби свадебную церемонию, на которую приглашают всё местное высшее общество. Это случилось в середине лета, дамы были в лёгких туалетах. Элеонора скромна, нежна, очаровательна. Жениху сорок два года, ей — двадцать восемь.

Оставалось два года до путешествия в Тихий океан, из которого он уже не вернётся. Элеонора ещё долго ждала его. Невзлюбив свой холодный и пустой замок, подаренный ей правительством, большую часть жизни она проводила у друзей, которые запомнили её глубоко меланхолический образ в ниспадающих белых одеяниях. Умерла она в возрасте пятидесяти двух лет, не оставив потомства.

Источники

1. Voyage de Laperouse, redige d'apres ses manuscrits, suivi d'un appendice renfermant tout ce que l'on a decouvert depuis le naufrage jusqu'a nos jours, et enrichi de notes par m. de Lesseps, consul generale de France a Lisbonne, et seul debris vivant de l'expedition dont il etait interprete. — Paris: Imprimerie Nationale, 1985.

2. Dentrecasteaux, Joseph-Antoine Bruny. Voyage de Dentrecasteaux, envoye a la recherche de Laperouse. Redige par M. de Rossel, ancien capitaine de vaisseau. — Paris: Imprimerie Imperiale, 1808, 2 vol.

3. Amiral de Brossard, Rendez-vous avec Laperouse a Vanicoro. — Paris, 1964.

4. Arch. Nat., Marine. — С. 7165, f. 104. Proces-verbal de l'administration des Monnaies de 16 juin 1827.

5. Le Voyage de Laperouse (1785—1788). Recis et documents originaux. Presents par John Dunmore et Maurice de Brossard. — 4 vol. — Paris: Imprimerie Nationale, 1985.

6. Milet-Mureau. Le Voyage de La Perouse. — 3 vol. — Paris: Imprimerie Nationale, 1987.

7. Dunmore John. La Perouse Explorateur du Pacifique. — Paris: Edition Payot, 1986.

8. Лессепсово путешествие по Камчатке и Южной стороне Сибири. Пер. с франц. — М., 1801.

9. Pierre Delannoy. Kamtchatka Dans l'Extreme-Orient russe, sur la piste des cousins des indiens d'Amerique // GEO. — 1995. — № 200 (octobre). — P. 28—48.

Адмирал маркиз де Траверсе — морской министр России

Очерк впервые опубликован в сборнике статей научной конференции «Российский флот и история Камчатки», состоявшейся 17—18 октября 1996 г. (Петропавловск-Камчатский, 1997. — С. 60—64).

Есть в истории имена забытые, есть опороченные. Пишут историю люди, через симпатии или антипатии которых преломляется изображение событий. И зачастую нелестная характеристика, данная современниками героя, принимается на веру и тянется мутным шлейфом, сотканным из зависти, лжи и недоброжелательства из века в век.

Сведения о маркизе де Траверсе, русском морском министре с 1811 по 1828 г., очень противоречивы. Случайные фразы, встречающиеся в разных изданиях, имеют в основном негативный характер. Декабрист Штейнгель писал Николаю I: «Можно сказать, что прекраснейшее творение Великого Петра маркиз де Траверсе уничтожил совершенно».

Так ли это? Действительно ли он принадлежит к числу «бездарных консерваторов, рутинеров и тупиц», как утверждает П. П. Смирнов в книге «Адмирал Ушаков», или всё же его преданная служба России заслуживает более достойной оценки?

Траверсе (Prevost de Sausac, marquis de Traversay, Jean-Baptiste-Francois) родился в 1754 г. на острове Мартиника, бывшем в то

время французской колонией. Род его, восходящий ко второй половине XIV в., происходит из Прованса.

Храбрый моряк, он участвовал в войне за независимость Америки, где особо отличился в битве при Чизпике, за что получил высокую награду — крест Святого Людовика. Благодаря боевым заслугам, выдающимся административным способностям, он занимал блестящее положение в свите короля Людовика XVI и никогда бы не покинул своей страны, если бы не революция. С рекомендацией короля маркиз обратился к Екатерине II с просьбой принять его на службу. В 1791 г. тридцати семилетний капитан-лейтенант де Траверсе был принят командиром в гребной флот. Уже через два месяца он получил чин вице-адмирала. Вступивший на престол после Екатерины Павел I в первую очередь стремился избавиться от приближённых матери. Маркиз не только избежал отставки, а напротив, был награждён орденом Святой Анны, к которому полагалось именоваться с крепостными.

Своего звёздного часа он достиг в царствование Александра I. Среди первых распоряжений нового царя, вступившего на престол в 1801 г., был приказ о присвоении де Траверсе чина «полного» адмирала, в то время как военно-морской министр П. В. Чичагов был вице-адмиралом. Вскоре он стал командиром Черноморского флота.

Ф. Веселаго в своей «Краткой истории русского флота» пишет: «По поступлении в русскую службу, всё время плавая на судах гребного флота и состоя командиром Роченсальмского порта, де Траверсе был назначен главным командиром Черноморского флота. Наступившая война с Турцией показала крайне неудовлетворительное боевое состояние черноморских портов, но и административное управление было не в лучшем состоянии».

Контр-адмирал Б. Н. Зубов в работе «Развитие кораблестроения на юге России» также отмечает неблагополучное состояние портов и кораблей Черноморского флота на момент назначения де Траверсе на пост командира: «В Николаеве, где располагалось командование флотом, он занимался, главным образом, устройством своей карьеры, развитием городского общества и укреплением местного магистрата и думы. Делама севастопольцев маркиз уделял значительно меньше внимания. Севастопольское адмиралтейство, порт и сам город переживал упадок».

Те же самые действия де Траверсе, но с другим отношением, с другой точки зрения описывает историк Г. Н. Ге: «Маркиз де Траверсе сеял добро, он принялся блюсти интересы города.

Он пресёк расхищение пригородных земель, помог думе упорядочить бюджет, основал городской магистрат, ввёл статистический учёт, утвердил штат полиции и т. д.».

Итак, по одним свидетельствам, он был авантюристом, пользовавшимся своим положением для устройства личных дел, по другим — просвещённым, любимым государём деятелем, авторитетом в глазах каждого из жителей города, постоянно заботившимся о воспитании нравственности, гражданственности и уважении к закону.

Хотел ли де Траверсе вернуться на родину? Безусловно, да. Тем более что Наполеон предлагал ему сделать это на любых условиях. Но, взвесив своё положение в России и неизвестность, ожидавшую его во Франции, переживавшей смутные времена, он сделал окончательный выбор. Через посла Коленкура он ответил Наполеону: «...конечно, небезрадостно не быть в списке иммигрантов и снова получить своё имение во Франции. Но моей первой заботой является сохранение доверия нашего императора и показать, что я твёрдо считаю себя верным его слугой. Россия ныне моё отечество, она сохранила меня от несчастий, я всегда должен быть благодарным и преданным ей и трём государям, от которых я получил столько милостей...»

В 1809 г. адмирал де Траверсе был назначен главным администратором Морского министерства России, а затем по высочайшему распоряжению стал членом Государственного совета. Через два года французский маркиз стал морским министром России.

Его имя занесли в родовую книгу дворян Казанской губернии, и маркиз Жан-Батист-Франсуа де Траверсе стал русским дворянином Иваном Ивановичем. Царь даровал ему поместье в селе Романщина Лужского уезда в ста двадцати верстах от Санкт-Петербурга.

Если есть в истории такое понятие, как объективность, то можно оценить его деятельность, перечислив те дела, которые ему удалось осуществить за годы службы. Даже автор «Краткой истории русского флота» Ф. Веселаго, давший довольно критическую оценку личности де Траверсе, признаёт некоторые его заслуги, а именно: введение морской пехоты, портовые постройки, в том числе прекрасное здание Петербургского Адмиралтейства, улучшение маячной части, особенно важные гидрографические работы, кругосветные плавания и полярные экспедиции.

Что касается экспедиций, то во время правления в Морском министерстве Ивана Ивановича де Траверсе было организовано тринадцать из двадцати экспедиций, совершённых в XIX в.

Одна за другой следовали кругосветные экспедиции Головнина, Коцебу, Литке, Анжу, Врангеля и, наконец, знаменитое плавание Беллинсгаузена и Лазарева.

В его честь названа группа островов в Антарктиде, этот материк русские моряки открыли 6 января 1820 г. Министр придавал огромное значение экспедициям, считая их важным государственным делом, сам заботился о снаряжении и награждении участников. За организацию плавания Беллинсгаузена и Лазарева он получил орден Андрея Первозванного.

Считая себя, прежде всего, профессиональным моряком, будучи лишённым аристократической спеси, он всегда отказывался от княжеского титула, который предлагали ему цари. Больших богатств, как и Ришелье, он не приобрёл, но был вполне обеспеченным человеком. Служил верой и правдой своему королю, затем четырём русским императорам. Вышел в отставку в 1828 г. и поселился в своём поместье Романщине, где и был похоронен. После смерти его имя было почти полностью забыто, зато из книги в книгу в разных вариантах повторялась уничижительная характеристика, данная ему декабристом Штейнгелем.

Источники

1. Коваленко Ю. И. Москва — Париж. — М.: Известия, 1991.
2. Зубов Б. Н. Развитие кораблестроения на юге России. — Калининград, 1990.
3. Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота. 2-е изд. — М. : Л.: Воениздат, 1939.
4. Смирнов П. П. Адмирал Ушаков. — Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1989.
5. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. — СПб., 1906. — Т. 66. — С. 679.

Камчатская одиссея Джона Кохрана

Этот перевод с французского языка и русское предисловие к книге «Рассказ об одном путешествии пешком через Россию и Сибирь от границ Китая до Северного моря и по Камчатке, проделанного капитаном Джоном Дундасом Кохраном» впервые опубликован в журнале «Заповедная Камчатка» (Петропавловск-Камчатский, 2007. — № 7—12; 2008. — № 1—5). Перевод оригинала с английского языка на французский сделан Франсуазой Пира и Пьером Мори (Париж: Эдисьон дю Грио, 1993. — 263 с.).

Есть на свете такое удивительное племя, которому не сидится на одном месте. Всепоглощающая страсть к перемене мест, неукротимое любопытство гонит их из одной страны в другую. Эти чудаки не переводятся на Земле со времён Адама и Евы. Каких только средств передвижения они не изобрели! Одних только плавательных средств придумано невероятное количество: от плотов до подводных лодок. Некоторые предпочитают путешествовать более «возвышенным» путём, тут выбор также широк: от монгольфьеров и паропланов до гигантских авиалайнеров. Есть любители поэксплуатировать братьев наших меньших: собачек, ослов, лошадей, оленей и верблюдов. Есть и другое, менее многочисленное племя, — пешеходов. Не считая, конечно, паломников, которые не путешествуют, а выполняют священный долг. Так вот, желающих передвигаться по земному шару на собственных ножках гораздо меньше, да и некоторые из них порою пользуются и иными видами транспорта, вводя в заблуждение доверчивых слушателей. К таким вот «не совсем пешеходам» относится и наш герой — капитан Джон Дундас Кохран, ученик счетовода. По всей видимости, он готовился к сложному экзамену по бухгалтерскому учёту и решил посчитать всё, что есть на свете: города и села, всех жителей и животных. Одного только он не учёл — кратковременности пребывания человека на Земле и огромности её пространств. Но этот герой любопытен для нас, жителей Камчатки, ещё и тем, что заботы ученика счетовода не помешали ему разглядеть и покорить самую красивую и самую умную девушку, воспитанницу семьи начальника Камчатки Петра Ивановича Рикорда, дочку священника Верещагина Ксению. Вернувшись в Англию с женой-камчадалкой, он устроил свою юную «леди» в самый лучший пансион для получения образования. Но даже женитьба не могла остановить его страсть к путешествию. Написав книгу о своей сибирской аванюре, Кохран двинулся в сторону Бразилии, где след его затерялся...

Его книга была издана в Лондоне в 1824 г., в России же её не печатали, найдя множество неточностей и несуразностей, лишь журнал «Московский телеграф» в 1825 г. опубликовал отрывки из описания его сибирского путешествия. В 1820 г. Кохран прошёл пешком от Дьеппа через Германию и Польшу в Санкт-Петербург. Он имел сопроводительный документ от министра внутренних дел Виктора Кочубея, однако, несмотря на это, был начисто ограблен в самом начале своего пути, у Царского Села. Может быть, уже после этого происшествия Джон Кохран понял, что в одиночку и пешком ему не одолеть столь огромных диких пространств. Но он не отступился от намеченного, поскольку это было не в его правилах. Путешествие заняло три года. Три года труднейших испытаний, выдержать которые было бы невозможно, если бы не бескорыстная помощь жителей этой «дикой» страны.

«Авантюризм, граничащий с безрассудством, страсть к бродяжничеству, упрямство и вместе с тем крайнее легкомыслие, отсутствие чётких планов», — так характеризует генерал-губернатор Сибири граф Михаил

Сперанский английского «пешехода». Несмотря на эту нелестную характеристику, нам дороги оставленные им свидетельства эпохи, пусть сделанные неопытным, но увлечённым человеком. Сейчас, с высоты третьего тысячелетия, нам следует отдать должное и этому «авантюристу», который всё же успел что-то посчитать и описать.

Нужно было обладать достаточной стойкостью, чтобы, несмотря на скромное снаряжение, пересечь холодные земли по почти непроходимым дорогам (когда они встречались). Продвижение по России этого странного путешественника прослеживалось чиновниками, их доклады регулярно поступали через губернатора Сибири министру иностранных дел. Благодаря этим донесениям можно сказать, что ему очень везло на встречи с нужными людьми. В начале октября 1820 г. Кохран добрался до Якутска, откуда отправился на Колыму. В Нижнеколымске он встречается с участниками экспедиции Врангеля. Благодаря рекомендательному письму от Сперанского, Врангель оказывает помощь англичанину, дав ему в сопровождение казака и лошадей с повозкой, чтобы тот мог продолжать своё «пешее» путешествие. Несмотря на довольно слабые познания в географии, задачи, которые ставил перед собой Кохран, были, может быть, под силу лишь хорошо снаряженной экспедиции: «Целью моего путешествия было определить положение Шелагского мыса, исследовать Американский материк к северо-востоку от Берингова пролива». Из Среднеколымска Кохран добирался до Охотска. В письме к Сперанскому он описывает все трудности этого пути. Семьдесят дней изнурительной дороги по Колыме, Индигирке, Оймякону и Охоте, семьсот вёрст по мрачной безлюдной пустыне и тысячу шестьсот вёрст по населённым местам.

В своей книге Джон Кохран подробно описывает этот путь до Охотска. Здесь ему оставалось лишь ждать судна, чтобы отправиться на нём на Камчатку или в Америку.

Предисловие. Довольно удивительно, что рассказ о путешествии в Россию, совершённом с 1820 по 1823 г. капитаном морского английского флота Джоном Дундасом Кохраном, не был переведён на французский язык. Появившееся в печати в 1824 г., довольно скоро после его возвращения в Лондон, это объёмное издание достаточно любопытно, чтобы вызвать интерес.

Любопытные, мы последуем на тысячи километров за таким же любопытным, каким был герой этого повествования. С десяти лет он поступил в морской флот, факт, однако, менее удивительный в 1790 г., чем в наше время. Он же с этого момента участвовал во всех крупных военных компаниях, в которых свободно проявлялся авантюрный склад его характера. И едва пушки замолчали после битвы Ватерлоо, как «наш» Кохран (выражение «наш» не бесполезно, так как семья Кохранов большая, и были

среди её членов некоторые, проявившие себя тем или иным образом), — итак, наш Кохран пускается в путь пешком по Франции, Испании и Португалии.

Этот первый опыт продолжительного пешего путешествия ему понравился настолько, что желание повторить охватило его сразу же после возвращения в Англию. Он объясняет сам, что хотел бы отправиться к берегам Африки, но Адмиралтейство ему в этом отказало, и пришлось удовольствоваться тем, что представить во всей своей простоте проект путешествия вокруг света, отправляясь к Сибири, откуда думал достичь Америки через Берингов пролив. Его рассказ показывает, что он не продолжил свой путь дальше Камчатки, что уже было не так плохо в тех условиях, в которых протекало путешествие.

Хорошо известно, что все исследователи той эпохи подвергались затруднениям, от которых сейчас зависим и мы в дальних путешествиях. Но суровость сибирских зим вместе с нехваткой сил одного человека, который мог рассчитывать только на себя, сделали переход Кохрана особенно трудным.

Мы узнаём, читая, насколько его путешествие было опасным. Но также открываем для себя у этого землемера мира удивительный менталитет счетовода. Кажется, что он предан одной главной задаче: зарегистрировать всюду, где он проходил число домов, жителей, животных, нанести на карту все расстояния от города до города, вычислить статистику среднего потребления алкоголя или количество земной поверхности на каждого человека... (Впрочем, мы взяли на себя смелость сократить некоторые главы в нашем переводе: забота о полноте сведений проявляется иногда у Кохрана в очень скучной манере.)

Джон Дундас Кохран претендует, таким образом, на великого организатора мира, который наблюдает за его путешествием то с безразличием, то с восхищением. Он судит всё своими мерками ценностей, разумеется, мерками того британского общества, в котором вырос. От манеры других путешественников своего времени его в основном отличает то, что он указывает нам пальцем, считая всё, что можно сосчитать. Он берёт за привычку переводить большинство единиц измерения в британские, что заставляет прыгать с одной шкалы на другую, особенно для описываемых температур. Легко можно понять, что это одно из его повседневных занятий. Нам это неважно: состояние его кожи, которая сопротивляется, как может, холоду и ветру, нам говорит больше о погоде, чем шкала в сто градусов.

Однако, отправившись с хорошо устоявшимися идеями о том, как нужно и как не нужно жить по своей шкале достоинств и недостатков, Кохран меняется. Он слушает других, учится их узнавать, живёт согласно их обычаям и не находит их больше плохими, напротив, заканчивает тем, что находит там счастье.

На окраине пройденных земель, в конце азиатского континента, который он думал покинуть, чтобы отправиться в Америку, Джон Дундас Кохран совершает самое худшее безумие, которое только может совершить путешественник такого рода: он женится.

История Джона Кохрана и его супруги-камчадалки не заканчивается в конце этого тома. Потребность странствовать, будучи движителем его существования, не замедлила проявиться вновь, с того самого года, как он вернулся, то есть даже до публикации его рассказа. Поскольку он не нашёл Америку с востока, он её покорила с запада! Но это была в этот раз Южная Америка, снижавшая его благосклонность. Он прошёл Колумбию, поднялся до Рио Магдалена, посетил Боготу и другие города и в конце концов умер в Валенсии в 1825 г.

Его супруга-камчадалка, которая осталась одна в Англии, закончила тем, что забыла своё горе рядом с русским адмиралом — она, со своей стороны, исполнила свой долгий восходящий путь в общество!

Франсуаза Пира, Пьер Мори

Введение. То, что привело меня к решению опубликовать рассказ о моём путешествии до северных и восточных границ русской империи — это ни любезная настойчивость моих друзей, ни высокое мнение о собственных познаниях. Никто мне этого не советовал. Эта публикация, каковы бы достоинства и недостатки она бы ни имела, не была вызвана ни необычным характером путешествия, ни способом его исполнения. Действительно, даже в наше время, богатое на замечательные подвиги, кажется удивительным, что капитан британского морского флота совершает путешествие в тысячи и тысячи миль один, пешком и в стране, которую считали почти недосыгаемой. Если путешествие было лишь частично проделано пешком, то настолько же благодаря щедрости русского правительства, насколько гостеприимству населения. Без помощи императора Александра мне было бы почти невозможно пересечь его империю пешком. Я понял это по своему опыту. Я долго пользовался этим экономным способом путешествия, до тех пор как настойчивые предложения убедили

меня в том, что глупо было так долго отклонять доброжелательные предложения.

Естественная любезность русского характера убедила меня в том, что, изучая обычаи и привычки, участвуя в праздниках, уважая религию и приспособляясь к идеям, которые нам кажутся неподходящими, иностранец может пересечь Российскую Империю в любом направлении, пользуясь большим комфортом, пищей в достатке, хорошим жильём и даже соответствующей одеждой без проблем и тратя меньше, чем можно было предполагать. Мне было приятно уточнить, что моё путешествие из Москвы до Иркутска (шесть тысяч миль) должно мне стоить меньше одной гиней.

Всё это, а также незнание Сибири и устройства этой далёкой части света подтолкнуло меня посвятить следующие страницы любопытству снисходительной публики. Я надеюсь, что этот рассказ не будет судим без интереса. Оригинал моих заметок не был изменён, лишь сокращён. Я, может быть, недостаточно их сократил, так как боюсь показать моё любопытство к обычаям, отличающимся от наших. Однако если читатели отдадут отчёт об особом положении, в котором я находился в течение более трёх лет, я надеюсь, что они поверят в мою объективность и подлинность моих замечаний. Я слишком уважаю русских, чтобы их судить. Я мог бы быть обвинён в пристрастии, а я же предпочитаю, чтобы читатели составили своё мнение сами на основе моего рассказа. Противоречивые свидетельства делают задачу ещё более трудной: те, кто писал о России, очень преувеличивали или утверждали, не зная. С моей стороны, я беру на себя ответственность сказать, что никто не прогрессировал так быстро морально и интеллектуально, как русские, все социальные классы вообще. Я утверждаю, что их недостатки не заслуживают называться преступлениями и не ужаснее, чем недостатки других народов.

Я хотел бы верить, что эти страницы будут иметь и другое применение: не могли бы они вдохновить кого-нибудь более богатого и более талантливого, чем я, идти дальше? Путешественник, соединивший в себе эти качества, может найти в обширных просторах Тартарии случай испытать свой гений, будь он философ, ботаник, натуралист или историк. Что касается меня, я не претендую на большее, чем простой исследователь, открывающий дорогу учёному, позволяя ему таким образом продолжить путешествие в нужный момент.

Эти страницы могут также послужить полезным уроком для неудовлетворённых. Читая этот рассказ и следуя по моим следам

в бесконечном путешествии, утомительном и опасном, они научились бы, я думаю, лучше оценивать их собственное положение в сравнении с тем, зачастую нищенским, в котором я находился. Они узнали бы также, что существует мало трудностей, которые бы терпение и ум не преодолели, и что человек может без боязни идти, куда захочет настолько долго, насколько он сможет приспособиться к ситуации.

Я могу добавить, что после такого путешествия можно было бы подумать, что я излечился от желания путешествовать, по крайней мере, в такой экзотической манере. Но эти предположения далеки от реальности. Я сознаю, что в действительности я никогда не был так счастлив, как в просторах Тартарии, и что я ничего бы так не желал, как найти подобное счастье...

Глава IX. Путешествие из Охотска в Петропавловск. В Охотске я окончательно решил продлить моё путешествие до Америки или Камчатки, в зависимости от обстоятельств. Начальник Охотска мне сообщил, что в порту нет ни одного судна, направляющегося в Америку. Поддавшись моим уговорам, он согласился, чтоб меня взяли на борт императорского корабля, имевшего назначение на Камчатку. Я намеревался провести там остаток лета, путешествуя по полуострову, потом вернуться на Камчатку (опечатка?) по Игдиге (?) в начале зимы. Оттуда я отправился бы по направлению к Европе, где надеялся пробыть до осени будущего года, после посещения тех мест, которые не смог посетить по дороге сюда.

Охотск расположен в северо-восточной части бухты, сформированной реками Охотой и Куктуй. Самый последний начальник, который в настоящее время является комендантом Якутска, получил указание переместить старый город на новое место. Новое поселение находится на левом берегу, в то время как старое располагается на правом. Приказ этот был отдан уже несколько лет назад, и до настоящего момента ещё ничего не было сделано. Даже сейчас в новом городе находятся только административные здания и те, где живут казаки и моряки. Когда-нибудь Охотск будет самым благоустроенным городом Сибири после Барнаула, несмотря на небольшое количество жителей, насчитывающее не более пятнадцати-шестнадцати сотен жителей. Местность вокруг Охотска располагает огромным количеством прекрасного строительного леса. Также там установлена судоверфь и построено несколько кораблей, на которых осуществляется перевозка товаров до Игдиги и Камчатки.

Начальником Охотска обычно назначается капитан 2-го ранга. Он подчиняется главному правителю Сибири. Кроме строительства кораблей, мучного склада и складов другого рода имеется соляная фабрика. Там работают девяносто заключённых под надзором офицера. Их жалование равняется примерно тысяче ливров в год, если включить туда питание, одежду и карманные деньги.

Из-за тяжёлых условий работы они получают двойную заработную плату. Вот каким образом эта плата распределяется: восемьдесят фунтов ржаной муки в месяц на одного человека, сто двадцать фунтов той же муки на женатого человека плюс сорок фунтов на ребёнка. Каждый человек получает также десять фунтов толокна или риса и двадцать ливров сливочного масла. Также им выдают два комплекта одежды и денежную сумму, равную двадцати шиллингам в год. Столь щедрая выдача продуктов позволяет им менять половину своего хлеба на чай, сахар и мясо. Мясо не столь необходимо, так как нужно принять во внимание огромное количество рыбы, которой можно кормить двенадцать или пятнадцать собак в течение большей части года.

В Охотске коррупция очень велика. Я вам приведу два примера, каким образом алчный начальник может составить себе состояние. Один якут обратился в казачий приказ тогдашнего начальника, который говорил по-якутски: он заявил, что хотел бы поговорить с начальником частным образом. Несчастному позволили войти, и начальник жестом удалил переводчика. Диалог был невозможен, так как мужчина, державший постоянно руку на груди, не говорил ни слова по-русски. Начальник спрашивал его, что хотел. Тот отказался отвечать в присутствии казака.

В первую половину моего пребывания в Охотске два корабля прибыли из Америки. Это были бриги, нагруженные шкурами котиков, бобров, ондатры и других менее ценных мехов. Корабли, казалось, имели хорошие команды и не слишком плохо управлялись, чего я не надеялся найти на правительственном транспорте. Но, так как я должен отправиться на одном из них, я буду иметь прекрасную возможность судить об этом и потому воздержусь пока от дополнительных замечаний. Я оставался в Охотске долго, около трёх месяцев. 24 августа я отправился на императорском бриге «Михаил» на Камчатку. Командовал кораблём лейтенант флота. На борту было тридцать два человека плюс пассажиры. Я упоминаю их число, так как считается, что в этом районе подобное количество экипажа далеко от того, чтобы быть достаточным

для маневрирования кораблём в случае опасности. Местом нашего назначения был Петропавловск. Приблизительно в полдень мы вышли в открытое море.

Вскоре мы оказались в центре огромного отлива, что прибывает к берегам Охотска через каждые шесть часов. При попытке пройти через отлив, волна била так сильно, что мы были вынуждены опустить реи и стеньгу и даже были готовы к разгрузке. Напрасны были все усилия отойти от берега, произведённые и во время двух следующих отливов.

После полудня 26-го в момент прилива мы насильно вытянули бриг на глубину. Так как, по всей видимости, повреждений не было, мы, конечно, продолжили путешествие. Мы могли считать, что нам повезло. Прибой иногда так ужасен, что мешает не только кораблю, но и любой шлюпке пройти его в течение нескольких минут. Недостаточная глубина воды на большом расстоянии у входа в порт, а также скорость прилива и отлива, которую нужно преодолевать, мешают Охотску стать легко доступным для судов, кроме маленьких торговых кораблей. Единственный период, во время которого можно к нему подойти или отойти от него, составляет период между июлем и октябрём, то есть четыре месяца.

Путешествие заняло у нас четырнадцать дней. Погода была спокойная и благоприятная, немного туманная. На седьмой день мы прошли живыми и здоровыми Курильские острова и на десятый день — Авачинскую вершину. Неистовые ветры с севера и достаточно сильное юго-восточное течение, также недостаточные навигационные навыки местных людей задерживали наше продвижение. Только на пятнадцатый день мы бросили якорь в Авачинской бухте.

В Петропавловске я застал русскую экспедицию под командованием капитана Васильева, вернувшуюся после неудачной попытки обогнуть американский континент. Там же я встретил корабль под португальским флагом, так же, как и другой, пришедший от Сандвичевых островов. Первый привёз груз с мукой из Макао. Второй — груз с солью: подарок для императора от одного из правителей этих островов, получивший в обмен очень ценные вещи, среди которых несколько животных в целях разведения, хотя сомнительно, чтобы распространение медведей было прибыльным или стоящим.

Легко можно представить, с каким огромным удовольствием я встретил трёх англичан в столь отдалённом месте, кроме трёх других, которые находились на борту корабля, пришедшего

с Сандвичевых островов. Один был генеральный консул России в Тихом океане, он жил в Маниле, откуда выехал, дабы сбежать от ужасной резни. Во время моего долгого пребывания на Камчатке я нашёл в нём вежливого джентльмена, доброжелательного и утончённого, искреннего друга, короче, настоящего «ирландца». Второй был простой и честный бостонец, обременённый шестью детьми и женой, человек, который хотел вернуться в свою родную страну, где он имел хорошее финансовое положение. Он казался очень воспитанным и любезным. Последний же был Кокней, выгнанный из Москвы за использование подложных документов. Несмотря на то, что он был высечен, бит кнутом и так далее, он был хорошо принят повсюду. Я не знаю, как могут происходить подобные вещи в этой стране, но нет сомнения, что в Сибири и, возможно, в Ботаническом заливе, ссыльные бывают хорошо приняты, если имели прежде респектабельную жизнь. С моей стороны, я мог его только пожалеть и порадоваться тому, что применённое наказание было столь милосердно. Если бы он был русским, дело обстояло бы иначе.

Время текло в приятной компании начальника, его любезной супруги и трёх молодых офицеров из экспедиции и порта. Мне страстно хотелось сбежать от бесконечной череды балов, прогулок, обедов и костюмированных праздников, а также сетей, в которые меня влекло. Но, даже если бы начальник был очень склонен предоставить мне средства для отъезда, это было бы невозможно до того, как экспедиция покинет бухту. Таким образом прошли два месяца до отправления экспедиции, и тогда я уже отдался радости увлечения, которая была увенчана наказанием женитьбы.

Но у меня уже не было выбора, и в тот день, когда капитан Васильев покинул порт Петропавловск, я решил. Мои причудливые фантазии, мои дерзкие желания и моя эксцентрическая сторона натуры были, таким образом, рассеяны одной женщиной, и я готовился совершить поездку по полуострову до того, как поведу мою будущую супругу к алтарю.

Глава X. Путешествие от Петропавловска. Всё было приготовлено для меня, и я покидал порт Петропавловск в сопровождении семнадцати упряжек, управляемых офицерами и главными жителями. Дамы провожали нас до двух миль, и одна подарила мне поцелуй при расставании.

После нескольких дней путешествия, в течение которых я должен был сам править санями, я прибыл около двух часов утра в Напа-

ну, деревню в шесть домов и сорок жителей. Если я не прибыл раньше, то это потому, что провалился в снежную пропасть в сто пье (пье равно 32,4 см. — *Г. Н.*), на дне которой наш проводник, собаки, нарты и я были прижаты друг к другу. Хотя мы были и раздосадованы, но это не мешало нам смеяться. Проводник с трудом избежал несчастного случая. Правда, он был немного пьян, но это была больше моя вина, чем его.

Мы преодолели склон намного быстрее и легче, чем могли бы подняться. Нужно было, чтобы все собаки из других экипажей, а также другие погонщики, смогли вытащить меня и мою упряжку из провала. В конце концов, мы этого добились. Кладя багаж на место, я заметил, что не хватает моего портфеля, в котором были паспорта и другие бумаги, относительно моего путешествия. Я с трудом осознал эту потерю, тогда как, может быть, это несчастье было больше воображаемым. Мы долго напрасно искали, перерывая снег. В конце концов, я решил, что они были потеряны. Никто и никогда не пережил потерю столь важную. Возможно, мне уже не рискнут предоставить заново такие документы.

Бедный проводник был само отчаяние и клялся совершить покаяние (наложить на себя епитимью), если он их найдёт, что и произошло впоследствии. Мы успокоились и устроили себе хороший обед. В Напане отличный тойон. Он попросил своих людей показать мне национальный танец. Бедняги охотно его исполнили и показали мне нечто, напоминающее в лучшем случае то, что могли бы изобразить медведи или, может быть, лучше — козы. Танец состоит из серии кривляний лицом и всеми членами, происхождение которого идёт от смешных и бесстыдных обычаев их предков. Танец казаков также некрасив, если не более. Я часто их видел в исполнении женщин в Якутске. Главная танцовщица держит в руках платочек, немного похоже, как в наших танцах с шалью. Она пользуется этим платочком, чтобы закрыть своё лицо сначала от одного, потом от другого, но всегда с целью различить того, кого она выберет как партнёра. В позиции совершенно непристойной она ведёт избранника в центр комнаты, склоняет голову с задумчивым видом, один раз на плечо, другой раз на грудь, делая неприличные жесты руками. Мужчина, который тогда завладевает платочком, вступает в танец. Женщина делает вид, что покидает его с отвращением, потом снова приступает к нему. Этот вид ужимок длится до того, пока мужчина помогает ей ловко выпрямиться. Так заканчивается танец. Проворство и дар воображения этих диких азиатов поистине удивительны, и я не сомневаюсь,

что если бы они имели случай открыть для себя современные танцы, такие, как мы видим в многочисленных народных театрах, то обнаружилось бы, что они способны подражать не только медведям и козам, но и индюкам.

Я проследовал до Тигиля, потом до Седанки, где мы нашли корм для собак, чтобы суметь пересечь горы до следующего этапа, приблизительно в сто миль. Ранним утром прошли перед лагерьем коряков и продолжили путь вдоль реки Седанки на сорок миль до Рассошины. Мы разбили на ночь лагерь на снегу с костром и собаками вокруг нас, провели приятную ночь, несмотря на то, что мои ноги были ещё в плохом состоянии из-за недостатка движения. На следующий день мы прошли вдоль многочисленных высокогорных озёр, затем через гористую и лесистую местность. Мы встретили караван из одиннадцати упряжек, которые двигались от города Ключи и направлялись в Тигиль. Вскоре мы прибыли на пустынное плато, которое пересекли в постоянной буре из ветра и снега, которую здесь называют *пургой*.

Мы сделали остановку в жалком местечке после того, как прошли тридцать миль. Я едва могу представить, как бедные собаки находят дорогу и как им удаётся нас вытянуть. Эти пурги иногда так неистовы, что засыпают горы снегом, заполняют снегом огромные долины и образуют вихри. Они не только замедляют продвижение путешественника, но и полностью засыпают снегом его и собак. Нет ничего более опустошительного, можно лишь сравнить пурги с песчаными бурями в пустынях. Я узнал примеры, когда люди были задержаны на двадцать или тридцать дней в этом огромном ущелье, и очень редко, когда удавалось там пройти, не попав под шквал снежной бури.

Ночь была очень холодной. Снег и холод лишили нас даже единственной радости — чашки горячего чая, так как мы не смогли развести огонь. Мы пересекли вторую тундру — пустыню шириной в семь миль, невероятно трудную как для собак, так и для нас. После добрались до самых красивых мест. Огромные прямые и гордые ели окаймляли правую сторону долины, в то время как карликовые лиственницы, ольха и берёза, причудливо изогнутые, находились по левую сторону. Мы быстро скользили вдоль молочного цвета равнин. Снег и ветер прекратились, и мы приветствовали возврат прекрасной холодной погоды. Немного времени спустя нагнали караван упряжек в плачевном состоянии: он был задержан на десять дней в горах из-за непогоды. Три дня не кормленные собаки были, разумеется, при последнем издыхании. К вече-

ру мы добрались до речки Еловки. Недалеко отсюда она соединяется с рекой Камчаткой. В семь часов достигли Еловского острога. Нам повезло, что мы перешли через горы без несчастных происшествий.

После сорока миль через пустыню мы попали в деревню Харчину в пять домов и сорок обитателей. Я был принят там старым уважаемым человеком, священником, сыном почтенного священника Паратунки. Сын великолепно помнил капитана Кука и капитана Клерка. В то время он был молодым человеком и жил в деревне Паратунка с отцом. Он рассказал несколько историй о них, а также о Лаперузе и об их охоте на диких животных.

Я отправился в Нижнекамчатск, бывшую столицу полуострова. Погода была очень тёплой, не менее трёх градусов тепла по Реомюру. На следующее утро мы совершили путь примерно в семь миль по очень густому снегу, за три часа проходили не более одной мили. Начался обильный снег, и продвигаться стало невозможно из-за оттепели. Собаки не видели, а чуяли лыжню. Однако я упрямо желал продолжить свой путь. Снегоступы моих сопровождающих утопали на восемнадцать дюймов, и, в конце концов, я был вынужден повернуть назад. Вскоре мы вернулись в тот острог, который недавно покинули, и провели там ночь. Нам привелось быть там свидетелями сцены попойки и драки, которую моё перо не в силах описать. Мой спутник разделил несколько бутылок неразбавленного алкоголя, когда же он произвёл действие, то потребовалось снова продолжить торговлю, уже разбавленным. Конечно, он получил по шкурке соболя за каждую бутылку. Я убедился наверняка, что Камчатка не снабжается алкоголем.

Я был очень огорчён, что не смог посетить город Нижнекамчатск и его порт, но могу сказать, что город насчитывает двадцать два жилища и пятьдесят пять жителей. Порт доступен, но ненадежён, так как редко посещается. Раньше, когда здесь находилось начальство, корабли снаряжались каждый год в Петропавловск, но теперь этого уже давно не происходит.

К полуночи, перейдя несколько озёр и одну наполовину замёрзшую реку, я добрался до деревни Ключи. Это — деревня русских крестьян, насчитывающая сто восемьдесят жителей. Она очень удобно расположена на правом берегу Камчатки у подножья высокого горного пика. Говорят, что этот пик — самый высокий на полуострове с его почти пятнадцатью тысячами пье над уровнем моря. Он часто извергает пламя, лаву и пепел. Во время моего посещения этой достойной деревни христиан его вершина оставалась

скрытой. После большого извержения, свидетелем которого я был на острове Сэн-Вэнсан в 1812 г., я не сожалел, что не смог присутствовать на одном из них на Камчатке. Правда, вулканы полуострова производят мало или совсем не наносят ущерба, и их можно созерцать без боязни.

От Ключей я отправился к Козыревску, Саппинат (Щапино. — *Ред.*), Верхнему и затем Шеромам, и продолжил путь до Пуцино на двадцать миль. Прибыл после обеда. Между мной и тойоном вышло разногласие, о чём я всегда буду сожалеть, так как причиной оно было моё незнание подлинного характера камчадалов. Бедный человек имел намерение поговорить со мной о моём прибытии и приготовил хороший ужин для меня. Но я не принял в нём участия, так как он меня не пригласил. Другой бедный человек, действительно, пригласил меня, и я вошёл в его убогое жилище. Тойон был очень удивлён и более того оскорблён этим поступком, который ронял его в глазах подданных. Оказалось, что тойон был действительно один из самых старых камчадалов и придерживался ещё старого местного обычая, по которому чужеземца не приглашали в своё жилище потому, что он имел право не только присвоить его, но даже выгнать из дома его владельцев. Я покидал его с чувством большого сожаления; если б я мог остаться хотя бы ещё на один день, я бы имел возможность искупить мою вину. Несомненно, что я сделал всё возможное в этой ситуации.

Ганалы находятся в сорока пяти милях от Пуцино. При мысли, что я близок к моей цели, я с огромной радостью пересекал романтическое место с высокими плато, формирующими Ганальскую долину. За долиной следует измененность, открытая бурям и снегопадам. Я достиг Ганал к девяти часам вечера. Тридцать два жителя живут здесь в четырёх юртах и все страдают от болезни, столь распространённой на полуострове. Инфекция и нехватка медикаментов так велики, что даже дети заражены, золотуха стала наследственной. Охота редка в этой части полуострова, и жители питаются рыбой, добывают немного горного барана и диких оленей — единственное мясо, которое они имеют круглый год. Место красивое, много рыбы, но её недостаточно для продажи. Тойон громко жаловался на существующее положение.

В Малках, в тридцати милях, я посетил госпиталь и горячие источники, нашёл их в позорном состоянии от нечистоплотности и разрухи. Есть две больницы: одна для камчадалов и другая, поменьше, — для офицеров. Были также две ванны, обе плохо устроенные и лишённые необходимых удобств. В больницах нет

медикаментов, а ванны не имеют ни халатов, ни простыней, ни покрывал, ни полотенец. Переход из ванн в больницу не отапливается, пациент должен проходить при температуре от двадцати пяти градусов тепла до пятнадцати и двадцати мороза. Никогда ещё никакое место так не нуждалось в улучшении. Последний главный врач управлял этой больницей в течении пяти лет, период, в течение которого он ничего не сделал, кроме того, что держал в больнице пациентов, болезнь которых осложнялась. Можно сказать, что камчадалы были счастливы, когда губернатор отправил этого медика на корабле капитана Васильева, где он служит хирургом вместо настоящего хирурга, оставленного с больными из казарм. Не выращивают даже самых обыкновенных овощей, есть совсем немного коров, подарок капитана Рикорда, начальника полуострова. Я не могу точно сказать, для чего устроено это медицинское учреждение.

Состояние некоторых из этих бедных созданий, которых я видел в больнице, было таково, что доктор даже не мог перевязать их раны. Император назначил им по полкило хлеба и двести пятьдесят граммов мяса в день. Они получают также много рыбы и диких ягод, которые растут в изобилии в окрестностях. Все пациенты живут в тесноте в маленькой комнатке и почти никогда не выходят. Они не работают, в то время как могли бы выращивать некоторое количество овощей на этой земле, окутанной тёплым паром. Короче, вместо того, чтобы быть, как сейчас, местом, способствующим и вскармливающим болезнь вплоть до мора, это место могло бы при надлежащей заботе главного врача стать при небольших затратах одним из самых гуманных и результативных медицинских учреждений из всех, существующих на земном шаре. Ванны имеют сильный и неприятный запах серы. Горячие и холодные источники соединяются в ваннах.

Господин Граматин, теперешний главный врач и мой товарищ по путешествию на борту корабля из Охотска, — человек талантливый, твёрдый и старательный. До моего отъезда с полуострова и семь месяцев спустя после моего прибытия и вторичного посещения больницы он поместил в неё тридцать четыре пациента и выписал их полностью выздоровевшими. У него нет лекарств, но он оперирует пациентов, предварительно усыпив их, и удаляет больные части тела.

Из Малков в Петропавловск я прошёл через живописную долину. Погода была прекрасной. Я достиг вскоре Начики и Коряки и сменил собак. Далее я следовал очень приятным образом до

полуночи до той поры, когда пошёл снег. Мы сделали остановку, чтобы покормить собак, и легли спать до рассвета, который позволит нам продолжать дорогу и достичь к полудню Авачи. Но там было невозможно достать собак, кроме тех трёх, на которых сгрузили мой небольшой багаж. Таким образом, дальше я шёл пешком и пришёл в порт около трёх часов. Я был один, и мой приход был мало замеченным и очень отличался от моего отъезда. Мои чувства соответствовали общей атмосфере. Я был в меланхолическом настроении, так как покинул мою невесту из любви к путешествию долгому и трудному, я возвращался радостным, выполнив его, но я бы был ещё более счастлив, если бы моя верная невеста меня ждала.

После этого полного обзора полуострова можно было приступить к его описанию, то есть его жителей, их обычаев, их образа жизни и так далее.

Глава XI. Основные наблюдения на полуострове Камчатка. Камчатка — обширный полуостров в форме эллипса. Она простирается от 59 до 51° северной широты и далее. Великолепная горная цепь с многочисленными сопками, или вершинами, расположена с юга на север по всей протяжённости полуострова. Оттуда берут начало многочисленные горные реки, малые и крупные, впадающие в океан. Среди них лишь Камчатка является судоходной и позволяет кораблям водоизмещением в сто тонн проходить по сто пятьдесят миль. Все реки переполнены вкуснейшей рыбой. Есть также очень крупные озёра, настолько многочисленные, что это мешает торговым сообщениям между различными частями полуострова в течение лета, весны и осени.

Регион мало что производит. Есть много леса, который совсем недавно стал использоваться для постройки кораблей. Однако климат мне даёт основания для вывода, что ни злаковые, ни овощи не могут быть особо хороши. Во всё время года почва промерзает до глубины от двадцати четырёх до тридцати дюймов. Картошка никогда не созревает, капуста не формирует вилок, горошек остаётся в виде цветов, но редька и редис развиваются удивительно. Можно сказать, что зима занимает почти половину года, тогда как весна и лето занимают вторую половину. Зимы тёплые по сравнению с зимами Сибири: термометр никогда не опускается ниже 20° по Реомюру на юге полуострова и редко ниже 12—15° в других местах. Весна — самый приятный сезон; рыбная ловля начинается сразу, как появятся листья. Лето — самый неприятный сезон из-за обильных дождей и густых туманов, идущих от

снежных вершин. Самая тёплая погода в июле, когда термометр поднимается до 27 или 28°.

Это нехватка тепла, эти перемены погоды и густые туманы являются причиной бесплодности почвы и препятствуют достаточному сбору запасов на зиму. Рыба, развешенная для сушки, быстро загнивает, на неё нападают черви, и люди могут заготовить лишь небольшое количество.

Несомненно, что главное богатство Камчатки это — дичь. Количество животных настолько велико, что недостаточно жителей, чтобы их изловить. Самые ценные из животных — это лисы различных окрасов, некоторые виды морских выдр и речных, более распространённых, и необычайно многочисленных куниц. Встречаются также медведи, волки, олени, горные бараны и реже рыси. Кроме пушнины, собаки составляют, по-видимому, большую часть богатства Камчатки. Эти верные и полезные животные используются для перевозки рыбы, снабжения домов водой, а животных сеном, корочке, для любой работы, для которой в Англии используют лошадей. Они кормятся согласно обстоятельствам и должны находить для себя средства пропитания сами, начиная с июня по октябрь. Их вид суров, они похожи на собак вообще, но очень умные. Очень жаль, что их труд не стараются облегчить завозом лошадей. Кроме рыбы и диких животных, камчадалы добывают в больших количествах гусей, уток, лебедей, бекасов и глухарей. Сохраняют их, погружая в воду, которая затем замерзает, и они остаются съедобными до конца зимы. Иногда их солят.

В общем, можно сказать, что не существует никакого другого народа, которому Провидение подарило бы всё, что необходимо для жизненных нужд. Для пропитания камчадалы имеют рыбу, мясо, птицу, дикие ягоды и коренья, очень разнообразные и в большом количестве. Всего этого, несомненно, достаточно, чтобы прожить большому количеству населения. Для одежды они имеют много мехов, самых тёплых и самых прочных. Для топлива и строительства домов повсюду растут в изобилии леса.

О людях вообще я могу только сказать, что они также любезны, как и честны, насколько это возможно. Они живут теперь в деревнях чистых и удобных, построенных в русском стиле. В летнее время, в сезон рыбалки, они покидают свои зимние жилища и переселяются в балаганы, то есть помещения для сушки рыбы. Так они проводят лето в заготовке пропитания на зиму, а зимой принимаются за охоту. Вне всего этого камчадал ещё и то же самое ленивое животное, пьяница и раб, как и раньше. Камчадалы не

забыли своего языка, но он так мало употребляется, что почти все говорят по-русски. Большинство из аборигенов крещены и живут на русский манер.

Настоящих камчадалов, которые сохранили свои старинные обычаи, осталось немного. Они живут на северных берегах выше Тигиля и Нижнекамчатска. Примечательно их гостеприимство. Они также любят правду, и их честность общеизвестна. Они никогда не жалуются прямо на плохое обращение, но если их порасспрашивать, они могут рассказать. Они управляются частично их собственными тойонами, но каждый год исправник, то есть главный судья, посещает каждую деревню чтобы собрать соболей и совершить правосудие.

Их одежда та же, что и прежде. Зимой они одеты в шкуры животных, летом в одежду из нанки. В настоящее время почти все камчадалы носят рубашки. Женщины переняли русский головной убор. Они достают эти товары у разносчиков за бешеные деньги. Удивительно видеть этот народ, который в течение ста двадцати лет подчиняясь сильнейшему давлению невежественного и плохого правления, не становится более осторожным и более экономным в своих привычках. Напротив, они отдают наиболее ценные меха за незначительный предмет или за стакан водки.

Мне нет нужды говорить об их предрассудках, так как они почти более не существуют. В настоящее время они больше доверяют священникам, так же как некогда они верили своим шаманам, с той лишь разницей, что последним они отдают меха, тогда как первым они не давали ничего, кроме хорошего мяса.

Они имеют законы. Их собственные законы и их девиз схож немного с девизом китайцев: «Платить злом за зло и добром за добро». В настоящее время они совершают много церемоний по приезду начальника, офицера или комиссара: предоставляют ему лучшее жильё и признают его превосходство, если я могу выразиться таким образом. Иногда кажется, что они живут в превосходном состоянии равенства и независимости одни от других и уважают только за возраст и охотничий опыт.

Камчадалы владеют теперь кухонной посудой, которую они достают у русских. И так, как они живут точно так же, и дома их похожи, мне достаточно отослать моих читателей к описанию русской деревни.

Кажется, что камчадалы совершенно не заботятся по поводу будущего и полностью покоряются всему, что может с ними произойти: будь то голод или гонения. Полуостров почти обезлюдел имен-

но из-за войн и восстаний, но также из-за эпидемии ветряной оспы, которая унесла в 1768 г. не менее шести тысяч человек. Сегодня не хватает вакцины, и лекарства, имеющиеся в больницах, очень плохого качества и в слишком малом количестве.

Сверх этих двух эпидемий жители Камчатки страдают от всего, что опустошает и другие страны, где люди обычно плохо питаются, плохо одеваются. Голод — частый гость на полуострове, и происходит это в большей части не из-за нехватки продовольствия, но из-за нехватки населения: не всегда рыбная ловля удачна на обоих берегах полуострова одновременно, а люди не имеют средств перевезти огромное количество рыбы на противоположный берег.

Другая важная причина вымирания населения — это алкоголь. Камчадал продаст последнюю шкурку соболя или лисы за стакан алкоголя, каково бы ни было его физическое состояние или какими бы не были последствия выпивки. Если рассматривать, что шестнадцать тысяч бутылок этой гадости употреблены шестью или семью сотнями человек во время краткого периода в три-четыре месяца, можно пожалеть и удивиться: пожалеть этих бедных женщин и этих бедных детей и удивиться тем средствам, к которым прибегают те, кто продаёт алкоголь, чтобы вытрясти денег или соболиных шкурок. Алкоголь продаётся в два раза дороже нормальной цены. Я видел, как бутылка алкоголя была куплена за шкурку соболя, и после, когда все были уже пьяны, бутылка разбавленного алкоголя продавалась за ту же цену. Я видел, как давали три или даже четыре соболиных шкурки за две бутылки алкоголя.

Если принять во внимание, что семьсот пятьдесят семей коряков и камчадалов, из расчёта по пять человек в семье, потребляют половину ввозимого алкоголя, выходит, что каждая семья потребляет, по крайней мере, двенадцать бутылок за четыре месяца. Как сказано, бедный покупатель пьян в течение многих дней, а остальную часть года ему ничего не остаётся делать, как впасть в уныние. Этот алкоголь стоит камчадалам от ста пятидесяти до двухсот рублей, огромная сумма для бедной семьи, которая её тратит на вещь вредную как в моральном, так и в физическом плане. На Камчатке подобная сумма денег могла бы обеспечить семью мукой от шестисот до восьмисот ливров (ливр — полкилограмма. — *Г. Н.*), и этой муки могло хватить на целый год. Или на эти же деньги можно было бы купить подходящую одежду, кухонную утварь, сети, верёвки, табак, топоры и ножи. Эти пьяницы вызывают расходы настолько разорительные, что дети аборигенов по три,

по четыре дня не едят ничего, кроме юколы — сушёной рыбы, которую им дают понемногу два или три раза за этот промежуток времени. Я знал примеры, когда матери и дети были брошены без всяких средств к существованию только из-за того, что продажа этой мерзости разрешена. Юкола и кора деревьев тогда становятся единственной пищей, которую могут раздобыть женщины и дети. Если случайно они имеют корову, можно сказать, что им очень повезло. Нет нужды быть философом, чтобы доказать, что только заботясь о будущем поколении, можно сохранить потомство, которое может пресечься, если продолжать завозить и продавать алкоголь так, как сейчас.

Вред, исходящий от сбора ясака, ужасен. Ясак, сам по себе незначителен, но незаконный способ сбора делает его отвратительным и угнетающим. Дань изымается согласно фантазийной оценке, и часто случается, что если тойон деревни не делает подобающую взятку начальнику или любому другому офицеру вне его ежегодного визита, он получает такую маленькую сумму в обмен на отданную как дань пушнину, что жители много теряют. Я видел соболей, за которых торговцы давали двенадцать шиллингов и доходили до полкроны.

Жители острога облагаются налогом не по их количеству, но по самому острогу. Часто случается, что в деревне, некогда насчитывающей сорок или пятьдесят человек взрослых, на следующий год имеется лишь двадцать или двадцать пять человек из-за болезней или переездов. И эти оставшиеся индивидуумы должны платить ясак за всю деревню. И ещё очень странно, что каждый острог облагается в деньгах, но не может их получать.

Существует другое обложение, ещё более унижительное, налагаемое самими сборщиками налогов от имени императора. Каждый острог и каждый тойон должен платить ту же самую дань своему настоящему начальнику, как самому императору. В итоге на самом деле ясак платится, по крайней мере, пять раз подряд.

Любой камчадал вынужден принимать в своём доме офицеров и сборщиков дани лишь по той самой важной причине, что они русские. Он стоит тогда возле двери с непокрытой головой и ждёт, когда его благородный гость войдёт. Тот церемонно кланяется хозяйке и освобождается от своих громоздких одежд, таких полезных в этих местах. Потом он спрашивает пообедать или поужинать (согласно часу) и покормить своих собак. Он плотно ест и пьёт, ему готовят постель. Ему подают дичь, рыбу и так далее. Между ужином и завтраком он занимается тем, что вымогает выгоду от

трёх и четырёх до ста на свои товары и вознаграждает своего хозяина лишь стаканом водки или листом табака и даже не благодарит, когда непогода вынуждает его остаться и пользоваться гостеприимством хозяина ещё в течение недели или больше.

Когда какой-нибудь офицер путешествует, жители не получают никакого вознаграждения, тогда как они не противятся тому, чтобы его приютить и накормить. По его прибытию в деревню, офицер принимается тойоном и сопровождается в наиболее тёплую и наиболее чистую часть юрты. С него снимают шинель, отряхивают с неё снег и вывешивают её на ночь снаружи. Хозяйка дома, тойонша, должна тоже вычистить его обувь, чтобы снег, облепивший обувь, не растаял в тепле помещения. Как можно быстрее готовятся лучшие продукты для обеда или ужина, согласно времени. Тойон приходит с принужденной улыбкой на устах и с парой соболей в руках. Он склоняется перед офицером и кладёт их на стол, чтобы тот их принял. Наконец подана еда. Порой офицер оказывается достаточно предупредителен, чтобы предложить стакан водки тойону и для того, чтобы позволить семье разделить чай, который остался после него. Поев, офицер спрашивает у тойона, была ли охота удачной и сколько соболей тот добыл. В основном это два, четыре или шесть. Офицер меняет их на столько же носовых платков, куски нанки, полкилограмма табака или немного чая и сахара. В конце концов офицер уезжает, высокомерный и очень довольный сам собою.

Если бы торговцы привозили с собой больше шерстяных и льняных тканей, муки или овсяной крупы, топоров, ножей, кастрюль, верёвок, сетей и других предметов первой необходимости, то их поездки на полуостров были бы более оправданы.

Среди людей, которые путешествуют по полуострову Камчатка, есть также медики и священники. Обе эти разновидности путешественников в высшей степени невыносимы: если один притворяется, что исцеляет душу, а другой — тело, оба, я думаю, заботятся больше о том, чтобы обмануть простодушного аборигена и лишить его всех средств к существованию.

Количество преступников, отправляемых на поселение среди коренного населения, облагаемых столь же тяжкими налогами, также представляет огромное зло. Так как русские преступники имеют прямую власть на камчадалов, они ею пользуются поистине омерзительным способом. Преступники часто опустошают посёлки, совершают мерзости и наносят обиды, подстрекая тем самым к восстаниям.

Я не могу воздержаться, чтобы не коснуться тех мер, что мне кажутся наиболее приемлемыми для облегчения жизни этих бедных людей: полностью отменить ясак, обязать каждую семью аборигенов покупать у правительства пуд муки в месяц за цену одной шкурки соболя или лисицы. Это действительно помогло бы камчадалам, особенно женщинам и детям, которые иногда остаются несколько дней без всякой еды, кроме плохой рыбы и коры деревьев.

Прежде чем сделать выводы из этих замечаний, касающихся Камчатки и её бед, я хотел бы ещё обратить внимание, что дети аборигенов не получают образования, а дети русских — очень мало. В Петропавловске, действительно, существует школа, управляемая одним священником и одним школьным учителем. Но один из них — великий плут, а другой — великий глупец. Суммы, предусмотренной на каждого ребёнка, я думаю, до пяти ливров в год, едва хватает на покупку одежды. Если бы рыбы не было в таком изобилии и если бы мальчикам не помогали их семьи, я не вижу, как бы они могли остаться в живых. Я могу также высказать наблюдение, что у джентльменов от церкви есть большая разница между практикой и заповедями. Они очень многочисленны. Я не знаю, чем они занимаются в столь большом количестве в столь бедном месте. Доход этих преподобных джентльменов более чем значительный. Желание или нежелание русского правительства обратить внимание на плачевное положение полуострова Камчатка не имело личных последствий для меня. Но я испытывал огромный интерес к месту, где я прожил больше года и где женился.

Церемония была пышнее, чем она могла бы быть отпразднована в Англии. Состоялась она 8 января. Без сомнения, я был первым англичанином, женившимся на камчадалке, и моя жена была, несомненно, первой жительницей этого полуострова, которую навсегда осчастливил визит англичанина.

Зима прошла спокойно и счастливо. Не произошло почти ничего достойного быть отмеченным. Было три землетрясения, два из которых оказались очень значительными. Один из них всколыхнул весь песок на берегах реки Камчатки и полностью убрал снег. Сопка Ключевская извергала пламя и лаву. В Петропавловске снег начал исчезать в мае. В конце месяца он полностью растаял, и за несколько дней весна вступила в свои права. Повсюду появились дикие цветы и овощи, которые скрасили грусть последних семи месяцев.

В июне корабль, пришедший из Кантона и Манилы, привёз мне очень дружеское письмо от мистера Урмстона, директора британского завода, и кипу английских газет, журналов и прочего, которые меня развлекали до 1 июля, до самого нашего отъезда.

Я оставался на Камчатке одиннадцать месяцев благодаря гостеприимству и любезности начальника. Корабль, на котором мы готовились отправиться в Охотск, был тот же, что доставил нас на Камчатку. Хотя он и был готов ещё в июне, мы подняли якорь лишь 5 июля 1822 г. При лёгком северном ветре мы попрощались с Камчаткой...

В погоне за собственной тенью... (Адальберт Шамиссо)

В 1998 г. наша библиотека (тогда Камчатская областная научная имени С. П. Крашенинникова. — *Ред.*) приобрела за довольно умеренную цену несколько книг из истории морских путешествий. Среди них — два тома «Путешествие на корабле “Рюрик” под командованием лейтенанта Коцебу». Позже вместе с другими книгами редкого фонда библиотеки рыбаков (ныне городская библиотека имени Н. В. Санеева. — *Ред.*) мы обрели и третий том этих путешествий, составленный Адальбертом Шамиссо, довольно известным поэтом и писателем XIX в. Современник А. С. Пушкина, он был не только знаком с его творчеством, но даже переводил его стихи. Мне захотелось проследить жизненный путь Адальберта Шамиссо. Судьба этого человека показалась мне настолько интересной, что я решила представить её сегодня вашему вниманию.

Его известность как литератора началась с небольшого произведения «Чудесная история Петера Шлемиля». Тема человека, потерявшего свою тень, знакома нам по сказкам Ганса-Христиана Андерсена. Тень — загадочный двойник, карикатура или отражение нашего «Я», незаметный спутник при жизни, воплощение нашей сущности в ином мире.

*...И неоплаканною тенью
Я буду здесь блуждать в ночи...*

* * *

*...Что тебе на память оставить,
Тень мою? На что тебе тень?*

* * *

*...В этом городе колдунья
До меня жила одна:
Тень её ещё видна
Накануне полнолуния...*

Нужно обратиться к биографии автора «Петера Шлемиля», чтобы понять выбранный им художественный образ.

Адальберт, или Альберт Шамиссо, или Луи-Шарль-Аделаид де Шамиссо родился в прекрасном уголке Франции, в Шампани, на родине искристых радостных шампанских вин. Старинная семья Шамиссо имела родовый замок Бонкур, где в 1781 г. родился будущий поэт и учёный. Революция 1789 г. заставила семью Шамиссо покинуть Францию и искать убежища в Германии. Отныне Германия становится второй родиной для Адальберта Шамиссо.

Паж прусской королевы, затем офицер прусской армии, он чувствует чужеродность этой среды, служба тяготит его. Даже во время кругосветного плавания, дремля в своей каюте, укачиваемый волнами, он вспоминал армейскую муштру и шагистику. Вновь в его ушах звучала барабанная дробь и слышался крик старого полковника: «Но, господин лейтенант, сто чертей бы вас побрали!» О, этот полковник! Он неотступно преследовал Шамиссо на всех морях пяти частей света. К тому времени семья возвращается во Францию, а он продолжает жить в Германии, усиленно изучая немецкий язык, занимаясь литературой и философией.

Не сразу Шамиссо решается писать по-немецки, его первые литературные опыты состоялись на родном французском. Свободно выражать мысли на чужом для тебя языке, то есть не на том, что дан тебе с младенческих лет, это очень сложно. Такому автору трудно добиться признания, существует некоторая недоверчивость со стороны издателей к литераторам-иммигрантам. Из своего скромного опыта я могу сказать, что гораздо проще овладеть языком как средством коммуникации, но намного сложнее, а может быть, в некоторых случаях и невозможно, овладеть тем, что французы называют «la maniere de penser».

Итак, с 1801 г. А. Шамиссо начинает писать по-немецки. Литературные интересы сближают его с писателем Варнхагеном, вокруг которого образовался кружок литераторов, выпускавших «Альманах муз». После он окажется главным содержателем этого издания, не имевшего, впрочем, читательского успеха. Его всё больше и больше тяготит воинская служба, мучает мысль о том, что жизнь проходит напрасно. «Двадцать четыре года, и ничего, ничего не совершил в этом презренном, презренном мире!» Надвигалась война с наполеоновской армией. Положение его, как француза и прусского офицера, становится двусмысленным. Он возвращается во Францию, но она разочаровывает его. Родителей нет в живых, а он сам, о ужас! чувствует себя на родине чужа-

ком. «Я — немец, немец!» — пишет он в письме к другу. Как только был заключён мир, он возвращается в Берлин. Но и тут его ждёт разочарование: повсюду царят антинаполеоновские, а значит, и антифранцузские настроения, что ранит чувствительную душу поэта. Значит, снова в путь, снова во Францию, ему обещано место в провинциальном лицее.

На этом этапе судьбе было угодно свести его с самой знаменитой женщиной той эпохи — Жерменой де Сталь. Дочь министра финансов Франции Жака Неккера, из-за которого, можно сказать, и произошла революция 1789 г., была воспитана в лучших традициях золотого века Просвещения. Её мать знала Вольтера и Руссо, в их доме бывали знаменитые энциклопедисты Дидро и Даламбер.

К её талантам писательницы и публициста можно без преувеличения добавить ещё один — она стала властительницей дум целого поколения Великой Французской революции. Салон Жермены де Сталь, в то время уже жены шведского посла, имел огромное политическое влияние, что решительно не нравилось Наполеону и привело к изгнанию Жермены вначале из Парижа, а затем и из Франции. Она поселяется в Коппе на берегу Женевского озера. Преданный поклонник, поэт Адальберт Шамиссо, следует за мадам в числе её свиты. Он увлечён этой выдающейся женщиной, она, в свою очередь, чувствует расположение к молодому мечтателю. Именно в этот период появляется его интерес к ботанике. Видимо, составление букетов для мадам де Сталь послужило основой для нового увлечения. Как всё же в мире много случайного! Не раздели Шамиссо изгнание Жермены на берегу Женевского озера, где, по всей вероятности, и собирались цветочки, растения Камчатки не были бы описаны французско-немецким учёным, и не существовало бы красивого названия «жимолость Шамиссо».

Впрочем, это шутка. Кружок мадам де Сталь, где можно было встретить самых выдающихся людей эпохи, помог ему окончательно принять самостоятельное решение. После отъезда мадам де Сталь в Англию Шамиссо возвращается в Германию. Ему больше не суждено встретить великую женщину. Известие о её смерти в 1817 г. он получил в одном из испанских портов.

В возрасте тридцати одного года, осенью 1812 г. Шамиссо поступает в Берлинский университет. Что стоит за этим решением? Означает ли это, что, наконец, выбрано настоящее жизненное призвание? Мы способны только проследить внешний ход событий, и, может быть, внимательно прочитав сказочную повесть «Удивительная история Петера Шлемиля», судить о душевных терзаниях

Шамиссо. Это история о незадачливом человеке, растяпе и неудачнике, продавшем собственную тень. Создана эта сказка в 1813 г., как раз в то время, когда война между немцами и французами заставила его особенно болезненно почувствовать потерю национальности и потому нравственную невозможность пристать к той или другой стороне.

*Но, что такое тень? — спросить хочу я,
Хоть сам вопрос я задавал не раз,
И злобный свет, придав цену большую,
Не слишком ли вознёс её сейчас?
Но годы миновавшие такую
Открыли мудрость высшую для нас:
Бывало, тень мы называли сутью,
А ныне суть и та покрыта мутью.*

Некий бедный юноша, то бишь Петер Шлемиль, прибывает с рекомендательным письмом к влиятельному и богатому человеку, который мог бы помочь устроить его судьбу. Он появляется в разгар праздничного приёма, где встречается с загадочным человеком в сером, исполняющим все, даже самые необычные желания присутствующих гостей. Этот человек в сером после бала делает Петеру невероятное предложение: продать свою тень! Положение Петера было отчаянное, да и что тут такого — продать то, что и понадобится-то и не может, на что она нужна, эта тень! Да ещё когда взамен предлагают неиссякаемый кошелек! Хотелось бы посмотреть, кто из присутствующих не согласился бы на подобную сделку! Но, как ни странно, отсутствие тени, сразу же обнаруженное окружающими, делает его изгоем. В общем-то, это та же история, что и Чайльда Гарольда, Онегина или Печорина, — социальное одиночество. Но в случае с Петером Шлемилем парадокс заключается в том, что он лишается того, что не имеет никакой ценности, но делающего его похожим на других. Опасно выделяться, быть не таким, как все. Хотя это произведение и не автобиографично, но Петер очень близок самому Шамиссо. Так же, как и его герой, он с детства одинок, ищущий дружбы и понимания, он часто страдает от одиночества, ищущий свою родину, долго не обретает её. Такой же бедный, как Петер, он находит своё призвание в увлечении ботаникой и так же совершает длительное путешествие. В заключение Петер говорит: «Ты же, любезный друг, если хочешь жить среди людей, запомни, что, прежде всего, тень, а уж затем деньги. Если же ты хочешь жить для лучшей части своего “я”, тогда тебе не нужны советы».

Внутренняя раздвоенность, постоянное положение чужестранца — немца во Франции, француза в Германии — причиняют ему немало страданий. Он мечтает о путешествиях в дальние страны, и когда становится известно о готовящейся экспедиции под командованием Коцебу, он подаёт прошение на участие в ней, которое было удовлетворено. И вот 9 августа 1815 г. в Копенгагене Шамиссо впервые поднимается на борт русского корабля.

Итак, путь исканий, путь к самому себе, «погоня за собственной тенью» приводят его вначале на борт «Рюрика», а потом и к берегам Камчатки...

*...Идут неумолимые лета,
И вязнет посох мой в дорожной пыли;
Я всё бреду, но цель моя не та:
Теперь мой путь ведёт меня к могиле.
Сбирал цветы — таков был мой удел,
Но лишь солому я собрать сумел.
Я и сейчас «солому» собираю,
Усердно рву цветы и пустоцвет.
Ботаникою это называя,
Смеются люди — я молчу в ответ.
Но как назвать? Мечта моя пустая,
Тебе я отдал силы лучших лет!
Увы! Но к нам восторженным созданиям,
Раскаянье приходит с опозданием.*

* * *

*Заблудшего, куда меня несло?
Взывал я к скалам, что из тьмы веков
Взирали мрачно, пасмурно и зло
И глухо повторяли зов.
Мне каждый слог даётся тяжело —
Я по морю скитался, за морями,
Душой дитя, седой старик годами.*

Эти стихи сочинены в 1816 г. «Седому старику» в то время исполнилось тридцать пять лет, но их мрачные строки написаны у Берингова пролива, видимо, такое впечатление произвели на него эти края.

Русская кругосветная экспедиция 1815—1818 гг. под руководством О. Е. Коцебу была осуществлена на средства графа Н. П. Румянцева с целью обследования Северо-Западного прохода. Задачи экспедиции были связаны с интересами Российской-Американской компании. В орбиту изучения были включены неизвестные острова, архипелаги и материковые побережья Тихого

океана. Наблюдения погоды, морских течений, глубин океана, солёности и прозрачности воды, земного магнетизма, изучения флоры и фауны составили ценное научное наследие экспедиции.

Как ни удивительно, поэт-ботаник довольно хорошо преодолел все трудности длительного плавания. Правда, по-разному складывались его отношения с экипажем. Из-за языкового барьера (большинство моряков говорило по-русски) он вновь часто чувствовал себя одиноким, изолированным. Адальберт пишет в своих воспоминаниях: «Иногда я чувствую себя, сидя за общим столом, как в каком-то невидимом коконе, чужим и как бы не существующим». Не простыми оказались и отношения с Коцебу. Поначалу тёплые и дружеские, к середине плавания они резко ухудшились, и лишь в конце плавания оба объяснились и расстались друзьями. По завершении плавания Шамиссо представил научный отчёт, опубликованный на русском и немецком языках под названием «Наблюдения и замечания естествоиспытателя А. Шамиссо». Он и составил третий том трудов экспедиции (мы можем теперь гордиться, что имеем в своей библиотеке первоиздания этих трудов). Но сам учёный не принял публикацию на русском языке и в предисловии писал, что отвечает только за немецкий текст.

Неудовлетворённость научным отчётом, множество разнообразных впечатлений послужили основой для новой книги, которая вынашивалась в течение многих лет и была издана в 1835 г. под названием «Путешествия вокруг света». Её до сих пор считают одним из лучших образцов научно-художественной литературы о путешествиях. Именно здесь есть описание и Петропавловска, и даже упоминание о существовавшей в нём библиотеке. Как и все другие путешественники, Шамиссо отмечает и красоту Авачинской губы, и душевность русского гостеприимства. После приёма у губернатора Рудакова и катания с гор на санках (это 22 июня!) гости расплозились по кустам и там завершили праздник. Большую ценность составляют страницы, посвящённые Русско-Американской компании, но это уже тема другого разговора.

Как же сложилась дальнейшая судьба Шамиссо? Встретился ли он со своей тенью? Я думаю, что да. Поселившись уже окончательно в Берлине, видимо, он обрёл, наконец, свою родину.

*Скиталец, возвратившийся с чужбины,
Взволнован, очарован и растроган;
Он посох отлагает, тихо плачет
И пред тобой колена преклоняет,
Германия, Отчизна! О, внемли*

*Мольбе того, кто любит бесконечно:
В тот час, когда ему наступит время
Главу склонить, — да обретёт он камень,
Под коим упокоится навеки.*

В его жизни наступила пора собирать камни. За участие в кругосветном плавании он удостоился различных почестей. Берлинский университет присвоил ему степень доктора наук, его приняли в различные научные общества. Его поэзия признана, он обрёл и друзей, и любовь. Умер он рано, после тяжёлой болезни в возрасте пятидесяти семи лет, оставив миру и научное, и литературное наследие. Мир его праху! И да будет благословенна его тень!

Необыкновенное путешествие Лиз Христиани

Очерк впервые опубликован в журнале «Неизвестная Камчатка» (Петропавловск-Камчатский, 2000. — № 1 (5). — С. 12—26).

«Это была известная виолончелистка Элиз Христиани... В позапрошлом году она с успехом выступала в Петербурге, в Москве и в провинции. Прошлой зимой отважилась отправиться в Тобольск, там узнала, что жена иркутского генерал-губернатора, француженка, поехала в Иркутск. В столице Восточной Сибири её приняли прекрасно. Теперь она ехала вместе с Муравьёвыми.

“О, маленький генерал, мой мучитель...” — раздался очень низкий, почти мужской голос. Он, густой, низкий контральто, не шёл к её юному, свежему лицу, к чёрным, полным живости глазам. Элиз нравились русские. Нигде не встречала она такой отзывчивой аудитории — “пылкой, покорной и чувствительной”, как говорил Берлиоз, гастролировавший в одно время с ней в Петербурге. Отзывчивую публику встретила она и в Тобольске, и в Иркутске.

Муравьёвы предложили ей путешествие на Камчатку в качестве компаньонки Екатерины Николаевны. Элиз охотно согласилась, она только очень беспокоилась за свой страдивариус, но Муравьёв пообещал, что футляр будет сделан из железа. Он написал в Петербург, выхлопотал Элиз разрешение на путешествие.

У Элиз чёрные брови; она в костюме юной тунгуски, с причёской а-ля Жорж Санд, в белом кружевном воротнике.

— Это ваши Альпы, маленький генерал? — спросила она по-французски, показывая вдаль.

Она держалась с губернатором несколько фамильярно.

— Когда же поднимемся на них? Я мечтаю видеть это болото сверху... — И она сделала широкий жест рукой.

Кругом действительно было сплошное болото».

Этот небольшой отрывок из романа Николая Задорнова «Адмирал Невельской» кажется фантастическим. Долгое время я считал, что образ молодой француженки, смело пустившейся в это невероятное путешествие, — художественный вымысел писателя. Но вот мне попалась переписка графа Н. Н. Муравьева-Амурского, и образ Лиз Кристиани обрёл черты реальности: девушка с виолончелью действительно существовала, и её немислимая поездка на Камчатку в свите генерал-губернатора — факт. Однако каких-либо документальных следов пребывания Лиз в Петропавловске до сих пор не обнаруживалось. И вдруг необыкновенная удача. Игра случая. Впрочем, предоставим слово Галие Намжиловой, заведующей сектором редкой книги Камчатской областной научной библиотеки.

В. Мартыненко

Я во Франции. Париж. Набережная Сены. Хорошо, что сегодня выдалось немного свободного времени и можно не спеша пройти по набережной, время от времени останавливаясь возле букинистов. Ольге и Максу Гайардо скоро предстоит путешествие на Камчатку, откуда когда-то начался их совместный путь, их «история любви». Случайно (впрочем, что в нашей жизни не случайно) на глаза Ольге попадает журнал «Le Tour du Monde» — французский «Вокруг света» за прошлое столетие. В одном из номеров любопытнейшая статья о молодой виолончелистке, посетившей в середине девятнадцатого столетия Россию. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не потрясающий маршрут этого турне: Иркутск, Кяхта, Якутск, Охотск, Петропавловск...

На первой странице — портрет прекрасной молодой женщины с виолончелью. Задумчивый взгляд устремлён вдаль... Что за честолюбивые помыслы таит он, предвидит ли свой роковой конец? На последней странице — печальный финал: изображение её могилы в русском городе Новочеркасске.

— Какая странная и увлекательная жизнь, Макс. Я думаю, что здесь, наверное, замешана какая-нибудь любовная история?

— О, вы, русские, слишком романтичные люди, особенно женщины... Вам всюду мерещатся любовные истории!

— Но, Макс, может быть, мы обязаны нашим счастьем именно этому свойству русской души?

— Может быть, может быть, дорогая, — ласково смеется Макс. Его улыбка, отражаясь, тонет в больших голубых глазах Ольги. Обнявшись, они идут дальше, унося с собой историю девушки с виолончелью.

Вот она, эта история, поведанная в журнале «Le Tour du Monde» под названием «Путешествие по Восточной Сибири».

Отрывки из путевых заметок одной актрисы (мадмуазель Лиз Кристиани): 1849—1858»:

«На своём долгом пути по Сибири господин и госпожа Аткинсон встречались в нескольких местах — в Иркутске, в Барнауле и других — с молодой французенкой, которую судьба артистки закинула на север Дальнего Востока. Владея в самой высокой степени чувством экспрессии и гармонии, умея извлекать из одного из самых трудных инструментов — виолончели — звуки, сходные с человеческим голосом, Лиз Кристиани сумела ещё до двадцатилетнего возраста приобрести репутацию прекрасной музыкантки.

Победив на конкурсе в Копенгагене, она получила звание и свидетельство первой виолончелистки короля Дании, заслужила признание швейцарцев, которые называли её Сесиль Франс (по имени святой Цецилии, покровительницы музыкантов).

Она решила попытаться счастья в Санкт-Петербурге. Но в это время траур обволакивал тишиной двор и империю, и прекрасная молодая виртуозка, огорчённая таким приёмом, решительно бросилась в Сибирь со своим верным “Страдивари”, толстой русской гувернанткой и старым пианистом-немцем, который выполнял при ней роль аккомпаниатора и покровителя.

Наивная отвага молодой виртуозки была оплачена самой живой симпатией во всех сибирских городах. Принятая официальным обществом и группами ссыльных как поющая птица, как гармоничное эхо земель, обласканных любимым солнцем, Лиз Кристиани могла бы повторять во время своего стремительного путешествия эти слова поэта: “...Бегущей жизни, хмель пьянящий”.

Следующие строки полностью заимствованы из корреспонденции самой актрисы, которые доверили господину Аткинсону её родственники.

“Иркутск, столица Восточной Сибири, один из достаточно значительных городов, расположенный на слиянии трёх рек, одна из которых Ангара, главная артерия речной системы, носящей имя Енисейской. Замечательно быстра и глубока, она питается водами Байкала, находящегося в нескольких лье от города. Иркутск после Тобольска наиболее важный город Сибири, он насчитывает двадцать тысяч жителей, среди которых проживает немецкая община с собственной церковью, он же является местом пребывания архиепископа, там же семинария, где преподают китайский и японский языки. В остальном этот город не представляет ничего интересного, кроме того, что он находится на конце света.

Издалека он имеет довольно хороший вид, принимая во внимание, что в городе почти столько же церквей, сколько и домов. Здесь находится большой женский монастырь, где хранятся мощи одного святого, почитаемого во всей Сибири. Он был построен шведами, попавшими в плен при Полтавской битве, потомки некоторых из них остались навсегда в этой стране. В Иркутске также есть театр (кто этому поверит!) — театр, но без актеров, и если жители хотят посмотреть спектакль, нужно, чтобы они сами для себя его поставили. Однако подобная фантазия довольно редко приходит им в голову.

Население состоит из некоторого количества политических ссыльных, ремесленников и торговцев.

Путешествие по Лене, в Якутск и Охотск. 15 мая 1849 г. Вот и снова я пускаюсь в безумное предприятие. Признаюсь, что я с удовольствием начала путешествие, которое должно было наполнить оригинальностью мою жизнь артистки, однако не без тягостного чувства при мысли о двух тысячах лье, которые я должна добавить к трём тысячам, которые отделяют меня от родины.

Мы должны были покинуть Иркутск в полдень, но смогли это сделать только к двум часам. Мы позавтракали у Зориных, прощание было обильно полито шампанским, потом по русскому обычаю, после нескольких мгновений полной неподвижности, каждый встал, поцеловался, кто хотел, немного всплакнул, но я такого желания не испытывала. Мы тотчас уложились. Мы, то есть жена губернатора, госпожа З., две её племянницы и я, — в первую повозку, губернатор — в дормез, запряжённый в упряжку из семи лошадей и сопровождаемый шестью казаками, в третьем экипаже находился доктор, адъютанты генерала и его секретари. Вот в таком порядке мы покинули город. Всё это придавало нашему каравану вид совершенно впечатляющий. Всё население нас провожало, было приятно слышать, как жители города приветствуют генерала и желают ему доброго пути.

Архиепископ приказал звонить в колокола, было воскресенье. Народ в праздничной одежде, этот звон во все колокола, вереница наших экипажей, наши казаки, все эти обнажённые головы, эти почтовые и полицейские чиновники, которые составляли наш эскорт, и сверх всего, великолепное солнце — казалось, всё объединилось, чтобы разрушить грусть, почти неотделимую от отъезда в долгое путешествие.

Мы выехали из города в три часа тридцати три минуты, в благоприятный час, говорят, и доброе предзнаменование; почему это

число «три», повторённое несколько раз, должно принести счастье? Об этом я ничего не знаю. В нескольких шагах от города добрый священник остановился у подножья большого белого креста, откуда он благословил всех путешественников. Мне сказали, что этот священник — настоящий служитель Господа, и это благословение, отпущенное нам с этого грубого креста, было проникнуто торжественной красотой, произведшей на нас глубокое впечатление. Мы пересекли необыкновенно прекрасную дорогу, всю покрытую рододендронами в цвету. В двадцати верстах от города (приблизительно шесть лье) мы въехали в деревню, где нас встречало всё население, собравшееся возле церкви под предводительством «головы» и его помощников. Они ждали генерала, чтобы преподнести ему на блюде по русскому обычаю хлеб и соль. В конце путешествия мы имели столько солонок, что могли бы снабдить всю Россию.

В дороге я узнала подлинную цель нашего путешествия. «Знаете ли вы, что мы будем там делать? — сказал мне однажды генерал. — Мы едем в экспедицию к устью Амура, чтобы принять его во владения от имени русского правительства».

Несколько дней после отъезда из Иркутска мы спускались по Лене в прекрасной компании, в прекрасном настроении и добром здравии.

Лена — одна из самых больших рек северной Азии, она пересекает всю восточную часть Сибири, беря своё начало в горах, соседствующих с Байкалом, и, пробегая расстояние в семьсот лье, впадает в Ледовитый океан. Лена орошает землю тунгусов, настоящий дикий народ отталкивающего вида, который я имела честь увидеть в первый раз 21 мая 1849 г.: большие головы, ещё более бесформенные, чем у бурятов, широкие плечи, длинные косматые развевающиеся волосы, торчащие в разные стороны. Особенно меня поразило то, что под крупным туловищем можно было увидеть ноги настолько хилые, что их можно было сравнить с обезьяньими, к тому же они так же заканчивались большими ступнями.

Тунгусы, буряты и якуты, дикие племена почти той же семьи и происхождения, что и маньчжуры, населяющие север Китая и царствующие ныне в Пекине. Они живут в основном охотой и рыбалкой и особенно предаются охоте на пушного зверя.

Эти народности почти все идолопоклонники, и я находила у них прекрасные примеры абсолютного коммунизма, который некоторые ненормальные головы хотели бы привить в Европе. Все общее у них: поля, урожай, скот... и остальное! «Бог знает, — говорил мне по этому поводу доктор экспедиции, — сколько преступлений

может совершить коммунизм!» И он перечислял мне драматические примеры революции.

20 июня 1849 г. Наконец мы прибыли, несмотря на ветер, прилив и неловкость одного из гребцов, который из упрямства посадил нас на мель прямо посередине реки напротив города. В одиннадцать часов по часам на руке генерала и тринадцать часов по башенным часам Якутска (так как из-за разницы в долготе солнце в Якутске встаёт на два часа раньше, чем в Иркутске) мы совершили наш торжественный вход в город. На берегу нас ожидало всё население в праздничных одеждах и служащие в парадной форме. Вот уже восемь дней они не покидали порта. Пятьдесят мужчин вытягивали наши корабли на берег; прошло где-то около часа, как зашло солнце и вот уже показались лучи нового дня. На этой северной широте в июне ночь едва существует, и лучи заката перепутываются с лучами рассвета. Высадка произошла совсем просто, без торжественных речей и канонады. Генерал спустился, сопровождаемый своими офицерами, поприветствовал главу провинции, поднялся в бричку и отправился в город. Потом за нами пришёл офицер, и мы, в свою очередь, проехали сквозь эту живописную пёструю толпу, немного, я думаю, изумлённую простотой нашего вида. Мадам Муравьёву и меня можно было бы принять, не слишком преувеличивая, за благородных нищенок.

Поднявшись в экипажи, мы прибыли в дом главы Американской компании, который был приготовлен к этому случаю с роскошью. Это не было элегантно, но чисто, весело и удобно. Какое было наслаждение для нас, в течение двадцати дней качавшихся по стремительному течению Лены, где мы спали только под шум маневров, производимых над нашими головами. В любом случае нам очень повезло, в доме грациозно нас приветствовала маленькая пригожая женщина. Мадам Муравьёва и я не могли скрыть своего удивления. Наша хозяйка никогда не покидала Якутск, а имела превосходный вид, естественное благородство, изысканность. Очаровательный её туалет исключительного вкуса состоял из платья китайского шёлка коричневого цвета и мантильи из той же ткани, украшенный лентами с маленьким плоским воротничком, её волосы причесаны просто, на прямой пробор; всё чистое и простое. В этой дикой стране этого невозможно было понять.

Мы посетили город: это настоящая дыра; единственная достопримечательность — крепость, которой двести лет, она почти развалилась. Остальное состоит только из редко расположенных лачуг. На улицах пасётся скот.

Всё население Восточной Сибири равно населению Парижа в момент, когда я пишу эти строки (1849), то есть сто двадцать тысяч душ. Какая пустыня!

Здесь я имела случай полюбоваться народным почитанием всего, что представляло близкую или далёкую власть: ни один человек не проходил перед домом, в котором мы жили, не сняв шапку, с первого угла палисадника до последнего колышка, который его заканчивал.

Отправившись 4 июня в пять часов, мы следовали рукавом Лены и, перейдя реку, которая имеет здесь семь вёрст ширины, прибыли на землю вымокшие, но в радостном настроении. Мы остановились в прекрасной юрте, где нас ждал добрый огонь. Нет ничего более оригинального, чем эти жилища из коры деревьев, сшитой нитями из конского волоса, образующих чёрно-белый узор. Всё это уложено на большие жерди, которые соединяются в пучок наверху. Дым проходит через достаточно широкое отверстие на верхушке. Вокруг стен — скамейки, стояки и вешалки, чтобы развешивать одежду. Всё устлано ветками лиственницы, которая придавала помещению весёлый и чистый вид. После целого дня плохой погоды это убежище произвело на нас впечатление рая.

Добрый огонь бивака, ароматный горячий чай, ужин всухомятку, радость острой шутки, ощущение свободы и обрывок Марсельезы, который я напела, — всё приводило нас в прекрасное настроение. Отдохнув, мы отправились к двум часам утра с ужасающим грохотом: в пять экипажей были запряжены совершенно дикие лошади, независимый аллюр которых давал благоразумную надежду вскоре сломать себе шею.

Пейзажи, мелькавшие перед нами, походили на Эдем; но то, что нам напоминало о реальности — это ужасное состояние дорог, хотя над ними много поработали с того времени, как узнали о проезде генерала.

Наши лошади становились всё более дикими, они бросались самым внезапным образом то направо, то налево. Выросшие на свободе и в полной независимости, они никогда до того не бывали в упряжке. Когда их хотят запрячь, то устраивают настоящую охоту с помощью собак. Но самое ужасное — это дикие крики, которые испускают кучера при малейшем поводе.

Этим утром мы спокойно ехали, как вдруг я услышала крик ужаса позади нас. Я подумала, что, по крайней мере, половина нашего каравана провалилась в какое-то болото. Я выскочила из повозки

и увидела всех в нормальном состоянии и добром здоровье. Оказывается, невольной причиной тревоги было то, что мы взяли направо вместо того, чтобы ехать налево. Эти дикие крики меня так взволновали, что ещё спустя час меня билa нервная дрожь.

Так в начале июля 1849 г. мы достигли Охотска, где ждал «Иртыш», чтобы доставить нас в Петропавловск, восточную границу Азии. Нам предстояло пройти более трёхсот пятидесяти лье морем, но после ужаснейшего пробега, который мы только что проделали, что были для нас туман или шторм Тихого океана?! Переход не был отмечен ни одним неприятным происшествием...

В Охотском море, где мы долго лавировали из-за противоположного ветра, у нас не было другого развлечения, как наблюдать радостные краски и присутствовать при играх китов. Одно из этих огромных морских животных вздумало проскользнуть под наш корабль, к тревоге наших людей, которые получили ужасный шок, не считая сильного волнения, соседствующего со страхом. Это была ночь! Запыхавшись, мы выбежали на палубу. Кто это? Что это там? Смотрите! И мы видим чудовище, спокойно помещившееся под нашим килем. Каждый, подчиняясь общему чувству осторожности, старался говорить тише, из страха рассердить впечатлительное животное, которое нас несло. Наконец, выдохнув, кит погрузился в глубину, оставив после себя широкий водоворот. Мы его увидели только днём, показывающего свою спину солнцу в одной миле от нас. Как и в предыдущий вечер «Страдивариус» бросал ветру и волнам самые трогательные мелодии, и мы предположили, что это животное было привлечено необычными звуками. Натуралист, который нас сопровождал, не отрицал этого, и мы решили, что киты, как и черепахи, являются меломанами первого разряда.

Камчатка — полуостров вулканического происхождения, пересечённый высокими горами, расположен на северо-восточной оконечности Азии и окружён с востока Камчатским морем и частью Берингова моря, и с запада — Охотским. Восточный берег окружён двойным рядом активных вулканов. Немного ближе к центру полуостров пересечён третьей параллельной цепью, которая состоит большей частью из потухших вулканов. Благоприятное положение Камчатки среди русских владений в Азии подвигло к созданию множества поселений, среди которых нужно назвать Петропавловск, главный склад Русско-Американской компании.

Петропавловск можно рассматривать как столицу Камчатки. Там насчитывается от трёх до четырёх тысяч жителей. Общее чис-

ло жителей полуострова не поднимается выше двадцати тысяч душ. К середине восемнадцатого века оно возросло примерно до ста тысяч. Казаки покорили и подвели под владение России эту землю, что привело к кровавым столкновениям между победителями и местным населением, не желавшим терять свою независимость. Эти люди, которых подчинили саблями и, можно сказать, окрестили в крови, не получили, сменив хозяина, ничего, кроме болезней и пороков, дотоле неизвестных. Подчинившись с виду новой религии, которая была им навязана, большинство камчадалов продолжало оставаться шаманистами, как и в центральной Азии.

Охота и рыбалка составляют их основные занятия. Зимой они закрываются в подземных жилищах конической формы, имеющих отверстие сверху, где живут обычно по пять или шесть семей. Одеваются они в оленьи шкуры, питаются вяленой дичью, нерпичьим жиром, хлебом из древесной коры, постоянно поддерживая огонь, развлекаясь танцами и ничуть не заботясь о снеге, покрывающем часто их хижины до труб очагов. Их летние жилища подпираются шестами, и они туда проникают, карабкаясь по лесенкам. Домашними делами занимаются только женщины. Женщины занимаются и выращиванием овощей, таких, как картофель, капуста и репа. Лето короткое, но жаркое, позволяет вызреть ячменю и даже огурцам. Домашних животных у них нет, за исключением нескольких поросят, которых завезли к ним с 1820 г. Но собаки, которых запрягают зимой в сани, являются в их глазах животными наивысшего значения. Порт Петропавловск, произведение природы, поистине прекрасен и великолепен. Может быть, в целом мире нет ничего подобного. Здесь можно вместить весь флот, собранный из всех важнейших держав.

Хотя город не насчитывает и трёх или четырёх тысяч обитателей, там находятся бесконечные источники для жизненного удобства. Исключительные вина, консервы всех сортов, рыба, холст, сделанный из нитей какого-то особенного сорта крапивы. Говядина, какую можно увидеть, может быть только в Англии, цыплята, каких я не ела нигде. Великолепная растительность. Все товары Китая, Америки, Англии, Франции находятся в Петропавловске в двух огромных магазинах, которые содержит там правительство и которые образуют основное украшение порта и города. В этой диковинной стране это не единственная странность. Во время зимы — это езда на санях, в которые запряжены собаки, управляемые при помощи длинного шеста. Они бегут так быстро, что даже лошади едва ли могли сравниться с ними в скорости. Летом

эти животные, довольно лохматого вида, количеством до пяти или шести тысяч находятся недалеко от города, на берегу речки. Два раза в день им приносят высушенную на солнце рыбу, другой пищи они не знают в течение всего года. Ни с чем не сравнима алчность, с которой они бросаются на эту пищу, вид и запах которой не имеют ничего заманчивого. Нет ничего более любопытно-го и настолько оригинального, как эта бегущая вода, окаймлённая множеством полудиких собак, принимающихся выть при появлении посторонних; первые воют потому, что видят вас, вторые — потому, что чувствуют ваш запах, и остальные лают потому, что их товарищи лают. И это по всему холму: невообразимый шум, способный заглушить три глотки Цербера.

Благодаря обильному количеству вин, морской дичи, птицы, свежего мяса и рыбы, о которых я только что говорила, мы с момента нашего прибытия только и делали, что пировали. Камчадальские дамы пикировались за честь произвести на нас наилучшее впечатление своим кулинарным талантом и, особенно, их умением стряпать пироги, некоторые из которых могли бы быть достойны, чтобы украсить мраморные столы парижских ресторанов «У Феликса» или «Кийе». Я впервые ела медвежьи лапы, гастрономическая редкость, очень ценимая местными гурманами и даже большинством моих попутчиков. Я признаюсь, что не видела блюда более отвратительного; возможно, мне чего-то не хватило, чтобы отдать ему должное. После очень короткого пребывания, продлившегося всего три дня, мы отправились из Петропавловска, чтобы вернуться в этот грустный Тихий океан, который должен был привести нас к устью Амура. Там нам встретились альбатросы, киты, играющие вокруг нашего корабля; моржи или морские коровы, нарушающие вечернюю тишину своими тоскливыми звуками, напоминающими мычание; рыбы, плавающие у самой поверхности воды; тюлени, погруженные в пену, отдающиеся воле волн и тупо подставляющие себя под пули наших охотников; осторожные каланы. Ко всему этому присоединялись залпы из пушек по поводу и без повода — то за праздник, то за гост, то по случаю встречи. Иногда, как бы для развлечения, налетал порыв ветра, заставляя нас танцевать на гребнях волн, разбивая наши бокалы и нашу мебель, переворачивая всё в наших каютах.

Солнце, почти всегда скрытое туманом, грустно отражалось в свинцовой воде. В лунные ночи яркие блики играли на гребешках волн; чернота ночи и фосфоресцирующая поверхность огром-

ного океана; морские звёзды, сияющие среди волн, как небесные светила, и эти светящиеся облака, которые так неожиданно наплывали, окутывали корабль и исчезали так быстро, что мы забывали о них. Бесконечные маневры, сопровождаемые одними и теми же словами, всегда невразумительными для меня. Строгая дисциплина военного судна, сдерживающая всю свободу движений; унылые прогулки по палубе, где после тридцати двух шагов в длину мне следовало вернуться тем же путём назад, имея с одной стороны шлюпки на своих подставках и с другой — океан, срезанный неизменной линией горизонта. Изредка-изредка — корабль, пушечный салют, краткий обмен словами при проходе... Вот такой жизнью я прожила в течение пятидесяти дней, которые мы шли морем из Петропавловска к устью Амура.

В течение трёх дней, на высоте мыса Елизаветы и острова Сахалин, мы искали «Байкал», государственное судно, которое должно было служить средством сообщения с генералом. В один из этих трёх дней, когда солнце улыбнулось немного приветливей, праздновали годовщину коронации императора. Мы спустились на землю, где оказались лицом к лицу с настоящими дикарями, впрочем, людьми очень спокойными, которые не выражали никакого желания нас съесть. Мы совершили с ними несколько обменов. Они предпочитали деньгам форменные пуговицы, немного табаку, бусы, ненужную одежду. Они снабдили нас в изобилии свежей рыбой и разрешили взять несколько пустячков. Я взяла очень забавную коробочку.

Впрочем, этот маленький народец, который жил там по воле Божьей, не мог нам продемонстрировать ни одного существа женского пола. Эти дамы, напуганные нашим прибытием, исчезли, но если судить по их мужьям, самая прекрасная половина рода человеческого должна была быть очень грязной и очень некрасивой, и, возможно, мы не много потеряли, не увидев их.

Наконец, после нескольких дней борьбы со встречным ветром, мы прибыли к 10 октября в расположение Аяна, нового порта, открытого на берегу возле устья Амура Американской компанией, но, увы, юго-восточные ветры не позволяли войти в порт. Пришлось спустить шлюпку на воду, и мы отправились, оставив бедный «Иртыш» и его доброго капитана, который в течение четырёх часов, необходимых для того, чтобы достичь берега, приветствовал нас непрерывной канонадой, извлекаемой из всех ружей и бенгальских огней, имеющихся на корабле. В Аяне мы пробыли всего четыре дня.

Наконец после последних рукопожатий наших гостеприимных хозяев и крепкого удара нагайкой, приложенного к крупам наших верховых животных, мы вновь вверглись в хаос ужасной дороги.

Первый день был прекрасен, но второй с самого пробуждения — какой грустный спектакль! Устрашающий снег покрыл уже белым полотном верхушки гор, окаймляющих горизонт, и мы имели перспективу взбираться пешком на одну из самых высоких — но: «Будь, что будет, вперёд!» — это был крик генерала. Мы ехали быстрым шагом, несмотря на порывы ветра и град, который сёк лицо. Мы пришли к нашей горе, спустились на землю и начали подъём по скользкому склону, утопая по колено в снегу. Мы скатывались, скользя. Мало того, нужно было ещё тянуть под уздцы лошадь, которая отказывалась продвигаться. Наконец, после всех трудностей и риска мы добрались до вершины, где нас ожидало самое ужасное, что только мог Север принести на свои склоны.

Крик «Вперёд!» раздаётся ещё более энергичнее, чем раньше. Мы встречаем недалеко оттуда юрту, где согреваемся. Голод даёт о себе знать, но лошади, которые везли провизию, — заблудились. Это противодействие не останавливает нас, и мы продолжили наш путь настолько удачно, что вечером, голодные, замёрзшие, пройдя шестьдесят вёрст (более пятнадцати лье) прибыли в посёлок, где жили какие-то дикари, которые предложили нам пищу ещё более дикую, чем они сами. Она была принята нашими расстроенными желудками как манна небесная.

На следующий день новые затруднения, новые усилия — мы продираемся через болото, усеянное корнями мёртвых деревьев, спрессованных, может быть, в течение веков, спрятанных под снегом и представлявших для нас ловушки и западни на каждом шагу. Мы рисковали сломать шею или быть поглощёнными болотом. К несчастью, я отстала от всех, надеясь случайно наткнуться на лучшую дорогу. И оказалось между Сциллой и Харибдой. Я бросалась то направо, то налево, повсюду те же препятствия и опасности появлялись вновь и вновь. Моя лошадь, ведомая верным инстинктом, напрасно хотела выбрать свою дорогу, я заставляла бедное животное всё преодолевать, рискуя убить нас. Мне оставалось только десять вёрст, чтобы достичь Майи, маленькой речки, едва судоходной, которая впадала в Алдан, один из главных притоков Лены. Это был конец нашего самого трудного пути, там мы должны были найти на берегу лодки, которые нас доставили бы в Якутск”.

Какой женский организм нашего Запада мог вынести подобные испытания безнаказанно?! Даже железная конституция самого Аткинсона не могла им противиться, он умер ещё молодым вследствие тяжелых испытаний, выпавших на его долю в его долгих путешествиях; но умер среди своих, под небом своей родины, после того, как собрал результаты своих работ в два тома, которые останутся среди самых прекрасных, когда-либо вышедших в английской прессе. Мадемуазель Кристиани не могла иметь подобного счастья. С момента возвращения из Якутска её заметки становятся менее энергичными, чем прежде:

“...Этот бесконечный снежный покров, который вдохновлял меня поначалу, стал леденить сердце. Я прошла три тысячи вёрст на одном дыхании, ничего, ничего кроме снега! Снег упавший, снег падающий, снег, снег, снег... Бесконечные степи, где всё теряется, где всё прячется... Моя душа стала окутываться этим смертным саваном. Мне кажется, что заледенела и отделилась от меня, и я смотрю на неё со стороны. Я хочу её согреть, но у меня нет сил. Напротив, я опасаясь, как бы заживо похороненная душа не притянула бы тело, как говорит Ксавье де Майтре”.

Это предчувствие, к сожалению, осуществилось: она увидела Восточную Европу и климат более тёплый, но к ней не вернулись ни силы, ни её беззаботная пылкость. 3 сентября 1853 г., будучи во Владикавказе, маленьком укрепленном городке Кавказа, она писала своим друзьям:

“Отправившись из Казани в конце декабря 1848 г. и вернувшись туда в начале января 1850 г., я пробыла в путешествии один год и двадцать пять дней. Я прошла и проехала восемнадцать тысяч вёрст, немногим более пяти тысяч лье, я посетила пятнадцать городов Сибири, главные из которых Екатеринбург, Тобольск, Омск, Томск, Иркутск, Кяхта на китайской границе, Якутск, Охотск, Петропавловск и Аян в устье Амура, и города только что созданные. Я пересекла более четырёхсот водоёмов, маленьких, средних и больших, наиболее крупные из которых: Урал, Иртыш, Енисей, Лена, Алдан, Амур и его устье. Я проделала эту дорогу на бричке, на санях, в коляске, на носилках, влекомых то лошадьми, то оленями, то собаками, иногда пешком и чаще верхом, особенно в переходе от Якутска в Охотск. Также я проплыла несколько сотен лье по рекам и пятьдесят дней по Тихому океану. Я получила гостеприимство среди калмыков, киргизов, казаков, остяков, китайцев, тунгусов, якутов, бурят, камчадалов, дикарей Сахалина и т. д. и т. п. Я была услышана в таких местах, где никогда ещё

не видели артистов. Я дала приблизительно около сорока публичных концертов, не считая частных вечеров и случаев, когда я играла для собственного удовольствия. Таков был итог моего дерзкого предприятия. Это камень, который не обрастает мхом. «Под лежащий камень вода не бежит», — говорит старая пословица. Я проверила на себе верность этих мудрых слов. У меня в душе смерть... Я счастлива, как камешек в разгар грозы... Мои страдания возрастают, силы убывают, что будет со мной? Я всё испробовала, даже в этой проклятой стране, где каждый кустик прячет ловушку, но мне не повезло, вместо того, чтобы найти пулю, которую я там искала, я не нашла ничего, кроме конфет, найдённых в Шамиле в перестрелке. Это ли не театр марионеток? Это ли не шутка?»

Она прибыла к концу сентября в Новочеркасск, центр казачьего Дона, где тогда свирепствовала холера. В том состоянии, в котором находились её тело и разум — это была жертва, заранее предназначенная бедствию; она поддалась ей за несколько часов 24 октября 1853 г.».

Драма в Тихом океане

Очерк впервые опубликован в сборнике «Камчатка: прошлое и настоящее: материалы XXI Крашенинниковских чтений» (Петропавловск-Камчатский, 2004. — С. 169—173).

У подножья часовни, установленной в центре Петропавловска, — две братские могилы. В одной покоится прах защитников нашего города, в другой — наших врагов: англичан и французов. На русской могиле установлен православный крест с надписью: «Памяти убитых при отражении англо-французов 24 августа 1854 года». Католический крест украшен надписью: «A la memoire des marins seront listris au combat de Petropavlovsk. Le 24 Aout 1854».

Французы, часто посещающие в последние годы Петропавловск-Камчатский, с удивлением читают эту надпись на могильном кресте. Три главных причины вызывают их недоумение: каким образом французы и англичане — вечные соперники — оказались по одну сторону баррикад, зачем они пришли так далеко, что им нужно было на этом краю света и, наконец, что за странные слова выбиты на кресте: «serant listris»? Pourquoi??? Почему???

Действительно, несмотря на то, что об этом событии написано очень много и непосредственными участниками, и историками

в последующие годы, таких «почему» остаётся ещё предостаточно. Всем, кто касался этого вопроса, известны воспоминания одного француза — морского офицера Эдмонда дю Аيي. Из всех иностранцев он наиболее объективно подошёл к описанию событий на Камчатке, но существуют и другие мемуары, которые никогда не были переведены на русский язык. На суд наших уважаемых участников Крашенинниковских чтений я хочу представить перевод главы, сделанный мною из книги «Un drame dans les mers boreales» — «Драма в северных морях» доктора Феликса де Мэйнара, изданной в Париже в 1859 г.

Стоянка англо-французского флота на Камчатке. Я подумал, что кто-нибудь с удовольствием прочитает краткое резюме двух кампаний англо-французского флота на Камчатке. Документы, относящиеся к этой экспедиции, довольно редки; мы владеем лишь несколькими докладами, помещёнными в «Moniteur» (главная официальная газета французского правительства во времена Крымской войны. — Г. Н.) и перепечатанными другими газетами того времени. Однако история Восточной войны будет неполной, если не рассказать о событиях этой далёкой кампании.

Воистину, она заслуживает название Восточной войны, эта война, имевшая двойной театр действий — Камчатку и Крым! Мы ещё погружены во тьму ночи, в то время как солнце уже освещает эти два полуострова, эти две противоположные точки одного континента, который простирается под дланью русского колосса!

...Победные возгласы, исторгнутые нашими солдатами на двух полях битвы, отдалённых друг от друга, воссоединились в пространстве, и в тот же день весть о падении Малахова кургана и Петропавловска достигла Франции (как известно, в Петропавловске «нашим солдатам» русскими было нанесено поражение. — Г. Н.).

Разрешите мне, однако, добавить к моим путевым заметкам несколько сведений по поводу операций союзных флотов на Камчатке. Я думал увидеть наши корабли в действии, себя участником высадки, я мысленно оценивал уже интенсивность огня, пожирающего город...

Но вот мы отступили, не будучи ни победителями, ни побеждёнными, а я бинтую раненых, которые спешат выздороветь, чтобы взять реванш...

С того самого времени, когда Англия и Франция послали корабли в Тихий океан, число их возросло в начале 1854 г., и с возникновением враждебных отношений с Россией, объединение этих крейсеров, соединившихся против тех, кто владел Индийскими

морями, сформировало двойную эскадру под командованием адмиралов Прайса и Феврие-Депуанта. В задачи этой эскадры входило атаковать, захватить или затопить корабли противника, будь то военные или коммерческие суда, встреченные в этом прибрежном районе, а также разрушить колониальные поселения, основанные русскими, на полуострове Камчатка, Курильских и Алеутских островах и Северо-Западе американского континента.

Было известно, что адмирал Путятин прошёл этими морями. Были также известны и его силы, которые состояли из фрегата «Паллас» («Паллада». — Г. Н.) с шестьюдесятью пушками, «Дианы» и «Авро-ры» с пятьюдесятью, «Алеутии» с двадцатью четырьмя, одного бри-га с двадцатью, одной шхуны с двенадцатью, двух пароходов и не-скольких транспортных кораблей, перевооружённых к военным условиям, таких, как «Ситха», «Камчатка» и «Двина», несущих по двенадцать артиллерийских орудий. Полученные последние сведе-ния сообщали, что, пересекши широту Сандвичевых островов, он должен был достичь Японии, дойти до Петропавловска, проникнуть в Татарский пролив и пройти прибрежными районами, которые посещают английские и французские китоловы.

Союзные адмиралы после соединения в Вальпараисо в июне 1854 г. бросились на преследование русского флота, но, прибыв в Гонолулу (Сандвичевы острова), узнали, что Путятин укрылся в большой Авачинской бухте со своими одиннадцатью судами (в Петропавловском порту было три судна: «Аврора», «Двина», «Облигадо». — Г. Н.), на которых двести сорок стволов были гото-вы к бою. Англо-французская эскадра состояла тогда из неболь-шого количества парусников: фрегата «Ла Форт» с пятьюдеся-тью пушками, корвета «Эвридика» с двадцатью и брига «Облига-до» с двенадцатью со стороны французов; со стороны англичан — фрегата «Президент» с пятьюдесятью пушками, фрегата «Пик» с сорока пушками, «Амфитрита» с двадцатью четырьмя и «Вираго» на паровом ходу мощностью в триста лошадиных сил и с шестью пушками. Всё вместе это было семь кораблей и двести орудий («Амфритита» не был в Авачинской губе в 1854 г. На англо-французской эскадре на шести кораблях было двести двенадцать орудий. — Г. Н.).

28 августа 1854 г. в полдень союзные силы находились на рейде в Авачинской губе. «Вираго» прошёл вглубь для ознако-мления с бухтой и вернулся вечером с известием, что весь русский флот действительно целиком находится в укрытии Петропавлов-ского порта.

29-го англо-французский флот, разделённый на два отряда, оказался у входа в бухту и был встречен залпами со всех береговых батарей, огонь сопровождал корабли, подошедшие к порту, в глубине которого располагался город. Наши адмиралы бросили якорь вне досягаемости ядер, снарядов и бомб и посвятили день 30 августа формированию своих планов атаки и разведыванию вражеских позиций, а также их средств защиты.

Шесть батарей держали под перекрестным огнём вход в порт, четыре из этих батарей были специально отданы на защиту города с севера и юга и позади песчаной кошки, которая немного прикрывала порт. С южной стороны виднелась часть русского флота: поставленная на шпринг (на два якоря. — *Г. Н.*) «Аврора», «Двина» и «Камчатка». Эти корабли с их низкими мачтами, спрятанные от нас песчаной дюной, имели возможность использовать свои короткоствольные пушки. В результате русские заняли позиции почти неприступные. Однако наши адмиралы решили атаковать их немедленно, вместо того чтобы блокировать Авачу, и после обеда был дан приказ приготовиться к бою.

Уже «Вираго» раздувал пары, чтобы взять на буксир фрегат «Пик» левым бортом, «Ла Форт» — правым бортом и «Президента» — за корму, когда капитан Николсон объявил господину Феврие-Депуанту о внезапной смерти адмирала Прайса. С этой минуты бой уже не мог продолжиться в этот день. Нужно было, прежде всего, чтобы заместитель адмирала ознакомился с планом атаки. Корабли вновь заняли прежние позиции вне досягаемости наземных батарей. Вечером в восемь часов все капитаны объединённой эскадры собрались на совет на борту «Ла Форта». Там командующий Николсон был признан как заместитель адмирала Прайса, было принято решение, что ничего не будет изменено в планах, приостановленных прежде, и что со следующего дня на рассвете огонь будет открыт.

Итак, 3 августа в восемь часов одиннадцать минут «Вираго», буксируя «Ла Форт» правым бортом, «Пик» — левым и «Президента» — кормой, набрал ход и направился к Шаховскому укреплению (батарея на мысе Сигнальном. — *Г. Н.*), установленному на южной точке насыпи, защищающей город. Наши корабли рассчитывали сосредоточиться в пяти кабельтовых от этого форта, но течение настолько относилось к выходу в море, что адмирал Феврие-Депуант отказался бороться против него и приказал отпустить паруса кораблям «Ла Форт» и «Президент», которые стояли на якоре в семи с половиной кабельтовых от форта, в то время как

«Вираго» сопровождал «Пик» в место, примитивно обозначенное для постановки на шпринг. Наши корабли выполнили эти маневры под пушечным огнём с насыпи, с форта Шахова, с другой батареи, едва возвышающейся над землёй, и с другой батареей справа, а в девять часов пятьдесят пять минут русские эвакуировали батарею Шахова.

Во время этой атаки «Вираго» сопровождал к берегу десант, который в десять часов сорок пять минут заклепал и демонтировал орудия правой батареей. В этот момент приблизительно две сотни русских, выйдя из города, направились к этой батарее; но «Пик» послал тотчас отряд королевского флота на помощь нашим людям, который немедленно был усилен новым отрядом десантников с «Ла Форт». Русские остановились тогда на расстоянии мушкетного выстрела, и цель высадки была достигнута, наши моряки вернулись в свои шлюпки, которые фрегат «Аврора» обстреливал постоянно, но безуспешно.

Так закончился бой первого дня, мы отдохнули и поужинали до возобновления атаки. В час сорок пять минут «Ла Форт» поднял якорь и подготовился подойти как можно ближе к русским батареям, но постоянное встречное течение не позволило ему открыть огонь ближе, чем с пяти с половиной кабельтовых от Шаховского укрепления, и в восемь с половиной от наземной батареи, которая поддерживала очень плотный и очень прицельный огонь, направленный на «Ла Форт», который отвечал им настолько эффективно, что русские пушки по меньшей мере через тридцать минут замолчали. «Президент» присоединился к нему, в то время как «Пик», остававшийся на якоре с утра, не прекращал стрелять своими крупнокалиберными снарядами. Английские офицеры, восхищённые хладнокровием и храбростью экипажа «Ла Форт», единственного, кто выдерживал в течение некоторого времени огонь врага, послали подкрепление французскому адмиралу.

В четыре часа сорок пять минут русские выстрелили только один раз из пушки. Форт Шахова был эвакуирован, правая батарея разрушена, от покинутой батареи осталось лишь дюжина (на батарее № 1 было три тридцатистифунтовых пушек и двух бомбических. — Г. Н.) брошенных орудий. Итак, день был удачным.

На следующий день «Вираго», посланный на другую сторону бухты, чтобы захоронить тело адмирала Прайса, захватил в плен двух мужчин, рубивших дрова. Эти люди дали некоторые сведения о Петропавловске. По их словам, высадка могла быть почти наверняка удачной, если бы произошла в другом направлении, и если

моряки последуют по дороге, которую они предлагают им указать, можно захватить город.

Командиры и капитаны соединённого флота собрались на совет о степени доверия к предложениям этих двух пленников. Мнения разделились. Некоторые вместе с адмиралом Депуантом думали, что было бы предпочтительнее разрушить все батареи с внешней стороны города; предпринять глубокую разведку местности. Другие упорствовали на немедленной высадке и походе в деревню в сопровождении своих пленников. Большинство совета приняло к несчастью этот последний план, выполнение которого было доверено семи сотням моряков, из которых половина была французов, половина англичан, собранных под командованием капитанов Барриджа с «Президента» и де Ла Грандьера с «Эвридики».

4 сентября в пять часов утра «Вираго» принял на борт этих семьсот человек, и «Ла Форт» приблизился к двум батареям, о разрушении которых шла речь: и той, что была на насыпи, и той, с северного укрепления, с той целью, чтобы наши войска могли высадиться на сушу. «Ла Форт» в этом маневре прикрывал своей массой «Вираго», который буксировал «Президента», и в течение нескольких мгновений переносил на себе всю тяжесть косоприветельного обстрела, не давая ответа на огонь противника. Но как только «Ла Форт» смог стать на траверз, он взял свой реванш, прошёл в трёх кабельтовых от северного укрепления, разрушил его и, заставив моментально эвакуироваться, встал на шпринг перед батареей на насыпи, которая также была немедленно покинута, настолько стрельба с «Ла Форт» была жесточайшим образом точна. Залпы с «Президента», стоявшего напротив первого форта, дополнили действия «Ла Форт», и «Вираго» продолжил свой путь, доставив наших десантников на берег.

Было решено заняться как можно быстрее маленькой горой, немного удалённой от песчаного берега. Авангард, составленный из английских солдат и из наших элитных взводов, устремляется бегом на штурм горки под огнём русских, останавливается на площадке, чтобы подождать основную часть группы. Там несколько человек, в пылком порыве пробежавшие несколько далее других к густым зарослям, были встречены яростным огнём русских стрелков, затаившихся в укрытии. Огонь был настолько силен, что наш авангард получил приказ отступить к центру.

В это время господин де Ла Грандьер во главе моряков с «Ла Форт» и с «Эвридики» обогнул гору, но вынужден был также отступить после оживлённой перестрелки. На этом высадка наших

семисот десантников была закончена, так как численность русских без конца возрастала (стрелковый отряд, отражавший десант, насчитывал до двухсот восьмидесяти человек. — Г. Н.).

Результаты этого предприятия были практически нулевыми. Мы заклепали несколько пушек, но потеряли несколько человек. К счастью для нас, русские не воспользовались выгодами своих позиций. Они могли с высот, которые они занимали, расстрелять группу десанта, которая добралась до борта своего корабля в полном порядке и, можно сказать, с воинской доблестью.

Когда 6 сентября союзные корабли вернулись на прежнюю стоянку и спокойно занялись починкой повреждений, вдруг вечером того же дня впередсмотрящие сигнализировали о появлении нескольких огней на входе в Авачинскую бухту. При этой новости энтузиазм возродился, раздались крики радости, неистовые «Ура!» приветствовали на каждом корабле приказ о скорейшей подготовке к атаке. Все подумали, что приближается крупная группировка русского флота и великая битва под парусами, так долго ожидаемая, так долго искомая, совершится на рассвете!

Горькое разочарование! День наступил, а русский флот так и не показался, только два паруса — одна маленькая шхуна и тяжёлая баржа попали в западню перед флагами Франции и Англии. Их ловко захватили. Шхуна называлась «Анадырь», она имела на борту две короткоствольные пушки, груз из строительного леса и продовольствие для Петропавловска. Большая баржа под названием «Ситха» была вооружена двенадцатью пушками и везла груз стоимостью более миллиона. Она везла также припасы и продукты на Камчатку. Среди пассажиров находился помощник губернатора провинции, один капитан от артиллерии и несколько новых служащих гражданской администрации.

Шхуну сожгли и взяли на буксир «Ситху», а союзный флот удалился от Камчатки, где наступавшая осень, а также их инструкции не позволяли совершать более длительное пребывание.

По сведениям, полученным от пленников, выходило, что в Петропавловске был тогда для защиты гарнизон из тысячи двухсот человек и восьмидесяти орудий на батареях (город защищали 926 человек и 68 пушек. — Г. Н.), не считая подкрепления людьми и пушками, снятыми с военных кораблей. Потери русских были так же многочисленны, как и наши. Нас обвиняют в смерти с нашей стороны двадцати шести человек, среди которых господа капитан-лейтенанты Лефевр и Бурассе с «Эвридики» и Жиккель-Детуш, мичман с «Облигадо».

Союзные корабли разделились. Английский отряд направился к бухте Ванкувера на северо-западный берег Америки, французский ушёл в сторону Сан-Франциско запастись продовольствием.

15 мая 1855 г. восемь кораблей, парусных и паровых, отделённых от основной части союзного флота, состоявшего в ту пору из восемнадцати кораблей, вернулись в Авачинскую бухту и стали на якорь перед Петропавловском. Контр-адмиралы Фурришон и Брюс, которые командовали ими, ожидали ещё более яростного сопротивления, чем в предыдущем году. Представьте же их удивление, их изумление, когда форты и батареи позволили им приблизиться к берегу и выбрать стоянку по их собственной фантазии, без единого пушечного залпа. Вся береговая часть и окрестности были пустынные, и подзорные трубы позволяли видеть лишь трёх индивидуумов, сидящих на возвышении Шаховской батареи и спокойно курящих трубки. Никакого флага или штандарта не развевалось над казармами и домом губернатора, мёртвая тишина царила над городом.

Наши адмиралы, сильно заинтригованные, хотели, было, спровоцировать врага, зайдя за их укрепления, и отправили тотчас на берег отряд моряков. Отряд спокойно высадился, медленно пересёк оборонительное сооружение на площади и проник в город, не встретив ни малейшего препятствия. Ни одного вскрика, ни одного выстрела не раздалось, а курильщики, приглашённые знаками, подошли поздороваться с вновь прибывшими.

Русские эвакуировали город месяц назад. В городе оставался один обрусевший француз и трое американцев, которые считали себя уже законными наследниками покинутых земель и домов. Сотни прекрасных камчатских собак бродили голодные по улицам и лизали руки наших матросов в надежде получить кусочек сухаря. Отряд, обследовав пустынный город, разделился на партии, которые получили приказ разрушить, сжечь, разбить до основания всевозможными средствами дома, магазины, склады и укрепления, уничтожить всё, кроме церкви, больницы и нескольких жилищ аборигенов.

Жители в сопровождении местных властей были отправлены 20 апреля, немного ранее отправки гарнизона. Жена губернатора оставалась в маленькой деревне в двадцати милях от Петропавловска по причине своей беременности.

Гарнизон отправился морем. Приказ об эвакуации был исполнен одним русским генералом из Сибири. По праву вызывает удивление

то, что корабли, которые транспортировали гарнизон к устью реки Амур, смогли выйти из порта, ещё скованного льдами в апреле, и к тому же избежать встречи с двумя английскими пароходами, которые крейсировали в течение всей зимы возле выхода из Авачинской бухты.

Итак, всё же победой или поражением вошла «стоянка на Камчатке» в историю Франции?

А что касается эпитафии на могиле, то я предполагаю, что в слове «*listris*» утеряны две первые буквы «*il*» (*illuistris* по латыни означает знаменитый, прославленный). В этом случае надпись следует читать следующим образом: «В память о моряках, что прославлены будут в битве за Петропавловск». Только непонятно, о какой славе они говорят?

Забывтая книга

Очерк впервые опубликован в сборнике «“О камчатской земле написано...”: материалы XXIII Крашенинниковских чтений» (Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 170—175).

*О, пожелтевшие листы,
Шагреневые переплёты!*
Н. Гумилёв

Встреча с Книгой... Это всегда волнующе, как встреча с интересным человеком. Я не раз бывала в библиотеке Института вулканологии и немного знала её фонды, но, наверное, нужно было совпадение обстоятельств, чтобы это знакомство состоялось. И, как настоящее знакомство, оно не могло состояться без представления. «А вот, посмотрите, какая у нас чудесная книга на французском языке, — сказала мне заведующая библиотекой Надежда Константиновна Гаврилова, — прекрасно оформлена и иллюстрирована». Книга была действительно прекрасна: позолоченные купола и герб России сияли на тёмном фоне, нарядный переплёт и золотой обрез радовали глаз своим совершенством. С некоторой опаской открываю титульный лист: что скрывается там, за её красивым лицом? Читаю: «*Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien suivi d'un voyage en Sibirie par M. R. Bourdier*», то есть «Живописное путешествие по России и Сибири Шарля де Сен-Жюльена с приложением путешествия по Сибири Бурдьё». (Мне совершенно незнакомы имя автора и название книги.)

Издана в Париже в 1854 г. у Белен-Леприер и Моризо, иллюстрирована великолепными рисунками художников Роарга, Уотвэйта и Керно.

Как же получилось, что эта красавица-книга была совершенно обделена вниманием наших историков и краеведов? Многие были даже склонны думать, что это мистификация. Пишу во Францию, своим коллегам-библиотекарям. Получаю краткие сведения о самой книге, те же, что размещены в Интернете, не более. Известный краевед из Приморья Владимир Хохлов высказал предположение, что Сен-Жюльен написал историю этого путешествия, не выходя из своего кабинета, он же подсказал, что нужно посмотреть книгу Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» [1].

Благодаря этой подсказке личность Шарля де Сен-Жюльена обретает реальность. Да, действительно, был такой литератор, издатель французской газеты «Le Furet» в Санкт-Петербурге. Вхожий в высшие литературные круги северной столицы, он был секретарём в доме Лавалей (салон Лавалей. — Г. Н.) [2], где по определённым дням собирались самые выдающиеся представители поэзии и литературы. Там он имел возможность видеть Пушкина, Крылова и Жуковского. В его литературно-театральной газете была напечатана благожелательная рецензия на «Бориса Годунова» и заметки о Пушкине. Сен-Жюльен — автор статьи «Пушкин и литературное движение в России за сорок лет», которая была напечатана во французском журнале «Revue de Deux Mondes» в 1847 г. [1]. (Этот литературно-общественный журнал впервые издан Сегюром, Дюпетреном и Моруа в 1829 г.) В своей статье Сен-Жюльен изложил обстоятельный обзор жизни и творчества Пушкина, а также достоверную историю дуэли и смерти поэта (надо заметить, что до 1850 г. подробности его гибели замалчивались).

Итак, в 1846 г. Сен-Жюльен покидает Россию, но с 1854 по 1862 г. он снова в Санкт-Петербурге, где преподаёт в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Ну что ж, прекрасно! Личность подтверждена, Шарль де Сен-Жюльен — вполне реальный человек, но почему ни в одной истории путешествий нет ни малейшего упоминания об этом событии?

Можно только предположить, какой успех могла бы иметь эта книга, ведь она предлагала познакомиться с такой загадочной, огромной страной — Россией, добраться вместе с автором до её самых отдалённых уголков, получить подробные сведения о природе, климате и многочисленных народностях, ощутить вместе

с ними и жару, и холод, почувствовать голод и безнадёжность в камчатской тундре...

О своих задачах Сен-Жюльен говорит так: «Этот труд не будет выражать ни политическую доктрину, ни какое-либо предвзятое мнение об этой стране. Это простое путешествие, имеющее целью воспроизвести живописную Россию, и как я уже сказал, живописную в её моральном выражении, живописную в своих нравах, в своём обществе, в своей истории, в своём народе, в своей литературе... Я не собирался изучать Россию как учёный, который не пренебрегает ни одной подробностью, но я хотел объехать страну как путешественник-любитель, немного философ, немного поэт, который, если и останавливается на какой-либо детали, то только затем, чтобы передать впечатление от всего ансамбля; не для того, чтобы анализировать, но показать жизнь, не для гравюры, а для живописного полотна. И если, несмотря на моё желание, вместо картины мне удался лишь эскиз, я им утешусь в том случае, если, как я надеюсь, он достаточно верен» [2, с. 4].

К своему труду Сен-Жюльен приступил, основательно изучив историю и географию России. В составленном в несколько витиеватом и пышном стиле предисловии он воздаёт должное величии Российской Империи, грандиозности её пространств, разнообразию ландшафтов. «Страна, природа и характер которой представляют все контрасты, все противоречия и которые при этом неизвестно каким образом сливаются в живописную гармонию, подобная страна не может не представлять жгучий интерес для путешественника...» [2, с. 1—2].

Можно только поражаться красноречию и эрудиции французского литератора и в то же время его необычайной сдержанности в отношении практической стороны путешествия и личности самого путешественника.

В первую очередь меня поразило полное отсутствие имён. Видимо, надо страдать либо полной амнезией, либо так было задумано — показать лишь страну в общем и описать народности, при этом не назвав ни одного из реальных людей. В одном месте автор оговаривается: «В Иркутске я встречался с множеством людей, но очень быстро их имена выскочили у меня из головы (губернатором Восточной Сибири в то время был Н. Н. Муравьев-Амурский. — Г. Н.)».

Загадка для меня и в том, кто же всё-таки совершил путешествие по Сибири? Если в заглавии стоят два имени, и, стало быть, путешествие по Сибири и Камчатке совершено уже другим лицом,

а именно господином Бурдые, то повествование в книге ведётся от первого лица, стиль, манера изложения не меняются от начала до конца.

Всё это требует дополнительных поисков, а пока я вновь возвращаюсь к самой книге...

«Маршрут, которым мы будем следовать, проложен на всю ширину циркуля, если можно так сказать, и как это должно быть в странах, границы которых достигают самых отдалённых точек мира. Здесь можно увидеть линию нашего пути, или, скорее всего, перечень мест, которые мы собираемся посетить. Прежде всего, само географическое расположение указывает мне первое разделение: Россия Европейская и Россия Азиатская. В первой части путешествия я наметил три главных пункта, которые сформируют три первые части этого путешествия, имеющих в свою очередь свои естественные границы.

Что касается второй части, она включает в себе четвёртую, большую часть моего труда.

Первая часть. Европейская Россия. Санкт-Петербург и его окрестности в двойном аспекте: лета и зимы. Финляндия, соседняя с Ингрией, земля озёр, лесов и патриархальных нравов. Здесь путь пройдёт до берегов Белого моря в Архангельск — этот первый порт России, открытый для Западной Европы. Возвращение в Санкт-Петербург и далее в Москву. Пункты отдыха: Новгород, некогда Великий, могущественный и республиканский! Валдай с его живописным озером, с его изящными холмами, куда на какой-то старой французской карте был помещён исток реки Волги; Торжок с его расшитыми сафьянами и византийскими куполами; Тверь с её историческими воспоминаниями и Волгой, которая там начинает свой бег на тысячу лье! Белая Москва со своим Кремлём, церквями, монастырями, живописными окрестностями и необыкновенной и драматической историей.

Вторая часть. Дорога от Москвы до Нижнего Новгорода. Волга, эта матушка-река, как её называют, с городами, горами, пейзажами, орошаемыми её водами, с народами, населяющими её берега до Астрахани, выстроенной при её впадении в Каспийское море. Остановка в этом полукалмыцком городе закрывает вторую часть труда.

Третья часть. Здесь мы познакомимся с Кавказом, с южными провинциями России, со страной запорожских казаков и Киевом, с этим Римом московитов, с его катакомбами, его великим монастырём, святыми реликвиями, народными традициями, его былинами

и поэтическими воспоминаниями двора Владимира Великого, этого русского Шарлеманя!

Четвёртая часть. Азиатская Россия. Урал и Сибирь. Эта последняя часть следует за предыдущими в виде приложения: что означает, что она будет иметь с первыми частями лишь отдалённую связь.

Столь Сибирь с её огромными горными цепями, с её золотыми рудниками, с её каторжниками, с её колониями, с её новыми поселениями, с её девственными лесами, ледяными реками, с её кочевыми и разнообразными племенами, со своими, не менее различными, обычаями, с её затерянными городами, охотой на диких животных в её просторах; если только эта земля больше, чем вся Европа, и открытие которой, и завоевание представляют удивлённому взгляду величие эпопеи дикой и грандиозной и достойной интереса, сколь возможно в подобной книге включить лишь наименьшую часть, так как изученная более подробно, она может снабдить сюжетом многотомное издание. В том виде, котором я её представил, каким бы уменьшенным он не мог показаться в сравнении с протяжённостью и значением этого края, можно, однако, получить представление более-менее точное о Сибири, о её облике, её природе и обо всём, что с этой точки зрения она представляет наиболее выдающегося и характерного» [2].

Итак, путешествие по Сибири.

«В 1850 г., будучи в Санкт-Петербурге, куда меня привёл мой бродячий нрав, уже начав находить, что моё пребывание в этой блестящей столице чересчур затянулось, я вопрошал себя, в какую сторону мне направить мои новые странствования, когда случай свёл меня с неким Иваном Третьяковым, молодым русским купцом, который занимался в Сибири торговлей мехами и клыками мамонта, которые вывозят из этих краёв с незапамятных времён и которые ещё там встречаются как ископаемые в таком же изобилии, как некогда» [2, с. 454].

Наконец, в этой истории упоминается ещё одно действующее лицо — Иван Третьяков. Наш герой, я уже не знаю даже, как его называть: то ли это Сен-Жюльен, то ли Бурдые, восхищённый рассказами о Сибири, уговаривает молодого купца взять его с собой в поездку по ней вплоть до Камчатки. Купец соглашается, хотя и предупреждает обо всех трудностях и опасностях столь дальнего пути.

Путешественники покинули Санкт-Петербург 25 марта и прибыли в Москву в первые дни апреля. От Москвы до Уральских гор их часто задерживали разлившиеся реки. И если купца это

приводило в ярость, то наш путешественник-любитель мечтает и грезит арабскими сказками. Но вот Уральские горы уже позади. «Их заснеженные вершины понемногу исчезали за нами, увенчанные своей короной туманов» [2, с. 456].

Путь до Иркутска с уже хорошо отлаженной сетью почтовых станций, где путешественники могли отдохнуть и поменять лошадей, в середине XIX в. не представлял особой трудности. Хотя, несомненно, что та Азия, которую собирался пересечь путешественник, сильно отличалась от Азии из арабских сказок. Её суровые пейзажи навевали страх и безнадежность, само слово «Сибирь» всегда внушало европейцам мистический ужас. «Я признался бы чистосердечно, что меня охватило чувство, похожее на ужас, когда я осознал, что я отрезан от Европы цепью высоких гор и заброшен почти один в страну, которую я знаю ещё только по вульгарным предрассудкам и преувеличенным рассказам путешественников и которую я себе представлял вследствие этого как ужасающую пустыню без конца и края, населённую злодеями. Но этим страхам не суждено было осуществиться, так как во время всего моего пути я нигде не встретил разбойников...» [2, с. 457].

Он был тронут сердечностью и бескорыстием жителей, а также тем, что можно было не опасаться воров, оставляя багаж без присмотра. Путешествуя, таким образом, без особых неприятностей и даже с некоторым комфортом, оба достигают Тобольска и Иркутска — двух главных городов Сибири. Основательно подготовившись в Иркутске к дальнейшему пути, они покинули город в начале июня, и в деревне, находящейся в двухстах тридцати шести верстах от Иркутска на левом берегу реки Лены, судоходной именно с этого места, наняли «повозок», то есть вид плоскодонной лодки, и, загрузив товары, начали спуск по величественной реке.

Пока путешественники «скользят» по Лене, автор делает пространственный обзор Сибири, её истории, географии, народов, её населяющих, их нравов, обычаев, флоры и фауны, полезных ископаемых и прочего. Рассказ этот очень подробен и, по всей вероятности, отражает те сведения о Сибири, которые можно было почерпнуть из различных источников той эпохи.

Во всяком случае, автор придерживается определённых правил этого жанра и перемежает путевые заметки подробными отступлениями. Но чем больше погружаешься в книгу, тем живее и увлекательнее становится описание их пути. Интересно, что самая яркая, можно сказать, волнующая часть повествования — это та глава, где рассказывается о пребывании у чукчей.

И, наконец, описание Камчатки. «После нескольких дней, проведённых на берегах Полярного моря, я возвращаюсь к чукотским палаткам. Там я нахожу моего друга Третьякова уже полностью готовым к дороге на Камчатку, где, как он узнал по дороге, может быть очень выгодный обмен с местными. Он предложил мне принять участие в его новом предприятии и дал мне понять, что я не скоро найду подобный благоприятный случай посетить страну столь мало знакомую и, однако, столь достойную во многих отношениях привлечь внимание путешественников. Я позволил себя уговорить и, уступая его настояниям, одним прекрасным утром оказался на санях ещё более спиной к Европе, направляясь к этой крайней провинции Азиатской России.

Я не хочу утомлять читателя подробностями путешествия, в рассказе о котором он не нашёл бы в большей части ничего, кроме скучных повторов, так как местность, которую мы проезжали, покинув гостеприимных чукчей, похожа на все те, которые мы уже имели случай описать. Это та же природа, неплодородная и дикая, тот же холод, тот же снег, тот же способ передвижения и часто те же нравы, те же обычаи, и я бы сказал, те же обитатели. Итак, моё намерение — быть как можно более кратким и набросать о Камчатке лишь быстрый эскиз, предназначенный выделить наиболее замечательные и выдающиеся особенности этого края.

Камчатка — это большой полуостров, который касается восточных берегов России и простирается к югу в океан до Курильских островов и образует северную оконечность Старого Света. Почти неизвестная до 1696 г., она была в некотором роде открыта в это время храбрым казаком Морозко, который достиг Камчатки во главе небольшой экспедиции, состоящей всего из шестнадцати солдат, столь же отважных, как их вожак. Годом спустя Камчатка перечислялась в ряду провинций русского владения и платила налог императору.

Камчатка не была для России ничего не значащим приобретением. Менее холодный и более богатый, чем Сибирь, этот полуостров, площадь которого составляет не менее двадцати пяти тысяч квадратных лье и насчитывает, однако, не более чем восемь тысяч жителей, предназначен, бесспорно, для будущего, которое можно предвидеть, но время которого, однако, невозможно определить, когда он приобретёт то значение и то развитие, которые неизбежны для страны, настолько благоприятно расположенной в морском и коммерческом отношении. И действительно, стоит лишь взглянуть на карту, чтобы понять, какие возмож-

ности может представлять эта большая земля, омываемая одновременно океаном и Охотским морем, с берегами, изрезанными широкими и глубокими бухтами, судам, ведущим торговлю с Китаем и тем, что занимаются охотой на китов, которыми эти моря изобилуют. Русские давно поняли, какую выгоду можно извлечь из этой провинции и, несмотря на отдалённость, в которой она находится, отдалённость, утроенную трудностью сообщений, они, тем не менее, основали два города, ещё незначительных, разумеется, но стоящих на пути развития.

Из этих городов самый старинный — Нижнекамчатск, почти в устье реки Камчатки. Он является главным местом этого края, но насчитывает лишь несколько сотен жителей (во время путешествия Сен-Жюльена административным центром Камчатской области с 1849 г. был Петропавловский порт — *Г. Н.*). Петропавловск, другой город Камчатки, образованный позже, чем Нижнекамчатск, но зато имеющий большее значение, как по количеству жителей, так и торговлей, которая в последние годы особенно расширяется. Вест-Индская и Русско-Американская компании установили там крупные магазины, и именно из этого порта они отправляют каждый год многочисленные суда в соседние моря для охоты на кита и кашалота».

Более всего француза поразили на Камчатке травы, их огромные заросли: «Трава колыхалась огромными волнами, как в саваннах Луизианы, и среди воспоминаний, оставивших в моей памяти немало чудес, увиденных мною в течение моей бродяжьей жизни, впечатление, произведённое на меня этими обширными зелёными долинами, было ни менее привлекательным, ни менее величественным».

Жаль, что время доклада ограничено и нельзя далее продолжить эту оду травам Камчатки, но, поверьте мне, что вы нигде не встретите такое поэтическое описание именно трав Камчатки. Много внимания он уделяет здесь собакам и оленям, действительно, игравшим огромную роль в жизни жителей полуострова. Описывает и жилища камчадалов, и одежду, и пищу. Подробно останавливается на устройстве лодок, оружия и так далее, что так же небезынтересно, но кажется заимствованным из других источников.

Что касается нравов местных жителей, он делает следующее заключение: «Дикие народности все схожи между собой, и когда говорят о грубых средствах, которыми они достигают удовлетворения своих самых необходимых природных нужд, в этом вся их история».

Создаётся впечатление, что автор устал, и он резко обрывает рассказ: «Не попрощаться ли мне с камчадалами, так же как и читателю, что я и имею честь сделать в нескольких словах».

«После трёх месяцев, проведённых на Камчатке, я возвратился с Третьяковым в Санкт-Петербург через те же места, которые мы проезжали. Я не стал долго задерживаться в этой столице Русской империи, я торопился вернуться во Францию» [2, с. 533].

«Спустя немного времени после моего прибытия в Париж я встретил на бульваре одного из моих друзей, которого я не видел в течение многих лет. Я подошёл к нему со словами:

— Откуда вы прибыли?

— Из Калифорнии, — ответил мне он. — А вы?

— Из Сибири.

— Ах!

— И, несомненно, вы привезли отсюда золото, немало песка и немало слитков?

— Да, немало. А вы сами? — добавил он с лукавым видом. — Что вы привезли из Сибири?

— Я? Я повидал во время моего долгого путешествия немало людей и немало мест. И на всех широтах я видел человека, слабого, несчастного, от колыбели до могилы грустную игрушку судьбы и собственных страстей. Я восторгался повсюду, даже под небом Полярного круга, величием и великолепием природы, и я привёз из моих странствий глубокое убеждение о величии Бога и моём собственном ничтожестве. Не нашёл ли я нечто более ценное в Сибири, чем вы в Калифорнии?

На этом мы расстались, а также здесь я расстанусь с читателем, предлагая ему поразмышлять над этой мыслью, которая является единственной моралью и всей философией этой маленькой книги. Конец» [2]...

В отличие от автора, я не вправе ставить точку, ставлю мой любимый знак препинания — многоточие, из чего следует заключить, что продолжение следует, и я просто обязана к следующим чтениям найти сведения об этой книге и её создателях. Отрывки из книги Сен-Жюльена приводятся в переводе автора статьи.

Источники

1. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. — Л.: Наука, 1988. — 394 с.
2. *Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien suivi d'un voyage en Sibirie par M. R. Bourdier.* — 1854.

Библиотека Акционерного Камчатского общества

Впервые очерк опубликован в сборнике «Изучение и освоение Камчатки в XX веке: материалы XIX Крашенинниковских чтений» (Петропавловск-Камчатский, 2002. — С. 90—96).

Судьбы библиотек... Великих, как Александрийская, библиотеки Ашшурбанипала и Улугбека, Либерея Ивана Грозного, чьи тайны до сих пор тревожат воображение. Но зачастую и судьбы совсем небольших, общественных или частных библиотек — это всё та же драма человеческих судеб и политических игр.

Треугольный штамп с аббревиатурой «АКО» встречается на многих книгах, хранящихся ныне в редком фонде Камчатской областной научной библиотеки. Некогда они принадлежали библиотеке Акционерного Камчатского общества. В том, что такая мощная организация, как АКО, имела своё книжное собрание, нет ничего особенного: почти каждая организация или предприятие располагали своей ведомственной библиотекой, и каждая из них получила свою особую историю. В библиотеке же АКО, если судить хотя бы по сохранившимся её разрозненным остаткам и свидетельствам бывших читателей, было собрано всё, что касалось изучения Дальнего Востока. Возникшее на базе Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества (ОКАРО), АКО своей основной задачей ставило изучение и рациональное использование природных ресурсов Камчатки. В этих целях был создан научно-исследовательский отряд. С переездом в 1929 г. на Камчатку, в правлении АКО возникает идея создания камчатского научно-исследовательского института. Покупку оборудования и комплектование библиотеки для него правление общества поручило профессору Владимиру Ивановичу Огородникову.

С этой целью в 1930 г. Владимир Иванович едет в командировку в Москву и Ленинград. В отчёте об этой поездке профессор писал: «Создание научной библиотеки для института, вменённое мне в обязанность постановлением правления от 19 мая, потребовало от меня особенно много времени и внимания. Подбор книг по определённым специальностям является вообще трудным и ответственным делом. Мне приходилось заниматься этим делом иной раз целыми днями и вечерами в книжных магазинах и подвалах — складах букинистов, порою же мимоходом между выполнением разных поручений».

С первого же дня после приезда в Москву он приступает к покупке книг. Приобретения тут же отправлялись ценными бандеролями

в Петропавловск-Камчатский. В Ленинграде он получает разрешение на бесплатный отпуск будущему камчатскому институту всех изданий Академии наук, как имеющихся на складе, так и всех дублетов из академической библиотеки. Он договорился с известным библиографом Шидловским об отборе книг в Академии наук и других научных и высших учебных заведениях, а также о пополнении ряда серийных изданий.

Вот список учреждений, бесплатно выдавших свои издания для камчатской научной библиотеки:

- Институт прикладной ботаники и новых культур при Академии сельскохозяйственных знаний им. Ленина;
- Институт механической обработки металлов;
- Гидрологический институт;
- Лесотехническая академия;
- Государственное Русское географическое общество;
- Главное геологоразведочное управление;
- Гидрографическое управление;
- Центральное бюро краеведения (Ленинград и Москва).

Из разных библиотек отбираются «Вестник рыбопромышленности» за три десятилетия и некоторые другие, из библиотеки Шидловского — ряд ценных книг по Охотско-Камчатскому краю и смежным с ним областям и странам, общие научные сочинения по северу и Арктике, богатая библиографическая литература. Ряд недостающих изданий Владимир Иванович приобрёл в антикварных лавках и магазинах на проспекте Володарского. На многих книгах можно встретить карандашные пометки, вроде «Куплена на книжном базаре Ленинграда. От 12.06.30» или «Куплена за 5 рублей в книж. магазине “Образование” (Москва). Счёт № 86 от 21.06.30».

Июль 1930 г. прошёл в бесконечных коридорах различных учреждений. Переговоры с чиновниками разных рангов по поводу создания института. Противоречивые телеграммы-приказы от правления АКО. Беготня по магазинам и институтам за научным оборудованием.

Наиболее успешной частью этой командировки (и смею думать, более радостной) стало приобретение книг. Особенно ценным достижением Огородников считал свою договорённость с Государственной центральной книжной палатой о систематическом пополнении библиотеки камчатского института всей новейшей научной литературой, выходящей в СССР, и о снабжении института книгами из Государственного книжного фонда. Переговоры с книжной палатой он начал ещё в июне, но только в конце следующего

месяца ему удалось добиться желательного результата. В конце июля камчатский институт был включён в список распределения обязательных экземпляров, и до окончательного решения было постановлено выделять всю намеченную Огородниковым научную литературу из контрольного комплекта (дополнительных обязательных экземпляров). Первые посылки пошли на Камчатку уже в начале августа. Что же касается книг из государственного книжного фонда, то книжная палата и в этом отношении пошла навстречу институту и постановила посылать картотеку, по которой можно было получать оттуда нужные старые книги.

Во время своей второй поездки в Ленинград В. И. Огородников по предложению М. А. Сергеева договорился с библиографами Шидловским и Беловым о составлении ими полной научной библиографии Охотско-Камчатского края. Она должна была составить около пятидесяти печатных листов. Договор предлагалось заключить с библиографом Беловым как главным исполнителем этой работы.

По приблизительному подсчёту Огородникова, количество книг, добытых им для будущего института, составило примерно тридцать пять — сорок тысяч единиц. Таким образом, считал Владимир Иванович, основная база для библиотеки была создана.

Надо отметить, что она обладала всеми необходимыми книгами для дальнейшего успешного изучения края. Стоит лишь назвать некоторые из них, чтобы представить ценность этого книжного фонда. Альбомом карт и гравюр путешествий Джеймса Кука может гордиться любое, даже самое крупное, книжное собрание! Альбом издан в Париже в 1773 г., гравюры и портрет знаменитого мореплавателя для него выполнил художник Бернар Дюрекс. Увы, сохранился только один том, касающийся южной части Тихого океана.

Увы! Это «увы» можно сказать и по поводу многих ценнейших книг, исчезнувших после расформирования библиотеки АКО. И спасибо сотрудникам библиотеки рыбаков, всё же сумевших сохранить основное ядро этой коллекции.

Среди них — несколько экземпляров «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, напечатанных в 1786 г., прекрасное издание «Истории Земли» Неймара 1898 г., книги из библиотеки П. Ю. Шмидта с его личными экслибрисами.

Начало девятнадцатого столетия было отмечено первыми русскими кругосветными путешествиями. Особое место в коллекции бывшей библиотеки АКО занимают первоиздания описаний

путешествий славных русских мореплавателей: Крузенштерна (1812), Головнина (1819), Коцебу (1821). «Путешествие российского императорского шлюпа “Дианы” из Кронштадта в Камчатку, совершённое под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807, 1808, 1809 годах», изданное в морской типографии Санкт-Петербурга в 1819 г., несёт примечательный штамп: «Библиотека стрелкового батальона полка императорской фамилии» и экслибрис князя Б. Д. Голицына. Изданные почти два столетия назад, они хранят дух эпохи великих открытий и, как говорят поэты, «ветер далеких странствий».

«История России, — писал профессор Ключевский, — есть история страны, которая колонизируется». В связи с дальнейшим заселением, освоением и изучением азиатских окраин Российской Империи переселенческим управлением землеустройства и земледелия было предпринято издание своего рода «Сибирской энциклопедии» в двух объёмных томах — «Азиатской России». Её напечатали в Санкт-Петербурге в 1914 г., собрав множество сведений, представляющих наибольший интерес. Издание снабдили великолепным атласом, где был собран новейший картографический материал, который, (опять «увы») не сохранился. Но тома в благородном зелёном переплёте с тиснёнными золотыми буквами и гербом Российской Империи выглядят прекрасно.

Библиотека, сформированная для научно-исследовательской работы, не могла не содержать книг по различным отраслям знаний, наиболее выдающиеся произведения научной мысли (причём, на языке оригинала, все сотрудники научно-исследовательского отряда владели иностранными языками). Из них сохранились, например, «Моллюски» А. Т. Миддендорфа (СПб., 1851, на немецком языке), «Учебник конхилиологии и конхилиологической палеонтологии, или естественная история моллюсков живых и ископаемых с приложением по плеченогим по Д. П. Эрнсту» П. Фишера (Париж, 1887, на французском языке).

Кроме того, было собрано достаточное количество справочников, словарей и энциклопедий, например, знаменитый географическо-статистический словарь Российской Империи, составителем которого является великий путешественник Семёнов Тян-Шанский.

Конец XIX и начало XX вв. в жизни Дальнего Востока характеризуется сближением с Японией, Китаем и Кореей. Это сближение в области политических, экономических и культурных отношений вызвало повышенный интерес к изучению этих стран. Историк Дмитрий Позднеев собрал «Материалы по истории Север-

ной Японии и её отношений к материку Азии и России», изданные в Японии в Йокогаме в 1909 г. К сожалению, из двух томов сохранился только первый, где содержатся географические и этнографические материалы.

Несомненно, что все новейшие исследования Дальневосточного края поступали в первую очередь в библиотеку АКО. До наших дней дошли рукописи Петра Ивановича Полевого по результатам Анадырской экспедиции 1915 г., «Геологический очерк Камчатки» Богдановича (1930), «Обзор рыбного хозяйства Камчатской области» (1932), выполненный коллективом сотрудников КО ТИРХ (Камчатского отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства).

Акционерное общество «Книжное дело» по поручению Дальневосточной краевой плановой комиссии в 1927 г. издало материалы исследований края. В состав редакционной комиссии вошли учёные, позже попавшие в печальные списки «врагов народа»: Г. Н. Гассовский, Е. М. Чепурковский, В. М. Савич, П. И. Полевой и другие. В этом же издательстве в 1928 г. вышел фундаментальный труд геолога и горного инженера Э. Э. Анерта «Богатства недр Дальнего Востока».

В 1929 г. силами научных работников Государственного Дальневосточного университета был составлен настольный справочник «Дальневосточный край», охватывавший территорию от Бурятии до Камчатки, а также характеризующий близлежащие страны: Японию и Монголию.

В том же 1929 г. Владивостокским отделом Русского Географического общества издаётся очень интересное описание быта туземцев Пенжинского и Карагинского районов Камчатского округа Дальневосточного края. Автор этого труда Н. Н. Беретти в своём предисловии пишет, что он передал только то, что сам лично слышал и видел, оставив в стороне все предыдущие исследования.

Библиотека, столь тщательно отобранная для будущего камчатского института, несомненно, обладала самой богатой на полуострове коллекцией краеведческой и научной литературы, но... По всей вероятности, тот институт, о котором шла речь выше, так и не был создан, хотя в газете «Камчатская правда» за 8 апреля 1933 г. была напечатана заметка следующего содержания: «КОВАИ. По решению Всесоюзного Арктического Института в текущем году в Петропавловске организуется Камчатское отделение института, ставящее задачей производство исследовательских и экспедиционных работ в Дальневосточной Арктике. На указанные работы намечается отпустить полтора миллиона рублей». Был ли это тот

институт, созданием которого занималось правление АКО, неизвестно, но в мае, то есть через месяц после выхода этой заметки, Владимир Иванович Огородников в числе других служащих АКО был арестован по сфальсифицированному делу «Автономная Камчатка». Трудно понять и невозможно объяснить, каким образом люди, так много сделавшие для развития края, стали «вредителями», были осуждены кто к расстрелу, кто к заключению в лагере.

Сравнивая пометки, сделанные рукой В. И. Огородникова, и следуя его отчёту по сбору книг, можно заключить, что материалы, подготовленные для будущей библиотеки, остались в собрании книг АКО, которое впоследствии, естественно, пополнялось и развивалось. С ликвидацией общества большая часть книг перешла в библиотеку Камчатрыбпрома (сейчас упоминаемые в очерке издания хранятся в фондах Камчатской краевой научной библиотеки имени С. П. Крашенинникова. — *Ред.*).

Загадка одного института

Очерк впервые опубликован в сборнике «Петропавловску-Камчатскому — 260 лет: материалы научной исторической конференции 17—18 октября 2000» (Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 69—72).

5 мая 1933 г. в Петропавловске-Камчатском сотрудниками Объединённого государственного политического управления был арестован заместитель директора Камчатского отделения Арктического института (КОВАИ) профессор Владимир Иванович Огородников.

Что это за институт, и действительно ли он существовал, то есть это миф или реальность? Идея организации местного научно-исследовательского центра была вызвана необходимостью серьёзного изучения края, что невозможно было осуществить силами небольших сезонных отрядов.

В своей статье «Изучение Камчатки прежде и теперь», напечатанной в «Камчатской правде» 9 мая 1932 г., Огородников пишет: «Неудивительно, что советский хозяйственник, пришедший в Охотско-Камчатский край на смену капиталистическим хищникам, с первых же шагов своей деятельности был поставлен в необходимость одновременно с социалистической стройкой хозяйства приступить к проведению на новых основах широкой научно-исследовательской работы. Естественно, что и новые исследовательские работы стали перестраиваться из случайных и сезон-

ных в планомерные и постоянные. Прежде всего, новый хозяйственник, организовавшийся в Акционерное Камчатское общество, приступил к энергичным поискам и детальным разведкам на местные полезные ископаемые... Полное объединение этих работ в будущем местном научно-исследовательском институте, их комплексность, углублённость и прикладной характер останутся теми принципиальными задачами, которые обуславливаются новой социальной основой советского социалистического хозяйства».

Мысль об учреждении на Камчатке Института исследований Охотско-Камчатского края возникла в связи с тем, что Дальневосточный научно-исследовательский институт во Владивостоке (ДВНИИ) обращал внимание на изучение в основном Приморского края. Постепенно в ходе обсуждений руководящие круги института пришли к выводу о децентрализации научных учреждений и организации филиалов в главнейших экономических и административных центрах края: Хабаровске, Благовещенске, Чите, Александровске и Петропавловске-Камчатском. Правление АКО поддержало идею создания института на Камчатке. На сессии совета института во Владивостоке было принято решение, предварительно согласованное с заместителем председателя крайисполкома: «Признать необходимым в 1930—1931 гг. организовать Охотско-Камчатский (в Петропавловске-на-Камчатке) филиал ДВНИИ».

Одновременно газеты сообщали, что Арктический институт в этом же, 1930-м, году открывает свой филиал в Петропавловске-Камчатском. И Тихоокеанский институт рыбного хозяйства предложил учредить свою небольшую лабораторию или филиал. Правлению АКО было ясно, что все научно-исследовательские работы должны быть объединены в одном центре. Его точка зрения была чётко определена: «Учитывая учреждение в 1930 г. в Петропавловске-Камчатском Института исследований Охотско-Камчатского края, согласованное с Дальневосточным краевым исполнительным комитетом, признать этот институт представителем всех научно-исследовательских организаций, заинтересованных в изучении естественных производственных сил Охотско-Камчатского края, и принять участие в оборудовании и обеспечении института постоянным составом исследователей» (из отчёта В. И. Огородникова).

Как помните, я начала свой очерк с ареста В. И. Огородникова, пребывавшего в должности заместителя директора Арктического института. Странно, но ни о филиале Арктического института, ни об институте исследований Охотско-Камчатского края на Камчатке нет никаких сведений. Так что же за институт был создан,

и был ли он создан вообще? Или ОГПУ так тщательно затёрло его следы, что их и не отыскать? Так же, как было стёрто имя самого профессора, и лишь книги, сохранившиеся в библиотеке, своими подсказками в виде экслибрисов, владельческих и дарственных надписей привели к открытию истории их хозяина.

Я вижу его путь от Казанского университета до Иркутского, затем Владивостокского, где он был ректором, и его финал на Камчатке. Бежал ли он от советской власти, чувствовал ли свою чужеродность новому строю? Не знаю, но он пытался, всерьёз пытался быть ему полезным, энергичным и деятельным.

Итак, вопрос о создании института на Камчатке был, казалось, решён в 1930 г., и Огородников специально направляется в Москву и Ленинград для переговоров с Академией наук и другими научными организациями, а также для приобретения оборудования, формирования научной библиотеки и возможного подбора кадров учёных. Его столичные «хождения по мукам», начавшиеся 20 мая и закончившиеся 19 августа 1930 г., вылились в объёмный отчёт о проделанной работе, за телеграфным стилем которого порой чувствуется разочарование и нервозность от разноречивых приказов с места.

Сразу по прибытии в Москву Огородников направляется в Госплан, где в беседе с представителем секции науки Муравейским выясняет его позицию по этому вопросу. Считая целесообразным создание в Петропавловске научно-исследовательского института, Госплан полагал, что он должен находиться в ведении не Наркомпроса, а Наркомторга, как учреждение научно-прикладного характера, выполняющее в основном задания АКО. С одобрением отнеслись к идее создания института Ленинградское и Тихоокеанское отделения Академии наук.

Далее я хочу процитировать текст профессора дословно: «Одновременно с “продвижением” идеи Камчатского института в академических кругах я обратился к заместителю Арктического института профессору Р. Л. Самойловичу с целью наметить будущие взаимоотношения между этим институтом и камчатским. Профессор Самойлович после беседы со мною об основных установках камчатского института заявил мне, что Арктический институт откажется от создания на Камчатке своего филиала, действительно незадолго до того намеченного, если только институт исследований Охотско-Камчатского края не обеспечит изучение Арктики. При таком условии Арктический институт передаст камчатскому из своего штата четыре платных должности науч-

ных работников и окажет ему материальную поддержку для проведения ряда специальных оперативных работ. В указанном условии я не видел ничего опасного для Камчатского института и дал профессору Самойловичу предварительное согласие на включение в программу работ этого института вопросов по изучению Арктики».

Далее решение о создании института было поддержано Комитетом Севера при Совете Труда и Оборона. Была создана комиссия в лице М. Д. Шеина, О. Ю. Шмидта и В. И. Огородникова для составления проекта положения о вновь учреждённом (!) институте и представлении его на рассмотрение СТО.

Но полученная 5 июля от члена правления АКО М. А. Сергеева телеграмма разрушала и словно перечёркивала все эти хлопоты. В ней говорилось, что Арктический институт неправомочен, что АКО никаких обязательств по отношению к институту не берёт, что на Камчатке будет создан «объединённый центр разных учреждений» и что «никакого найма работников не производить». Каково же было положение Огородникова после всех переговоров, совещаний, согласований по учреждению института! Обиднее всего ему показалось то, что никакого обоснования, никаких причин для отказа от собственного постановления предъявлено не было.

Полный недоумения, растерянный, Огородников, посоветовавшись с Шейным и Шмидтом, продолжил работу над проектом положения, и к 12 июля тот был готов. Согласно положению, институт выполняет в основном научно-прикладные исследования, находится в ведении Наркомторга и работает под общим наблюдением Далькрайисполкома в тесной организационной связи с АКО.

Следующая телеграмма, полученная 16 июля из Петропавловска от члена правления АКО Криммера, была полностью противоположна телеграмме Сергеева: «Учитывая выделение Охотско-Камчатского края, настаивайте расширение прав Петропавловского института и на снабжение его специалистами и оборудованием». Две последующие телеграммы Сергеева вновь категорически отрицают учреждение института. «Никакие положения об институте, равно, как и его взаимоотношения с АКО, не будут приняты до рассмотрения и утверждения — 1) исполкомом, 2) правлением».

Одновременно с этими переговорами Огородников закупает оборудование, что было делом нелёгким, особенно в те трудные времена. Немало усилий он затратил на поиски и заказы научного инструментария и экспедиционного имущества, и в большей части это задание было выполнено. Таким образом, материальная база

будущего института была в основном создана. То же касается и библиотеки. Ещё сохранились книги, которые В. И. Огородников купил в Москве и Ленинграде, но все они имеют штамп «АКО», дающий право сделать предположение, что институт всё-таки не был организован, или библиотека осталась на балансе общества.

22 августа 1930 г., уже во Владивостоке, Огородников делает доклад по результатам своей командировки на заседании правления АКО. В постановлении этого заседания записано: «Информацию профессора Огородникова принять к сведению. Создание научно-исследовательского института на Камчатке считать необходимым. Составить рабочую комиссию в составе: профессора Огородникова, членов правления Криммера, Колтановского и Кислякова». Комиссия должна была проработать положение об институте в соответствии с требованиями правления, то есть в полной подчинённости АКО, а также проработать штаты, структуру и смету на содержание.

Что же было дальше? Вероятнее всего, институт так и не был создан, книги переданы в библиотеку АКО, научный инструментарий — исследовательским отрядам. Но в «Камчатской правде» за 8 апреля 1933 г. под заголовком «КОВАИ», набранном крупными буквами, напечатано: «По решению Всесоюзного Арктического института в текущем году в Петропавловске организуется Камчатское отделение института, ставящее задачей производство исследовательских и экспедиционных работ в дальневосточной Арктике. На указанные работы намечается отпустить полтора миллиона рублей».

Заметка опубликована 8 апреля, а 5 мая 1933 г. Владимир Иванович был уже арестован, находясь в должности заместителя директора КОВАИ, то есть камчатского отделения Арктического института.

Но что же происходило в научной жизни Петропавловска с августа 1930 г. до рокового мая 1933-го? Что же сделал профессор такого (как говорил в своём последнем стихотворении Борис Пастернак: «Что же сделал я такого, я — убийца и злодей?»), чтобы быть осуждённым и погибнуть в ГУЛаге?

По делу «Автономная Камчатка» было арестовано более сотни человек, в том числе: Прокопий Трифонович Новограбленов, ботаник, краевед, директор Камчатского музея; Владимир Фёдорович Комаров, юрист, плановик-экономист, член Камчатской окружной комиссии и Камчатского окружного исполкома, краевед; Михаил Алексеевич Фортунатов, биолог-ихтиолог, научный работник

Тихоокеанского института рыбного хозяйства; Владимир Иванович Огородников, профессор истории и филологии. Во главе «заговора» был поставлен краевед, писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев, к этому времени уже умерший.

Огородникова обвинили в том, что он «вёл работу явно вредительского характера» и решил (как будто не было никаких заседаний, совещаний и решений!) организовать самостоятельный институт (КОВАИ), для чего вёл переговоры со Шмидтом и уезжал для этого в центр. Парадокс жестокой эпохи: все его труды и деятельность, направленная на службу науке, в частности, на создание Камчатского научно-исследовательского института, были признаны вредительскими, «подрывающими экономическую мощь Советского государства»...

Библиофил

*Шуршат пожухлые страницы
Бумага жёлтая бледна.
Но сквозь заглавных букв ресницы
Какие смотрят времена!
С какой товарищеской лаской
В себя впивали новый мир
И этот корпус с блёклой краской
И этот блёклый эльзевир!*

Сергей Городецкий

Как-то Сергея Эйзенштейна спросили, чем библиофил отличается от остальных людей. Он ответил, что у собирателя редких книг больше праздников...

Клуб родился в 1987 г. и был одним из многих, входивших во Всесоюзное добровольное общество книголюбов. Наверное, жители нашего города помнят расцвет деятельности этих объединений, где не только можно было приобрести желанную книгу, но и пообщаться с такими же одержимыми книжной страстью людьми. Именно она, любовь к книге, дала жизнь этим клубам: «Прометею», «Факелу», «Библиофилу»...

Но, как известно, любовь бывает разной: страстной или пристрастной, самоотверженной и бескорыстной или скупой и эгоистичной. Существует даже такой вариант любви к книге — библиомания, рождавшая порою и преступления. Например, воровство — с ним встречаются, увы, и поныне наши библиотеки. В одном только одинаковы все коллекционеры в мире: в присутствии некоторой сумасшедшинки, без которой немислимо ни одно увлечение, в том

числе и собирательство. Но всё же коллекционер, будь то филателист, будь то библиофил — это общественный человек. Мир многим обязан этим чудакам.

Кто же всё-таки такой — Книголюб, или иначе Библиофил? Во-первых, это, вероятно, тот человек, который умеет ценить книгу во всей её многогранности: и как источник информации, и как предмет, обладающий различными качествами (бумага, переплёт, шрифт, иллюстрации и прочее). «Можно было бы сказать, что книголюб — это такой друг книги, который чувствует и знает, что книга жива, что книга — его друг, что книги — это руки, протянутые через века» (А. А. Сидоров). К этому присоединяется ещё страсть к собирательству. Собирать! Искать! Открывать! Находить! Найдя же, поделиться своей радостью с другими книголюбями. В этом и заключается самая большая радость — показать книгу, обсудить её достоинства, рассказать историю приобретения. Говорят, счастье — это когда тебя понимают. Вот почему истинному библиофилу нужны единомышленники. Это необходимое для души книголюбца общение он находит в клубе.

Сейчас уже трудно представить тот книжный дефицит 1970—1980-х гг., когда книги в основном не покупались, а «доставались». Создавались клубы книголюбов на предприятиях, во всех учреждениях. Устраивались вечера, книжные праздники, пользовавшиеся огромной популярностью и, что было вполне естественно, в большой степени из-за возможности приобрести книгу. Она всегда была лучшим подарком, ею награждали, за ней стояли в длинных очередях. Если, отбросить все уродливые порождения «дефицита», общества книголюбов вносили свой вклад в дело просвещения и сохранения культурных ценностей.

Конец 1980-х гг. ознаменован переломными событиями в истории нашей страны. Можно сказать, что для книголюбов это был «золотой» период. Издаются Ахматова, Цветаева, Волошин, Гумилёв, другие авторы. Все мы переживали словно второе рождение этих поэтов. Кто-то заново открывал для себя эти имена, а кто-то впервые слышал и читал их произведения. Снова заговорили о Елене Блаватской, Николае Рерихе, философии конца XIX — начала XX столетия. Наконец-то можно было открыто говорить о «русском зарубежье». В общем, ветер свободы буквально опьянял, и не только головы книголюбов. На поэтических вечерах, как в начале XX в., звучали пресловутые, множество раз осуждённые «ананасы в шампанском» Игоря Северянина, потрясал до глубины души «Реквием» Анны Ахматовой. Может быть, истории

и литературоведы назовут этот период «Ренессансом русского серебряного века»?

Камчатское отделение Всероссийского общества книголюбов организует при книжных магазинах клубы, объединения энтузиастов, собирателей и просто людей, влюблённых в книгу. Проводятся вечера поэзии, организуются чтения, посвящённые памятным литературным и книжным датам. Что касается клуба «Библиофил», то он вначале существовал как кружок друзей-книжников. Они собирались у кого-нибудь на квартире, обменивались книгами, делились впечатлениями от прочитанного, декламировали любимые стихи. В организации любого дела, большого или малого, должен быть человек, влюблённый в него, своего рода притягательный центр, вокруг которого собирается кружок единомышленников.

Можно сказать, что «библиофильцам» повезло. Начиная с 1987 г. главой и душой клуба является человек, действительно преданный друг «Ея Величества Книги» — Иван Антонович Романюк. Он начал собирать книги давно, ещё с юношеских лет, и не для интерьера. Много путешествовал и привозил их из каждой поездки. Его знаниям по истории книги может позавидовать любой библиотечарь. Он хорошо знает и любит поэзию, живопись, ему присуще самое ценное качество библиофила — любознательность, постоянное стремление к поиску. Человек ищущий, он увлекался многими модными веяниями, но одно лишь оставалось неизменным — его любовь к Книге.

Итак, «Библиофил» — клуб собирателей, ценителей и беззаветных любителей книг существует уже много лет, пережив все остальные «книголюбские» объединения, испытывая также попеременно то взлёт, то затишье. О чем же говорят на своих заседаниях его члены? Темы очень разнообразные, но на первом месте, естественно, Книга, увлекательнейшие страницы её истории. Говорят о религии и поэзии, живописи и искусстве книжного оформления. «Во время проведения заседания демонстрируются уникальные издания из личных библиотек и из фондов областной библиотеки» (из программы клуба).

С первых дней была выработана программа или, вернее сказать, основные направления деятельности клуба. Во-первых, это история книги, её многообразнейшие аспекты: создание алфавита, появление книгопечатания, издательства и издатели, многое другое. Во-вторых, конечно же, это поэтические вечера. И, наконец, самая сокровенная страничка — «моя любимая книга». На протяжении многих лет все эти направления традиционно сохраняются.

В рамках этих направлений отмечаются книжные праздники и памятные даты.

Каждый год, в мае, одно заседание посвящается создателям славянского алфавита братьям Кириллу и Мефодию. В связи с этим мне хочется рассказать такую историю. Если бы я была верующим человеком, то сказала бы, что это был «Божий подарок». Однажды, как раз накануне празднования Дня славянской письменности, ко мне в зал редкой книги вошёл молодой человек. Он принёс старые дореволюционные журналы или, вернее, то, что от них осталось. Это была подшивка журнала «Вокруг света» за 1915 г. и разрозненные страницы журнала «Новь» за 1885 г. Оба выходили в издательстве О. М. Вольфа. Того самого Вольфа, который впервые издал в России сказки Гофмана, Гауфа, Перро. Того самого, ставшего первым книжным миллионером, сделавшим книгу доступной по цене и отличной по качеству. Он всегда верно угадывал спрос и очень быстро на него откликнулся. Своим главным достижением и гордостью Вольф считал издание двенадцатитомного географического атласа «Живописная Россия». Так вот, в одном из номеров «Нови» была статья профессора О. Миллера «Первоучители славян». Замечательный материал, к тому же прекрасно иллюстрированный.

Как я уже упоминала, наш председатель Иван Антонович Романюк — человек увлекающийся, ищущий. Эти увлечения и поиски бросали наш клуб то в волны «риховского» движения, то в «окультизм», то в ортодоксальное православие. Вследствие его очередного увлечения характер наших заседаний приобретал то мистический оттенок, то торжественно-христианский. Но неизменной оставалась поэтическая страничка. О, кто только не был героем наших поэтических вечеров! Это и наши звёзды «серебряного века»: Ахматова, Пастернак, Волошин, Северянин, Мандельштам и Марина Цветаева. Это и французские поэты: Эмиль Верхарн, Поль Элюар, Артюр Рембо и Поль Верлен. И даже японские, китайские и арабские стихи мистифицировали «библиофильцев». Традиционно оставалась и страница «моей любимой книги». Ею могла стать любая: подаренная, приобретённая в результате долгого поиска или купленная случайно, семейная реликвия или просто самая читаемая — «настолярная», но обязательно дорогая сердцу.

Например, предметом нашей всеобщей зависти и гордостью владельца является «Описание земли Камчатки», изданная в 1755 г., к тому же обладающая интереснейшими владельческими поме-

тами. Этот раритет, принадлежащий Ивану Антоновичу Романюку, неоднократно представлялся на наших выставках. На его форзаце стоит штамп Ялуторовского уездного училища. Ялуторовск — городок в Якутии, место ссылки декабристов Пуцуина, Оболенского, Якушкина, Матвея Муравьёва-Апостола, братьев Бобрищевых-Пушкиных и Басаргина. Герой петропавловской обороны 1854 г. Николай Максutow посетил Ялуторовск после известных событий на Камчатке. Это общеизвестно. Ну и что? Но в фантазии книголюба уже оживает такая картина: Николай Максutow воодушевлённо рассказывает декабристам о победе русского оружия в Петропавловске на Камчатке, требуется срочно показать, где происходили эти события. Срочно посылается нарочный в библиотеку уездного училища за томиком С. П. Крашенинникова. Затем идут долгие разговоры о Камчатке, такой малоизвестной, но ставшей в эти дни предметом горячих обсуждений. А потом... А потом князь Максutow возвращается на Камчатку и увозит с собой томик, «позабыв» вернуть его в библиотеку. Вот такая эта книжка! В потёртом, но подлинном кожаном переплётe, с драгоценными пометами, но, увы, с «аккуратно» вырезанными иллюстрациями.

Или «Война русского народа с Наполеоном 1812 года, издание Общества попечения о безприютных детях. — Санкт-Петербург. Типография А. Бенке, 1910 год». Исключительно интересна судьба этой книги. Её нашли в 1945 г. на чердаке дома недавно освобождённого Харькова. По-видимому, она была в рюкзаке немецкого солдата: в книгу был вложен пожелтевший газетный листок, на одной стороне которого напечатана карта Европы, на другой статьи и заметки на болгарском языке. Это — фашистская газета с портретом Геринга, со статьёй о дне рождения Гитлера и с картой, на которой обозначен путь болгарского фашиста. Кто был этот солдат? О чём он думал, перелистывая в свободное время историю ещё одного нашествия на Россию? Теперь эта книга принадлежит Ядвиге Алексеевне Гребенюк, она из её, как мы часто повторяем, «опалённого войной детства». Детства, в котором был ужас бомбёжек, бегства и голода и радость Победы.

Ядвига — актриса, и этим многое объясняется. Актриса «по Жизни», по сути. По стечению обстоятельств, раньше бы сказали, что по воле злого рока, ей пришлось уйти из театра. Нет ничего страннее или трагичнее, чем артист без театра, вне творческого процесса. Однажды разбуженную тягу к лицедейству невозможно уничтожить приказом об увольнении, она пробивается, как трава

из-под асфальта. Может, поэтому Ядвига пришла к книголюбам и здесь нашла благодарных слушателей и единомышленников.

1987

Встречи друзей — книжников на квартирах, в книжных магазинах, на которых обмениваются книгами, делятся впечатлениями от прочитанного.

Магазин «Книга» на улице Ленинской. После его закрытия в семь вечера зажигается зелёная лампа клуба книголюбов. Всё, как положено: председатель, торжественно прозвонив в колокольчик, открывает заседание: «Тема сегодняшней встречи...» — объявляет он, и кажется, что в свете зелёной лампы оживают тени великих людей: Кирилл и Мефодия, совершивших подвиг создания славянского алфавита, Ивана Фёдоров, русского первопечатника, Франциска Скорины, великого белорусского учёного и первопечатника, Иоганна Гуттенберга, открывшего эру книгопечатания.

История книги — увлекательнейшая страница человеческой цивилизации и одно из главных направлений работы клуба.

1988

Книгоиздатели: Адольф Маркс, Смирдин, Вольф, Сытин, книгоиздательское дело в России XVIII—XIX вв. Встречи в писательской «светёлке». Удивительно то, что такие серьёзные темы не распугивали посетителей. Ведь люди были разные: инженеры, учителя, рабочие, служащие. Приходили после работы, чтобы узнать, например, об Адольфе Марксе, издателе популярнейшего в конце XIX — начала XX вв. журнала «Нива», полистать подшивки за 1989, 1905, 1913, 1918 гг. Чего только нет на его страницах! Политические новости, научные статьи, повести, рассказы и стихи, последние парижские моды, реклама и последние достижения в области науки, техники и спорта. А многие впервые увидели настоящие старинные фолианты в кожаных переплётах с металлическими застёжками, смогли, выражаясь высоким стилем, «вдохнуть пыль веков». Каждый мог, наконец, рассказать о своих взаимоотношениях с книгой. У некоторых любовь к ней определила их профессиональный выбор, у других она осталась одним из главных увлечений в жизни.

1989

У клуба есть уже признанное и зарегистрированное в Камчатском обществе книголюбов имя — «Библиофил», есть своя программа, принимаемая на год. Но ещё нет своей постоянной «штаб-квартиры». Встречи-вечера проходят у кого-нибудь дома. Таким незабываемо-чудесным стал вечер у Иосифа Половинчика. Обыч-

ная тесная двухкомнатная «хрущёвка» на улице Пономарёва. У Иосифа богатейшая коллекция поэзии. В тот вечер говорили о Мандельштаме, трагической судьбе поэта, вслушивались в музыку его стихов.

*Заблудился я в небе. Что делать?
Тот, кому оно близко — ответь!
Легче было Вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть,
Задышаться, чернеть, голубеть.*

Трогательный и беспомощный в жизни человек и гениальный поэт открывал нам в этот вечер сокровища своей души и таланта.

Почему-то эти «домашние» вечера запомнились больше. Там как-то сразу становился неуместным «учительский» тон докладов. Стихи звучали более искренне, комментарии превращались в дружеский обмен мнениями. Ликёр собственного изготовления «а ля Половинчик» в рюмках-напёрстках придавал общению ещё больше задумчивости и искренности.

Не менее замечательным был вечер у Ивана Антоновича. В небольшой комнате, три стены из которой заняты книжными стеллажами, вместились удивительно много народу. Стульев на всех не хватило, остальные разместились на полу, на роскошной медвежьей шкуре. Говорить умные речи в такой позе неудобно. Может быть, поэтому и стихи звучали, наверное, так, как нужно, не читались, а пелись:

*В группе девушек нервных,
В остром обществе дамском
Я трагедию жизни превращу
в грёзо-фарс...
Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском!
Из Москвы в Нагасаки!
Из Нью-Йорка на Марс!*

1990

«Мир Рериха»... Мы были не одиноки в увлечении им, открывшимся для нас. Живопись, философия Николая Рериха, необычный взгляд на гармонию мироздания — всё было ново, интересно.

В этом же году исполнялось сто лет со дня рождения Бориса Пастернака. Не помню, кажется, Александр Галич сказал, что советская литература гордится тем, что Пастернак умер в своей постели.

Анна Ахматова, пытаясь в своей «Поэме без героя» дать оценку этому странному «взрыву» поэзии в начале XX в., писала:

*Были святки кострами согреты,
И валялись с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против течения, —
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что ко всем дорогам,
От того, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень.
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый век.*

Сколько увлекательных минут, открытий, новых имён в познании, в узнавании этого чудного, магического «Серебряного века русской поэзии»!

Может быть, наши поэтические вечера были бы похожи на все другие, если бы не существенное отличие — возможность материально ощутить связь времён. На вечере Марины Цветаевой книголюбы любовались «Вечерним альбомом», её первой книжкой, которую юная Цветаева сама отнесла в типографию, заплатив за это утаённые от родителей деньги. В областной библиотеке есть только факсимильное издание, да и то лишь слабая копия подлинника. А эта, одетая в ситцевое платье в цветочек (её переплёт), живой экземпляр из тех трёхсот, изготовленных издательством «Оле-Лукойе»! Ну разве это не чудо?!

Разве не чудо — услышать живые голоса поэтов: Пастернака, Северянина, Ахматовой? Подержать в руках изящный томик Максимилиана Волошина «Иверни», изданный при жизни автора? Книжные диковинки: малышки величиной со спичечный коробок, изготовленные собственными руками книголюбов, массивные альбомы живописи. В библиотеке Ивана Антоновича есть совершенно потрясающий раритет — альбом репродукций из коллекции бывшего президента республики Индонезии Сукарно. Не все имеют возможность познакомиться с коллекциями Лувра, музеев «Метрополитен», «Прадо», картинной галереи «Вашингтон», но всё это можно увидеть на выставках клуба «Библиофил».

1994

Клуб окончательно перебирается под крышу областной библиотеки. Всероссийское общество книголюбов прекращает свою деятельность, как и другие организации подобного рода. Страна скатывается в хаос безвременья. Но... книжный дефицит исчерпан, а с ним исчезает и та публика, которая посещала клуб только с целью приобретения книг. С грифом «Камчатская областная» заседания приобретают более регулярный характер, попав в список библиотечных мероприятий, они становятся, обязательными, отчего теряют непринуждённость.

Из «ветеранов» в клубе остаются самые верные, кроме актива, наша Александра Александровна Богемская, всегда элегантная и вечно молодая, Оленька Смирнова, с её чудесными распахнутыми глазками и любопытным носиком, наш мудрый и всезнающий Иосиф Половинчик. Кстати, только у нас в клубе Иосиф говорил свободно, не заикаясь. Страстный книголюб, обладатель превосходной коллекции русской и зарубежной поэзии, необыкновенный эрудит, он, к сожалению, как и многие, впоследствии покинул Камчатку. Возвращаясь непосредственно к нашим вечерам, можно с гордостью отметить, что мы первыми стали отмечать День славянской письменности. Первыми стали славить великих солунских братьев, давших славянам возможность запечатлеть Слово.

«Если спросить у славян-грамотеев: кто вам азбуку сотворил или кто книги перевёл — все знают и ответят: святой Константин философ и Мефодий, брат его... И если спросят, когда это было, знают и это и скажут: во времена греческого царя Михаила, болгарского князя Бориса, моравского князя Растицы и братенского князя Коцела в 6563 году после сотворения мира». «Мертва молитва, на чужом языке звучащая, душа ей не откликается».

В фонде редких книг областной библиотеки хранятся факсимильные издания тех книг, которые первыми были переведены с греческого языка. «Вначале было Слово...» — так начинается одна из них — знаменитое «Остромирово Евангелие», где каждая буква кириллического алфавита не отпечатана, не написана, а любовно вырисована писцом.

1996

27 января. День памяти Александра Сергеевича Пушкина. Холодно. Нет отопления. В зале редких книг — выставка редких изданий великого поэта. В центре композиции — его портрет, свечи, цветы.

Читает Галина Георгиевна Блинкова. Чудесный человек, искренне влюблённый в музыку стиха, готовый всегда разделить свою радость встречи с поэтом. Прекрасная эрудиция, необыкновенная память, тонкое понимание поэзии и к тому же умение передать всё это слушателям. Такие люди встречаются довольно редко. В этот день говорили о Пушкине, как о живом. Как он любил шутить, как бесконечно влюблялся, и каждая влюблённость рождала новые стихи.

Банально повторять, что истинная поэзия бессмертна, но в этот вечер в холодном библиотечном зале на исходе двадцатого столетия Пушкин был с нами, такой близкий и понятный.

*В холодном зале Пушкина читают
И вспоминают так тепло о нём,
Как будто веря, что теплее станет,
И опьяняясь радостным стихом.*

1997

Странный перезвон слышится за тонкими стенками зала редких книг. То звенят «Караванные колокольчики восточной поэзии» — так назвали мы свой вечер накануне восточного Нового года. Мысль такого заседания бродила в наших головах давно, ещё с тех пор, когда Иван впервые побывал в Японии. Неоднократно посвящали мы свои встречи то Японии, то Индии, то Франции, то Израилю. Но это были словно путевые заметки, а эта — посвящена очень сложной теме, в которой мы попытались связать почти несоединимое: пламень и лёд, страсть и намёк на страсть, мудрость и озарение, философию и чувство, сконцентрированное в строчках разных жанров: рубай и газели, танка и хокку, сич-хо, ши и ци.

*Я вас прошу,
Не трогайте меня,
Мне ваши приставанья
Душу ранят
Так иву у цзюй-зянского пруда
Кто сломит,
Кто погнёт,
А после
И вспоминать
О ней не станет.
О, красота цветов
Так быстро отцвела!
О, прелесть юности
Была так*

*быстротечна!
Напрасно
Жизнь прошла...
И думаю, как в мире
всё не вечно!*

Стихи, рассказы о путешествиях, разговоры о религии и о многом, многом другом, тёплое, тихое общение — таковы встречи в клубе «Библиофил».

*Подобие тайной вечера
Сияние глаз и свечей.
Запутались звоны и тени
В сумятице странных речей.*

...Среди членов клуба мне, наверное, повезло больше всех. Моё увлечение, хобби и работа совпали...

Тот случай, который привёл меня в библиотеку, оказался счастливым. По специальности я — преподаватель французского языка и, конечно, мечтала найти работу, соответствующую образованию. Но, в итоге, и знание французского лишь добавило гармонии моему «книжному миру».

«Bonjour, Monsieur Goutenberg», — говорила я этим летом, проходя мимо памятника немецкому первопечатнику в городе Страсбурге...

КАК ЕЛАГИНЫ И ОВЦЫНЫ СВОЙ ГОРОД ЗАЩИЩАЛИ
(Новые сведения об участниках и героях Петропавловской
обороны 1854—1855 гг.)

*...Объявить камчадалам, вооружившимся
для защиты края, во время последней войны,
благоволение Его Величества...*

Великий князь Константин

Справка: Иван Фомич Елагин и Дмитрий Леонтьевич Овцын — русские офицеры, участники Второй Камчатской экспедиции 1741—1742 гг., Елагины и Овцыны, о которых идёт речь в этом очерке, — потомки камчадалов, аборигенов полуострова, получившие фамилии своих крестных отцов.

Совсем недавно (летом 2014 г.) вышли в свет мои книги — двухтомник «Тайны камчатских имён», в котором я частично касался героической обороны Петропавловского порта от англо-французской эскадры в годы Крымской войны, и — в соавторстве — сборник «Защитники Петропавловска (1854—1855 гг.)», уже целиком посвящённый 160-летию обороны, с моими историческими очерками о рядовых участниках этих событий — жителях Камчатки: матросах 47-го Камчатского флотского экипажа, Камчатской казачьей команды, местных волонтёров. Открылось множество новых имён участников обороны, ранее мало или совсем не известных историкам.

Но как выясняется сегодня, это была всего лишь малая толика имён, проходящих по спискам награждённых серебряной или бронзовой медалью «За усердие» в память об участии в обороне Петропавловского порта, утверждённых высочайшим рескриптом.

Ирина Вячеславовна Осадчая, сотрудник Российского государственного архива Военно-Морского Флота, обнаружила по моей просьбе новые списки имён, касающихся гражданского, а не военного населения Камчатки, принявшего участие в судьбе Петропавловского порта и награждённого этой медалью либо на Георгиевской (непосредственные участники боевых действий), либо на Андреевской (участники событий, связанных с обороной Петропавловска или с эвакуацией его военного гарнизона) ленте.

Обнаружены и некоторые новые документы, проливающие свет на события тех лет.

27 апреля 1855 г. из Морского министерства за номером 234 отправлено письмо «О награде серебряными медалями “За усердие” на Георгиевской ленте Неженского грека Попова и Закащика Начикинского селения Пермякова».

И далее по тексту: «Изложение дела. Генерал-Губернатор Восточной Сибири и Командующий войсками, в оной расположенными, сообщая, кто из волонтеров, участвовавших в защите Петропавловского порта при нападении Англо-французов в Августе 1854 г., заслуживают особенного внимания: Неженский грек Попов и Закащик Начикинского селения Пермяков, из коих первый сделанное ему поручение передавать Командиру Порта известия от офицеров, наблюдавших с Сигнального мыса за неприятельскими судами, исполнял отчётливо и с расторопностью под ядрами и пулями, а последний отличался более других храбростью и стойкостью, ходатайствует о награде их серебряными медалями на Георгиевских лентах для ношения в петлице.

Справка. Из собранных сведений оказалось: Неженский Грек Виктор Попов, 22-х лет, состоит на службе Российско-Американской Компании с 1849 года; ныне в должности помощника комиссионера; наград от правительства не получал; под судом и следствием не состоял; веры Грекороссийской, и ни к каким раскольничьим сектам не принадлежит.

Закащик Начикинского селения Михайло Пермяков, 36-ти лет, вероисповедания православного; под судом и следствием не был; на службе состоит с 1849 г., наград не получал, и ни к каким раскольничьим сектам не принадлежит.

Министр Внутренних Дел по сделанному с им сношению, уведомил, что к награде помянутых лиц серебряными медалями препятствий не имеется.

Заключение Генерал-Адмирала. Вполне разделяя ходатайство Генерал-Лейтенанта Муравьёва, я полагаю бы Неженского Грека Попова и Закащика Начикинского селения Михаила Егорова Пермякова наградить серебряными медалями с надписью за усердие на Георгиевской ленте для ношения в петлице, о чём и имею честь представить на благоусмотрение Сибирского Комитета.

Подписали Генерал-Адмирал *Константин* и дежурный Генерал Граф *Гейден*».

Вот так высокая награда нашла своих камчатских героев.

2 декабря 1856 г. из Морского министерства за номером 24747 было направлено письмо генерал-губернатору Восточной Сибири

Н. Н. Муравьёву «По Высочайшему повелению. О награде камчадалов медалями и изъявлениями Монаршего благоволения».

В письме, подписанном генерал-адмиралом и директором Морского министерства великим князем Константином и свиты его величества контр-адмиралом Н. К. Краббе, сообщалось: «Бывший Камчатский Военный Губернатор Контр-Адмирал Завойко донёс мне, что по приходе в 1854 году неприятельской эскадры к Петропавловскому порту в тот же день из ближайших селений явилось к нему 25-ть человек Камчадалов с винтовками с изъявлением готовности защищать порт от неприятеля; на другой же год, по приглашению его, Контр-Адмирала Завойки, собралось Камчадалов для той же цели 250 человек, которые по случаю перенесения порта на Амур были употреблены для переноски из порта в окрестности всего того имущества и провианта, которые не вместились на суда, чрез что неприятелю не досталось ничего.

По Всеподданейшему Моему докладу, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть:

1. Объявить Камчадалам, вооружившимся для защиты края во время последней войны, благоволение Его Величества, и

2. Тех из них, которые участвовали в бою, наградить медалями, установленными в память минувшей войны, на Георгиевской ленте. Остальным дать те же медали на Андреевской ленте.

Монаршую волю сию сообщаю Вашему Превосходительству, присовокупляя, что об оной вместе с сим мною поставлен в известность и Министр Внутренних Дел.

Медали же Вам будут доставлены от Инспекторского Департамента Морского Министерства».

То есть камчадалы (коренные жители и русские старожилы Камчатки) в 1855 г., когда военные покинули Петропавловский порт, были единственной силой, которая могла противостоять англо-французам в том случае, если бы они решили покорить полуостров. Точно так же произошло и спустя ровно полвека, когда сами камчадалы, как единственная реальная вооружённая сила, встали на защиту Камчатки в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. Это были уже дети и внуки ветеранов обороны Петропавловска. К счастью, и их имена также сохранились в истории Камчатки, как и имена ветеранов Петропавловской обороны, о которых до сегодняшнего дня мы практически ничего не знали.

Теперь остаётся не менее важное — установить преемственность поколений. Ведь до той поры, пока не определена родственная связь между прадедами и правнуками, имена героев-

пращуров являются чужими для ныне живущих потомков, и поэтому нам просто необходимо оживить эти имена в памяти нынешнего поколения.

Список участников обороны, которые отозвались на призыв Завойко и «добровольно явились к защите Петропавловского Порта от нападения неприятеля и участвовали в действительном сражении при отражении Англо-Французской Эскадры, нападавшей в Августе месяце 1854 года на Петропавловский Порт», на самом деле включает не двадцать пять, а сорок два имени с указанием возраста и места жительства камчадалов и русских. Этот список уточняется сообщением: «Лица, действительно участвовавшие при отражении неприятеля в 1854 г. от Петропавловского порта». Перечислим их поименно:

- сын канцелярского служителя Илья Добрынин, 21 год;
- сын почтальона Иван Сметанин, 29 лет;
- купеческий сын Михайло Бушуев, 24 года;
- купеческий сын Иван Сахаров, 25 лет,

камчатские мещане (то есть жители Петропавловска и его окрестностей):

- Прокопий Иванов, 30 лет;
- Пётр Гарднер, 21 год;
- Яков Иванов, 23 года;
- Николай Коршунов, 63 года;
- Василий Лазарев, 32 года;
- Алексей Ворошилов, 43 года;
- Осип Ворошилов, 46 лет;
- Михайло Коршунов, 25 лет;
- Николай Толман, 27 лет;
- Николай Косыгин, 53 года;
- охотский мещанин Пётр Пастухин, 25 лет;
- гижигинский мещанин Алексей Михалёв, 52 года;
- охотский крестьянин Егор Гаврилов, 27 лет.

Отставные унтер-офицеры:

- Иван Белокопытов, 53 года;
- Семён Хохлов, 49 лет;
- Василий Скребыкин, 53 года;
- Андрей Петров, 50 лет;
- Семён Матвеев, 51 год;
- Николай Грехов, 61 год.

Матросы:

- Семён Юшин, 57 лет;

- Иван Мутовин, 52 года;
- Михайло Расторгуев, 51 год;
- Павел Черных, 59 лет;
- Семён Горбунов, 45 лет;
- Максим Тихонов, 47 лет.

Крестьяне:

- Пётр Мурзин, 25 лет;
- Меркурий Казаков, 22 года;
- Михайло Иванов, 36 лет;
- Марьяк Семёнов, 29 лет;
- служитель Российско-Американской компании Пётр

Перевалов, 32 года;

- вольноотпущенный Фёдор Козленко, 59 лет.

Камчадалы Корякского селения:

- Пётр Дехтярев, 32 года;
- Иван Уваровский, 31 год;
- Иван Волков, 21 год.

Камчадалы Начикинского селения:

- Василий Мерлин, 48 лет;
- Прокопий Гуторов, 34 лет;
- Иван Табарин, 30 лет.

Ещё более впечатляют «Сведения о лицах податного состояния Приморской области Восточной Сибири Петропавловского округа, имеющих право на получение медали в память войны 1853—1856 годов». Первыми идут «лица, не участвовавшие в сражении, но находившиеся в окрестностях Петропавловского Порта в блокадном положении»:

Крестьяне Авачинского селения:

- Козьма Уваровский, 38 лет;
- Гаврила Явловский, 36 лет;
- Степан Филиппов, 27 лет;
- Илья Занин, 42 года;
- Степан Тюрюков, 38 лет;
- Иван Пономарёв, 26 лет;
- Иван Явловский, 38 лет;
- Егор Игнатъев, 46 лет;
- Николай Климов, 27 лет;
- Дмитрий Климов, 20 лет.

Крестьяне Старого острога:

- Яков Машихин, 42 года;
- Степан Машихин, 39 лет;

- Николай Новгородов, 24 года;
- Роман Бурнашев, 30 лет;
- Александр Бурнашев, 26 лет.

Затем следует запись о других камчадалах: «По вызову, посланному по распоряжению Г. бывшего Камчатского Военного Губернатора Контр-Адмирала Завойко, явились для защиты Петропавловского Порта в случае нападения неприятеля в 1855 году и во время пребывания Англо-Французской Эскадры в Авачинской губе находились в окрестностях Порта, готовые к отражению неприятеля, ежели бы он сделал попытку идти во внутрь страны, и помогали вывозкою казённого имущества».

Камчадалы Верхнекамчатского селения:

- Стрателлат Нечаев, 25 лет;
- Василий Машихин, 31 год;
- Николай Зимин, 20 лет;
- Порфирий Зимин, 21 год;
- Егор Машихин, 19 лет;
- Пётр Машихин, 30 лет;
- Фёдор Ухов, 24 года.

Камчадалы Мильковского селения:

- Егор Мальцов, 44 года;
- Иван Плотников, 34 года;
- Антон Плотников, 30 лет;
- Никифор Михайлов, 40 лет;
- Глеб Кошкарров, 31 год;
- Яков Подкорытов, 44 года;
- Евстафий Бобряков, 45 лет;
- Николай Плотников, 25 лет;
- Иван Еланцов, 29 лет;
- Фотий Бобряков, 22 года;
- Пётр Бобряков, 29 года;
- Сидор Борисов, 40 лет;
- Андреян Пинигин, 34 года;
- Ларион Потапов, 43 года;
- Григорий Потапов, 21 год;
- Пётр Бобряков, 29 лет.

Камчадалы Ключевского селения:

- Иван Ушаков, 43 года;
- Егор Ушаков, 38 лет;
- Андриан Ушаков, 30 лет;
- Христофор Ушаков, 30 лет;

- Фёдор Ушаков, 26 лет;
- Иван Кречетов, 43 года;
- Илья Кречетов, 30 лет;
- Иван Чудинов, 37 лет;
- Никифор Штильников, 28 лет;
- Януарий Штильников, 36 лет;
- Аким Ушаков, 45 лет;
- Сильверст Ушаков, 50 лет;
- Герасим Рыков, 29 лет;
- Захар Рыков, 25 лет;
- Василий Юрьев, 28 лет;
- Андроник Голых, 32 года;
- Леонтий Ушаков, 29 лет;
- Евод Докучаев, 33 года;
- Николай Чудинов, 25 лет.

Камчадалы Нижнекамчатского селения:

- Захар Греченин, 39 лет;
- Иван Гусев, 29 лет;
- Андрей Тарабыкин, 34 года;
- Иван Никифоров, 26 лет;
- Афанасий Помаскин, 20 лет;
- Андриан Петров, 32 года.

Камчадал Начикинского селения:

- Ермолай Гуторов, 31 год.

Камчадалы Малкинского селения:

- Семён Волков, 26 лет;
- Роман Волков, 30 лет;
- Николай Абакумов, 31 год;
- Пётр Дурынин, 21 год;
- Осип Чегликов, 25 лет;
- Кир Пермяков, 22 года;
- Иннокентий Дурынин, 41 год;
- Михайло Волков, 24 года;
- Пётр Абакумов, 24 года;
- Алексей Абакумов, 41 год.

Камчадалы Ганальского селения:

- Фёдор Лукашевский, 41 год;
- Иван Елагин, 32 года;
- Мартын Шахурдин, 41 год;
- Андрей Елагин, 39 лет;
- Тимофей Елагин, 33 года.

- Камчадалы Шеромского селения:
— Артамон Садовников, 40 лет;
— Василий Панов, 25 лет;
— Николай (? — неразборчиво) Каменской, 20 лет.
- Камчадалы Кирганского селения:
— Феоктист Пермяков, 21 год;
— Константин Пермяков, 44 года.
- Камчадалы Машурского селения:
— Егор Мерлин, 30 лет;
— Николай Красильников, 32 года;
— Андрей Конев, 25 лет.
- Камчадалы Щапинского селения:
— Иван Пермяков, 38 лет;
— Иван Овцын, 25 лет;
— Николай Овцын, 47 лет;
— Андриан Овцын, 30 лет.
- Камчадалы Козыревского селения:
— Герасим Чуркин, 30 лет;
— Евстафий Метевский, 37 лет;
— Василий Чуркин, 20 лет.
- Камчадалы Ушковского селения:
— Захар Жировиков, 44 года;
— Роман Варганов, 37 лет;
— Фёдор Варганов, 31 год;
— Алексей Варганов, 27 лет;
— Захар Ощепков, 21 год.
- Камчадалы Харчинского селения:
— Ефим Чабаев, 36 лет;
— Семён Клочев, 35 лет;
— Иван Клочев, 29 лет.
- Камчадалы Еловского селения:
— Фёдор Третьяков, 37 лет;
— Кирик Могилёв, 28 лет;
— Осип Коллегов, 37 лет.
- Камчадал Кичигинского селения:
— Касьян Варганов, 53 года.
- Камчадалы Корякского селения:
— Николай Елагин, 33 года;
— Алексей Дехтерев, 30 лет;
— Николай Елагин, 33 года;
— Гаврила Елагин, 22 года;

- Иван Осьми́нин, 29 лет;
- Павел Осьми́нин, 19 лет.

Сегодня мало кому известен и тот факт, что в составе военного гарнизона Петропавловского порта наравне с взрослыми сражались и дети. О подвиге одного из них рассказал А. П. Сильницкий, найдя документы во Владивостокском портовом архиве: «По случаю малочисленности Петропавловского гарнизона Завойко был вынужден употреблять на должности кокорщиков кантонистов с десятилетнего возраста. Из числа этих кантонистов один был убит, а другому, по имени Матвей Хромовских, одну руку оторвало, а другую ранило. Кантонист Хромовских с удивительною твёрдостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии правой руки у плеча и мизинца левой руки. Во время тяжёлой операции он, как свидетельствует Завойко, молчал и даже не стонал. Все дети-кокорщики исполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали пускать кораблики. Завойко просил Муравьёва довести о таком мужестве мальчиков до сведения Государя и для сохранения в памяти защитников Петропавловска подвигов детей исходатайствовать у Государя какое-нибудь пособие Хромовскому. Десятилетним ещё ребёнком Хромовский сослужил службу Царю, остался калекой и не мог не только снискать себе пропитание своими трудами, но даже не мог обходиться без посторонней помощи».

Среди новых документов, которые пришли на Камчатку, есть решение от 13 апреля 1855 г. «во исполнение Высочайшей Государя Императора воли» о назначении «пенсии из инвалидного капитала» в размере 22 руб. 86 коп. «кантонисту Храмовскому, как подлежащему ко 2-му классу раненых». Дальнейшая судьба этого ветерана неизвестна.

В этих архивных материалах мы находим сведения ещё об одном возможном участнике обороны Петропавловского порта, который, будучи уроженцем деревни Ключины Юрьевецкого уезда Костромской губернии, отслужив двадцать лет беспорочно во флоте и дослужившись до унтер-офицерского звания (боцманмата) в 27-м Амурском (до этого 47-м Камчатском) флотском экипаже, после отставки 1 октября 1856 г. решил поселиться в Петропавловском порту, откуда, вероятно, родом его жена Дарья Николаевна. Это — Игнатий Дмитриевич Яблоков. Последнее упоминание фамилии Яблоковых (в семье не было сыновей) относится к 1905 г., когда Дарья Николаевна Яблокова, вдова от-

ставного баталера, была ещё жива, а дети и внуки ветеранов обороны защищали теперь уже всю Камчатку от японской рыболовной и военной агрессии.

Не удалось нам обнаружить в селении Начики и потомков Михаила Егоровича Пермякова, ратный подвиг которого был отмечен серебряной медалью «За усердие» на Георгиевской ленте. Как ничего нам пока неизвестно и о судьбе сына канцелярского служителя Ильи Добрынина, который, по всей видимости, делал свою карьеру уже в Николаевске-на-Амуре или в Хабаровске, как сын ещё одного участника обороны — будущий окружной начальник Камчатки, о котором наш рассказ впереди.

Что же касается остальных, то у нас есть уникальная возможность попытаться связать родственные «концы», используя сохранившиеся в архивах исповедальные росписи камчатских церквей за 1893 г., которые уже помогли многим тысячам камчадалов в установлении родства и законного статуса коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока. Правда, разрыв во времени составляет около сорока лет, но в жизни Камчатки за этот период мало что поменялось — разве что на смену отцам и дедам пришли сыновья и внуки.

Конечно, некоторые фамилии бесследно исчезли, возможно, в роду были одни дочери или по какой-то другой причине. Например, мы не нашли следов петропавловских мещан Лазаревых, потомков отставного унтер-офицера Николая Грехова, отставного матроса Масима Тихонова.

Сметанины. Потомки матроса Лаврентия Сметанина, участника многочисленных камчатских морских экспедиций, в 1893 г. жили вокруг Петропавловска: отставной матрос Василий Петрович Сметанин — на Хуторе, а дети петропавловского мещанина Михаила Сметанина — Кузьма, Пётр и Иннокентий — одной большой семьей в «городе». Участие в обороне Камчатки в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. принимал Амвросий Кузьмич Сметанин.

Бушуевы. Помимо Михаила, награждённого бронзовой медалью на Георгиевской ленте, в список ветеранов обороны Петропавловского порта в начале XX в. был внесён Полуевкт Иванович Бушуев, который «под огнём неприятеля снабжал батареи провизией и разными товарами».

Сахаровы. Следующим в списке награждённых назван купеческий сын Иван Сахаров. Нигде в документе не упоминается, что награждён он посмертно, хотя некоторые источники сообщают

о нём, как о погибшем. Сахаровы прижились «на выселках», в селении Халактырка — мещане Александр и Егор Михайловичи и Григорий Алексеевич.

Ивановы. Фамилия довольно распространенная и в Петропавловске 1893 г., хотя родовые корни могут быть и едиными — в основном это Яковлевичи и многочисленные Ивановичи, петропавловские мещане. Именно им в составе петропавловской дружины выпала честь защищать полуостров от японцев: среди ополченцев были Иван, Николай, Михаил и Яков Ивановы.

Гарднеры. Судя по возрасту, отчество Петра Гарднера было Осипович (Иосифович), так как он вёл свой род от Иосифа Гарднера, англичанина, поступившего на русскую службу примерно в 1836 г. В 1893 г. в Петропавловске проживало несколько семей этого рода. В обороне Камчатки от японцев принял участие Иннокентий Гарднер (в составе отряда из села Малка, где жили Абакумовы, их родня).

Коршуновы. Николаю Коршунову, петропавловскому мещанину, отмеченному боевой наградой, было 63 года. Он — самый старший из добровольцев-«охотников». Поэтому было бы очень сложно искать по росписям 1893 г., основываясь на отчествах, его прямых потомков. Но можно смело предположить, что именно Николай Коршунов и стал родоначальником этой камчатской династии, которая и по сей день является частью живой истории нашего полуострова.

В Петропавловске в 1893 г. под одной крышей жили Филарет Прокопьевич Коршунов, братья Николай, Михаил, Прокопий и Иван Михайловичи Коршуновы. И они не уронили чести деда (или прадеда) — в составе отряда народного ополчения из Верхнекамчатска участие в обороне Камчатки в 1904—1905 гг. приняли Михаил и Алек. (Алексей, Александр?) Коршуновы.

Ворошиловы. Наградами отметили, вероятно, двух братьев — Алексея и Осипа (Иосифа), которым в 1855 г. исполнилось, соответственно, 43 года и 46 лет. В таком случае версия семьи Ворошиловых о том, что родоначальником их камчатской династии является Павел Ворошилов может быть поправлена — в свою очередь, многодетный Павел Ворошилов мог быть как Павлом Алексеевичем, так и Павлом Иосифовичем (Осиповичем). Но это не изменяет сути — повсеместно, где селились представители рода Ворошиловых, они выступали на защиту русской земли. В 1904 г. вступили в народное ополчение Павел Афанасьевич Ворошилов (Хутор), Николай Александрович Ворошилов (Большереец),

Константин Иосифович и его сын Мартимьян Константинович Ворошиловы (Крутогорово), Македон Александрович Ворошилов (Большерецк), Иван Михайлович Ворошилов (Мильково), Иван Николаевич и Алексей Ворошиловы (Петропавловск).

Толман. Как и Гарднер, Вильям (Василий) Толман был иностранцем на русской службе. Его потомки до сих пор верой и правдой служат России. И Николай Васильевич Толман, участник обороны Петропавловска, не единственный тому пример. В составе ичинской дружины противостоял японской экспансии Михаил Иванович Толман, а в составе тигильской дружины — Пётр Степанович Толман.

Косыгины. Николай Косыгин, награждённый бронзовой медалью на Георгиевской ленте за боевые заслуги, тоже, как и Коршунов, был уже немолод и, действительно, явился родоначальником династии петропавловских мещан Косыгиных, которые потом осели в самых разных уголках Камчатки — с севера на юг и с востока на запад. Его сын, Пётр Николаевич, в начале XX в. также был внесён в число ветеранов обороны Петропавловска: «охранял собор и церковное имущество, под огнём неприятеля снабжал сражающихся разными припасами».

В число патриотов России, отозвавшихся на призыв вступить в народное ополчение, чтобы отразить японцев, входил Иван Николаевич Косыгин, записавшийся в Петропавловскую дружину.

Белокопытовы. Корпуса морской артиллерии кондуктор 2-го класса Пётр Белокопытов также отличился при обороне Петропавловского порта: «...в то время как неприятельская бомба, упав вблизи порохового погреба, готова была разорваться, отважно схватил бомбу в руки и бросил её в ров, где и последовал взрыв. Сей смелый и доблестный поступок Белокопытова отвратил многие несчастья, могшие произойти от взрыва порохового погреба». Но в нашем списке отставной унтер-офицер Иван Белокопытов, который вместе с войсками не покинул порт, чтобы избежать второго, теперь уже, безусловно, проигрышного, боя с англо-французской эскадрой, а остался жить на этой, взрастившей его земле. И вероятно, его потомок, Фёдор Николаевич Белокопытов, петропавловский мещанин, за боевые действия против японцев в 1904—1905 гг. был награждён серебряной медалью.

Хохловы. Николай Хохлов был ополченцем и состоял в петропавловской дружине.

Скребыкины. Судя по сведениям, имеющимся в нашем распоряжении, камчатский казачий род Скребыкиных угас, и отставной

унтер-офицер Василий Скребыкин, отличившийся при обороне Петропавловска, возможно, был одним из последних носителей этой фамилии.

Петровы. Вполне вероятно, что такая же судьба была и у этой петропавловской фамилии, связанной с участником Петропавловской обороны, отставным унтер-офицером Андреем Петровым. Но, если, как подсказывают документы, петропавловские Петровы имеют нижнекамчатские корни, то «порох в пороховнице» ещё оставался, и в период русско-японской войны в составе устькамчатской дружины на защиту Отечества вызвался идти Пётр Петров из Нижнекамчатска.

Матвеевы. Это тоже, по всей видимости, «последний из могикан» камчатского рода Матвеевых, первое известие о которых напрямую связано с Харчинским бунтом.

Юшины. Потомственные казаки, которые привыкли служить там и в том качестве, которые определит Родина. Поэтому не случайно, Семён Юшин, отличившийся при обороне Петропавловска, был отставным матросом. В число ветеранов Крымской войны входил и казачий пятидесятник Михаил Иванович Юшин. Юшины проявили героизм и в период схватки с японцами. Павел Иосифович Юшин, помощник командира тигильской дружины, был награждён Георгиевским крестом, как и казак Моисей Юшин. Участие в обороне Камчатки принимали казаки Дмитрий и Ксенофонт, кантонисты Ивли и Николай Юшины.

Мутовины. Отставной матрос Иван Мутовин — это, по всей видимости, Иван Гаврилович Мутовин, брат Василия Гавриловича. Они оба числились матросами 47-го флотского экипажа и принимали участие в обороне Петропавловска. Мутовины были уроженцами Камчатки, из казачьих детей. А служили, как Юшин и другие отставные матросы, представленные в наградном списке, по морскому ведомству. Участие в русско-японской войне принял Иван (по другой версии — Еввод) Мутовин. Но наивысшее воинское звучание эта камчатская фамилия, как ни странно, обрело в мирное время — в 2008 г. «за мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники» звание Героя Российской Федерации присвоено Олегу Евгеньевичу Мутовину.

Черных. Вполне вероятно, что потомки отставного матроса Павла Черных, отмеченного наградой за боевые заслуги в период обороны Петропавловска, начинают новую, отличную от привычной казачьей и священнослужительской, теперь уже мещанскую традицию этой династии. Но в период русско-японской войны всё

это перемешалось. В народное ополчение (петропавловскую дружину) вступили мецане Иван Васильевич и Александр Черных. Казак Алексей Черных участвовал в захвате командира японского десанта Сечу Гундзи, казак Степан Черных — японской шхуны в устье реки Озерной в июне 1905 г. В дружине из Сероглазки врагов отражали казаки Пётр и Николай Черных.

Горбуновы. У нас мало сведений о потомках отставного матроса Семёна Горбунова, но, как говорится, мал золотник, да дорог: Николай Горбунов, потомственный матрос, награждён Георгиевским крестом за боевые действия против японцев. «Был старшим в экспедиции, отправленной для охраны восточного побережья Камчатки от Петропавловского маяка до реки Жупановой, разбил японских хищников и уничтожил их шхуны».

Дехтеревы не были военными — мирные камчадалы, прежде курилы (айну), сначала жившие в селении Явино, а в 1841 г. переселённые сперва в село Начики, а затем — в Коряки. Камчадал Пётр Дехтерев, награждённый за заслуги по обороне Петропавловска, был уже из Коряк. Но его «родник» Иван Дехтерев из Явино (а может, это был Василий Дехтерев, получивший одиннадцать ножевых ран во время стычки с японскими «хищниками» в 1905 г. на реке Опале) был награждён высшей воинской наградой тех лет — Георгиевским крестом.

Уваровские первоначально тоже жили на западном побережье Камчатки, потом были переселены в Начики и Коряки, где не хватало людей для исправления «каюрной гоньбы», то есть обеспечения транспортного сообщения между административными центрами полуострова. Такое переселение происходило постоянно, и мы не застаём в 1893 г. никаких сведений об Уваровских из села Коряки, также как и о Пермяковых из села Начики. Но знаем, что староста Начики Дмитрий Кузьмич Уваровский был награждён за русско-японскую кампанию на Камчатке серебряной медалью на Станиславской ленте «За усердие по формированию дружин и охране берегов».

Среди его земляков, участников народного ополчения были:

— братья Егор и Христофор Михайловичи Уваровские (морощечная дружина), селение Ича;

— Захар и Николай Уваровские (большерецкая дружина), селение Апача;

— Пётр Уваровский (откуда он, мы пока не знаем).

Волковы. И эта фамилия в Коряках не сохранилась. Но, тем не менее, боевые заслуги Ивана Волкова, участника боевых действий

в период обороны Петропавловска, подтвердили и другие его «родники»:

— Василий Волков, староста села Сопочного, принимал активное участие в отражении японцев на реках Ича и Колпаково 8 июня и 27 июля 1904 г.;

— Фёдор и Захар Волковы, уроженцы села Малка, в составе ополченцев облуквинской дружины охраняли этот участок побережья.

Другой их «родник» Пётр Волков из села Колпаково действовал против японцев в составе сводной большерецкой дружины на юго-западе полуострова.

Мерлины. Когда и почему они появились в Начики, откуда прибыл в числе «охотников» для участия в боях, где и проявил себя как герой Василий Мерлин, мне не известно. Как и то, когда и почему они из этого селения были куда-то снова переселены. По данным 1893 г., камчадалы Мерлины обитали в селениях Машура, Гольгино, Шаромы, Щапино, Кирганик, Малка. То, что все они относились к единой камчатской семье породнённых народов, несомненно.

Поэтому и участие в событиях 1904—1905 гг. на Камчатке приняли почти все, кто мог носить в это время оружие — Алексей, Егор, Павел, Иван и Николай Мерлины из селения Гольгино, а также Василий Мерлин из Щапино и Гурий Мерлин из Кирганика.

Гуторовы. Потомков начикинского камчадала Прокопия Гуторова, участника сражения, мы также не смогли отыскать по данным исповедальной росписи 1893 г. В Ганалах жил Фотий Афанасьевич Гуторов, а в Коряках — вдова Гуторова Ульяна Моисеевна. Скорее всего, этот фамильный род иссяк к началу XX в.

Табарины. И этот династический родник, по всей видимости, тоже иссяк. Если потомков начикинского камчадала, участника боёв и кавалера, переселили в Коряки, то и там мы находим в 1893 г. только последний след угасающей камчатской фамилии — бездетного старика Ивана Никитича Табарина, 62-х лет.

Вторая часть списка награждённых касается лиц, «не участвовавших в сражении, но находящихся в окрестностях Петропавловского порта в блокадном положении». Это жители сёл Авача и Старый острог. Эта часть интересна ещё и тем, что сообщает о главных исторических (и династических) фигурах этих сёл в период существования первой Камчатской области в истории. Мы знаем, что основателями Старого острога были Машихины, чья династия процветала на перепутье местных дорог. Но вот

появление в Старом остроге братьев Бурнашевых — Романа и Александра — для меня стало открытием. Дело в том, что в 1847 г. Иван Барнашев (Бурнашев) из Якутска обратился с просьбой к губернатору В. С. Завойко получить постоянное место жительства в селе Авача, но был направлен в Начики, где впоследствии и жили его потомки. Но получается, что какое-то время Бурнашевы (вероятно, Ивановичи) пребывали в Старом остроге. И, кстати, нужно отметить тот факт, что ни жители Старого острога, ни жители Авачи не участвовали в обороне Камчатки в русско-японскую войну (по крайней мере, мне до сих пор не удалось найти ни одной фамилии жителей этих сел среди народных ополченцев). Причины этого я не знаю. А вот что касается Бурнашевых, то в состав большевецкой дружины входили два начикинских камчадала Бурнашевых — Фёдор Иванович и Григорий Александрович (сын Александра Ивановича Бурнашева из Старого острога, отмеченного правительственной наградой).

Хотя не без исключений. В числе награждённых в память о Крымской войне братья Гаврила и Иван Явловские из села Авача. Как мы уже знаем, из авачинского гнезда многие его «птенцы» перепорхнули потом на более благодатные для сельского хозяйства земли — или в Николаевку, или на Паратунские ключи, или в селение Озерновское близ озера Дальнего. Хотя вполне возможно и другое: у этих братьев был ещё один брат — Дмитрий Явловский (Ивойловский, Евойловский), у которого были сыновья Константин и Яков, жившие на Паратунских ключах. А в историю русско-японской войны навсегда вошёл подвиг Егора Яковлевича Ивойловского. До войны он убил своего земляка и, чтобы искупить вину, добровольно пошёл на разведку к японцам, расположившимся в устье реки Озерной, собрав данные, которые потом очень пригодились ополченцам.

Есть ещё одна фамилия в списке представленных к памятной медали на Андреевской ленте из числа жителей села Авача, которая встречается потом в списках ополченцев петропавловской дружины 1904—1905 гг. — Тюрюков. Мы встретились с её многочисленными формами — Тюрсуков, Тюрюков, Тюрюнов — и нашли в списках ополченцев Константина Тюрсукова, но он петропавловский мещанин, участник обороны Камчатки.

И ещё один любопытный факт, который своим исключением только подчеркивает некую закономерность неучастия староострожцев и авачинцев в ополчении. Среди награждённых в память об обороне Петропавловска есть имя Егора Игнатьева, 46-ти лет.

В наградном списке говорится о том, что он является, как и остальные авачинцы, крестьянином, то есть мы не можем спутать его с отставным баталёром, тоже ветераном Крымской кампании Николаем Фёдоровичем Игнатьевым.

Мне до сих пор ещё не ясна история появления крестьян Игнатьевых в Большерецке, но то, что авачинские и большерецкие крестьяне Игнатьевы могли быть в родстве, вполне возможно (есть данные, что большерецкие Игнатьевы появились в здешних местах в самом начале XIX в.). Крестьян (как и камчадалов — вспомните Дехтеревых или Бушуевых) свободно переселяли с одного места на другое в случае надобности, принимая простое административное решение, чему есть масса примеров. Как и в данном случае — в 1893 г. старостой села Явино, расположенного севернее реки Озерной, был двадцатилетний крестьянин Дмитрий Дмитриевич Игнатьев. Село Явино появилось после 1875 г., когда на Камчатку переселились жители северных Курильских островов — айну (курильские камчадалы), считающие себя русскими подданными, а может быть, просто вытесненные с богатой рыбой островов переселенцами-японцами, которым были переданы Россией во владение Курильские острова в обмен на Южный Сахалин.

В 1904 г. Явино стало эпицентром японской военной агрессии. Под видом освобождения бывших жителей островов Шумшу и Парамушир, якобы подданных Японии, живших теперь в Явино и Гольгино, в устье реки Озерной, вблизи Явино был высажен японский военный десант из отставных унтер-офицеров. Они задолго до русско-японской войны создали военную базу на островах, ставя перед собой задачу овладения Камчаткой, на территории которой с 1855 г. не было никаких воинских частей и соединений. Разведчик Ивойловский потом докладывал, что на берегу реки Озерной расположилось более ста пятидесяти хорошо вооружённых десантников, имевших даже лёгкую пушку.

Попытка атаковать японский десант не увенчалась успехом. Тогда ополченцы хитростью выманили из вражеского стана командира японского отряда Сечи Гундзи и взяли его в плен. За этот подвиг явинский староста Дмитрий Дмитриевич Игнатьев был удостоен высшей воинской награды — Георгиевского креста 4-й степени.

Третий список камчадалов самый большой: «По вызову, посланному по распоряжению Г. бывшего Камчатского Военного Губернатора Контр-Адмирала Завойко, явились для защиты Петропавловского Порта в случае нападения неприятеля в 1855 году

и во время пребывания Англо-Французской Эскадры в Авачинской губе находились в окрестностях Порты, готовые к отражению неприятеля, ежели бы он сделал попытку идти во внутрь страны, и помогали вывозкою казённого имущества».

Им не пришлось воевать, это сделали их внуки в русско-японскую, а потом и внуки их внуков, освобождая Курильские острова в августе 1945 г. А поэтому мы не можем обойти молчанием имена героев этих войн.

Список открывают верхнекамчатцы. Верхнекамчатский острог — первая столица Камчатки, освоенной или завоеванной русскими казаками. Но пришло время, и местное казачество было упразднено, а сами казаки переведены в крестьянское сословие, что никоим образом, как выясняется, не сказалось на их боевом духе. Среди ополченцев призыва 1855 г. было трое Машихиных (Василий, Порфирий, Егор), в 1904 г. под ружьё встали Аггей и Фёдор. Было двое ополченцев Зиминых (Николай и Порфирий) в Крымскую кампанию, стало трое в русско-японскую войну — Николай, Михаил и Парфентий.

Почти все основные старинные мильковские фамилии были представлены в списке награждённых памятными медалями за оборону Петропавловска: Плотниковы (Иван, Антон и Николай), Потаповы (Григорий и Ларион), Бобряковы (Евстафий, Фотий и два Петра), Егор Мальцов, Никифор Михайлов, Глеб Кошкарлов, Яков Подкорытов, Иван Еланцов, Сидор Борисов, Андреян Пинигин.

Прошло полвека — и словно ничего не поменялось, и к награждению памятными медалями за участие в обороне Камчатки от японской агрессии были представлены следующие мильковчане: Плотниковы (Поликарп, Григорий, Иван, Александр, Алексей, Павел, Евстигней, Андрей), Потаповы (Полиевкт, Иллариий Феофанович, псаломщик, и Иннокентий), Бобряковы (в документах Бобриковы) — Мартиан Петрович и Николай Фёдорович, Мартиниан Мальцев, Дмитрий Подкорытов.

Крупный отряд ополченцев прибыл из Ключей — девятнадцать человек, восемь из которых носили одну и ту же фамилию Ушаковых (Иван, Егор, Андриан, Христофор, Фёдор, Аким, Сильверст, Леонтий), а также двое Кречетовых (Иван и Илья), двое Штильниковых (Никифор и Януарий), двое Чудиновых (Николай и Иван), двое Рыковых (Герасим и Захар), Василий Юрьев, Андроник Голых, Евод Докучаев. Через полвека фамилии ключевских крестьян из многодетных крепких семей появятся и в окрестных обезлюдевших

сёлах, где они будут уже прописаны камчадалами, несущими обязанности «каюрной гоньбы» на новом месте.

Вот сколько одних только Ушаковых оказалось в списках народного ополчения в русско-японскую войну: Александр, Василий, Дей, Иван, Иван П., Иннокентий, Николай, Павел, Пётр, Пётр Евг., Платон, Тарас, Трифон, Христофор, Яков, а кроме них ещё Леонтий и Иван из ключевских «выселок» — села Кресты. Кречетовы выставлялись от Козыревска (Гавриил), Крестов (Григорий и Тимофей) и Ключей (Христофор), Рыковы — от Козыревска (Александр) и Крестов (Лукиан). И «чисто» ключевские Степан и Иван Штильниковы, двоюродные братья Александр и Иннокентий Юрьевы, Михаил Чудинов.

Более скромно был представлен Нижнекамчатск — некогда по статусу столичный город. Всего шесть фамилий: Греченин, Гусев, Тарабыкин, Никифоров, Помаскин, Петров. Это можно понять — нижнекамчатский военный гарнизон в начале XIX в. был переведён в Петропавловский порт и вошёл в состав Петропавловской экипажной роты, впоследствии превратившись (совсем ненадолго) в Камчатский (а с 1855 г. — Амурский) флотский экипаж, или растворился в других сословиях — казачьем, крестьянском или мещанском.

Собственно, эти шесть фамилий отражали целую эпоху — казак Тарабыкин (у Сгибнева Тарабукин) в 1768 г. заразил оспой население Камчатки. Болезнь «произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека». Никифоров был потомком славного рода священнослужителей Камчатки. Помаскин и Петров — потомки казаков-мореходов, осваивавших Русскую Америку. Греченин и Гусев — потомки государственных крестьян.

В 1904—1905 гг. Платон Гаврилович Тарабыкин в составе устькамчатской дружины защищал от японцев восточное побережье полуострова. В одном отряде с ним были уроженцы Нижнекамчатска Пётр Петров, Андриан Помаскин и земляки-устькамчатцы — казак Константин и кантонист Егор Помаскины.

Десять человек выдвинули в народное ополчение жители села Малка — из них трое Абакумовых (Николай, Пётр и Алексей), трое Волковых (Семён, Роман и Михайло), двое Дурыниных (Пётр и Иннокентий), Осип Чегликов и Кир Пермяков. В соседнем с ними селении Ганальском вызвались «охотниками»-добровольцами трое крестников основателя Петропавловского порта Ивана Елагина — Иван, Андрей и Тимофей. Жители села Коряки добавили ещё двух

Елагиных — Николая и Гаврилу. Щапинцы выставили в ополчение трёх крестников Дмитрия Овцына, адъютанта другого отца-основателя Петропавловского порта — Витуса Беринга: Ивана, Николая и Андриана Овцыных.

Помимо Малок были выдвинуты Пермяковы и от других сёл — Феоктист, Константин (Шаромы) и Иван (Щапино). Но через пятьдесят лет картина по неизвестным мне причинам изменилась коренным образом: в ополчении 1904 г. в составе облуконской дружины был только один единственный Андрей Елагин из селения Пузино, и я не знаю, сохранился ли на Камчатке сегодня хоть один носитель этой уникальной в истории полуострова фамилии.

О существовании камчадалов Овцыных я вообще узнал только из документа о награждении камчадалов памятными медалями за оборону Петропавловского порта. О них нет ни слова в моей книге «Тайны камчатских имён», так как ни до этих событий, ни после них я не нашёл нигде никаких упоминаний об этой фамилии.

Что же касается малкинских героев, то они достойно проявили себя и в русско-японскую войну, выставив опять же самых надёжных — Абакумовых (Александр, Деомид, Яков), Волковых (Фёдор и Захар), Прокопия Дурынина.

Пермяковы, как и в 1855 г., влились в ополчение 1904 г. из разных камчатских сёл: Арсений Герасимович Пермяков из Машуры, Василий Дмитриевич — из Кирганика и Николай Пермяков из — Малки.

В числе двухсот пятидесяти ополченцев, прибывших по зову своего «старика», как с любовью называли губернатора Василия Степановича Завойко камчадалы, и ста двенадцати (имя Николая Елагина почему-то выпало из официальной нумерации) из награждённых памятными медалями за участие в Крымской кампании 1853—1856 гг. на Андреевской ленте, были представители камчатских родов, начиная с далёкого села Кичига (Варганов) на северо-востоке полуострова. Вся центральная Камчатка выставила своих народных ополченцев — Еловка (Третьяков, Могилёв, Коллегов), Харчино (Чабаев и Клочевы), Ушки (Жировиков, Ощепков, Варгановы), Козыревск (Метевский и Чуркины), Щапино, Машура (Мерлин, Красильников, Конев), Кирганик, Шаромы (Садовников, Панов, Каменской), Ганалы (Лукашевский, Шахурдин), Начики (Гуторов), Коряки (Дехтерев и Осьминины).

Мы уже говорили, что с 1855 по 1904 г. администрация Приморской области Приамурского генерал-губернаторства, в которую

Камчатка вошла как округ, перетасовала, как карты, местное население, смешав русских старожилов с камчадалами по прихоти времени и необходимости поддержания «каюрной гоньбы», то есть транспортной связи внутри полуострова. В принципе, на Камчатке, где за двести лет русского владычества коренное и старожильческое население породнилось, образовав единую семью камчатских народов, эти административные «игры» никого особо не волновали — все одинаково ощущали себя по образу жизни и традиционному укладу своей хозяйственной деятельности одним народом — камчадалами. И когда их в очередной раз, уже при советской власти, в 1926 г. официально назвали русскими, никаких социальных обид и национальных потрясений это не вызвало, так как коренное население южной Камчатки обрусело, а русское старожильческое население — окамчадалилось. Все они строили русские избы, устанавливали камчадалские запоры на реках, чтобы обеспечить свой род рыбой, занимались охотой, чтобы одеть-обуть членов семей. И не было между ними никакого принципиального различия, разве что кроме записи в дореволюционной исповедальной росписи — камчадал, крестьянин, мещанин, казак, военный, священно или церковнослужитель. А после революции все стали просто гражданами.

Что же касается камчатских героев русско-японской войны, то центральная часть полуострова на этот раз стала не единственным поставщиком народных ополченцев. Были сформированы дружины большевецкая, облуквинская, тигильская, паланская, устькамчатская, петропавловская. Но так как речь в данном очерке идёт о преемственности поколений, то выделим из этого большого состава именно тот пласт имён, который непосредственно связан с историей Петропавловской обороны. Тем более что об участии камчадалов в русско-японской войне в моей книге «Тайны камчатских имён» есть отдельный большой очерк — «Хроника неоконченной войны».

Еловку на этот раз представляли ополченцы из других династий. Харчино — Семён Ключев, как и в 1855 г. Обычно первенца в семье называли в честь деда по отцовской линии. Ушки — Степан и Егор Жировиковы, Илья Ощепков, Козыревск — Пётр и Иннокентий Чуркины, Машуру — Василий Красильников, Шаромы — Василий Панов, Ганалы — Егор Лукашевский.

Необходимо особо отметить представителей рода Осьмининых из селения Коряки, сыгравших немалую роль в отражении японских «хищников» в русско-японскую войну. Староста села Коря-

ки Филипп Павлович Осьминин был награждён серебряной медалью «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» [РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129]. Камчадал Иван Осьминин получил высшую воинскую награду тех лет — Георгиевский крест. «Участвовал при отражении японцев против с. Явино 6 июня, на реке Апале 10 июля 1905 г. и вёл себя мужественно» [Там же, д. 11].

На этом наш список имён камчатских героев — дедов и внуков — исчерпан, но есть ещё одна история, которая имеет самое непосредственное участие к минувшим событиям Петропавловской обороны и последующей истории Камчатки, о которой мы не можем не рассказать.

Не так давно я получил по электронной почте письмо: «Добрый день! Меня зовут Хомяков Константин Викторович. Я правнук Хомякова Петра Прокопьевича и внук Хомякова Павла Петровича. В нашей семье хранятся свидетельства о рождении и много фотографий семьи начала XX в. Но, к большому сожалению, о них знаю очень мало. Очень надеюсь, может благодаря Вам кто-то из родственников напишет. Ведь сейчас очень ценны родственные отношения. Могу выслать копии фотографий и свидетельство о рождении».

Чуть позже Константин Викторович прислал документ, ставший для меня откровением: «Сим свидетельствуется, что в Метрической книге Камчатского Петропавловского собора за 1851 год, хранящемся в Ново-Архангельском духовном правлении, значится Камчатской Портовой Канцелярии у Бухгалтера 13-го класса Прокопия Евстафьева Хомякова и законной его жены Ольги Ивановой родился сын Пётр Тысяча восемьсот пятьдесят первого года Сентября двадцать второго числа, а Крещён Тринадцатого числа того же месяца и года Священником Георгием Ивановичем Логиновым и Дьячком Александром Логиновым. Восприемниками при крещении были: Корпуса Корабельных Инженеров Кондуктор Иосиф Евстафьев Хомяков и жена Коллежского Секретаря Ильинова — Елена Васильевна. В удостоверении чего и дано сие Свидетельство из Новоархангельского Духовного правления».

Мало кто знает, что это свидетельство о рождении будущего исправника, а потом начальника Петропавловского округа Петра Прокопьевича Хомякова. То есть он родился накануне великих исторических событий — Петропавловской обороны, вошедшей в мировую историю, в которой приняли непосредственное по долгу службы участие его отец — Прокопий Евстафьевич и дядя —

корпуса корабельных инженеров кондуктор Иосиф Евстафьевич Хомяковы.

А в моей книге «Тайны камчатских имён» есть такая запись: «Хомяков Павел Петрович. Родился в Петропавловске 24 августа 1888 г., сын петропавловского окружного начальника, надворного советника Петра Прокопьевича Хомякова. Восприемники: вице-адмирал Тихоокеанской эскадры Павел Николаевич Назимов и жена купца Константина Павловича Русанова Александра Павловна [ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10].

В каком году семья Хомяковых покинула Камчатку, пока неизвестно, но в исповедальной росписи Петропавловского собора, где в своё время крестили Петра Прокопьевича, а затем и Павла Петровича, есть запись от 1893 г.: «Хомяков Пётр Прокопьевич, Начальник Петропавловского округа (42 года), надворный советник, жена — Екатерина Илиодоровна (32), дети — Антонида (10), Зинаида (7), Павел (4)».

По разным данным, Пётр Прокопьевич дважды возглавлял администрацию Петропавловского округа, сначала в 1884 г., а затем с 1888 по 1893 г. Последние данные наиболее точны — имеются документы о рождении Павла в 1888 г. и запись в исповедальной росписи за 1893 г.

Константин Викторович Хомяков позже прислал ещё одно сообщение: «В Интернете мне попала статья “Вехи становления Хабаровской милиции” из общественно-политической газеты “Тихоокеанская звезда” от 15.04.2010. Вот что там пишут о Хомякове Петре Прокопьевиче: родился в 1851 г. в семье обер-офицера. Будучи в должности помощника Софийского окружного исправника, в мае 1880 г. командирован в г. Хабаровка для управления полицейской частью. Постановлением военного губернатора Приморской области от 30 октября 1880 г. назначен на должность хабаровского полицмейстера. Кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 3-й степени». На сайте «Камчадалы.ру» Хомяковы представили целый ряд старинных фотографий о членах этой, некогда камчатской, семьи, не забывающей своих исторических корней.

И снова мы возвращаемся к событиям русско-японской войны 1904—1905 гг., и не только потому, что этого требуют законы жанра — если уж начал, то и закончи, но и потому, что сами исторические события ведут нас к этому финалу.

Напомним, что крестным отцом Павла Петровича Хомякова был вице-адмирал Павел Николаевич Назимов. Нет, Павел Николаевич

не дожил до российского позора, связанного с проигранной Японией войной и вызвавшего первую русскую революцию. Он умер 11 (24) декабря 1902 г. в Санкт-Петербурге в чине полного адмирала, при всех регалиях, в твёрдой уверенности, что дни земные завершает со славой, которой можно позавидовать. Его имя увековечено в названиях бухты, губы и острова на Новой Земле в Баренцевом море, бухты на острове Путятина, маяка на острове Назимова в заливе Посьета и косы в бухте Рейд Паллада. Во время Крымской войны П. Н. Назимов оборонял Кронштадт от нападения англо-французского флота.

Вообще, ему повезло участвовать во многих событиях мировой истории, для которых хватило бы, наверное, уже одного только этого факта: «В историю русского флота вошёл поход корвета “Витязь” в 1870—1871 гг. под командованием капитана 2-го ранга Назимова вокруг Южной Америки в Тихий океан, совершённый по просьбе Императорского Русского географического общества. На берег Новой Гвинеи был высажен Н. Н. Миклухо-Маклай».

Путешествие подробно описывается в книге М. С. Колесникова «Миклухо-Маклай». Вначале Назимов недоверчиво отнёсся к своему пассажиру: «Мне приказано ради этого ненормального субъекта изменить маршрут корабля, тащиться Бог знает куда — и вопреки здравому смыслу высадить молодого человека, больного, истощённого и к тому же почти невооружённого, лишённого средств к существованию, на берег, населённый людоедами. Нет, господа, рассудок не хочет с этим мириться. Я не желал бы участвовать в подобном, преступном мероприятии...» В свою очередь, Миклухо-Маклай писал друзьям: «Жизнь на военном судне и с такими субъектами, как Назимов, не особенно приятна, однако же возможна». Но время всё расставило на свои места. Эти выдающиеся люди по достоинству оценили друг друга. Назимов снабдил Миклухо-Маклая во время путешествия деньгами, помог ему в обустройстве на острове, обеспечил провизией и всем для него необходимым. Когда «Витязь» покидал Новую Гвинею, Миклухо-Маклай написал: «Прощайте, дорогие друзья, которых я успел полюбить и с которыми успел сродниться... Прощай, добрейший человек Павел Николаевич, честный и бескорыстный...»

Но нам важен другой факт, который, собственно, и стал началом конца русско-японского конфликта, завершившегося национальным позором. Посмотрим, что пишут об этом инциденте в Мировой сети.

«19 февраля 1891 г. Павел Николаевич Назимов на крейсере “Адмирал Нахимов” в Сингапуре встретил цесаревича Николая Александровича, впоследствии императора Николая II, который, как известно, совершал в 1890—1891 гг. кругосветное путешествие с целью познакомиться с политическими системами других государств мира. 11 мая 1891 г. на цесаревича было совершено покушение: японский городской Цуда Сандзо внезапно бросился к Николаю и успел нанести ему два удара мечом. Николай спасался бегством, пока не подоспела помощь».

Помня о том, что Япония — страна жесточайшего чинопочитания, выскажем сомнение, которые выражали все наши соотечественники в дореволюционное время, что японский городской действовал по собственной воле и собственному желанию.

«Придя в себя, — сообщает Википедия, — цесаревич заявил: “Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие”. Согласно медицинскому заключению, подписанному фон Рамбахом, Вл. Поповым и М. Смирновым, в результате нападения у цесаревича от меча были две раны в правой волосистой части головы длиной 9 и 10 см, а также отщеплён кусочек кости.

Через двадцать минут после происшествия принц Арисугава в своей телеграмме заявил об ужасном характере раны, и в японском правительстве, сформированном Мацукатой Масаёси пятью днями ранее, поднялась паника: многие из его членов опасались, что покушение может привести к войне между двумя странами».

Цесаревич прервал свой визит и, отказавшись от посещения императорского дворца и встречи с императорской семьей, на крейсере «Адмирал Нахимов» отбыл в Россию.

«Требований о компенсации со стороны России предъявлено не было. Как указывает канадский историк Д. Схиммельпенник, инцидент в Оцу стал одним из клише, связанных с истоками русско-японской войны 1904—1905 гг. (якобы ненависть Николая к японцам переросла в вооружённый конфликт), даже несмотря на то, что боевые действия были начаты японской, а не русской стороной». Логичнее предположить другое — японцы на долгие и долгие десятилетия усвоили, что России — это колосс на глиняных ногах, где к высшей политической элите относятся как к политическому мусору, регулярно вычищая его, то есть уничтожая физически даже собственных императоров.

И хотя после инцидента в Оцу Николай в своём дневнике также писал, что “не сердится на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика”, по словам С. Ю. Витте, покушение вызвало в душе цесаревича отрицательное отношение к Японии: “Поэтому понятно, что император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно, и когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд на Японию с особой лёгкостью воспринимался императором, а поэтому император всегда относился к японцам презрительно”».

Финал этой истории также весьма показателен — японцы, для которых отношение к императорскому имени было всегда свято, судили злоумышленника, посягнувшего на представителя императорского российского дома весьма демократично: по приговору он получил пожизненное наказание, а не смертную казнь. То есть Япония продемонстрировала пренебрежительное и наплевательское отношение к российскому императорскому сану и российской короне.

А Россия проглотила эту пилюлю — «требований о компенсации с российской стороны не последовало». То есть и сама Россия, как государство, уронила себя в глазах японцев, «начав» на этот кровавый инцидент. С юмором отреагировал и народ, создав новое ругательство — «японский городской». И потому на Россию японцы начали смотреть с тех пор совсем другими глазами, презрительно, свысока, ненавидя её за громадность, готовясь нанести по её голове новые и новые удары мечом. Поступок Цуда Сандзо стал национальным примером для подражания — русских не страшно бить, убивать, уничтожать, а николаевское высокомерие — он откровенно называл японцев «макаками» — только разжигало этот огонь будущего национального позора России.

Чем всё это закончилось — известно. И если бы не героизм коренного и старожильческого населения Камчатки, то и наш полуостров мог бы стать для Японии военным трофеем той войны. Но, к счастью, враг на Камчатке был разбит. Это была единственная победа России в той позорной войне. Впрочем, как и в проигранной Крымской кампании, только Петропавловская оборона принесла России историческую победу.

Такова сила духа Камчатки и её народа, которой мы должны по праву гордиться!

ПЕТРОПАВЛОВСК. ГОД 1932-й

1 января согласно постановлению Совнаркома введена шестидневная рабочая неделя с шестичасовым служебным днём для ряда организаций, не связанных с производством. В их число попали окрисполком, горсовет, Госбанк, правление Интегралсоюза, окрпотребсоюз, дирекция АКО, милиция, суд и прокуратура, страховкасса, управление авиастроительства, Пушносиндикат. Учреждения, непосредственно обслуживавшие нужды населения, вроде магазинов, распределителей, хлебопекарни и бани, по-прежнему трудились по пятидневке.

Объявлены новые подписные цены на «Камчатскую правду»: для колхозников, бедняков и середняков на год 6 руб., на месяц — 60 коп. Для рабочих и служащих при коллективной подписке соответственно 12 и 1 руб., для индивидуальных подписчиков — 18 и 1,5 руб., для учреждений — 24 и 2 руб. Всех подписчиков, уже уплативших по старым расценкам, просили явиться в редакцию (Ленинская, 2, дом окружкома партии, второй этаж) и предъявить квитанции для перерасчёта.

3 января вечером из Владивостока вышел пароход АКО «Якут». Он вёз продовольствие и горючее. Прибытие в Петропавловск ожидалось к 16 января.

4 января набирала обороты заявленная ещё в прошлом году «пушная кампания». Одной из её движущих сил, как мы знаем, были юные ленинцы — пионеры, бросившие в одном из решений своего окружного бюро лозунг: «Ни одного пионера и школьника, не участвующего в пушных заготовках!» Сейчас этот лозунг проводился в жизнь «по-боевому». Окрбюро юных пионеров заслушало доклад о ходе пушзаготовок и «мобилизовало» детвору на непосредственное участие в них. В чём оно заключалось? В массовой работе, выпуске отрядных стенгазет, выступлениях агитгруппы «Боевые сигналы», беседах и собраниях, а также организации ряда ударных бригад для заготовки второстепенного вида пушнины (в основном зайчатины). На днях должна была состояться первая детская городская конференция, посвящённая пушным заготовкам.

На местах добыча дорогостоящей пушнины — экспортного товара, валютная выручка за который шла на развитие народного хозяйства страны, шла не везде гладко. Так, «счёт тульскому заводу» предъявляли устьбольшереецкие охотники. В районе отмечен

ряд случаев ухода соболей из тульских капканов, объяснявшихся тем, что они оказались чрезвычайно низкого качества. «Нам нужны советские, прочные капканы». Охотники «категорически» настаивали, чтобы их качество было немедленно повышено, предлагая делать их по образцу американских. За провал пушной кампании местный сельсовет был награждён «рогожным» знаменем позора. По телефону в город сообщили, что отклики на это событие приняли «формы широкого общественного буксира». Впрочем, устьбольшерецкий комсомол намеревался взять реванш за поражение. В подарок приближающейся 17-й партийной конференции он объявил январь ударным месяцем. Задачи ударника: проверить ремонт плавсредств, сетеснастей, «переключить всю работу по пушным заготовкам на ударные темпы», организовать раннюю постановку неводов для лова весенней сельди.

Коллектив учащихся и преподавателей городской совпартшколы, заработавшей осенью прошлого года, узнав о новой провокации международного империализма, «вызывавшего СССР на войну», затеянной, по сообщениям центральных газет, одной иностранной миссией в Москве, обязался объявить себя ударным в борьбе за выполнение и повышение качества учебно-производственного плана четвёртого года пятилетки. Совпартшкольцы намеревались укрепить работу по линии Осоавиахима, поставив задачу перевыполнить планы оборонной учёбы на начавшийся год, собрать на постройку подводной лодки 400 вместо ранее намеченных 200 руб. В один из ближайших очередных дней отдыха они намеревались объявить воскресник, а все собранные средства передать в фонд моторизации погранохраны.

В этот же фонд по 10 руб. по вызову Тони Кореновой внесли Валя и Тоня Слободчиковы, в свою очередь вызвавшие Петю Петрова, Доду Воробей, Зою Рубцову и Лёку Подпругину. Таля Игрушечкина, тоже воодушевлённая призывом Тони Кореновой, дала 5 руб. и пригласила к этому Тамару Прохорову. Активное участие в сборе средств в фонд моторизации погранохраны приняли корейские лесорубы, собравшие 210 руб. Грузчики дали 130, прочие «корейские граждане» — ещё 145 руб. 35 коп. Корейцы призывали последовать их примеру всех петропавловских китайцев.

В магазине Торгсина поступили в продажу «товаро-продукты лучшего качества», в том числе экспортное масло, мука-крупчатка, американский и голландский сыр, консервированные черешня и абрикосы, шпроты, свежие яблоки, экспортная водка, коньяк, карамель, папиросы и сигареты. Торговали на иностранную валюту,

золото и серебро старой чеканки. Брали также золотой лом. Заказы принимались и с доставкой на дом. Их можно было сделать устно или по телефону с коротким номером 40.

В красном уголке горбольницы работали курсы медицинских сестёр. Поначалу их посещали 23 слушательницы, но потом началась «большая утечка», и их осталось лишь 14. Здесь пока проходили три дисциплины: анатомию, гигиену и латинский язык. С преподаванием языка дело обстояло особо неблагоприятно: систематически опаздывала преподаватель. Дважды она не явилась совсем, потому что «не знала, какой у неё урок: последний или первый». Курсанткам частенько приходилось ожидать начала занятий по полчаса и больше, а ведь почти все они были людьми занятыми, имели семьи. «Преподавательница» имела также привычку сокращать урок: вместо положенных сорока пяти занималась только тридцать минут.

5 января рабочие и служащие АКО по вызову группы ударников по проведению месячника обороны подписались на 3 907 руб. Это стало их ответом на проiski проклятых империалистов. Собранные средства шли на дело: стало известно о пуске 1 января крупнейшего автозавода в Нижнем Новгороде. Этим завершился «огромный этап борьбы за новое производство в Советском Союзе — автомобилестроение». Предприятие создано в кратчайшие строки. На поощрение 1 300 лучших ударников стройки, «показавших образцы большевистской работы», выделено 300 тыс. руб., самых выдающихся намеревались премировать автомобилями.

9 января в ответ на названную выше очередную провокацию империалистов, жаждущих втянуть Советский Союз в войну в целях срыва «строительства, успешно проводимого трудящимися Страны Советов», главный инженер стройтехуправления АКО Елизаров и инженер-электрик Пилатов публично пообещали отдать все свои силы и знания делу социалистического строительства и вступить в ряды компартии. «Потребуется — возьмёмся за винтовки, — якобы говорили возмущённые подлой провокацией иностранной миссии китайские грузчики Совторгфлота. — Рука об руку будем вместе с русскими рабочими бить проклятых империалистов!» Готовы были дать отпор коварному врагу рабочие и служащие товарной базы АКО. Эти обещали в любую минуту выступить на защиту советских границ и приложить все силы на развёртывание хозяйственного строительства. Похожие резолюции протеста на митингах и собраниях приняли коллективы кооперативных пекарни и столовых, Госбанка, окрфинотдела. Демобилизованные

красноармейцы Тимофеев, Рябушнин, Дубинин, Круть, Ведерников, Рутченко, Коробицын, а сейчас возчики на авиастроительстве, в ответ на провокацию иностранной миссии назвали себя ударниками: «Мы хотим помочь строительству воздушной линии, имеющей колоссальное значение для такой отдалённой местности, как Камчатка».

Драмкружок при клубе показал публике актуальную для страны, охваченной энтузиазмом великих строек, пьесу «Инга» автора Глебова. Тот просто и чётко определили действие и роли персонажей. Но в увиденном действе «связанности с заводом» не просматривалось. «Язык пьесы беден глубиной убеждающих слов. Особенно это заметно в роли директора завода. Глаголевский эту роль провёл слабо. Он показал не командира станка, а благодушного резонёра. Центральная фигура — Инга. Крупный специалист, предана делу революции, изобретательна, но в исполнении Кренберг — Инга какая-то полубольная женщина. Анархия “священного” брака, пути искания здоровых форм сожителства, сдвиг в гражданском сознании женщины хорошо отображены автором, а также полнозвучно переданы в игре Лукониной и Зыряновой. Суматошный Рыжов был очень хорош в исполнении Эйжвертина, который оттенил все бытовые слабости этого персонажа. Лазарева в роли очаровательной глупой дамы была только полным балластом на сцене». Размышляя над увиденным, многие приходили к выводу, что настоящего театра-то в Петропавловске всё-таки нет, а трудящиеся «лишены возможности иметь культурный отдых». Профессиональная театральная труппа появилась в городе в апреле следующего года.

Заведующий базой райинтегралсоюза Дубников объявил, что заготовленную пушнину можно сдать в любое время дня. База размещалась на улице Ленинской рядом с хлебной лавкой центрального районного кооператива. Здесь же принимали крыс, причём «неободранных».

Объявлен план проведения месячника Осоавиахима. Цель первой шестидневки: вербовка новых членов и ликвидация задолженностей по взносам и соцстроительству. Первый выходной день рекомендовано использовать для массовых постановок, ударников, смотров. За вторую шестидневку намеревались мобилизовать внимание на военной подготовке трудящихся, выходной день посвятить выходу на охоту в пользу обороны страны, стрелковым состязаниям и тактическим занятиям с участием пограничников. Третья неделя — мобилизация трудящихся на выполнение

и перевыполнение пятилетки по сбору средств. Шестой день — выходной — «ударники» на своём производстве или на других работах. Четвёртая шестидневка — ликвидация химической неграмотности и проведение противовоздушной обороны в форме бесед «Зачем нужна противовоздушная оборона», «Что ждать с воздуха», «Виды отравляющих веществ», запись на индивидуальное приобретение противогазов по 15 руб. В выходной день намеревались провести пробную защиту от ядовитых газов домов и учреждений. Во время пятой шестидневки следовало подвести итоги месячника, заслушать отчёты партийных и профсоюзных организаций «по отдельным прорывам».

Обнаружились зияющие прорывы на культурном фронте, а ведь, по словам почившего вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, «в стране неграмотной социализма построить нельзя». Лозунг дня: «Ни одного неграмотного, не охваченного ликвидационными пунктами (неграмотности. — С. Г.). Обеспечить ликпункты светом и пособиями. Указать партячейкам, что ликвидация неграмотности — не кампания, а боевая задача партии!» Некто «Культармеец» сообщил, что в стройтехуправлении АЖО и судоремонтной мастерской ещё не взялись, как следует, за ликвидацию, хотя там насчитывалось свыше сотни неграмотных рабочих. Организация ликпункта была поручена персонально Дядюк и Лукашову, но они пока ничего не сделали «и вторую пятидневку гоняют культурмейцев друг к другу, говоря, что занятия не могут развернуться из-за отсутствия электроосвещения. Оно появится, если только Дядюку и Лукашову соответствующие организации “подкрутят гайку”».

10 января в шесть вечера в клубе открылось общегородское женское собрание «по вопросу проработки шести условий товарища Сталина». Имелся в виду комплекс хозяйственно-политических мероприятий, озвученный вождём на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Вкратце эти шесть «исторических условий» звучали так: при исчезновении безработицы необходимо использовать оргнаборы рабочей силы, а также механизировать труд; поднять зарплату квалифицированных рабочих по сравнению с неквалифицированными; улучшить снабжение, жилищные условия; улучшить организацию труда; создать новую производственную интеллигенцию; проявлять заботу о старой технической интеллигенции и шире привлекать её к работе; развивать хозрасчёт.

11 января. Лозунг дня: «Учись бить врага не только штыком и винтовкой, но и противовоздушной подготовкой!» В 15.45 в городе загудел набатный колокол. Спустя несколько минут улицы

перекрыли цепи постов, остановилось движение. Город замер на целый час, лишь отдельные пешеходы быстро скрывались в ближайшие ворота. Что случилось? Общегородская противовоздушная и противохимическая тревога. Её цель — «всколыхнуть трудящихся и привлечь их внимание к работе по обороне страны, проверить подготовку к обороне отдельных зданий и учреждений». На развёрнутых учебных пунктах кипела работа: здесь посредники проверяли подготовленность учреждений, отдельных зданий, ячеек Осоавиахима, пунктов и частных лиц к возможному нападению врага. Через пять минут после объявления тревоги ячейки школы 2-й ступени и совпартшколы заняли свои здания и улицы, быстро раскинулись пункты первой помощи, выехали дегазационные отряды, сформировались пожарные дружины. Резерв одного из пунктов собрался через двадцать одну минуту, срок большой, а вот пункт АКО совершенно не собрался. На участке общества посредники не обнаружили никаких признаков противовоздушной обороны, да и деятельности вообще. Объявленные отравленными и ранеными лежали здесь без всякой «помощи», а в это время десятки служащих толкались без дела. «Замечен и ещё ряд дефектов, показывающий, что химликбез не пройден и подготовки нет». Совершенно не были готовы к обороне здания банка, порта, милиции, совхоза, то есть там, «где осоавиахимская работа совершенно не ведётся и секретари бездействуют». Многих тревога застала врасплох. «Несвязным лепетом секретари пытаются оправдываться... Полное невыполнение директив пятилетки показало на практике безобразное отношение к обороне страны в этих организациях». Пробная тревога обнаружила, что население толком не знает основных приёмов противовоздушной обороны, несознательно и несерьёзно отнеслось к учениям. Многие смотрели на них, словно на комедию.

«Пуржило. Сквозь завывание ветра удары набата едва были слышны. Никто из пешеходов, ёжившихся от холода, в первую минуту не обратил на них внимания. Но звуки колокола настойчиво лезли в уши.

— Горит где, что ли?

— Да вроде как будто пожар.

— Столовая кооператива загорелась.

— И вовсе не пожар, — вмешался молодой парень, — а противовоздушная тревога. Вон команда осоавиахимцев побежала.

Беглым шагом вышла на Ленинскую команда совпартшкольцев и рассыпалась цепью.

— Стойте, товарищи! Не ходите дальше. Зайдите в дом.

— Да у меня дома пироги в духовку поставлены.

— Нельзя, товарищ, противоздушная тревога!

— А мои пироги пусть горят! Они комедию ломают, а дома добро пропадает!

Постовые всё же настойчиво заворачивали пешеходов в ближайшие дома. Останавливали подводы, заводили их под прикрытие зданий и заборов.

Через двадцать минут всякое движение на улицах было прекращено. Изредка отдельные граждане пытались делать перебежку, но постовые их задерживали. Недовольное брюзжание:

— Выдумывают какие-то тревоги. Я, может, с утра ничего не ел! Но всё же подчинялись.

Пусто. На Ленинской никого, кроме постовых. Из пункта противоздушной обороны выбегает химкоманда. На Советской площади разорвался снаряд с газом. Место разрыва обозначается метками: «Отравлено». По глубокому снегу дружинники на рысях волокут дегазационную машину. Падает на землю один из дружинников.

— Отравлен газами.

Его подхватывают и немедленно препровождают в пункт. Там он поступает в распоряжение медсестры и врача.

— Разденьте больного. Платье сжечь!

— Чем отравлен? — спрашивает посредник.

— Ипритом».

Наконец парные удары колокола возвестили отбой. Моментально из столовой, клуба и ближайших домов на улицы прыснул людской поток. Теперь осоавиахимцы, химкоманды, трудящиеся спешили к Дому обороны (бывшему Петропавловскому собору, колокол которого и возвестил общегородскую тревогу) на торжественное поднятие флага. Проскакала пожарная команда, и пока осоавиахимская масса вливалась в здание, пожарники карабкались по выдвигаемым лестницам всё выше и выше. Начальник штаба скомандовал «Смирно!» Люди, битком набившиеся в здание бывшего собора, замерли. Председатель окрисполкома Г. Н. Коренев принимает рапорт. Слышны слова: «В доме Осоавиахима, полученном сего числа от горсовета, налицо отряд в составе...» «Это здание было местом угнетения, теперь это место широкой культурной работы», — говорит Г. Н. Коренев. «Ответим на провокацию капиталистов перевыполнением пятилетки в проводимом месячнике», — предложил В. П. Виноградов. Итоги учения по-

казали, что в ликвидации химической и противовоздушной неграмотности сделано мало. Эти «прорывы» требовалось во что бы то ни стало ликвидировать в течение проводимого оборонного месячника.

14 января стало известно о пуске нового общесоюзного предприятия — Красноуральского медеплавильного комбината.

Горместхоз объявил об открытии своей мастерской. Здесь принимали заказы на слесарные, токарные, кузнечные, кровельные работы, ремонт моторов и электроприборов. Открылась столовая для инженерно-технических работников при центральной кооперативной столовой на улице Ленинской, что против конторы связи. Завтраки отпускались с 8 до 9.30, обеда — с 12 до 17, и ужины — с 18 до 20. При столовой имелось коммерческое отделение, где завтраки и ужины можно было приобрести за два, а обед — за пять рублей.

Продолжился сбор средств в фонд моторизации погранвойск. У. Н. Талинов внёс 50 руб. и вызывал всех частных возчиков города. Лёка Подпругина дала пятёрку, призвала к этому Михашу Талинова, Коку Новограбленова и Аллу Скрыгину. Пятёрку внесла и Зоя Рубцова, вызывая Лиду Кияшко, Тамару Воронину, Аллу Скрыгину и Раечку Зелинскую. Упомянутая Раечка долго ждать не стала и вложила в общую копилку десятку, понадеявшись, что это же сделают Аллочка, Мирочка и Адочка Скрыгины.

Управление Петропавловского порта предупредило граждан, живших на улице Ленинской на стороне, обращённой к Ковшу, что воспрещается свалка в воду мусора и нечистот. На виновных обещали наложить штраф в административном порядке.

Из Владивостока в Петропавловск отправился грузопассажирский пароход Совторгфлота «Совет».

15 января открылись четырёхмесячные вечерние курсы переподготовки учётно-оперативных работников для Госбанка, сберкассы и райфинотдела. Занятия с 17 до 22 часов ежедневно. Желающих поступить на курсы приглашали подать заявления товарищу Добровольскому в здание окрфинотдела.

18 января президиум окрсвета Осоавиахима перевёл 1 000 руб. на постройку самолёта «Советская Камчатка». Заказ на него уже был сделан, а передача готовой машины намечалась на 1 мая, и «не одним днём позже». Пассажиры парохода Совторгфлота «Анадырь» дали в фонд постройки этого летательного аппарата 195 руб. По их поручению пассажиры Притулюк и Кротких призвали редакцию «Камчатской правды» развернуть кампанию подписки. На особый счёт № 234 в Госбанке ожидалось поступление требовавшихся

29 000 руб., которые намечали собрать во время объявленного месячника. Госбанк намеревался перевести в центр 10 000 руб. на эскадрилью имени Ленина. До контрольной цифры четвертого года оставалось собрать на счету № 377 ещё 20 000 руб. Здесь же копились все средства на дирижаблестроение. А специальный счёт № 299 вбирал средства на капитальный ремонт полученного полуразрушенным здания Осоавиахима (бывшего собора). «Ни одного члена Осоавиахима не должно быть к 24 января без вноса на капитальное строительство!» Счёт № 299, счёт капитального строительства, «должен дать Камчатскому округу средства на учебные пункты, тир, противогазы и пособия».

Для проведения выборов народных следователей президиум окр. исполкома выделил комиссию под председательством Полякова. Президиум утвердил и состав окружного совета физкультуры под руководством Просвирина.

Городская амбулатория объявляла, что ежедневно (кроме выходных) от 13 до 15 часов производит бесплатные предохранительные прививки против оспы и скарлатины.

21 января исполнилась восьмая годовщина со дня смерти В. И. Ленина. День объявлен нерабочим. По традиции, эти, так называемые «ленинские», становились днями массового вступления в ВКП(б). Это повелось с «ленинского призыва» 1924 г. В Петропавловском совхозе в партию вступили шестеро рабочих, комсомольская ячейка совхоза «передала» туда ещё восемь своих членов. В стройтехуправлении АКО членами партии стали девять, а в судоремонтной мастерской общества — четверо комсомольцев. В совпартшколе подано одиннадцать заявлений о вступлении. Их в частности написали Николай Денисович Серявин, Нил Антонович Сидоров, Григорий Фадеевич Кутуков, Егор Иванович Семёнов, Митрофан Васильевич Васильев, Гавриил Петрович Ишков, Иван Иванович Краснояров, Серафим Михайлович Петров, Василий Иванович Журкин и другие. Окружком ВКП(б) просил все учреждения, общественные организации, «имеющие компрометирующий материал на вышеуказанных товарищей», представить ему таковой. Росли и комсомольские ряды. Десять заявлений поступило в молодёжный союз в АКО, три в Водстрое, то есть на строительстве порта. Школа-семилетка рассмотрела шестнадцать заявлений учащихся старших групп, а отряды юных пионеров направили в комсомол аж пятьдесят человек. К ленинским дням в Петропавловском совхозе организованы три ударные бригады, охватившие двадцать четыре работника.

На собрании полиграфов слушали доклад о вожде. «Лучшим памятником ему, — заявили печатники в резолюции митинга, — станет выполнение пятилетки в четыре года». Тут же, на собрании, часть рабочих объявила себя ударниками, обязавшись организовать бригады имени Ильича. Они должны были показать лучшие образцы социалистического труда и отношения к производству и стать примером для остальных тружеников типографии, то есть жить прямо по указаниям действующего вождя — товарища Сталина: «Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию. Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства. С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всём мире!»

В ленинские дни Петропавловский совхоз организовал «красный обоз» с дровами для города. В его сборе участвовали все рабочие, мобилизован весь транспорт. В обоз записалось свыше семидесяти возчиков. В 8 часов утра 21 января они выехали на лесозаготовки на 6-ю версту, где грузили дрова. К 11 дня обоз прибыл к Култучному озеру, где его встретил духовой оркестр. В городе обоз принимали представители профсоюзных и общественных организаций, состоялся митинг. Средства, вырученные от перевозки дров, рабочие совхоза решили передать в фонд постройки клуба в своём хозяйстве.

«Камчатская правда» опубликовала образец местного поэтического творчества «На смерть вождя», написанное В. Лонгиновым, жителем далёкого села Палана, что из Тигильского района.

*Прошло уж восемь лет, как ты ушёл от нас.
Зажжё в России свет, и свет тот не погас.
Заветы твои помним, о них забыть нельзя.
В любой камчатской хате висит портрет вождя.
Коряка сердце внятно, он знает про тебя.
Идеи нам понятны великого вождя.
И знает тебя, гений, любой ламутский чум!
Твой путь, великий Ленин, вбирает каждый ум.
Мы, камчадалы-ленинцы, исполним твой завет:
В ближайшее же время зажжём кругом твой свет!*

Вспомнили и о Кровавом воскресенье, пришедшемся на 22 января (по старому стилю на 9 января) 1905 г. Эта дата считалась началом первой русской революции, «так как этот день произвёл резкий перелом в политическом сознании рабочего класса и открыл ему глаза на классовую природу самодержавия». В этот день

в Петербурге была расстреляна мирная рабочая демонстрация, только убитых насчитывалось несколько сотен человек.

Сплотиться вокруг «ленинской линии» призвало расширенное бюро окружкома ВЛКСМ, вместе с городским комсомольским активом обсудившее письмо И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». Комсомольцы осудили проступок редакции, «позволившей на страницах журнала протаскивать контрабандным путём троцкистские идеи», совсем недавно с таким трудом развенчанные. Бюро призвало всю камчатскую комсу теснее сплотиться вокруг генеральной линии партии, ведя непримиримую борьбу как с правым уклоном, так и с рецидивами контрреволюционного троцкизма. Для этого надо повысить теоретический уровень комсомольцев, в течение января проработав на собраниях сталинское письмо и организовав кружки по углублённому изучению истории партии.

Учителю школы-девятилетки Науму Савичу Павленко, проработавшему на педагогической ниве свыше четверти века, назначена окружной страхкассой и утверждена окрисполкомом месячная пенсия в 270 руб. 76 коп. «Как остающемуся дальше на работе», ему намеревались платить её половину, независимо от заработков. «Страховики», приветствуя первого пенсионера-просвещенца Камчатки, получившего пенсию по новому закону, выражали уверенность, что тот «ознаменует это событие дополнительной подпиской на 3-й решающий заём, подписку на заём оформит непосредственно через коллектив страховиков».

29 января снят с должности и исключён из партии секретарь Петропавловского райкома ВКП(б) Ларионов. На его место рекомендован некто Зайцев. В вину бывшему секретарю поставлено «антипартийное выступление». Он поддержал действия бывшего руководителя окружкома, заявив, что «только с такими руководителями, как тов. Овчинников, можно работать и осуществлять твёрдо и решительно линию партии». Эти слова расценены как умышленное нежелание выполнять решения Далькрайкома ВКП(б). Совецание городского партактива высказалось за твёрдую поддержку решений Далькрайкома, дающих «вполне чёткие установки о прекращении дёрганий хозяйственных организаций Камчатки по мелочам, в частности АКО, являющейся основной организацией в деле освоения Камчатки, о невмешательстве в оперативную и административную деятельность последней...» Оно отметило, что «некоторые коммунисты до сих пор не отказались от мысли вытащить на арену дискуссию о том, что АКО якобы не

справилось с хозяйственно-политическими задачами, поставленными партий и советской властью». Досталось за это и партийному активисту Люциферу, выступление коего тоже признано антипартийным и направленным на дискредитацию руководства АКО. Его и некоторых других «товарищей» предложено привлечь к ответственности вплоть до исключения из партии «в случае непризнания ими своих ошибок не на словах, а на деле».

30 января обнаружилось, что у мастера судоремонтной мастерской АКО Янсона «рыльце в пуху». Недавно он задержал рабочего Агафонова с вязанкой поленьев, взятых, точнее, украденных, в мастерской. На следующий день по требованию мастера того уволили. А через несколько дней другие рабочие видели, как мастер, оглядываясь по сторонам, тащил из мастерской вязанку пиленых дров. «Если мастер указывает рабочим на недопустимое растаскивания дров, то что же сам ворует их? — задались вопросом труженики. — Ведь мастер не должен быть исключением».

Коллектив Петропавловской окружной конторы связи с пригорбием известил о преждевременной смерти 27 января лучшей работницы, общественницы и ударницы Марии Ильиничны Дружиной. Вынос тела из здания горбольницы и прощание с покойной намечены на 12 часов дня.

Президиум окрисполкома установил расписание «твёрдых» выходных на февраль и март для работающих по «шестидневной прерывистой неделе»: февраль — 6, 12, 18, 24 и 29-е числа, март — 6, 12, 18, 24 и 30-е.

Окрсовет Союза воинствующих безбожников известил, что для приёма сумм, пожертвованных на строительство подводной лодки «Воинствующий безбожник», в Госбанке открыт специальный счёт. Совет общества объявлял, что 1 февраля в 18.00 в помещении межсоюзного клуба состоится организационное собрание. Персонально приглашались Бородина, Уманец, Тихонова, Савельева, Гор, Афанасьева, Кочеткова и Хорошавцева.

На постройку упомянутой подлодки 15 руб. внесла горожанка Сёмина, вызывавшая Моисееву, Слободчикову, Петрову, Кофанову, Петрицеву, Игрушечкину, Дьячину, Комарову и Звегинскую. Её супруг В. П. Сёмин дал 25 руб. и вызывал на такую же сумму Яроша и Леонову, всех заведующих кооперативными столовыми, Плаксина и мастеров пекарни, Серёдкина, Ольшевского, Рубцова, Ван Фу Тин, Ефремова. Ученики 6-й группы ФЗУ Я. Кочетков и П. Корякин не пожалели на это дело 10 руб., полученных как премию за изготовление стола.

Построим самолёт, Советская Камчатка

Самолёт «Беркут» был собран 18 я в фонд постройки самолета Советская Камчатка на авиационном заводе в Камчатке.

Аэрофицировать Камчатку

Плана транзитного авиационного сообщения в Камчатке нет. Однако в этом году предстоит осуществить воздушную линию. В 1932 году предстоит осуществить воздушную линию Петропавловск - Камчатка. В 1933 году — Петропавловск - Камчатка - Владивосток.

Переговоры ведутся с представителями СССР и иностранных государств. В настоящее время в Петропавловске находится группа специалистов из СССР и иностранных государств.

Построим подводную лодку «Востигнувший беззюбки»

Наши тридцать беззюбок, олицетворявшие собой отечественную подводную лодочную технику, в настоящее время находятся в распоряжении японской императорской флотии.

Совы известности беззюбки. После выхода беззюбки, в том числе и в том, что они являются представителями нашей морской техники.

Выполняем согдоговор

Южнотерриториальное управление в Петропавловске 21-го января 1932 г. постановило: на пути из Петропавловска в Камчатку на пароходе «Беркут» везти 200 тонн угля.

Обеспечит город дровами

Важнейшие предприятия и учреждения должны быть полностью обеспечены топливом.

На три двести тридцать тонн дров. В Петропавловске 21-го января 1932 г. постановило: на пути из Петропавловска в Камчатку на пароходе «Беркут» везти 200 тонн угля.

НИ ОДНОГО ТРУДЯЩЕГОСЯ ВНЕ РЯДОВ ОСО-АВИАХИМА

Месичник ОСО-Планкина должен дать решающие сведения в оборонной работе на Камчатке

Месичник начал 19 января

Организы, пришедшие в Камчатку, должны быть включены в ряды Осо-Планкина. В настоящее время в Камчатке работает 19 человек Осо-Планкина.

Акты города за месичник

15-го января в Петропавловске состоялось заседание городского комитета Осо-Планкина. В заседании участвовали представители различных организаций.

Особый отдел в Петропавловске

В Камчатке при обследовании работы Осо-Планкина выявлено, что в ряде случаев работники не выполняют своих обязанностей.

ХОМЧЕНИЕ ПО МУКАМ

В управлении совхоза «Камчатка» выявлено, что работники не выполняют своих обязанностей. В результате этого хозяйство находится в тяжелом положении.

Вывоз

Учрежден Давыдовым Павловым вывоз угля в Камчатку. В настоящее время вывоз угля осуществляется на пароходе «Беркут».

В ФОНД МОТОКРАТОВ

Лидя Машкова дала 20 рублей в фонд мотократов. В настоящее время в фонд вложено 100 рублей.

Нелманский дубин пахнет

Парты и партработники в Нелманском районе не выполняют своих обязанностей. В результате этого хозяйство находится в тяжелом положении.

Районы и отстав

Усть-Ильинский район должен быть включен в ряды Осо-Планкина. В настоящее время в районе работает 10 человек.

СОВЕРЕН СРЕДСТВА

Чет № 234. Предоставлено 1000 рублей в фонд Осо-Планкина. В настоящее время в фонд вложено 1000 рублей.

Чет № 377

10000 рублей на двух партизан. В настоящее время в фонд вложено 10000 рублей.

Чет № 235

10000 рублей на двух партизан. В настоящее время в фонд вложено 10000 рублей.

В фонд обороны

Лидя Машкова дала 20 рублей в фонд обороны. В настоящее время в фонд вложено 100 рублей.

В ФОНД МОТОКРАТОВ

Лидя Машкова дала 20 рублей в фонд мотократов. В настоящее время в фонд вложено 100 рублей.

Нелманский дубин пахнет

Парты и партработники в Нелманском районе не выполняют своих обязанностей. В результате этого хозяйство находится в тяжелом положении.

ВНИМАНИЮ ПРОКУРАТУРЫ

Усть-Ильинский район должен быть включен в ряды Осо-Планкина. В настоящее время в районе работает 10 человек.

ПОДРАНИ

В Петропавловске избраны представители Осо-Планкина. В настоящее время в городе работает 10 человек.

Навешивать дубин

В Петропавловске навешиваются дубины. В настоящее время в городе навешено 10 дубин.

Судья закончил в Петропавловске

Судья закончил работу в Петропавловске. В настоящее время в суде работает 10 человек.

Делится по сведениям

Делится по сведениям в Петропавловске. В настоящее время в городе делится 10 человек.

Вред ответственного редактора

Вред ответственного редактора в Петропавловске. В настоящее время в редакции работает 10 человек.

Официальный отдел ЦРК

Официальный отдел ЦРК в Петропавловске. В настоящее время в отделе работает 10 человек.

ВНИМАНИЮ ПОДСЧИВОВ

В Петропавловске работают подсчивы. В настоящее время в городе работают 10 подсчивов.

Для индивидуальных подписчиков

Для индивидуальных подписчиков в Петропавловске. В настоящее время в городе подписано 10 человек.

СООБЩАЮТСЯ ДЛЯ СВЕДЕИЯ

СООБЩАЮТСЯ ДЛЯ СВЕДЕИЯ в Петропавловске. В настоящее время в городе сообщено 10 человек.

Прием пушны производит

Прием пушны производит в Петропавловске. В настоящее время в городе принято 10 человек.

По «радиво» начался второй цикл бесед с целью ликвидации недавно выявленной всеобщей химической неграмотности. Этим занимались специально назначенные «беседчики».

Госбанк подвёл промежуточные итоги работы комитетов содействия сбору платежей по займу «третьего решающего года пятилетки». Картина получилась пёстрая. В конторе связи подписались на 15 135 руб., сразу погасив больше половины названной суммы. В коллективе Совторгфлота платили хорошо, некоторые работники погасили подписку досрочно, а вот кооператоры отставали, они осилили менее четверти заданной суммы, объясняя это большой текучестью кадров. Отчётность по займу пребывала здесь в хаотическом состоянии.

Некто «Дядя Ваня» просигнализировал о беспризорном моторе, почти два года валявшемся на глазах горожан у лесопильного завода АКО. Раньше это ценный агрегат стоял на электростанции. Очевидно, для очистки совести мотор прикрыли полусгнившим дырявым брезентом. С одной стороны его занесло снегом, с другой завалило лесом. Дорогая машина ржавела и приходила в негодность под открытым небом. Возникал вопрос: если её нельзя использовать в городе, то почему бы не отправить на рыбные промыслы, в совхоз или колхоз «для электрификации»?

4 февраля президиум окрсовета Осоавиахима возложил обязанности его председателя на весьма авторитетного и высокопоставленного товарища — Бориса Исаевича Гольдберга, директора-распорядителя главной экономической силы полуострова — АКО, старого большевика, закалённого в боях с белогвардейцами, контрреволюционерами и интервентами. Далькрайисполком и Камчатский окрисполком согласились с этим решением и утвердили его. Г. Н. Коренев заявил: «Мы глубоко уверены, что тов. Гольдберг принесёт большую пользу в осовавиахимской работе. Под его руководством камчатская организация ликвидирует военную неграмотность и выполнит осовскую пятилетку».

Началась шестидневка «мобилизации средств» на оборону, в которой главный упор пришёлся на распространение билетов 6-й авиалотереи Осоавиахима. Между тем штабы всех организаций к шестидневке не были готовы, кроме правления АКО, возглавляемого Гольдбергом. «Нигде нет никакой попытки развернуть подписку, выполнить и перевыполнить контрольные цифры». Условия подписки не были доведены до отдельных членов осовских ячеек. А они были просты: записаться у уполномоченного на билеты определённой стоимости с рассрочкой платежа до десяти

ти месяцев и с обязательством ежемесячного погашения при получении зарплаты.

За слабую организацию работы по мобилизации средств Камчатский окружной комсод постановил наградить Петропавловский кооператив «Орденом черепахи». Ему предложено усилить реализацию недефицитных товаров и развернуть работу по привлечению средств пайщиков кооперации.

А вообще-то оборонную работу можно было проводить и такими, весьма интересными и привлекавшими внимание молодёжи способами. Вот текст газетной заметки «На занятиях»:

«Яркий солнечный свет слепит глаза. Никаких признаков жизни среди запущённых деревьев и кустарника. По наезженной собаками дороге крадёт несколько человек с винтовками. Вдруг сугроб оживает. Из снега в белых халатах целое отделение накидывается на разведку “противника”, а сзади стремительно наступают одна за другой огневые точки. Мёртвая снежная полянка оживает. Из-под кустов и из сугробов раздаются отдельные выстрелы. Затрещали пулеметы. “Красных” больше и больше...

Синие получают приказ: первому эшелону отступить на окраину деревни Сероглазки. Быстро откатываются передовые части под командой тов. Костко (сотрудник окрбюро комсомола. — С. Г.). Второй эшелон встречает наступающих “красных” пулемётным огнём и контратакой. Но силы неравны, и по Сероглазке с криком “Ура!” перебегают передовые части наступающего отряда, а по бухте — обход. “Синие” жертвуют пулемётами и пулеметчиками и едва успевают укрепиться за кунгасами, далеко за деревней, как отбой собирает “врагов” на разбор и окуривание дымовыми пашками.

Жители всполошились: “А мы думали — всамделишная война, да ещё с газами!” Молодняк деревни выражает желание участвовать в занятиях, надо только ячейке села Сероглазки принять участие в осовихимовской работе».

Комсомольская ячейка порта обязалась оборудовать свой красный уголок, наладить там «культурно-массовую работу». Вроде и народу в ячейке было достаточно — двадцать семь человек, но сделали они немного. Составили расписание дежурств, прибили пару плакатов, разложили несколько газет и журналов и на этом успокоились. После этого никто из комсомольцев в уголке и не показывался. Тот быстро принял неухоженный вид: плакаты попадали, газеты и журналы валялись в беспорядке. Это отметили юные пионеры, заявив: «Потерялась комсомольская ячейка порта и её секретарь тов. Здор». Взрослые наставники —

портовские партприкрепленцы — жизнью комсомольской ячейки не интересовались.

Опубликована программа городской радиогазеты на февраль и март. Слушателям рекомендовалось отметить сроки, к которым необходимо отправлять в редакцию материал по отдельным темам с учётом времени на почтовую пересылку, чтобы заметку можно было передать по радио. В основу заметок и писем следовало положить «критический подход к каждому факту», избегать неверных сообщений, указывать конкретных виновников того или иного «прорыва», привлекать в помощь радиокоровской работе ударников, то есть самых активных борцов за выполнение промфинплана. Трансляции шли по вечерам. Например, 5 февраля в 19.00 она открылась комсомольской радиогазетой, в 20.00 следовал выпуск «Камчатской правды», в 21.30 — музыкальный получасник, с 22.00 — трансляция Хабаровской широкоэвещательной станции. 6 февраля в 19.00 вышла страничка профсоюзов, в 20.00 — вновь «Камчатская правда», за ней традиционный концерт-«получасник», затем снова Хабаровск.

5 февраля секретариат окротдела Осоавиахима начал переучёт мелкокалиберного оружия городских ячеек. Начальники их военных секторов по вечерам до 10-го числа приносили подведомственные винтовки в окрисполком.

9 февраля нашёлся хозяин беспризорного мотора. Им оказалась кустарная артель «Сталь». Мастерские АКО пожелали, было, приобрести его у кустарей, но те почему-то продавать технику не стали, и она продолжала ржаветь под открытым небом.

14 февраля при управлении АКО окрылись трёхмесячные курсы машинописи. Окончившим их обещано трудоустройство на предприятиях общества и зарплата от 150 до 240 руб. в месяц. Записывали на учёбу в комнате № 3.

Петропавловская таможня назначила на полдень 25 февраля продажу личного имущества, описанного как штраф за контрабанду. На торги выставлены принадлежавшие Гавриле Гавриловичу Подпругину дом по переулку Лаперуза, 49, корова, куры, разная домашняя обстановка и хозяйственный инвентарь. Затем продавался дом на улице Ленинской, 70, с надворными постройками Анны Ким, а также её корова, куры, свиньи, разная домашняя обстановка.

19 февраля началась «чистка» членов кустарно-промысловых и рыболовецких артелей. Её цель — укрепление социального состава коллективов и их «оздоровление» для успешного выполнения и перевыполнения планов. Комиссия по чистке затребова-

ла материалы на членов артелей. Первой «чистилась» артель «Камчатская обувь», на следующий день — «Гужтранспорт», 21-го — «Строитель», 24-го — рыболовецкая «Амурский партизан», 27-го — «Камчадал», 28-го — «Украинец».

Вечером в помещении народного суда заседало общегородское собрание бывших красногвардейцев и партизан. Повестка: доклад о 14-й годовщине Красной Армии, установление принадлежности к партизанам, о фотосъёмке.

20 февраля в восемь вечера в ленинский уголок управления погранотряда созывались жившие в городе демобилизованные красноармейцы. Просили не опаздывать.

21 февраля в межсоюзном клубе шумело общегородское комсомольское собрание с вопросом «Как мы выполняем решения 9-го съезда ВЛКСМ». Среди прочих выступили старые большевики и революционеры, такие, как Гольдберг, Межатуч, Виноградов с воспоминаниями о «борьбе за партию и с пожеланиями комсомольской организации». После собрания — киносеанс, «живая газета» и вечер самодеятельности. Присутствовало много беспартийной молодёжи.

22 февраля состоялось торжественное собрание коллектива Восточно-Камчатского управления Гражданского воздушного флота, посвящённое завтрашней 14-й годовщине Красной Армии. В резолюции собрание выразило уверенность, что та и в будущем даст жестокий отпор всем, кто попытается нарушить плановый ход социалистического строительства. Тут же прошла подписка на 6-ю лотерею Осоавиахима на 960 руб.

На объединённом собрании тружеников порта и водстроя слушали доклад о славной деятельности красноармейцев. Участники обещали: «На основе соревнования и ударничества добьёмся ещё больших успехов в строительстве социализма, одновременно изучая военное дело, необходимое для защиты страны Советов». Здесь же оглашён рапорт ячейки Осоавиахима. План её работы был перевыполнен. За активную работу по проведению оборонного месячника премированы Троицкий, Ситниковский и Шулман. Собрание организовало сбор в фонд постройки самолёта «Советская Камчатка», составивший 259 руб.

Опубликован приказ начальника Петропавловского гарнизона Н. С. Киселёва № 2: «1. 23 февраля — день 14-й годовщины РККА — назначаю парад частям гарнизона. 2. Командующего парадом назначаю помощника по оперативной части тов. Просвирина. 3. Парад принимать буду я с представителями советских, партийных

и профессиональных организаций. 4. Частям гарнизона 23 февраля к десяти часам выстроиться на Култучном озере, имея правый фланг у Никольской горы и левый — к АКОГраду, фронтом — на озеро. Имея на правом фланге воинские части, левее — организации Осоавиахима и на левом фланге — профсоюзы. 5. Начальнику милиции обеспечить порядок построения колонн...»

23 февраля к краснознамённым пограничникам с приветствием обратилось бюро Камчатского обкома ВЛКСМ: «В день 14-й годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии... шлём верному, непоколебимому стражу советской Камчатки комсомольско-пионерский привет! Товарищи пограничники! Камчатский комсомол заверяет вас, что Ленинский комсомол под руководством коммунистической партии большевиков ещё с большей энергией, с большим энтузиазмом сплотит свои ряды на выполнение планов нового хозяйственного года заканчивающейся пятилетки. Комсомол не на словах, а на деле осуществляет решения 9-го съезда комсомола в борьбе за многомиллионный комсомол. Если к 13-й годовщине Красной Армии комсомол в своих рядах насчитывал рабочих и колхозной молодёжи 480 человек и 530 пионеров, то, встречая 14-ю годовщину Красной Армии, комсомол удвоил свои ряды, доведя их до 1 250 человек комсомольцев и 1 048 пионеров, охватив их осовской организацией на 87 %. Товарищи пограничники! Ленинский комсомол призывает ещё бдительней охранять границы от посягательств капиталистов. Товарищи пограничники! Больше бдительности! Твёрже винтовку! Да здравствует непоколебимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия и её вождь тов. Ворошилов!»

Задолго до назначенного времени к Дому Осоавиахима начали собираться отряды общества. Первыми прибыли бывшие партизаны и красногвардейцы, за ними потянулись учебные пункты, отряды противовоздушной и химической обороны, кружки. В полном порядке подошёл отряд авиаторов. Выстроившиеся на улице Ленинской колонны встретили начальника отряда Осоавиахима Виноградова. Прозвучал дружный ответ на его приветствие, все тронулись на место сбора — Култучное озеро, где уже серой монолитной массой стояли войска и вдалеке по озеру чёрной лентой вилась колонна Осоавиахима АКОГрада. В её первых рядах сливалась со снегом рота в белых маскировочных халатах.

В ответ на приветствие начальника гарнизона Киселёва послышались раскаты «Ура!», отразившиеся от Никольской и Мишенной сопки. Молодое пополнение погранотряда приняло присягу.

Её текст читал сам председатель окрисполкома Г. Н. Корнев: «Я, сын трудового народа...» После поздравления пограничников, прерывавшихся громким «Ура!» и лозунгами, началось прохождение торжественным маршем частей гарнизона, в том числе и конной артиллерии.

Комсомол полуострова преподнёс своему подшефному пограничному сторожевому кораблю «Воровский» Красное знамя за бдительность и борьбу с хищниками, то есть браконьерами, в первую очередь японскими. Сторожевику «Красный вымпел», бывшей яхте камчатского губернатора «Адмирал Завойко», вручена кинопередвижка для «лучшего культурно-бытового обслуживания командно-политического и краснофлотского состава». Камчатскому погранотряду для быстрейшей и лучшей связи между частями подарен мотоцикл — вот она настоящая моторизация погранвойск!

Красный боец должен быть сильным, ловким и выносливым. Этого можно достигнуть занятиями спортом, например, лыжным и конькобежным. Поэтому в день годовщины Красной Армии окружной совет физкультуры решил устроить лыжные соревнования для того, чтобы выявить, насколько воины и физкультурники подготовлены к большим пробегам. Забеги начались в два часа дня. Для мужчин установлена десяти, для подростков — километровая и для женщин — двухкилометровая дистанции. Пропшли и показательные пробеги на лыжах за собаками и лошадью. Маршрут самого длинного: от школы-семилетки по Култучному озеру мимо построек ОГПУ на Халактырскую тундру, вокруг Зеркальной горы к ближайшему совхозу и опять к озеру. Трассы для подростков и женщин проложили по озеру. На следующий день состоялись конькобежные состязания, тоже на трёх дистанциях: 1 000 метров (мужчины), 300 метров (женщины) и стометровка для подростков.

29 февраля продолжен сбор средств. Пока их «мобилизация» стопроцентного результата не дала, особенно отставали с подпиской на 6-ю лотерею. Здесь среднее выполнение контрольной цифры составило всего 40 %. На помощь этому важному делу поспешила средне-младшая группа пятилеток детсада АКО, внёсшая 21 руб. 80 коп., собранных по подписному листу, наверное, всё-таки, родителями. Малыши вызывали на состязание группу «коллег»-пятилеток из городского садика. Крестьяне села Сероглазки пожертвовали на общее дело 238 руб.

Горожанин Юй Цзин Чжи потерял вид на жительство, теперь он считался недействительным. Ефим Иванович Бурдик «посеял»

членский билет Автодора, облигации госзайма и лотерейные билеты. Зато нашлись часы. Утерявший мог справиться о них у А. К. Константинова в колонизационном управлении АКО на улице Набережной, 19.

2 марта в зале межсоюзного клуба прошёл вечер, посвящённый 13-й годовщине революции в Корее. Доклад о славных событиях сделал некто Уманец. Зал прослушал его в переводе Юна на корейский язык и Гун Хо на китайский, единогласно утвердил заранее заготовленную резолюцию, а потом с удовольствием посмотрел корейскую пьесу «Путь революционера», одобрительными возгласами поощряя актёров, игравших без суфлёра.

4 марта завершилась чистка кустарно-промысловой артели «Сталь». Выявлен ряд «нездоровых явлений» и засорённость чуждым элементом. В артели процветали рвачество, пьянство, недисциплинированность. «Чистильщиков» артельщики встретила враждебно, а некоторые — Моторихин и Вальтер — демонстративным уходом пытались сорвать заседание комиссии. Из «Стали» изгнаны четверо: Г. А. Матвеев, А. А. Баровский, М. Н. Моторихин и Р. Э. Вальтер. Артельным А. А. Кардашу и М. К. Синяйкину «за поддержку рваческих тенденций» объявлен строгий выговор. Признано необходимым снять с работы председателя правления Шевкина, «не сумевшего организовать твёрдого руководства».

В чём проявлялось это самое рвачество, принимавшее на Камчатке в условиях недостатка рабочих рук большие размеры? Да вот хотя бы пример упомянутой артели «Сталь»: «Марка у неё советская, но нутро весьма подозрительное. Погранотряду потребовалось установить паровое отопление. Пригласили артель. Члены артели согласились работать, но предъявили такие требования: “Пятьдесят рублей с радиатора, и ни копейки меньше”. На предложение отряда работать поурочно, артель в составе: Боровского А. А., Боровского С. А., Рубис С. И., Григорьева С. М., Баскова Н. Г. отказалась работать. Они хотели заработать в день никак не меньше 40 руб. на каждого».

Принято обязательное постановление «Об ответственности за хулиганство». Штраф до 100 руб. или принудительные работы до месяца полагались за: «назойливое приставание к гражданам, пение песен непристойного содержания, произнесение таких же и бранных слов, как на улицах, так и в других общественных местах, подкладывание камней и других предметов под проезжающие автомашины и экипажи, бросание в них камнями, пугание

какими-либо способами людей и животных, протягивание веревок и проволоки через дороги, пешеходные тропинки и тротуары, забрасывание на телефонные, телеграфные и иные провода различных предметов, а также за совершение из озорства, где бы то ни было (не исключая жилых помещений, то есть квартир, общежитий и т. п.), других непристойных поступков и действий, которыми проявляется явное неуважение обществу». Мелкие хулиганские проступки, не отмеченные выше, совершаемые в клубе, на улицах и в других общественных местах, как-то «крик, шум и другие действия, производимые из озорства с целью нарушить установленный порядок работы публичных собраний, зрелищ и нормальные условия общественной жизни», карались на месте рублёвым штрафом, взыскиваемым милиционерами. При отказе платить составлялся протокол, штраф выросал втрое или обращался в принудительные работы на срок до пяти дней.

Объявлено о проведении 5 марта в 18.00 в фойе городского клуба пленума горсовета. Повестка дня: доклад о капитальном строительстве города на 1932 г., довыборы президиума горсовета. Явка всем членам и кандидатам горсовета обязательна, приглашались и избиратели. Ввиду того, что пленум срывался несколько раз из-за неявки депутатов, отмечено, что заседание будет проведено при любом количестве собравшихся, а «о не явившихся депутатах будет поставлен вопрос на обсуждение общих собраний избирателей и передан в профессиональные и партийные организации».

8 марта, в свой праздничный день, работницы типографии, заслушав доклад о международном женском движении, постановили организовать в наборном цехе ударную бригаду «Имени 8 марта» и установить для неё «конкретные показатели работы».

В международный, хоть и женский, день самый раз было поговорить о межнациональных взаимоотношениях. Вновь всплыла популярная в конце двадцатых — начале тридцатых годов тема шовинизма. Неблагополучие «на этом участке» в Петропавловске подтверждалось такими примерами. Первый: отсутствием литературы на китайском и корейском языках, имевшаяся же «потеряла всякую ценность». Второй: по существовавшим положениям восточные рабочие должны были получать особый паёк. Этого не получалось, а в принятых окрснабом нормах снабжения трудящихся особые потребности «восточников» совершенно были упущены из виду.

9 марта в Петропавловск прибыл новый «начальник Камчатки» — Владимир Дмитриевич Рядюга, спешно введённый в состав пленума и бюро окружкома ВКП(б).

10 марта на основании распоряжения Совнаркома и постановления местного окрфинотдела Горместхоз предложил горожанам в трёхдневный срок зарегистрировать весь имеющийся рогатый скот, коз, овец, рабочих и выездных лошадей, ездовых и прочих собак, плавсредства моторные и вёсельные, мотоциклы и велосипеды. За укрывательство и неправильные показания при регистрации виновных обещали «подвергнуть законной ответственности».

13 марта новый руководитель окружкома ВКП(б) В. Д. Рядюга выступил на общегородском собрании партийно-комсомольского актива. Он рассказал об итогах и решениях 17-й Всесоюзной партконференции. В обсуждении услышанного выступили двенадцать человек. В заключение Рядюга заострил внимание собравшихся на основных задачах местной парторганизации — лесозаготовках, рыбной путине, выполнении экспортного плана — и потребовал от всего актива безусловной дисциплины, внимательного отношения к порученной работе и сплочённости вокруг решений крайкома партии и недавней партконференции: «Давайте же подтянем тот воз хозяйственных задач, который нам поручила партия, и ровненько вывезем его на прямую дорогу».

Обитательница квартиры в доме на улице Ленинская, 67, что «во дворе школы у озера», некто Рышкова, объявила о продаже обстановки.

17 марта стало известно, что по постановлению ЦИК и Совнаркома СССР выпускается в обращение разменная никелевая монета достоинством в 10, 15 и 20 коп. Новые монеты обязательны к приёму наравне с серебряными.

При межсоюзном клубе организованы кружки: драматический, хорового пения (руководитель Воробьёв), духовой оркестр (руководитель Дружинин). Все желающие заниматься в них приглашались записаться в комнате культполитсовета или на месте. Сомневающимся в наличии у них музыкальных способностей разъяснялось, что знание нот не обязательно.

Управление снабжения АКО продавало со своих городских складов всем желающим молотилки, сеялки, бороны «Зиг-Заг», соломорезки, жатки, жмыхо и костодробилки и прочий самый разнообразный сельхозинвентарь.

Совпартшкола, размещавшаяся на улице Никольской, извещала о желании заменить свои полутораспальные койки односпальными по договорённости.

20 марта очередной смотр состояния общепита отметил, что заведующий столовой инженерно-технических работников АКО

Громов по-прежнему руководствуется принципом «лопай, что дают», а обед здесь превращался в «полоскание желудка». Зав не знал себестоимости ни одного блюда, во что обходилось содержание штата, цену продуктов, хозяйственные расходы столовой. Закладка продуктов в котёл производилась из расчёта двухсот столовавшихся, а фактически раздавалось до двухсот шестидесяти порций. Эта задача решалась быстро и легко: «берут энное количество воды, разбавляют немудрёный суп». За январь столовая отпустила 8 386 блюд, получив за них 14 287 руб. 50 коп. Из них на содержание обслуживающего персонала ушли 4 677 руб. 50 коп., то есть треть всех расходов. В феврале расход на продукты потрачено 10 023 руб., а на содержание штата — 5 700 руб., то есть 56,8 %. «Эти цифры наглядно свидетельствуют о том, что штаты столовой непомерно раздуты, что содержание штата ложится тяжёлым бременем на бюджет столовой, а главное, — на желудок столующегося».

Отмечено улучшение дисциплины сотрудников управления АКО. В декаду с 11 по 20 февраля «рогожным знаменем» за опоздания и прогулы премировали строительно-техническое управление, где на одного сотрудника было потеряно в среднем полтора часа. В декаду с 21 февраля по 1 марта рогожное знамя перешло секретариату дирекции, получившему его из-за трёхдневного прогула стенографистки Киселёвой. В следующую десятидневку — с 1 по 10 марта — им же отметили машбюро. «Характерно следующее: после премирования рогожным знаменем сотрудники СТУ перестали совершенно опаздывать, но... опаздывает сам директор тов. Хмелёв». Редакция аковской стенгазеты «Наш рост» придумала для нерадивых сотрудников «Орден лодыря» аж трёх степеней.

Горместхоз доводил до сведения абонентов, что нужно восполнить недоимку за электроосвещение до 1 апреля. Лица, пользующиеся электричеством полампочно, должны платить вперёд за месяц. Не внёсших в указанный срок задолженность обещали выключить из сети «без особого напоминания и без присоединения в дальнейшем независимо от уплаты недоимки».

Петропавловская база Райинтегралсоюза скупала пушнину, меховое и кожаное сырьё, битую дичь, а также порожнюю тару — бочки — в неограниченном количестве. Принимались и авансы под дровозаготовки. В составе базы имелись следующие кустарно-производственные артели: «Камчатский портной», «Камчатская обувь», строительная, гужевого транспорта и другие, бравшие

заказы на пошивку спецодежды, белья, обуви, поделку саней, разные поковки.

Радиоредакция «Камчатской правды» организовала конкурс на лучшего гармониста, длившийся до 30 марта. Желающих участвовать записывали в редакции одноимённой газеты по адресу улица Ленинская, 2, у сотрудника Богоявленской. Лучших гармонистов ждали премии.

«Вычищенная» совсем недавно артель «Сталь» в связи с реорганизацией объявила о разрешении всех споров с ней до 25 марта, после чего претензии приниматься не будут.

Авачинский рыбопромысловый район АКО продавал в неограниченном количестве свежемороженую навагу по 25 руб. за центнер. Торговали на портовой кошке возле памятника «Слава» с девяти до одиннадцати утра и с пяти до семи вечера.

18 марта на смотр «живых газет» в межсоюзном клубе собралось больше четырёхсот человек. Первыми выступили школьники, разделённые на две бригады. Назвать показанное школьной газетой было нельзя, потому что оно освещало самую разнообразную жизнь. Школяры оказались способными ребятами, плохо, было лишь то, что они недостаточно использовали музыкальное оформление и «все виды самодеятельного искусства». Затем пришла очередь пионерской агитбригады «Боевые сигналы». Эти «сигналы» заслуживали внимания, чувствовалось, что действует спаянный коллектив. Содержание газеты отвечало запросам публики, но немного страдало оформление: «лишнее топтание на сцене, надоевшее всем махание руками — всё это пора сдать в архив». Третьей стал «Штурмовик Камчатки». Его коллектив по-настоящему сумел овладеть «живгазетной техникой», использовал все виды самодеятельного искусства. Программа содержала «каркасный материал», выявляя и бичуя все недостатки. Последним выступил погранотряд. «Дав политически выдержанную передовицу, живгазета в дальнейшем показала себя не как газета, а как разложившийся кружок. Похабные юмористические рассказы на счёт рождения детей и т. д. Газета вошла в раж... и начала форменным образом балаганить. Что из себя представляет “джазбанд”? Старая мелкобуржуазная халтура? Нагримированный “рыжий” — дирижёр, который под музыку шумового оркестра (между прочим, тоже на манер базарных балаганов) танцует чарльстон. Эта живгазета, хотя и в пародийном духе, но приносит в рабочую группу разложившуюся мелкобуржуазную идеологию...» Вот тебе и стражи границ! Видимо, с учётом замеченной мелкобуржуазно-

сти предложено немедленно создать городскую редакцию живых газет, «которая занялась бы вопросом перестройки всей живой газетной работы».

24 марта в преддверии обильного таяния снега Горместхоз предложил всем владельцам и арендатором домов в двухнедельный срок привести в полный порядок и в дальнейшем содержать в исправности тротуары вдоль своих усадеб, очищая их и своевременно ремонтируя. Виновных в неисполнении этого распоряжения намеревались привлекать к ответственности: наблюдение за содержанием тротуаров горсовет возложил на милицию.

Окружная контора связи начала набор учеников монтеров, радистов, телеграфистов, почтовых работников и телефонистов. Принимали претендентов старше шестнадцати лет обоего пола с образованием не ниже семиклассного, платили стипендию в 68 руб. 80 коп. в месяц.

Гражданка Стовас-Брагина, жившая на улице Партизанской (по старому, Третьей) в доме № 22, «вход кругом — с парадного», продавала домашнюю обстановку, посуду, чушку, то есть свинью, и несколько куриц.

Бюро принудительных работ при городском народном суде объявляло для широкой общественности, что на разные сроки осуждены следующие граждане: Александр Силович Любченко, Таи Ден Хай, Геннадий Давыдович Родионов, Александра Тимофеевна Горская, Фёдор Степанович Фоммальной, Иван Петрович Савченко, Хан Сен Муни, Пётр Васильевич Ноздрёв, Афанасий Михайлович Абрасимов, П. Р. Сташков, Фёдор Андреевич Носков, Ульян Ефремович Костенко, Фёдор Иванович Антонов, И. С. Макаров, Кирилл Я. Бойко, Г. Н. Смирдов, Сергей Григорьев, Михаил Крикса, Игнатий Афанасьевич Ким. Бюро предлагало всем учреждениям и предприятиям, в коих работали перечисленные лица, сообщить об этом по телефону № 63. За несообщение сведений полагалось привлечение к ответственности.

26 марта работала производственно-техническая конференция комсомола. Её открыл доклад об осуществлении «шести исторических условий товарища Сталина». Прежде чем приступить к подведению их предварительных итогов в округе, докладчик напомнил делегатам, что Камчатка чрезвычайно запоздала с их практическим осуществлением и слова вождя: «Реальность нашей программы это — живые люди, это — мы с вами, наша воля к победе наша готовность работать по новому, наша решимость выполнить план». Работник морбазы АКО Петров отметил, что вождь

на совещании хозяйственников страны говорил об уменьшении текучести рабочей силы, «а у нас получается наоборот: административно-технический персонал меняется почти еженедельно. Среди технического персонала царит форменная обезличка, никто не отвечает за строительство». Ему вторил судоремонтник Косенков: «У нас ничего не сделано по реализации шести условий товарища Сталина. Текучесть рабочей силы достигает огромных размеров. Обезличка господствует. Никто не отвечает за работу электростанции». Общее мнение выразил секретарь окружком комсомола Дьячина, заметив, что основной вопрос, за который нужно неуклонно бороться, это выполнение планов текущего года, а в свою очередь — это выполнение упомянутых условий. «Мы будем считать передовыми тех, кто выполнил план, а не занимался болтовней...»

28 марта портоуправление известило, что с началом навигации возобновит свою деятельность общество спасения на водах. Начался приём членов, как отдельных граждан, так и целых учреждений. Записывали у капитана порта. Попутно сообщалось для всеобщего сведения, что конное и пешее движение по льду Ковша запрещалось ввиду начавшейся его распиловки.

Редакции «Камчатской правды» требовался разносчик газет. Желательно, чтобы он хорошо знал расположение зданий и сооружений в АКОГраде.

Радиоредакция нуждалась в гармонистах, певцах, музыкантах. Их, по всей видимости, намеревались использовать для заполнения музыкальных «получасовиков».

Сберкасса № 611 срочно искала опытную машинистку с оплатой труда по соглашению и секретаря с окладом в 250 руб.

На новый выигрышный заём 1932 г. в размере трёхнедельного оклада подписался «работник учёта» В. А. Костантинов. Он вызывал на это дело коллег: М. Д. Попова, С. А. Дьяконова, В. И. Воробьёва, М. Н. Коренблюма и других.

Некто Крейн, похоже, что сотрудник управления АКО, искал «хозяина столовой». Та с начала смотра общественного питания только в последний момент приняла более-менее приличный вид. «До сих пор было не помещение столовой, а... конюшня. По количеству столующихся размер помещения слишком мал. В столовой грязно, пол не моется. Посуды нет. Завтраки, обеды и ужины в АКОГрадской столовой зачастую приготавливаются грязно и неумело. Между тем из тех же продуктов можно приготовить гораздо лучший и чистый обед. Самообслуживание принимает урод-

ливые формы. Стоишь час в очереди, чтобы получить первое и жестянку на второе. Затем простаиваешь ещё полчаса у другого окошка, чтобы получить второе. Обслуживающий персонал грубо относится к столующимся. В настоящее время Центральный рабочий кооператив передаёт столовую АКО, но последнее не принимает, и столовая беспризорна. Оставшиеся продукты — вермишель и солёная рыба, набившая оскомины, на исходе. Неизвестно, как будет дальше. Необходимо найти хозяина столовой, так как все столующиеся — аковские рабочие. Необходимо реорганизовать её в закрытую столовую с продажей талонов по заявкам, чтобы можно было учесть количество приготавливаемых обедов. Нужно наладить выдачу первого и второго одновременно.

29 марта в семь вечера в «общедоступной столовой» для поварского и обслуживающего персонала доктор Оптовцев читал лекцию по вопросам питания в связи с появлявшимися случаями заболевания цингой.

1 апреля завершился массовый Всесоюзный поход «за сберегательные кассы». Его задачи: привлечь внимание общественности к их работе, поднять её «на должную высоту через усиление внимания общественности и особенно комсоводов сберегательному делу». Основной лозунг похода: «Сберкассы в массы, с высокими показателями работы». Ставилась задача довести их количество в Дальневосточном крае, куда входила Камчатский округ, до 1 809, организовав при всех совхозах, крупных колхозах, лесозаготовках и новостройках. Сберкасса должна стать культурным советским учреждением, приспособленным к чёткому и быстрому обслуживанию широких масс трудящихся. Вот этого-то в округе пока и не было сделано, «так как наши хозяйственники на сберкассы смотрят как на расчётные кассы, которые выдают зарплату и [проводят] другие платежи. Трудящиеся Камчатки, и в особенности города, такому отношению к работе сберкасс в период похода должны положить конец, требуя немедленно в первую очередь предоставить окружной центральной сберкассе удобное помещение в центре города и помещение сберкассе № 21 при АКО, которая обслуживает 1 500 рабочих-вкладчиков». Пока же успешнее всех действовала касса № 41/611 при окрисполкоме, проведшая подписку на государственный выигрышный заём 1932 г. на 3 100 руб. при контрольной цифре 3 000 руб. Коллектив вызывал на состязание сберкассы № 37 и 21.

К общественности через редакцию «Камчатской правды» обратился журналист Дмитрий Егоров, которому городская «партизанская

комиссия» поручила написать краткий исторический очерк «Партизанское движение на Камчатке». Понятно, что сделать это, не имея исчерпывающих материалов, было немислимо. Поэтому он просил всех бывших партизан и лиц, к ним причастных, присылать в редакцию свои заметки, воспоминания, старые газеты, документы, отчёты и прочее, словом всё, что могло помочь ему выполнить с общей помощью столь ответственное задание.

Культпроп окружкома ВКП(б) сообщил, что округу предоставлено пять мест в Дальневосточном Коммунистическом университете. Желающим учиться следовало подать заявления и заполнить анкеты до 15 апреля.

В преддверии приближающегося сельскохозяйственного сезона опубликована «Памятка трактористу», число коих на полуострове неуклонно росло: «1. Трактор содержи в чистоте. Счищай грязь, следы, чтобы она не попадала в механизмы. 2. Осматривай перед работой, все ли части целы, нет ли ослабнувших или потертых болтов. Следы за целостью прокладок. 3. Следы за плотностью клапанов. Не допускай пропуска. Он вызывает потерю компрессии (сжатия), тогда трактор теряет мощность. Нагар в клапанах и в головке цилиндра должен быть вовремя удалён. 4. Наливай горючее и смазку из чистой посуды. Лучше всего наливать специальными заправочными ведрами. Обязательно надо наливать через фильтр (воронку с очень мелкой сеткой)...

2 апреля горисполком ввёл твёрдые заготовительные цены на продукцию сельского хозяйства и охотничьего промысла (руб. за килограмм): говядина — 3,65, свинина — 4,35, сало свиное — 10, капуста и свекла свежие — 0,25, морковь — 0,3, лук — 1,25, медвежатина — 2,5, оленина — 3,65, глухарь и куропатка — 2,5, утка речная — 3, птица морская — 2. За литр молока просили 72 коп., за десяток куриных яиц — 5 руб. Продажные цены устанавливались с начислением 15 % товарных расходов заготовительной организации.

5 апреля стало известно, что возобновляется линия срочных пароходных рейсов по маршруту Владивосток — Петропавловск — Усть-Камчатск. Агентство Совторгфлота объявило, что первым рейсом 8 апреля выходит пароход «Анадырь», за ним 12-го числа на Камчатку отправляется «Север».

Правление городского потребительского общества (ГорПО) предложило с завтрашнего дня всем магазинам приступить к выдаче мануфактуры полнопайщикам и «аккуратным плательщикам» по норме: 1-я категория — 10 метров на книжку плюс 6 метров

на члена семьи; 2-я категория — 8 и 5 метров соответственно; 3-я — 7 и 4 и 4-я — 5 и 3. Пайщикам, не прошедшим перерегистрацию, товар не отпускался.

7 апреля в шесть вечера в секретариате окружкома собрался совет общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). Обсуждали планы на предстоящий сезон.

9 апреля отмечено появление в Авачинской губе первых косяков весенней сельди. Рыболовецкая артель «Камчадал» на днях поставила контрольные сетки, в них уже трепетал первый улов. В прошлом года рыба появилась в середине месяца. «Есть предположение, что в этом году сельдь пойдёт раньше. Все рыболовецкие организации Петропавловского района должны быть наготове».

Нарсуд приговорил некоего «гражданина Шмелькова» к полутора годам лишения свободы. Он, отец двух малышей, постоянно пребывал «под мухой». По словам очевидцев, «дома вечно скандалы. Понятно, жить в таких условиях невозможно. Жена со Шмельковым разводится и забирает с собой детей. Имущество делят между собой, и Шмельков добровольно соглашается платить на содержание детей по 50 руб. в месяц. Но у Шмелькова снова появилось желание сойтись с бывшей женой, он стал являться к ней на квартиру, устраивать скандалы и грозить ей убийством. Как-то в первых числах октября Шмельков вооружился ножом и явился к Л. на квартиру, но той дома не оказалось, она была на работе в столовой. Шмельков отправился в столовую. Л. мыла посуду. Шмельков хотел ударить её ножом, но его успел схватить за руку повар, и Л. отделалась лёгким порезом руки».

К. В. Эйжвертина, квартировавшая на втором этаже здания радиостанции, продавала домашнюю обстановку: бюро, шесть мягких кресел, венские стулья, двуспальную кровать, столы, а также ванну и бочку.

10 апреля началась краевая эстафета укрепления бюджета Осоавиахима, разбитая на отдельные задания-маршруты. Первый маршрут: увеличение членов общества втрое за счёт колхозников, рабочих и трудящихся, женщин, полный сбор членских взносов за 1932 г. Второй: перевод за реализацию 6-й лотереи 70 % контрольного задания. Третий: ликвидация задолженности ячеек, районов за прошлые годы. Четвёртый: ликвидация задолженности по округу и краю на 100 %. Пятый: «обеспечение аккуратности» донесений через каждые десять дней и переводов в Госбанк на счёт № 200. Персональная ответственность за ход эстафеты возложена на начальников штабов и уполномоченных ячеек.

12 апреля в клубе показан третий номер живого журнала «Анти-религиозник», привлёкший массу зрителей разнообразной и обширной программой, опытами, кинофильмами. Разнообразная публика, в том числе и убелённые сединами бородачи, внимательно слушала о происхождении мира и ходе социалистической стройки. В ближайших номерах журнала намечено показать статьи «Медицина и религия», «Искусство на службе религии», «Политическая роль сектантства», «Религия и война» и другие. Высказывалось предложение отмечать посещающих в журнале регистрации с разделением по составу и возрасту и выпустить анкеты-опросники, дабы «сблизить аудиторию с редакцией».

13 апреля петропавловцы узнали, что 29 марта в Москве торжественно пущен новый гигант социалистической индустрии — подшипниковый завод. Там, где двенадцать месяцев тому назад был пустырь, сейчас выросло предприятие, не имевшее равных в Европе и Америке. Две тысячи первых подшипников отправились на Сталинградский тракторный завод.

ГорПО сообщало о переводе на хозрасчёт столовых № 1 и инженерно-технических работников АКО (вот оно, выполнение одного из «условий товарища Сталина»), об открытии комиссионного отделения в магазине № 1 и распределителя для аковских итээрцев. При магазине № 1 оборудован уголок матери и ребёнка, начата пошивка «образцового» детского приданого. ГорПО намечало открыть дежурный магазин на улице Ленинской.

Президиум окрисполкома предложил колонизационному управлению АКО организовать в Петропавловске переселенческий пункт к моменту прибытия первых переселенцев. Горсовет должен был наладить их культурно-массовое обслуживание.

Объявлен план развития подведомственного городу хозяйства. В этом году горместхоз должен был приступить к строительству электростанции мощностью 250 кВт, коммунальной гостиницы на три десятка номеров, бани-прачечной, нового здания горбольницы на семьдесят пять коек, четырёх двухэтажных тридцатиквартирных деревянных домов. На это отпущена большая сумма — 3 415 000 руб. Крупнейшее «миллионное строительство» горместхоз должен был вести совместно с АКО. До начала этих объёмных работ оставалось несколько дней, но пока не было материалов, людей и технического персонала. Горсовет вместо одиннадцати техников располагал только двумя. На последнем заседании горсовета решили все эти заботы возложить на стройтехуправление АКО, оставив за собой только «контроль за ним». Пока

же намеченное «миллионное строительство» находилось под угрозой срыва.

20 апреля канцелярия окружной конторы связи открыла перерегистрацию радиоприёмников и любительских радиопередатчиков на предмет выдачи новых разрешений на право пользования ими. Уклонявшихся от перерегистрации обещали привлечь к ответственности по закону.

21 апреля стало известно, что 9 апреля в Ленинграде состоялся первый испытательный полёт дирижабля «УК-1». Корабль находился в воздухе более получаса и показал отличные лётные качества. Его целиком из советских материалов создал «Дирижаблестрой» при участии завода «Каучук». Летательный аппарат не уступал передовым заграничным воздушным кораблям данного типа.

Объявлены условия приёма в Камчатскую совпартшколу, основанную осенью 1931 г. Она ставила своей основной задачей подготовку руководящих работников для партячеек, профсоюзных и комсомольских организаций, а также пропагандистов массового партпросвещения и политпросветработников рыболовецких районов и организаций. Школа имела два отделения: партийное; пропагандистской и политико-просветительской работы. Обучали два года, в течение которых курсанты проходили русский язык, математику и естествознание. Общественно-политическая подготовка заключалась в знакомстве с политэкономией, экономической политикой и географией, всеобщей историей и историей ВКП(б), историческим материализмом, ленинизмом, советским и партийным строительством. Специальная подготовка шла по «рыбной политике» — технике ловли и обработки, рационализации рыбного хозяйства и рыбопромышленному механизированному флоту. Намечались два выезда на практику на рыбные участки и промышленные предприятия. Курсанты обеспечивались учебными пособиями, общежитием и стипендией, кроме того, обещаны «семейные пособия» нуждающимся — в пределах 10 руб. «на едока». При школе намеревались открыть столовую, но члены семей курсантов общежитием не обеспечивались. Зачислялись лица не моложе восемнадцати и не старше тридцати пяти лет. Преимущество при приёме отдавалось рабочим-рыбникам. Подход был социально-классовым: в составе учащихся следовало иметь не меньше трёх четвертей рабочих и четверти колхозников. Из общего числа курсантов — не менее трети «нацменов» и четверти женщин. Зачислялись члены ВКП(б) с годичным стажем, допускались кандидаты партии и комсомольцы. «Нацменам» и женщинам давалось

преимущество: «стаж которых может быть понижен». Поступающий должен был уметь бегло читать, правильно излагать мысли, знать четыре арифметических действия, то есть иметь навыки в объёме сельской школы-четырёхлетки, обладать политическими знаниями в объёме партшколы, ориентироваться в текущих событиях. Отбор курсантов производили комиссии при райкомах партии. Командированные должны были прибыть в Петропавловск для весеннего набора не позже 1 июня, для осеннего — не позднее 1 октября. Заранее предоставлялись свидетельство о здоровье (не принимали больных заразными болезнями и туберкулёзом), командировочное удостоверение от райкома, автобиография и партийная характеристика.

23 апреля началась перерегистрация бывших красных партизан и красногвардейцев. Всем им предлагалось представить в «партизанскую комиссию» имеющиеся документы. Последний срок подачи — 10 мая, после чего «таковые приниматься не будут».

25 апреля в совпартшколе, несмотря на вроде бы тщательный отбор, обнаружился правый оппортунист. В период проработки материалов 17-й партконференции, ещё 17 апреля, курсант Петров, бывший секретарь устькамчатского райкома комсомола, «открыл своё действительное лицо правого оппортуниста, несогласного с линией партии. По тактическим соображениям Петров решил выступить не в совпартшколе, а вне её, где курсант Журкин проводил комсомольский кружок. Петров выступил под видом критики тов. Журкина, но когда его неправоту начали доказывать не только руководитель, но и все присутствующие, Петров ни с кем не согласился. “Что, мол, говорить про наши достижения, про строительство гигантов, где они, мы их не видим. Кругом прорывы, и только. Достижений нет”. Песня Петрова не является новостью, это есть повторение всей истории выступлений правых оппортунистов. Партия никогда не скрывает тех прорывов и недочётов, которые у нас имеются, но не видеть тех огромнейших достижений и переворота во всей нашей экономике могут только слепцы. Пролетариат Советского Союза в этом году заканчивает выполнение первой пятилетки, которую давно признали даже враги рабочего класса. На Камчатке, несмотря на целый ряд прорывов, мы имеем крупнейшие достижения. Рыбная промышленность из года в год гигантски растёт. Мы имеем ряд рыбоконсервных заводов с передовой техникой... (в четвёртом завершающем году пятилетки Камчатка обязалась выловить 850 тыс. центнеров рыбы, заготовить 100 000 «кубов» леса, засеять 2 050 гектаров земли. — С. Г.).

Всего этого не хочет понять правый оппортунист Петров». Ему решено объявить выговор и передать дело в контрольную комиссию для дальнейшего рассмотрения. Таким решением многие остались недовольны: «Мы считаем, ячейка поступила мягко, 16-й партсъезд указал, что взгляды правых не совместимы с пребыванием в партии. Ячейке надо не либеральничать, а сделать выводы, вытекающие из решений съезда: Петрова необходимо исключить из партии и совпартшколы».

Президиум горсовета в лице председателя Русакова и ответственного секретаря Овчинникова обязал все организации и домовладения города украсить свои здания к приближающемуся Первомаю флагами, плакатами и, по возможности, иллюминировать. По вопросам художественного оформления рекомендовано обращаться к товарищу Легостаеву.

29 апреля с пяти часов утра из Петропавловска и АКОграда потянулись люди к складам АКО на Озерновской косе. Отсюда катерами их отвезли на Тарьинскую и Моховскую базы Авачинского промрайона на помощь местным работникам — высвободить тару и засольные чаны из-под мощных снежных заносов. Вскоре ударные бригады с лопатами наперевес «атаковали» сугробы, вырывая из-под них ценные ёмкости, которые вскоре должна была заполнить сельдь. «Разбиваемые остатки белой массы быстро уносились на носилках и искристо пылились в воздухе от сильного броска лопатой. После завтрака снег не так уже слепил глаза. Глаз отдыхал от напряжения на чернеющих освобождённых пятитонных рядах чанов. Ещё с большей энергией рыли траншеи, соревнуясь на быстроту». Чаны уже зияли чёрной пустотой — ждали будущей улов. В город участники этого «ударника» вернулись ближе к полуночи. Ещё один такой, на сей раз в Тарье, намечен на 2 мая.

30 апреля к вечеру «принарядился» клуб. Его фасад роскошно иллюминирован электролампочками, зал украшен плакатами, алыми полотнищами с лозунгами. С небольшим опозданием открылось торжественное заседание президиума горсовета. Зачитан большой доклад о международном пролетарском дне. Докладчик «яркими штрихами набросал картину небывалого кризиса капитализма и колоссального роста на этом фоне революционного движения», заострил внимание собравшихся на усиливающейся военной опасности. С помощью ряда красноречивых выдержек из буржуазных газет он подчеркнул, что капиталисты единственный выход из полосы кризисов видят только в очередном

«кровопускании» — новой мировой бойне. И в первую очередь эта война будет направлена против СССР (ну как, актуально? — С. Г.). «Международная буржуазия считает переживаемый момент наиболее удачным, чтобы втянуть нас в войну. Поэтому бдительность трудящихся СССР, а вместе с ними и революционного пролетариата во всем мире не должна быть ослаблена».

После доклада с рапортом выступил окрсовет Осоавиахима. От имени Петропавловского совхоза о готовности к посевной доложил рабочий Сорокин: «В мае мы дадим Петропавловску первые парниковые овощи». Рыбак артели «Амурский партизан» Дмитриев сообщил о стопроцентной подготовленности колхоза к лову сельди: «Колхозники начеку. Сегодня мы закинули пробные невода и весь улов (триста пудов) доставили в город». Вырученные средства от продажи рыбы рыбаки передали в фонд помощи зарубежным революционерам. После рапорта юных пионеров с ответным словом выступил председатель окрисполкома Г. Н. Корнев, заостривший внимание на очередных задачах завершающего года пятилетки. Торжественное заседание закончилось художественной частью.

2 мая пионерская организация округа включилась в проводимый комсомолом месячник подготовки к путине. Пионерам поручено довести контрольные цифры плана до бригад, ловцов и рыбаков-колхозников. В городе они наладили производство сачков, которыми летом сами намеревались ловить крабов. Совместно с профсоюзными и комсомольскими организациями дети выделяли грузила и провели «мобилизацию» мешков и бочек. Созданная при окружном бюро юных пионеров агитгруппа «Боевые сигналы» намеревалась ехать на участки Авачинского промыслового района. Из Усть-Большерецка сообщали, что все местные пионерские отряды закрепились за рыбными заводами и взяли шефство над техникой. К каждому станку приставили конкретного ученика, «он развешивает по цехам правила пользования машиной, проверяет трансмиссии». Объявлена борьба с пьянством и прогулами. Дети выпускали специальные номера стальных газет, посвящённые борьбе с этими пороками. Для «награждения» отстающих придуманы рогожное знамя и «чёрные» доски с написями: «Нам стыдно за наших старших товарищей».

9 мая пришли чистые, в смысле негашёные, марки Осоавиахима. Их продавали во всех киосках города.

Доктор Оптовцев просил вернуть ему в здравотдел за вознаграждение утерянную клеёнчатую тетрадь «с английскими словами».

Некто Коптев потерял два ордера на пять «кубов» дров и объявил об их недействительности.

ГорПО разъясняло, что впредь будет выдавать продовольственные карточки исключительно по спискам, заверенным «треугольником», то есть руководителем, парторгом и секретарём профсоюзной ячейки предприятия или организации. Списки сдаются в правление ГорПО с 25-го числа каждого месяца, а карточки выдаются с 28-го по 1-е числа. «Неорганизованное», то есть неработающее, население получало карточки 2-го и 3-го числа. Особо отмечалось, что «предприятия и учреждения, не представившие списки, в снабжение не включаются».

10 мая, учитывая перенаселённость города, скученность в общежитиях и домовладениях, горсовет объявил месячник чистоты. Предприятиям, организациям, кооперативам, Горместхозу следовало выделить ответственных за санитарное состояние объектов, дворов и составить их списки не позднее 15 мая.

15 мая при педагогическом техникуме открылись шестимесячные курсы по подготовке учителей школ первой ступени. Сюда принимали юношей и девушек, достигших восемнадцати лет и окончивших школу-семилетку. Желаящие поступить должны были подать заявление в техникум.

Началась декада туризма.

Состоялись перевыборы бюро краеведческого общества. Председателем избран Егоров, его заместителем Дубровин. Бюро одобрило покупку здания под лабораторию и ателье для своей фотосекции.

Началось выявление вблизи города мест, изобилующих черемшой. Сбором этого ценного противоцинготного растения намеревались заняться кооперативные организации. ГорПО довело до сведения всех коллективов о том, что с 16 мая в его магазине № 1 начнётся выдача противоцинготных продуктов больным города и АКОграда. «Выдача производится исключительно по справкам врачей в установленной норме».

17 мая опубликовано письмо в редакцию «Камчатской правды» С. Гора, во всеулышание заявившего, что он давно не имеет ничего общего с эсерами. «В конце 1917 и начале 1918 года я окончательно порвал с правыми эсерами. Позднее, в период интервенции, я держал связь с максималистами, которые меня ввели в Читинский комитет. По окончании читинских фронтов я вышел из организации. Считаю, что моё пребывание в рядах эсеров было ошибкой. Я в своё время не сумел отличить действительную революционность Ленинской Коммунистической партии от мелкобуржуазной

партии и временной попутчицы всякой революции вначале, а потом становящейся активно реакционной, в чём мы убедились на фактах революции в СССР. Прошу меня не считать эсером с момента фактического выхода».

Камчатскому окрисполкому потребовался архивариус с оплатой по соглашению. Лиц, желающих занять эту должность, просили обращаться в окроно.

Бюро окружкома ВКП(б) слушало сообщение о подготовке к началу намеченной на 1932 г. эксплуатации авиалинии Николаевск — Петропавловск и ходе достройки начатых объектов авиастроительства. Решено «под личную ответственность товарищей Савина и Панкратова обеспечить окончание начатых объектов авиастроительства к 15 июня. Всё намеченное строительство должно форсироваться наивысшими ударными темпами с таким расчётом, чтобы ангары, мастерские и другое строительство было бы полностью подготовлено к приёму аэропланов в первых числах июля». Предстоящие открытие воздушной линии оценивалось как огромнейшая победа «в деле наилучшей связи между материком и полуостровом, как победа на хозяйственно-политическом фронте советской авиации». Партийцы постановили развернуть массовую кампанию среди рабочих и служащих по распространению авиазайма и авиаобязательств по сбору средств на самолёт «Советская Камчатка», установив по последнему контрольную цифру для Петропавловска в 240 тыс. руб. Запланирован выпуск авиазайма на 2,5 млн руб., который не позже 1 июля должны были оформить все организации округа. Лозунг дня: «“Советская Камчатка” будет реять над СССР!»

21 мая выпущен график отчётов горсовета перед избирателями. 23-го числа они должны были пройти по участкам: морской транспорт АКО, Совторгфлот, Водстрой (собрание в клубе), фабзавуч АКО, аптека (собрание в семилетке), коллектив связи (собрание в красном уголке связи), авиалиния, стройка ГПУ (собрание в красном уголке авиалинии). 27 мая — в окрисполкоме, Горместхозе, горсовете, типографии, окружкоме, окрсберкассе, страхкассе, редакции. 31-го числа для отчёта всё «неорганизованное» население намеревались собрать в клубе. Надо отметить, что большинство собраний не состоялось: ни 23-го, ни 27-го народ не пришёл. Это оценено как недоработка профсоюзов, следовавшим сделать собрания «действительно массовой кампанией».

Комсомол и пионерия приняли самое активное участие в подготовке к посевной кампании. В Усть-Камчатский район отправи-

лась комплексная бригада «Штурмовик» в числе четырнадцати человек. В Петропавловске созданы шесть бригад общим числом более восьмидесяти комсомольцев, одна из них — специальная тракторная. Решался вопрос об организации бригад по силосованию. Задание на каждую — заложить не менее трёх силосных ям. В ближайшие к городу колхозы — Паратунский и Красноармейский — на время сева намеревались послать «живгазетные» коллективы и две сотни пионеров. В порту учреждены сторожевые посты из комсомольцев для оказания помощи в быстрейшей разгрузке прибывших пароходов. Много в подготовке к посевной потрудились профсоюзы. Разные профобъединения взяли шефство над колхозами, организовали свои бригады, собрали средства в фонд посевной, на устройство на селе детских яслей и библиотек. Нарпитовцы собрали в фонд посевной 251 руб. и послали в подшефный колхоз библиотечку.

25 мая произошло «укрепление советско-японской дружбы»: в Петропавловск прибыли представители японского императорского консульства. В его состав входили: консул Шимадо, вице-консул К. Изуми, первый секретарь Х. Досио, второй секретарь Н. Такосуги. Господина консула Шимадо принял председатель окрисполкома Г. Н. Коренев. В длительной беседе с ним господин Шимадо заверил, что примет все меры к дальнейшему упрочению дружественных отношений между СССР и Японией на основе экономических связей. В знак уважения к советской стороне японское консульство дало банкет для камчатских властей и представителей общественности.

26 мая «низовая печать» города, то есть редколлегии стенных газет, потребовали «суда над Юнгом». Суть дела: на совещании рабкоров всплыл вопрос «о срыве заметки из стенгазеты на Моховой гражданином Юнгом». Этот поступок расценен как вылазка агентов классового врага, направленная против органов низовой печати и срывающая работу газеты по мобилизации масс на выполнение плана на селёдочной путине. Представители редколлегий требовали устройства показательного процесса и просили старших товарищей — сотрудников газеты «Камчатская правда» — выделить по этому делу общественного обвинителя. Рабкоры жаждали «сурового наказания Юнга, чтобы раз и навсегда дать резкий отпор всякому, кто будет мешать нормальной работе наших стенгазет».

29 мая на промыслах АЖО и колхозных рыбалках Петропавловского района приступили к укладке в бочки первой партии весенней

сельди. 8 000 центнеров ценной продукции готовились к отправке на материк для снабжения рабочих промышленных центров.

Горожанин Н. Я. Верёвкин предлагал прекратить «разбазаривание» пригодных для снабжения рыбаков резиновых сапог и организовать в городе мастерскую по ремонту (заливке) резиновой обуви. «Сейчас почти во всех рыболовецких колхозах и промыслах ощущается большой недостаток в резиновой обуви. Между тем в городе почти каждый чиновник, не имеющий отношения к путине, ходит в больших резиновых сапогах. Почему это так? На этот вопрос наши обследовательские бригады, побывавшие во всех городских складах, отвечают, что отдельные организации разбазаривали резиновую обувь. Есть и такие факты: вполне пригодная обувь для носки валяется в складах вместе с худой». Верёвкин призвал взять под жёсткий контроль все склады, изъять с них рыбацкую обувь, а также «мобилизовать» сапоги и у чиновников города, «большая часть которых при получении использовала своё служебное положение». Профсоюзным активистам следовало, по его мнению, провести в своих коллективах разъяснительную работу о передаче обуви рыбакам и сплавщикам: «при умелом проведении этой кампании сумеем собрать не меньше пятисот пар сапог».

Сапожная тема продолжилась и в другом ключе. На днях базу Моховую посетил директор рыбного управления АКО Морозов. Женская бригада обратилась к нему с просьбой выдать сапоги. Тот распорядился об этом помощнику заведующего базой Василенко. По словам очевидцев, последний «вызвал бригадира и сказал ему: “Сейчас же выдайте сапоги женщинам, а когда Морозов уедет с базы, немедленно отберите их”». Люди задавались вопросом: «Мы спрашиваем, что это — подхалимство или злой умысел?»

30 мая случилась «археологическая находка»: на складе Совторгфлота случайно обнаружили 303 килограмма семян, ещё в прошлом году прибывшие в адрес Большещерецкого совхоза.

31 мая с призывом всем «Включиться в поход!» через «Камчатскую правду» к общественности обратился естествоиспытатель П. Т. Новограбленов. Отвечая на призыв рабочих владивостокского Дальзавода «Краевой поход за вторую пятилетку Дальневосточного края», он объявил себя «рядовым похода», как краевед — разведчиком богатств Камчатки и прилежащих морей, как специалист-ботаник — исследователем растительных ресурсов. Новограбленов обязался развернуть широкое массовое движение через краеведческое общество за изучение полуострова и его производительных сил, колхозного сельского хозяйства. Он призы-

вал присоединиться к походу за вторую пятилетку профессора В. И. Огородникова, зоолога С. Н. Бормантова, журналиста Д. А. Егорова, экономиста Н. Бучеля.

Оживились рабочие корреспонденты. Их пером жильцы дома № 8 по улице Никольской пожаловались на антисанитарное состояние уборных, помойных ям и отсутствие водопровода, а горожане узнали, что за старой пекарней ГорПО под открытым небом валяются ценные сельскохозяйственные орудия.

Окружком ВКП(б) довёл до сведения всех подведомственных парторганизаций, что июньский приём в камчатскую совпартшколу отменяется, а запланированная численность курсантов будет набрана осенью.

Горместхоз поставил в известность, что с 1 июня вводится новый порядок пользования электроосвещением. «Полампочники» теперь должны вносить в кассу горместхоза плату вперёд за месяц по первое число следующего месяца, не внёшие в течение десяти дней следующего неоплаченного месяца будут выключаться без предупреждения. После проверки счётчика контролёром-сборщиком плата должна вноситься в течение пяти дней. Не заплатившим свет будет выключаться без предупреждения.

1 июня агентство Совторгфлота установило пассажирское сообщение на катере по выходным дням между пристанью в Ковше и тресколовой базой в Тарье (за билет брали по 3 руб. с человека), до Моховой с заходом в Сероглазку и прочих пунктов по договорённости (2 руб.). Отход от пристани в Тарью намечен на семь утра, на Моховую — на десять.

Сектор ударных бригад объявил, что консультации по вопросам работы стенных газет проводятся ежедневно с шести до восьми часов вечера в здании окружкома ВКП(б) в комнате № 4.

Пётр Макарович Шелом, происходивший из крестьян села Григорьевки Михайловского района Дальневосточного края, объявил во всеуслышание, что навсегда порывает всякую связь с отцом — кулаком Макаром Шеломом: «Не желаю иметь ничего общего с классовым врагом советской власти».

Авачинские рыбные промыслы открыли в ларьке на портовской Кошке продажу свежей, солёной и копчёной рыбы, а Интегралсоюз начал принимать пух и перо убитой птицы по 10 и 4 руб. за килограмм соответственно.

5 июня Петропавловский порт, заключивший «соцдоговор» с Сахалином и включившийся в «поход за вторую пятилетку», начало которой было уже не за горами, внедрил два рационализаторских

предложения. Это обещало сэкономить за год 23 тыс. руб. Портовики подготовили пять профгруппоргов и собрали в фонд детских ясель и садов 815 руб. и еще 500 — на путину и посевную. На постоянную работу на срок от года до трёх лет «закрепились» 52 чел. Но несмотря на такие успехи, в порту было ещё чего поправить.

«Где активность ячейки? Что по этому поводу думает комсомольская ячейка СТФ?» — задавались вопросами юнкоры, приводя вот такой факт: «Спит ячейка Совторгфлота и не знает, что с приходом парохода среди работников склада происходят споры, кому быть приёмщиком грузов: из одиннадцати работников склада имеются завы, помзавы и маскировщики, а приёмщиков груза нет. Из-за споров рабочих задерживается разгрузка». Они же порекомендовали поменьше каяться да побольше делать комсомольцу Маханькову. Тот, работник сетевязальной мастерской, сначала прогулял семь дней, а потом, «полный покаянных чувств», принёс окружкому комсомола «сугубое признание своей ошибки». «Неужели требовалось семь дней для тов. Маханькова, чтобы найти силу покаяться в своих грехах? Надо исправить свои ошибки на деле, товарищ Махоньков, покаяния недостаточно!»

Команда катера «Командор» отделения Дальсоюзпушнины, объявив себя ударной, решила очистить свои ряды от лодырей и дезорганизаторов, «снижающих боевые темпы работы». Моряки постановили: потребовать от администрации удаления с катера боцмана, который не только не участвовал в ударной работе и занимался «систематической спячкой», но и разводил склочничество. Спустя неделю команда катера обязалась перекрыть «прорыв» в 340 часов рабочего времени, обнаружившийся во втором квартале, перевыполнением в третьем и четвёртом кварталах на 1 684 часа. Люди настаивали на переводе катера на хозрасчёт, требуя от администрации реальный трансфинплан — это вполне укладывалось в программу выполнения шести недавних указаний товарища Сталина.

С разъяснением населению, в первую очередь приезжому, целебных свойств черемши выступил П. Т. Новограбленов. По его словам, «употреблять в пищу её рекомендуется в сыром виде. Растение срезается под самый корень в начале лета, и в дело идёт всё, как приправа к пище, салат. При квашении и при засолке она своих ценных свойств не теряет. При варке черемши вместе с пищей противодинготный витамин уничтожается, и черемша тогда является мёртвой пищей».

Опубликован именной список лиц, лишённых избирательных прав по Петропавловску. В их числе священник Леонтий Яковлевич Яковлев, бывший полицейский служащий Павел Константинович Шерстенников, живший на «нетрудовой доход» Л. Г. Чупятов, бывший торговец Василий Иванович Рубцов, «как кулак» Иван Николаевич Косыгин, всего двадцать семь человек.

6 июня прошёл ударник по уборке города. Одновременно состоялась первая «военная прогулка» пионеров за город, собравшая массу детворы, оставшейся очень довольной такой вылазкой из пыльного Петропавловска на природу. Пионерские лагеря работать ещё не начали, и чтобы занять детишек делом, предлагалось почаще выводить их города.

9 июня в механической мастерской стройтехуправления АКО задымилась первая на Камчатке вагранка (шахтная печь для плавки). Теперь на месте можно было получить доброкачественное чугунное литье.

Состоялся выпуск строительных десятников, окончивших курсы при АКО. Им прочитали 417 лекций по десятку дисциплин. Результаты учёбы были положительные: выпускники дали чёткие и исчерпывающие ответы на все вопросы членов квалификационной комиссии. Со званием строительного десятника выпущены Рязанов, Коротин, Невский, Шлычков, Ступников, Грибков, Суворов, Кривченко, Иванин, Устюжанин и Пожелянин, остальным присвоено звание старших рабочих.

16 июня подали заявление о вступлении в кандидаты ВКП(б) Любовь Павловна Панова (транспортный отдел АКО), Сергей Трофимович Задорожный, Александр Васильевич Юн, Иван Прохорович Тимко, Пётр Платонович Ребрушкин, Ван Цин Юнь, Георгий Андреевич Чужих (порт). Из кандидатов партии в члены переведены Иван Васильевич Докучаев (порт, председатель комитета профсоюза водников), Иван Денисович Дратованный, Пётр Иванович Тельшин, Василий Осипович Цвиркун, Дмитрий Иванович Ткаченко.

Педагогический техникум объявил осенний набор двух групп по 50 чел. в каждой на основное и подготовительное отделения. Приём заявлений завершился 20 августа.

Пароход АКО «Эскимос» привёз для совхозов и колхозов округа 2,5 тонны огородных семян и 24 тонны семенного картофеля.

25 июня в десять часов утра в АКОград для вручения рапорта об успешном окончании сева торжественно прибыла делегация рабочих и управленцев Петропавловского совхоза имени товарища

Сталина. Её встретили представители окружкома партии, комсомола, окрисполкома и дирекции АКО. Рапорт вручил директор совхоза Шец. Он в частности заявил, что «в 1932 году мы добьемся полного прекращения завоза овощей с материка и обеспечения семенным картофелем».

Стало известно, что в скором времени на Камчатке, в Петропавловске, откроется первое научно-исследовательское учреждение «комплексного порядка» — Камчатское отделение Всесоюзного арктического института (КОВАИ). Оно должно было объединить и возглавить все исследования полярных и приполярных областей Дальневосточного края: Чукотского, Корякского, северной части Охотско-Эвенского национальных районов Камчатского округа, а также прилегающих к ним частей Северного Ледовитого и Тихого океанов, Берингова и Охотского морей с островами Медвежьим, Врангеля, Геральда, Диомида, Карагинский, Командорскими и другими. Создание КОВАИ должно было произвести настоящий переворот в постановке научно-исследовательского дела на полуострове. «Давнишние мечты об упорядочении и приближении исследований к производству близки к осуществлению». К работе по организации института в городе приступила небольшая группа научных работников во главе с одним из руководителей АКО (директором рыбного управления) Е. Л. Якобсоном.

Окрсовет ОПТЭ получил вторую партию снаряжения, выписанного для снабжения членов. Теперь всем ячейкам следовало объявить о сборе авансов под это снаряжение со вновь вступивших в ряды общества. О дне его распределения обещали объявить особо.

Президиум горсовета установил для коллективов Петропавловска, добившихся наибольшего охвата трудящихся подпиской на заём четвёртого завершающего года пятилетки, переходящее Красное знамя своего имени. Выделен и премиальный фонд в сумме 500 руб., разбитый на десять декадных сроков. Решено вручать обладателям переходящего знамени премию в 50 руб. Выявлены и первые кандидаты на награды: коллектив самого горсовета, добившийся стопроцентного охвата подпиской на заём, причём сумма достигла полтора фонда зарплаты; страхкасса со стопроцентным охватом и суммой подписки 102,5 %. Названы «идущими впереди» педтехникум — охват подпиской 39 %, сумма подписки 101 %, «отстающим» — коллектив связников из 95 чел., из коих подписались на заём только 18, а сумма подписки пока достигла лишь 4 935, тогда как фонд зарплаты составлял 16 370 руб. «Плёл-

ся в хвосте» Совторгфлот: тут подписались всего 11 % наличных рабочих и служащих.

1 июля горкомсод присудил переходящее Красное знамя коллективу полиграфов, в котором подпиской на заём охвачены все рабочие и служащие, а контрольная цифра выполнена на 133 %. Вместе со знаменем полиграфам досталась и обещанная премия в 50 руб. Отмечена образцовая работа комсодов и коллективов АКО, педтехникума, окрисполкома, горсовета, окрфинотдела, Интегралсоюза и Союзпушнины. А вот «рогожное знамя» за срыв подписки на заём и систематическое непредставление сводок получил комсод стройтехуправления АКО.

Дошло до рассмотрения «дело о срыве стенгазетных заметок на Моховой». Приведём посвящённую этому газетную заметку: «Обвиняемый Давидович, скажите, почему вы сорвали помещённую на вас в стенгазете карикатуру?» “Да больно обидно уж стало. Меня, рабочего, разрисовали с портхвелем, ежели я его сроду-то не носил. Да и морда-то толстушая — не моя. Ну, меня и взорвало”. Давидович — молодой малограмотный, беспартийный, в прошлом крестьянин, обвиняется в том, что 19 июля в помещении клуба Моховой, увидя в газете заметку и карикатуру о себе и, будучи недоволен ею, сорвал карикатуру и уничтожил. Второй обвиняемый, Юнг, девятнадцати лет, беспартийный, имеет образование (семилетка), в прошлом крестьянин. Юнг — председатель промыслового комитета на базе Моховая. 19 мая увидел в стенной газете “На штурм путины” в клубе заметку о том, что он в Усть-Камчатске был исключён из комсомола и профсоюза. Юнг сорвал заметку и уничтожил. Суд приговорил: граждан Юнга А. — к лишению свободы сроком на полтора года, Давидовича А. — к принудительным работам сроком на шесть месяцев с удержанием 30 % зарплаты. Причём Давидовичу в силу ст. 50 Уголовного Кодекса срок принудработ сокращён на одну треть, то есть до четырёх месяцев».

ГорПО, судя по отзывам тружеников, продолжало следовать правилу «Лопай, что дают»: его рыбный ларёк продавал полугнилую солёную рыбу с червями. «Требуем немедленного вмешательства санитарного надзора». Для бесперебойного снабжения населения свежей рыбой можно было организовать приём её мелких партий от колхозов, расположенных на берегах Авачинской губы. На днях артель «Камчадал» поймала восемь центнеров, часть раздала бесплатно, а шесть центнеров выбросила обратно в губу только лишь потому, что ГорПО сначала обещало принять эту рыбу, а потом отказалось.

Камчатская ГАРДА

Орган Камчатского Округового ВКП (б), ОИК-а и Оккрпросвета

№87 (1028) | 12 НОЯБРЯ 1932 ГОДА | Цена 20 К.

ДВЕ ГОДОВЩИНЫ

Статья секретаря Далькрайкома ВКП(б) С. А. Бергвинова, переданная из Москвы по радио *

Борьба трудящихся ДВК за социализм имеет тем большее значение, что исторический рубеж 15-летия Октября ознаменует с десятилетиями освобождения Дальнего Востока от иностранной интервенции и белогвардейщины.

На Дальнем Востоке продолжалась диктатура восторжествовала на целый в этот разе других районов страны, ибо край находился в центре тахокеанских противоречий капиталистических стран (Англии, Франции, Америки и Японии) и явился последней зацепкой на русской территории, куда стянулись под паролком «красные остатки разгромленной казаческой армии белых контрреволюционных последелье. Поэтому могли откровенно долу приуржались на ДВК многочисленные контрреволюционные правительства Меркулова, Корнатов, Дитерихова и других поддерживаемых и субсидированных капиталистическими странами, заинтересованными в Тихом океане и Дальнем Востоке.

В годы интервенции

край пережила жесточайшее время гражданской войны. По краю разрозленное мощное партизанское движение под руководством большевиков, особенно в Приморье и на Амуре, где во главе партизанской борьбы стоял старый боец-партизан Постышев.

Как только на Дальнем Востоке пали советы, начал создаваться партизанский аппарат. В январе 1918 года в селе Мазаново произошло первое вооруженное восстание, 18-го февраля 1919 года — восстание в Рибочек и крестьян на Амуре настолько разрозлось, что в боях под Сулеймовой участвовало 10000 партизан. Войска белых и интервентов потеряли в этом бою свыше 1500 человек. В январе 1919 года на партизанах Суламовского района складывается с органами генерала Сидорова. 11 марта против отря партизан участвует эскадрон интервентов в 9 кораблей, при чем десанты могли высадить свой десант лишь

после того, как у партизан истощились последние патроны.

На партизанское движение интервенты и белогвардейцы отреагировали усиленным террором.

Начались массовые расстрелы

работчик и крестьян, усилились эзекуции карательных экспедиций. Сотни деревьев были взорваны и уничтожены интервентами и белыми; деревня Казалка и Хмельничья, где под руководством генерала Сидорова проводились массовые расстрелы и расстрелы.

становился реальным фактом. Командный японский войскам генерал Ой-Ой, имевший значительные силы, заявил что гарантирует нейтральность, если установится любая демократическая форма власти кроме советов. Поэтому, а также по другим политическим соображениям, являлись необходимыми.

* Статья передана в сообщении и в основном пропущена по ввиду хабаровской раши.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

6-го ноября клуб вещал лучших представителей трудящихся Камчатки — ударников производства, колхозов, колхозников, представителей милиции и Красной Армии — вот кто и этот вечер наполнял зал.

Вечер открылся кратким вводительным словом тов. Кореньева, переданным через ударников Камчатки от имени исполкома.

С докладом о XV годовщине выступил тов. Кореньев: — Советизм международное положение данного момента и установленности на истории советской власти на ДВК, докладчик передает и наши достижения в области народного хозяйства. Так же отмечается рад, органоми, как на хозяйственном, так и на культурном фронте. Докладчик говорит о превращении отсталой области, части соей ютчини в край развитый и уже и с промышленностью сельского хозяйства, в частности Советского Союза. Гигантским темпом растет валовая продукция по работе, по производству заготовкам. Но мы не имеем ни культурных условий жизни в области индустриальной кооперации, в работе по экспорту и т. д. И в с е б о г о д и м изжить. Камчатка — край богатейших возможностей еще не освоенных. Во вторую пятнадцатью она должна развернуть их полностью. В день XV годовщины, оглашающиеся на профсоюзный путь трудящихся Камчатки должны еще более усилить темпы построения социализма.

В этот вечер Кореньев обмывает о переходе к чествованию лучших ударников.

Список встречается шумным аплодисментским залом.

М. И. Яковлев в отделе имеет пригласительную телеграмму от ВКП (б) и т. Станую канюном принатом собраниишис.

На сцену поднимаются ударники, они рапортом отчитываются о достигнутых. Первый берет слово тов. Гулякин.

Плановый тезисный прием передано я вам, трудящиеся Петропавловска. В период увеличения военной опасности, мы завернем вас в вращающуюся и надежности наших делов. Много жалких рук тянутся к нашим границам, но все они направлены на уничтожение советских часовых-пограничников.

За ним говорит тов. Макашова — Рабоче-крестьянская милиция в день XV годовщины реорганизации поперекую зорю и бительно оярнать ее.

На сцену у поднимаются тов. Панкратов.

Организация Осоавиахима выросла до 6000 чел. Мы открыли два учебных пункта допризывной подготовки, открываемые доборными. Осоавиахимысы готовю по парадному усту в гряд РГКК на защиту Советского Союза.

Вечерней бурными овациями тов. Сафонов передает привет от Красных партизан.

Тов. Иванов, представитель судоремонтных мастеров, — го

ПОДАРОК ОКТЯБРЮ

Передовые предприятия края, колхозы, совхозы МТС, рабочие промышленности потрудили 15-ую годовщину Октября новыми победками на решающих участках народного хозяйства.

Передовые колхозы рапортуют о своих победах. Колхозники колхоза имени Щенченко ответ на планы пятилетних расрешив рабочих, досрочно выполнили по дням годовщины октября план сдачи хлеба и узявали в соразмерение все колхозы (Дальне - восточный край другие колхозы все сообщили о полном выполнении своих годовых хлебодобывательных планов.

К дням октябрьской годовщины рапортовали о великих победах рыболовецкие коллективы и колхозы. Коллективы участков Никольского района выполнили план осенней кеты на 100%

МИТИНГ НА ПЛОЩАДИ СВОБОДЫ

И дошли чинам на площадь Свободы начинают под знаменем мы ополчимся демократии.

В Бургомистрской обшине о прибытии конки и конки колони. Рабаев Алачи, Петропавловский советок Александр, индустриальный отряд красных советок ОСС.

Всю площадь, за исключением узкой полосы перед трибуной, оплодотворяют делегаты. Все внимание становится женщинам восторгов и споживания. На сцену вышло заложит зорешкой индустриальца. Крепко молодые тела, то охватывают в строение парами, то рассыпаются в поночь, бросая на корейском языке лопухи Октября.

Бесею или, истеричными дьялами смехом и свистами, через площадь проходил в ружейном нападении индустриальца, заборающая языки и лидер Усти-Личковичевский прощала.

В 12 часов ружей обшине о прибытии на площадь начали танцы гармонью, продолжаясь

Организация, пред. ОПСС Трудовую организацию советской власти прощала, они аккомпанируют на трибуну, выступили все громады «дур» и звуковыростанным отрядами приветствовали словом рожет ОСС Востроку.

Слова о совете в предшле на 15 лет тяжелей и сильней аккомпанирует на трибуну, вышло кляса долнала вынуть миру, что они имеют но только уярмать государство, но и оплодотворить уровень его хозяйства, за небылую высоту. Мы именем выделку излучили — нашу добротность на Крестную Армию, но мы делаемъ быль голым все звать в а ружейном нападении индустриальца.

Мы индустриальца и восторгов удерживать устояла на возмездие его. Да извратите вам выделку (МКС) и ее сильнейший руководитель т. Станя! С притворными индустриальца представителя ОПСС, го

ВПК(б) ОК ВЛКСМ, представитель Б. партизан, Красной Армии и Осоавиахима. Под звуки восходящих гармоний, выступили все громады «дур» и звуковыростанным отрядами приветствовали словом рожет ОСС Востроку.

На трибуну один за другим выступили ударники, представители и управленцы, индустриальцы, судоремонтные мастера, Петропавловские рабочие, колхозники, рыбаки и заявили о своей готовности к дальнейшей борьбе.

На этом заседании заканчивается Митинг на площади октябрьской марши, прощала отряды части в о и с к у и урмания индустриальца ОПУ, дур» демократии. Рыскю ружейном нападении индустриальца, на имя громки делегаты судоремонтных и оружий.

Лавине слепых, колхозника милиции, за ней Осоавиахима, — Наконец, ошавшей кетной дурь все организаци.

за 30 июля и 12 ноября 1932 г.

Опубликовано заявление техника землеустройства Виктора Константиновича Гарднера, родившегося в Петропавловске в 1911 г.: «Порываю всякую связь со своим отцом-лишенцем, как бывшим служителем религиозного культа (дьякон) и являющимся классово-чуждым элементом рабочему классу. Одновременно признаю допущенную мною ошибку, выразившуюся в поддержке с отцом связи до сих пор. Продолжая оставаться в рядах советских общественных организаций, я считаю себя обязанным дальнейшим активным участием в работе этих организаций, а также и своим сознательным отношением к работе на производстве, исправить допущенную мною политическую ошибку, то есть связь с лишенцем». (В списках репрессированных, опубликованных в 2010 г. в книге «Из тьмы забвения», содержатся сведения о четырёх Гарднерах, два из них 1905 и 1906 г. рождения, видимо, являются родными братьями Виктора Константиновича. Сведений о нём самом в книге нет.)

6 июля горсовет разъяснил горожанам и жителям ближнего совхоза, что 7 июля с девяти утра до двух дня в районе АКОград — совхоз будут производиться учебные стрельбы, а посему хождение здесь воспрещается. Он же довёл до сведения всех учреждений, предприятий и организаций, что заявки на земельные участки под проектируемое во второй пятилетке (1933—1937 гг.) строительство в городской черте будут приниматься горкомхозом до 1 августа. К заявке надо обязательно приложить перечень объектов и сроки строительства.

Управление труда и кадров АКО открыло приём заявлений на учёбу на четырёхмесячные курсы счетоводов и двухмесячные продавцов. Все учащиеся одновременно определялись на работу в общество в качестве практикантов с окладами: по курсам счетоводов от 75 до 125 руб. и по курсам продавцов — от 50 до 75 руб. Будущим счетоводам обещаны оклады от 175 до 220 руб., продавцам — от 175 до 190 руб. При поступлении курсанты подписывали соглашение о закреплении на работе в АКО на срок не менее года. Занятия начались 20 июля и шли в здании бывшего правления общества четыре дня в шестидневку по четыре академических часа ежедневно, с сокращённым на два часа рабочим днём на производстве.

Рабкор «Глаз» обращал внимание горсовета, что по обилию грязи на улицах Петропавловск не уступает гоголевскому Миргороду. Кучи пустых консервных банок, мусора, различных отбросов громоздились на каждом шагу. Главная улица «совершенно

потеряла культурный облик. Разрушенные тротуары годны только на то, чтобы калечить ноги пешеходов. Те же залежи мусора. И в довершение ко всему — огромные лужи. Участок Ленинской от портовой столовой до клуба стал непроезжим. Автомобилю, например, и соваться нечего. Нужно делать пересадку у столовой...»

10 июля, согласно сводке о ходе реализации займа «Четвёртый завершающий», общая сумма подписки по городу составила 452 375 руб., контрольная цифра выполнена на 50,2 %. По данным горкомсода, фонд зарплаты охвачен на 93 %. Решено наградить отличившихся участников «финансового фронта»: инструктора «восточников» Чуа Хо — карточкой ударника и 50 руб., секретаря редакции «Камчатской правды» Докшина — денежной премией в 150 руб.

В порт прибыли шесть пароходов, им требовалась спешная разгрузка и снабжение углём и водой. Но с этим в последнее время стали отмечаться большие задержки. Их виновником назывался заведующий плавсредствами Трофимов. «Порт и клиентура терпят убытки, благодаря таким головотяпам... Систематически пьянствует, не являясь на работу по нескольку дней». В этот день завез уехал, оставив буксирные катера без горючего, почему «получился трёхчасовой простой». На следующий день он без видимых причин отстранил от работы старшину катера и сам встал к штурвалу. «Битых три часа Трофимов колесил по бухте, давая то передний, то задний, то малый, то полный ход машине. Рабочие были возмущены. Разогнав катер, Трофимов налетел на баржу и сделал пробоину. Моторист, не успевая исполнять его сигналы, обжёг себе руки. Разъярённый своей неудачей, Трофимов решил на ком-нибудь отвести зло. Тут подвернулся сторож. Перепуганный, ничего не понимая, старик терпеливо выслушивал гневный разнос ретивого начальника, который кричал: “Я тебя застрелю, ты у меня будешь в струнку ходить”. И это изо дня в день». Сложившаяся обстановка явно требовала вмешательства.

12 июля Российское телеграфное агентство (РосТА) объявило о новой победе в деле индустриализации страны: вступила в строй первая советская китобойная плавбаза «Алеут» водоизмещением в 11,5 тыс. т, перестроенная хотя и из американского парохода, но по отечественному проекту. Это сообщение имело к Камчатке прямое отношение: китобаза вошла в состав АКО. «Рабочие-водники, инженерно-технический и научный персонал первой советской китобойной флотилии сумели добиться этого успеха на основе проведения генеральной линии партии, реализуя шесть исторических

условий товарища Сталина. Уходя на промысел, коллектив работников “Алеута” обязуется в кратчайший срок овладеть всеми деталями китобойной техники и дополнить возложенный на него промысловый план».

Сообщено также, что вечером 5 июня задута вторая магнитогорская домна «Уникум». Это из общесоюзных новостей. А были и местные, камчатские. Вот они: на десять дней раньше срока построен Ичинский рыбоконсервный завод, а рационализаторские предложения его рабочих позволили сэкономить при этом десятки тысяч рублей. «Сегодня произведён пробный пуск... Завод построен из материалов, полученных исключительно за счёт мобилизации внутренних ресурсов. Импортное оборудование не применялось. Были использованы все рационализаторские предложения рабочих, что и дало возможность отказаться от импорта... Это первый завод на Камчатке, построенный без участия иностранных специалистов. В начале строительства ряд работников пасовал перед трудностями, проявляя неверие в возможности пуска завода в этом году. Однако большевистская настойчивость и социалистические методы труда одержали очередную победу в рыбной промышленности».

РосТА известило из Москвы, что на днях, пересекая советскую территорию, в Петропавловск придут американские лётчики, совершавшие кругосветный полёт.

Заклеймен позором дезертир. Производственно-товарищеский суд при авиастроительстве разобрал дело о нарушении трудовой дисциплины неким Кряжевым. Тот бросил работу в самый напряжённый момент выполнения плановых заданий. Товарищеский суд осудил поступок Кряжева как бегство с трудового фронта.

Секретарь бюро окружка комсомола В. Д. Костко сообщил о первых итогах обмена комсомольских билетов. Их поменяли уже пятнадцать коллективов: фабрично-заводское училище, педагогические курсы, совхоз. Здесь роздано 280 новых документов. Подготовительная работа к обмену признана удовлетворительной, но наряду с этим отмечено, что в некоторых ячейках комсомольцы, получая билет, отделялись общими фразами, не давая взамен ясных обязательств.

14 июля в Петропавловск прибыла из Москвы торфяная экспедиция Всесоюзного института торфа Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина из шести человек под началом М. Нейштадта. Задачи экспедиции — выявление запасов торфа на восточном побережье полуострова, в частности, в окрестностях Петропавлов-

ска, оценка возможности постройки электростанции, сжигавшей это топливо, разрешение вопросов наиболее рентабельных способов добычи и сушки торфа в условиях Камчатки и постановка опытов с ним в сельском хозяйстве.

Из Омска по каналам РостА пришло известие, что американские авиаторы потерпели аварию около села Борисово, их полёт прекращён на неопределённое время.

15 июля в Петропавловске завершился обмен комсомольских билетов. Триста два энтузиаста, «борющихся за осуществление генеральной линии партии», получили новый союзный документ, дав партии и комсомолу конкретные социалистические обязательства.

18 июля опубликовано решение окрисполкома и окружкома ВКП(б) о колхозной торговле. Теперь его вместе с аналогичными решениями партии и правительства следовало разъяснить всем колхозникам и единоличным крестьянам. Суть: горсовету и кооперации в самый кратчайший срок надо организовать «советский базар» на площади у Никольской сопки, куда крестьяне Паратунки, Халактырки, Николаевки и Елизово, а также Петропавловский совхоз могли бы привозить свою продукцию.

Окружное отделение Союзкино (руководитель Шаров) просило ввиду начала обследования его деятельности прибывшей с «материка» комиссией все заинтересованные организации заявить об имеющихся у них претензиях.

20 июля стали известны первые результаты проверки: «обнаружена преступная халатность бывшего руководства. Инвентарь растерян, работа вся развалена и доведена до самого хаотического состояния. Камчатское агентство Союзкино превратилось из организации культурной в организацию, занимавшуюся чем угодно, только не кинофикацией». Шаров снят с должности. «В настоящее время агентство по окончании следовательской работы будет вновь заниматься вопросами кинофикации Камчатки при условии оказания содействия со стороны организаций в смысле предоставления помещения. В отрицательном случае агентство будет ликвидировано».

Началось переоборудование городской телефонной сети. Просили не удивляться возможным перебоям в работе телефонов у некоторых абонентов. А вообще-то это дело оказалось сложным, «так как старая линия, подвергаемая ежегодным гололёдам, находится в хаотическом состоянии».

Президиум горсовета рассмотрел вопросы благоустройстве города. Решено срочно засыпать выбоины на дорогах, очистить

и ремонтировать водоотводные каналы, перестелить деревянные тротуары и засыпать размывы улиц. Грязь и антисанитария приобрели в городе все права гражданства. В самом центре — настоящая клоака: «Сток всяких нечистот. Откровенное и чрезвычайное циничное изобилие ретирад и нужников (хотя по правилам им полагается находиться на известном отдалении от жилья). Хуже того, весь берег загажен. Вода и в бухте, и в ручьях кишит миазмами. И по странной традиции, все отхожие имеют выходное отверстие обязательно в бухту. Так дальше нельзя! Это не по-советски! Пора основательно почиститься».

Горсовет перечислил 5 000 руб. в АКО на оборудование водопровода в АКОГраде. Дорожный сектор стройтехуправления АКО нанимал на работу чернорабочих, плотников, кузнецов и подводы. В АКОГраде тоже имелись свои «отравленные места»: «По нелепому распоряжению заведующего коммунальным сектором тов. Иванова, место около переселенческих бараков превращено в настоящую помойную яму. Туда свозят нечистоты, там опоражниваются ассенизационные бочки. Озеро, откуда рабочие берут питьевую воду, загрязнено. Массовые желудочные заболевания вполне обеспечены. Чем занимается саннадзор, неизвестно, но дальнейшее его бездействие более чем преступно».

23 июля Петропавловский совхоз начал продажу цветочной рассады.

Рабкоры готовились рапортовать слёту ударников, созываемому окрпрофсоветом 25 июля в семь часов вечера в помещении клуба. «Что вы конкретно сделали и какую помощь вы оказали, чтобы довести решения 9-го съезда профсоюзов до каждого рабочего? Помните: решения съезда должны стать боевой программой действий всех трудящихся!»

Начали работать пригородные пионерские оборонно-спортивные лагеря. С буднями одного из них нас знакомит пионервожатый С. Селиванов:

«Дорога купается в зелени. Солнце своими жгучими лучами то и дело заставляет стройно шагающий взвод делать привалы в тени берёз. Вот показался лагерь — поляна, окружённая по-праздничному нарядившимися в зелень берёзами. В два ряда растянулись в ровную линию палатки. В нескольких шагах в тени берёз расположилась палатка — ленинский уголок, в стороне на горке — палатки санчасти, вправо скользит, извиваясь, ручей, приняв к себе в соседи хозчасть. Всё предусмотрено. Правильно расположился лагерь. Прибывший взвод принимает начштаба

тов. Батурин и передаёт в распоряжение командира роты пограничника тов. Буторина. Формальности приёма закончились, и взвод, не нарушая порядка строя, направляется на вечерний чай.

После чаепития полчаса времени занимаемся разбивкой роты на взводы и отделения. Шаров и Оборский — молодые пограничники, выделенные в мой взвод командирами отделений, знакомятся с составом своих подразделений. Оба они прошли боевую школу военной учёбы и выработали из себя не только бойцов на военном фронте, но и в социалистической стройке. С первых же шагов они проводят свою работу с отделениями на методах соревнования и ударничества.

Лагерь умолк, только слышатся равномерные шаги дневальных да редкий окрик дежурного. В пять часов утра горнист играет подъём. Вся рота быстро вскакивает на ноги, одевается, заправляет постель и по команде, становясь повзводно, направляется на утреннюю физкультурную зарядку. После до восьми часов умывание, затем горячий завтрак, с восьми часов рота повзводно направляется на политзанятия на два часа. Тема — итоги третьего года пятилетки. В проработке её весь взвод принимает самое активное участие. Следующие три часа занимают: устав о несении гарнизонной службы, схема построения Красной Армии, роды войск и их назначение. Пять часов учёбы дают право осовцам подкрепить свои силы обедом. После сытного обеда — мёртвый час. В пять часов вечера заканчивается трудовой день лагеря.

— Рота, повзводно становись! — даёт команду Батурин, и с песнями, с лучшими впечатлениями, дружным чеканным шагом осовцы идут домой».

В портовом распределителе во время получения продуктов из кармана А. А. Пономарёва вытащили бумажник с деньгами и профсоюзным билетом водников № 103123. Пострадавший просил считать его недействительным.

За «ошибку» покаялся, обязался исправиться и быть активным участником социалистического строительства Николай Васильевич Селиванов. Он принародно порвал «всякую связь с Селивановым Василием (похоже, что с собственным отцом. — С. Г.) как с классовым врагом соввласти и бывшим чиновником и урядником».

25 июля состоялся городской слёт рабкоров-ударников. По словам очевидца, получилось так, «как будто ударники и рабкоры пришли не на слёт, а в гости послушать казённого докладчика. На предложение высказываться по наболевшим вопросам последовало гробовое молчание. Что мы слышали на слёте конкретного

от рабкоров? Ничего! Трусливость многих из них выступать и бичевать все недостатки закрыла их рты». Если не считать большого и интересного доклада, сделанного Вострецовым, пожалуй, больше ничего интересного и не приключилось. «Слаба активность ударников и рабкоров. Мало дельных, чётких и боевых выступлений. Недостаточна посещаемость слёта. Мало иметь билет ударника, ещё нужно уметь разъяснить рабочим основные задачи, стоящие сейчас перед рабочим классом, вести борьбу за закрепление на Камчатке, за производительность труда».

В этот же день прошла первая на Камчатке общегородская конференция агитационно-пропагандистских бригад, то есть «живых газет», коих в городе на этот день имелось четыре: две пионерских, корейская и клубная. Свыше десятка их действовало и в районах округа. Конференция избрала для руководства бригадами городское бюро, состоящее при окружке ВЛКСМ, наметила предстоящие семинары для подготовки их руководителей и «дала общую установку всей работе».

27 июля в Петропавловск прибыл пароход Совторгфлота «Совет», шедший в тяжёлый полярный рейс к острову Врангеля, находившемуся в ведении АКО. На борту пребывали колонисты, направлявшиеся на замену трудившимся на острове, и новый начальник острова Бухвальтер. Экспедицией руководил испытанный полярник, хорошо известный камчатцам орденоносец-краснознаменец капитан дальнего плавания К. А. Дублицкий.

28 июля с разъяснением, как можно найти столовую для инженерно-технических работников, выступил некто Парва. Оказывается, сделать это можно было легко по запаху. «Когда, идя по Ленинской улице, у вас начинает неприятно кружиться голова и начнутся сильные позывы к тошноте, верьте, вы близки к цели, — столовая ИТР рядом. Более навязчивый признак — омерзительная крысиная туша, которая преграждает путь пешеходам и не убирается вот уже в продолжение нескольких дней. Утром 19-го ко времени завтрака “кухмистеры” из столовой ИТР решили раз и навсегда отделаться от навязчивых посетителей. Устроили настоящую “газовую атаку”. Вонь была поистине сногсшибательная. Столовники, не запасшиеся противогазами, начали выказывать недовольство. Полезли в кухню. Там атмосфера была настолько сгущена, что даже повар, испытанный человек, метался из угла в угол, как затравленный зверь. “Это пахнет заквашенная черемша”, — пояснил в смущении зав. “Ну, а вчера что у вас пахло и что будет завтра?” — повис в воздухе вопрос».

Здорово пахло не только в итээровской столовке, но, к примеру, и в рабочем общежитии Совторгфлота, что вообще было отличным «качеством» этого жилья. Но это было ещё не всё: «Есть вещи прямо жуткие: рабочие сдают в склад спецодежду, а получают её оттуда всю завшивленную».

Лесопромышленное управление АКО сообщало гражданам Петропавловска и АКОграда, что с 1 августа база леспромхоза на 6-й версте начинает продажу хвороста, сучков и валежника «в порядке очистки мест рубок в районе базы» по цене 65 коп. за один воз.

Секретарь коллегии окружной контрольной комиссии Межатуч подписался на заём на 1 000 руб. и досрочно погасил при подписке всю сумму, «показав пример высокосознательного отношения к кампании по займу».

29 июля вышел из Ковша и отправился к острову Врангеля пароход «Совет». В Петропавловске судно взяло необходимое количество угля, 108 ездовых собак, ещё нескольких колонистов и меховую одежду. На его борту находилось 900 т различных грузов, 42 участника экспедиции, молочный рогатый скот, ездовые собаки, утилизационный завод, разборный семикомнатный дом, инструменты для горной разведки и штат радиостанции. Капитан Дублицкий рассказал: «Этот рейс будет сопряжён с большими трудностями, и настолько большими, что ни о каком сравнении с плаванием “Литке” в 1929 г. говорить не приходится. “Литке” — ледорез, специально приспособленный для полярных плаваний, “Совет” же — обыкновенное товаро-пассажирское судно. Машина “Литке” работала без перебоев, машина “Совета” начала капризничать уже невдалеке от Владивостока. Нам пришлось делать ремонт вала буквально на ходу, иначе мы бы рисковали потерять винт». Добавим, что пароход, действительно, не смог дойти до острова.

30 июля запланировано открытие первого городского колхозного базара. Место для него отвели на площади около школы ФЗУ. Горместхозу вменено в обязанность построить прилавки с навесами, горинтегралсоюзу — оборудовать палатку для торговли товарами, открыть «советскую чайную», организовать торговлю квасом, установить ряд баков с кипячёной водой. «Интегральная система» приступила к оборудованию «Красной палатки», которую намеревались обеспечить «специальным кадром культработников». Предполагался даже «книжный прилавок». На базаре ждали рыболовецкие колхозы «Амурский партизан» и «Камчадал», сельскохозяйственные артели и крестьян-единоличников из ближайших к городу селений. Открытие торжища сопровождалось

митингом с докладом о задачах колхозных базаров заведующего окрснабом Николаева, приветствиями партийных, советских и профессиональных организаций.

Колхозники торговать хотели. Николаевцы заявляли: «Мы горячо приветствуем организацию колхозного базара, он необходим нам для продажи продукции, заготовленной сверх плановых заданий». В прошлом году николаевский колхоз выбросил восемь бочек икры, так как не смог её сбыть, поморозил много картофеля. Селяне собирались доставить молоко во всех его видах, сливки, творог, сметану, редис, «несколько штук битого скота» и рыбопродукты. Желание продавать было настолько велико, что колхозники говорили: «Не будет помещения, обойдёмся и без него, нет мануфактуры, мыла, — что поделаешь!»

По инициативе впервые выпущенной комсомольской странички газеты «Камчатская правда» организована «пионерская тревога по займу». Бригады пионеров с юнкорами посещали отстающие в подписке коллективы, выпускали «бюллетени тревоги», дабы ликвидировать «прорывы».

В Петропавловск приехал широко известный в СССР и за его пределами поэт Илья Сельвинский. Его перу принадлежали большие художественные полотна, снискавшие автору прочную и большую известность. О его творчестве уже существовала обширная литература, в том числе отдельные статьи и рецензии на французском, немецком, английском, итальянском, чешском и японском языках. «Это явление тем более любопытно, что ни одно стихотворение Сельвинского не переведено на иностранные языки». Поэт дал два вечера: один для партийно-комсомольского актива, другой — для красноармейцев. Оба прошли с исключительным успехом. Такие вещи, как роман в стихах «Пушторг», поэму «5 в 4», слушатели встретили бурными овациями.

7 августа петропавловская радиостанция Совторгфлота получила радиограмму с парохода «Колыма», зимовавшего у мыса Певек. В ней говорилось: «Команда экипажа здорова. Готовится к выходу из льдов. Пароход поднял пары». Начальник порта Майсурадзе сообщил, что углём до бухты Проведения «Колыму» будет снабжать пароход «Анадырь», затем в бухте «Колыма» возьмёт топливо до Петропавловска. Здесь её ждали в конце августа.

9 августа на рейде Авачинской губы разгружался норвежский пароход «Вулгар», зафрахтованный Совторгфлотом. Затем он должен был пойти в Усть-Камчатск, оттуда в Корф и Карагу. Обратное в Петропавловске судно ожидали к 10 сентября, после чего оно

отправлялось во Владивосток. На «Вулгаре» приехал учёный — хранитель музея из Ленинграда В. С. Кулаков, имевший задание собрать минералогическую коллекцию.

12 августа на совещании в окрснабе подвели итоги первого базарного дня, выявили причины его плохого проведения и «точно установили, что ни городские, ни окружные организации, в обязанность которых входило обеспечить базар всеми необходимыми условиями для его развития, ничего не сделали». Решили открыть базар заново 24 августа.

Под псевдонимом «Житель» опубликована заметка «Преступная невнимательность». Вот её текст: «10 июня в Сероглазку привезли в составе прокажённых больную девочку. Поместили в палатку и успокоились. В ненастную погоду палатка промокает, холодно, сыро, а председатель сельсовета тов. Куро успокоился тем, что послал фельдшера Сметанина, который даже не определил точно — больна она проказой или нет. Посмотрел, махнул рукой и вышел, а девочка продолжает лежать одна, в холоде».

Вскоре «на заметку про прокажённую» последовал официальный ответ окрздрава. В нём разъяснялось, что четырнадцатилетняя Плотникова «больна бугорковой формой проказы и помещена за селением Сероглазкой в палатку, оборудованную койкой, постельной принадлежностью, столиком, табуреткой и всеми нужными предметами. Для ухода и кормления больной нанята специальная сиделка тов. Бассарина, так что больной предоставлены вполне удовлетворительные условия жизни. По предложению окрздрава фельдшер Сметанин оборудовал палатку для больной и взял на себя наблюдение за ней. Тов. Сметанин вполне соответствует своему назначению, как раньше работающий в колонии прокажённых. Предсельсовета тов. Куро не имел и не имеет никаких отношений к медицинским работникам». Пояснялось, что окрздрав принимает все меры для отправки больной ближайшим пароходом на материк — во владивостокский лепрозорий.

17 августа горсовет установил расписание базарных дней: 6, 12, 24 и 30-е число каждого месяца. В промежутке между ними (так называемыми общими базарными днями) торговля тоже шла, если, конечно, приезжали колхозники и единоличники.

Объявлено о передаче до 1 сентября островного и звероводческого хозяйства АКО в ведение Союзпушнины. С 15 августа заготовительные пункты Дальсоюзпушнины уже начали скупать пушнину, меховое сырьё, рухлядь и прочую охотпродукцию. Сдатчиков сырья отоваривали продуктами питания, промтоварами

и снабжали боеприпасами по нормам, установленным постановлением окрисполкома.

Горсовет на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 февраля 1926 г. предложил всем государственным и общественным организациям и частным лицам к 15 сентября произвести против своих владений полный капитальный ремонт тротуаров, очистить дворы и поддерживать в чистоте прилегающие улицы. За неисполнение настоящего распоряжения обещали привлекать к ответственности.

19 августа вышел тысячный номер «Камчатской правды». К этому событию её редакция готовилась основательно, намереваясь созвать конференцию читателей и рабкоров с целью подытожить проделанную газетой работу, выявить недостатки и наметить меры к их исправлению. Газета, «борец за генеральную линию партии», получила множество приветствий и поздравлений, в том числе и весьма необычных. Так, комсомольский коллектив рыбоконсервного завода АКО № 5 в виде подарка организовал молодёжную консервную линию «Имени тысячного номера». Такое же название носили ловецкая бригада красноармейского колхоза, находившаяся на рыбалке «Печка», лучшая ударная бригада авиастроительства, один из катеров порта.

23 августа лозунг дня: «Сегодня ожидаем первый самолёт!» Речь шла об аэроплане «СССР № 1», совершавшем первый пробный рейс по маршруту Хабаровск — Петропавловск и пока пребывавшем в Аяне. Начальник камчатского отделения Гражданского воздушного флота Панкратов сообщил, что самолёт отправился туда 18 августа в восемь утра. 21 августа метеостанция получила новые сведения о нём: 20-го числа тот вылетел в Ямск. При условии хорошей погоды летательный аппарат должен был добраться до Петропавловска.

Объявление: «Я, Гарднер Елена, порываю всякую связь с отцом моим, Гарднером Константином, бывшим псаломщиком, и впредь никаких отношений с ним иметь не буду». Сестра последовала за братом. (Константин Гарднер, 1875 г. р., камчадал, уроженец и житель Петропавловска, малограмотный потомственный рыбак-охотник был арестован 29 февраля и приговорён к ссылке в Западную Сибирь 19 мая. Реабилитирован 21 февраля 1990 г.)

Слёт рабкоров-ударников, созданный по случаю выпуска тысячного номера «Камчатской правды», собрал полный зал межсоюзного клуба. Он открылся докладом заведующего сектором ударных бригад редакции Смельского, показавшим «развивающуюся

с каждым днём массовую работу газеты, и вместе с тем было совершенно ясно, что поход во вторую пятилетку всем рабкоровским активом, ударниками и профсоюзными работниками забыть». Выступившие в прениях рабкору потребовали принятия самых решительных мер против «забывших о походе». Затем слушали рапорты ударных бригад имени тысячного номера, сообщивших слёту о своих достижениях: радисты устойчиво держали связь с полярной экспедицией, землекопы авиалинии переработали сверх обычной нормы, первая хозрасчётная бригада механической мастерской АКО выпустила из ремонта ранее намеченного срока катер. Ударная рабкоровская бригада, отправленная на ликвидацию прорыва на сплаве Авачинского леспромхоза, поручила рабкору Чеканову передать газете и всей общественности, что случившийся на реке Аваче залом ликвидирован, а сплавщики объявили «штурмовой двухнедельник» с 15 августа по 1 сентября и обещали не покидать сплав до выполнения плана. Слёт постановил: силами ударников-рабкоров, газеты и всей общественности сделать поход действительно массовым и боевым.

25 августа некто «Грузчик» сообщил, что в порту, в бараке его коллег-грузчиков, вновь возобновилась азартная игра в карты. Пока здесь проигрывали чуть ли не последние штаны, комсомолец Ефименко, обещавший при обмене союзных билетов бороться за улучшение быта рабочих, и ухом не вёл.

1 сентября прошло собрание заведующих столовыми и поваров города. После короткого сообщения о решениях девятого съезда профсоюзов в отношении рабочего снабжения и питания, начался обмен мнениями. Повар Лин Га Чан сказал, что большинство его местных коллег недостаточно квалифицированы, некоторые не могут приготовить хорошего обеда из тех продуктов, которые выдаются на питание рабочим. В отдалённых районах поварским искусством пытаются овладеть совсем неопытные люди, которым требуется помощь. Повар столовой милиции Кондратьев высказался за организацию заочных курсов поваров и кухарок. Вместо писания бумажных резолюций собрание решило «приступить прямо к практическому делу», создав инструктивную бригаду из опытных специалистов, которая «посредством помещаемых в газете бесед будет руководить начинающими поварами и кухарками округа».

3 сентября опубликован план создания на полуострове новых радиостанций. В текущем году в Петропавловске Всесоюзный трест «Радиострой» Наркомсвязи планировал установить вещательную длинноволновую станцию мощностью 1,2 кВт и коммерческую

коротковолновую в 2 кВт, предназначенную для связи с Хабаровском, Владивостоком и побережьем Камчатки. Кроме этого, в деревне Аваче намечался приёмный центр, для чего по берегу губы через Сероглазку собирались провести воздушный кабель. На всё это правительство СССР выделило 410 900 руб.

5 сентября вечером в клубе открылось торжественное заседание, посвящённое восемнадцатому Международному юношескому дню. Прозвучали рапорты комсомольских ячеек, лучшие по политучёбе и военной работе получили премии. Передовых комсомольцев публично «передали» в партию, а пионеров — в комсомол. После официальной части гремел вечер самодеятельности.

6 сентября наступил и сам юношеский день. К десяти утра все ячейки, воины-комсомольцы Петропавловского гарнизона и пионеротряды организованно прибыли к зданию окружкома ВЛКСМ. Отсюда они отправились на площадь Свободы. Там в одиннадцать прошли митинг и парад, открылась спартакиада. В восемь вечера в летнем саду «Динамо», что на Никольской сопке, началось массовое гулянье. Пригласительные на все торжества вручали в ячейках ВЛКСМ.

Вот отчёт о праздновании. «Тишина. Раннее солнце отогрело застывшую землю. Казалось, никто не нарушит гробовую тишину. Вдруг из-за угла грянула задорная комсомольская песня, эхом раскатилось по всему городу. Еле двигаясь, сопя, словно семидесятилетний старик, выполз грузовик, нагруженный сверху молодёжью. У всех радостная улыбка, раскрасневшиеся лица, гордо смотрящие вперёд. “Да здравствует Коммунистический Интернационал молодёжи, боевой штаб революционной молодёжи всего мира!” — крикнуло с десятков голосов. За грузовиком мерно шагает ячейка стройтехуправления и вся пионерия города. За ними еле успевали передвигать ножонками октябрята. С песнями, с выкриками лозунгов все колонны двигались к зданию окружкома комсомола. Навстречу шла спартакиада, пестря красными майками и загорелыми здоровыми лицами. Длинной вереницей растянулись колонны физкультурников, двинулись на площадь. Тов. Корзинов, заведующий организационным отделом окружкома комсомола, открыл митинг. Бурными аплодисментами встретила комсомольская молодёжь появление секретаря окружкома комсомола тов. Серова. В своём приветствии он сказал о задачах комсомола, о необходимости сейчас же, с наступлением Международного юношеского дня ещё больше напрячь все свои силы, направить всю свою энергию на выполнение хозяйственно-политических задач в этот последний, решаю-

щий год пятилетки. Дальше приветствовал от окружкома партии тов. Самсонов: “Сегодня комсомольцы Камчатки празднуют восемнадцатый юношеский день, они бодро шагают вперёд с комсомольским задором, они будут верными помощниками партии в выполнении хозяйственно-политических задач. Мы здесь спокойно и торжественно встречаем свой праздник, а там десятки тысяч умирают, задыхаются под игом капитала. Сейчас, когда угроза военной опасности особенно явна, комсомолу нужно поднять качество своей военной работы”. На трибуне пионер Витя Мацура. Он бросает в толпу: “Будем всегда готовы стать достойной сменой комсомола!” В ответ летит пионерская ракета. Дз-з-и-нь бом! “Многомиллионному комсомолу — многомиллионную смену! Больше внимания и заботы поколению Октября — юным пионерам”».

В военном лагере близ города прошла «стрелковая проверка» членов Осоавиахима. Неожиданно стрельбище стало для комсомолии местом позора. Пожидаева из ячейки связи из 50 возможных очков выбила только 26, Шульман — 24, Сигаева — 32, Калинина — 32. Лучшие дела шли у Давыдовой — 37, Спириной — 39 и Грибановой — 39. Призыв легендарного наркома Клим Ворошилова «Пять патронов — пять попаданий!» остался, по сути, без ответа. Каждый комсомолец должен быть отличным стрелком. Нарком с трибуны девятого съезда ВЛКСМ потребовал решительной перестройки военной работы, поставил перед комсомолией ряд боевых задач в области овладения техникой военного дела. Но во многих коллективах военная учёба была поставлена плохо, в частности в порту и у связистов. Члены артели «Камчатский портной» вообще не явились в лагерь. Получается, что решения съезда о полном охвате комсомольцев военной подготовкой были не выполнены. Итог: «вас позорят ваши мишени!»

Сорвался запланированный колхозный базар: кроме привезённых Петропавловским совхозом овощей здесь больше ничего не было. Некоторыми гражданами это расценено как самые что ни на есть оппортунистические тенденции — провалить во что бы то ни стало важнейшие мероприятия партии и правительства. Назвали и виновников: Волкодава (горсовет), Пожидаева (райисполком) и Богданова (Райинтегралсоюз). «Они — эти товарищи — настоятельно решили противопоставить воле партии и советской власти целую серию искусственных трудностей. Дальше шутить не приходится».

8 сентября передовик подписки на заём завершающего года пятилетки Межатуч с удовольствием принял вызов некоего Гудвило, но при этом поставил его в известность, что отдал на это свыше

двухмесячного заработка, да ещё и внёс деньги досрочно, а потому предложил вызывающему «последовать лучше моему примеру».

Отделение Книгоцентра обратилось к подписчикам намеченной было к изданию Дальневосточной энциклопедии с известием, что она печататься не будет. На сумму задатка рекомендовали до 1 октября получить любые книги.

9 сентября состоялся суд над бывшим завхозом и по совместительству заведующим столовой при милиции Ф. И. Маньковым. Суд признал, что тот использовал своё служебное положение и присвоил 1 427 руб. 54 коп. Приговор: три с половиной года лишения свободы и поражение в правах на два года. С осуждённого в пользу милиции взыскана похищенная сумма.

13 сентября в Петропавловск из полярного рейса прибыли пароходы «Лейтенант Шмидт» и «Колыма» под командованием капитанов Миловзорова и Сергиевского. В Северный Ледовитый океан они вошли ещё 24 июля 1931 г., везя разные грузы и продовольствие для Колымского края. Получилось так, что судам пришлось зимовать в проливе между островом Раудан и мысом Певек. Попутно выяснилось, что этот пролив судоходный, чего раньше мореходы не знали. Зимовка продолжалась до 8 июля 1932 г. В этот день сломало лёд, и суда вышли на чистую воду. У мыса Ванкарем закончились запасы угля, но тут подоспели другие суда Колымской экспедиции, передав бункер. 31 августа «Лейтенант Шмидт» был в бухте Провидения. «Колыма» на обратном пути зашла в бухту барона Корфа, где на местном промысле приняла 1 050 т рыбы. После Петропавловска «Шмидт» намеревался зайти в Жупаново для погрузки рыбной продукции и далее следовать во Владивосток.

15 сентября в шесть вечера в окрисполкоме в комнате орготдела прошло совещание физкультурного актива города. Персонально приглашены Травин, Окинчек, Личкун, Н. Воробьёва, Новиков, Кравец, представители пограничников и общества «Динамо». Позвали и всех, интересующихся физкультурной работой.

16 сентября в магазин Торгсина прибыли экспортные товары и продукты: чай, сахар, разные фрукты, рис, готовое платье, трикотажное бельё, разнообразный текстиль и обувь. Магазин размещался по адресу: улица Ленинская, 59, угол дома АКО.

На днях ожидалось открытие вечернего рабфака, то есть, по сути, подготовительных курсов для поступления в высшие учебные заведения. Желających учиться записывали в канцелярии педагогического техникума. Принимали граждан обоего пола

от восемнадцати до тридцати лет, успешно окончивших школу первой ступени.

Мария Ниловная Спирина разыскивала маму — Зиновию Фёдоровну Якунину — и просила всех, что-либо знающих о ней, сообщить в совпартшколу.

На основании постановления общегородского собрания бывших красных партизан и красногвардейцев города граждане Пахом Антонович Шепляков, Николай Бондарев, Алексей Филиппович Черепанов (Воронов), Александра Ивановна Димитриева и некто А. Д. Петров больше не считались бывшими партизанами до предоставления в комиссию соответствующих документов, подтверждающих их принадлежность к оным. Указанным гражданам предлагалось сдать в окружную комиссию имевшиеся на руках партизанские билеты или удостоверения, отныне недействительные.

18 сентября всем военнообязанным запаса, кроме среднего и старшего начсостава, родившимся с 1893 по 1910 г., следовало явиться в военкомат (Ленинская, 60) для переучёта до 29 сентября. Явке не подлежали военнообязанные, работавшие в АКО.

Президиум окрпрофсовета утвердил смету содержания клуба до конца года в размере 15 000 руб., из них 5 000 за счёт горинтегралсоюза, страхкассы, порткомвода, союза торгово-кооперативных работников и прочих. Определён клубный штат из шести человек. Культсектору предложено в ближайшие дни созвать производственную конференцию, выбрать председателя культполитпросвета и наметить мероприятия для дальнейшей работы.

20 сентября заседал президиум горсовета. Слушали вопрос о необходимости создания при нём «топливной тройки». Постановили: избрать тройку в составе Панкратова (председатель), Легостаева и Ермоловича, возложить на неё обязанность снабжать город дровами, для чего предоставить право мобилизации гужевого и водного транспорта для их подвозки.

21 сентября камчатское отделение Союзпушнины объявило, что совместно с кооператорами в предстоящем охотничьем сезоне намерено заготавливать диких зверей и птиц «в живом виде». Этого «зооэкспорта» намеревались добыть на 17 000 руб. Его главные объекты: соболь, тарбаган, лиса красная, росомаха, орлан белый, снежный баран. На них установлены новые повышенные цены.

Объявлено, что на днях в суде будет слушаться дело «кооперативных вредителей». Местное ОГПУ не так давно раскрыло их «крупную организацию». Её участники: главный бухгалтер горинтегралсоюза Морозов, завмагазином Замураев и продавцы

Харинов, Бокша и Смолина. Всем предъявлено обвинение в систематическом и злостном расхищении нормированных товаров и продуктов и незаконном повышении цен. «У преступников была определённая политическая целеустремлённость — дезорганизовать снабжение и тем самым вызвать среди служащих и рабочих недовольство и антисоветские настроения». Для этого, по версии следствия, виновные в первую очередь снабжали кулаков и «лишенцев», устраивали кутежи и скандалы в распределителе инженерно-технических работников. Да и сами-то они принадлежали к классово-чуждому элементу: Морозов — сын кулака, Харинов и Смолина тоже, Бокша — жена лишенца. «При поступлении на службу в закрытый распределитель ИТР перед работниками ставились особые условия. Завмагазином Харинов, выдвигая на должность помощника заведующего продавца Смолину, заявил: “Смотри, лишнего не болтай!” Другим работникам говорили так: “Болтнёшь, выгоним!”» Никакой пощады этим ворам и мародёрам советский суд, как известно, самый справедливый в мире, не обещал.

К этому побуждало недавно, 7 августа, принятое постановление ЦИК и Совнаркома СССР, устанавливавшие за хищение государственного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества. «Камчатская правда» в своём выпуске № 1012 писала по этому поводу: «Разбитые в классовой борьбе кулаки пытаются мстить советскому государству разрушением его имущества. Классовые враги поджигают амбары, стравливают поля, расхищают грузы в пути, раскрадывают кооперативное имущество, тем самым ухудшая снабжение трудящихся. Постановление... кладёт предел такому попустительству... Это постановление имеет исключительно важное значение для кооперации. Известно, что кооперативный аппарат, особенно сельская низовка, весьма засорён чуждым элементом...»

23 сентября остановлена «сеточная», то есть сетевязальная, фабрика АЖО — на ней закончились материалы и топливо. Причины: «Деньги, полученные от Союзпушнины за сетку, сторойтехуправление забрало себе, а сеточной фабрике, исполняющей заказ Союзпушнины, показало комбинацию из трёх пальцев».

25 сентября исполнилось сорок лет с начала литературной деятельности великого пролетарского писателя А. М. Горького. По случаю этого юбилея столичные литераторы и журналисты предложили построить гигантский агитационный самолёт имени живого классика соцреализма. На этот почин откликнулся горожанин

И. К. Воробьёв, внёсший в фонд постройки самолёта однодневный заработок. Он приглашал поучаствовать в этом деле всех членов профсоюзов Камчатки и в первую очередь делегатов открывающегося на днях окружного межсоюзного съезда профсоюзов и первой окружной конференции инженерно-технических работников.

26 сентября — очередной базарный день. Мясо продавалось по 12 руб. за килограмм, и у продавцов «наблюдалась тенденция эту цену снизить». Но вдруг появился закупщик из столовой ИТР, растолкал очередь и скупил всё мясо разом. Труженики, томившиеся в очереди, остались ни с чем.

Продолжалось строительство в АКОГраде двух новых домов, начатое в прошлом году. Здесь, в этом новом районе, возникшем совсем недавно, уже более полутора десятков домов нуждались в срочном ремонте. Да и такого жилья не хватало. Специальных «Домов ударников» не имелось, полторы сотни лучших производителей скученно размещались в палатках, в антисанитарных условиях. Наблюдалась явная дискриминация: «в то же время в лучших помещениях АКОГрада живут летуны, рвачи и дезорганизаторы производства. Лучшие рабочие-ударники, за исключением дополнительного пятипроцентного пайка и получения обедов вне очереди, никакими преимуществами не пользуются».

29 сентября опубликовано объявление Евгении Георгиевны Игрушечкиной: «Я... отказываюсь от своего мужа Сычёва Петра Трофимовича, так как он является лишенцем. В течение двух лет я не связана с ним материально и поэтому порываю с Сычёвым семейную связь».

30 сентября пришла радиограмма от начальника полярной экспедиции профессора О. Ю. Шмидта: «Ледокол “Сибиряков” продолжает при помощи парусов, взрыва льда и подтягивания на стальном тросе медленно двигаться в сторону Берингова пролива. Сейчас находимся в двадцати милях восточнее мыса Иничура. Тральщику “Уссурийцу” под руководством капитана Кострубова удалось войти в Ледовитый океан и приблизиться к нам на расстояние тридцати миль. Надеемся, это расстояние будет им проделано. В свою очередь, “Сибиряков” старается приблизиться к берегу». Из Уэлена сообщили что «Сибиряков» в середине дня прошёл в видимости посёлка и скоро выйдет на чистую воду.

В переполненном здании столовой Совгоргфлота открылся показательный процесс работников горинтегралсоюза, обвиняемых по ст. 109 и 116, ч. 1, Уголовного Кодекса РСФСР. Как мы знаем, в вину им поставлено долговременное расхищение и разбазаривание

нормированных товаров и продуктов, предназначенных для специалистов. «Эта шайка под руководством Морозова распределитель ИТР превратила в базу, снабжающую лишенцев и кулаков. На вырученные от искусственного вздувания цен деньги подсудимые пьянствовали, сколачивая вокруг себя вредительский актив. Харинов, Замураев, Смолина и Бокша признали свою вину. Морозов пытался оправдаться неосновательными доводами». Общественный обвинитель сотрудник редакции «Камчатской правды» Смельский настаивал перед судом о применении строжайшего наказания, предусмотренного названными статьями. Суд приговорил: Морозова и Харинова к лишению свободы на восемь лет с поражением в правах на три года, Замураева, Смолину и Бокшу — к пяти годам без поражения в правах. Очевидцы процесса обращали внимание прокуратуры на недисциплинированность милиционного наряда: во время заседаний и перерывов подсудимые подходили к посетителям, разговаривали с ними, принимали какие-то свёртки. «Милиционеры не обращали на это внимания, сидели рядом с подсудимыми и сладко дремали. Один из милиционеров отказался выполнить распоряжение председателя суда о вызове свидетеля».

4 октября прошла первая камчатская конференция инженерно-технических работников. В округе таковых пребывало до четырёхсот, но пока на 1 сентября выявили и учли всего 258 итээрровцев, частью старых, ещё дореволюционных специалистов. Быстрое экономическое развитие страны, края и Камчатского округа требовало полного использования всех ресурсов, в том числе и человеческих, тем более что сам товарищ Сталин поставил задачу «изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания, смелее привлекать их к работе». Учтённых «спецов» распределили по секциям: 58 строителей, 35 рыбников, 19 водников и транспортников, 20 связистов, 14 лесников и деревообработчиков и прочих. Уточнены списки технических специалистов в Петропавловске, с октября к закрытому распределителю ИТР приписали только их. «До сих пор к распределителю и столовым были прикреплены все кому не лень, вплоть до делопроизводителей».

Уделено внимание «второстепенному объекту экспорта» — обычной серой крысе. «Этот незаметный зверёк пользуется большой симпатией в таких странах, как Америка, Германия, Англия. Крыса имеет свою известность и на внутреннем рынке. Шкурки крыс сейчас обрабатываются на наших отечественных заводах».

Чего-чего, а уж этого «второстепенного объекта» в Петропавловске водилось в изобилии. Поэтому Союзпушнина намеревалась до конца года заготовить в городе не меньше 5 000 шкурок, выделив для поощрения сдатчиков специальный премиальный фонд (шесть импортных дробовых ружей системы «Геко» и разных промтоваров на 3 000 руб.). Объявлен и конкурс «на большую сдачу крыс». Первая премия — лучшее дробовое ружьё за 500 крыс, товары и продукты — за партии в 350 и 250 шкурок. Принимали крыс и неободранными: при заготовительном пункте имелась специальная «съёмочная база». К участию в крысиной ловле приглашались школьники, пионеры и комсомольцы, а для её успешности «в основу этой работы» намеревались «положить методы соревнования между бригадами и отдельными крысоловами».

9 октября пришли сведения о том, что траулер «Уссуриец» пробился к аварийному ледоколу «Сибиряков», взял его на буксир и ещё 5-го числа благополучно довёл до бухты Провидения. Здесь оба судна погрузили уголь, потом вышли в бухту Глубокую пополнить запасы пресной воды. Отсюда «Уссуриец» повёл героический ледокол в Петропавловск.

В педагогическом техникуме начались ежедневные вечерние курсы шоферов-мотористов.

11 октября в окрплане «по почину директивных организаций» созвано совещание по вопросам планирования научных исследований в Охотско-Камчатском крае и создания здесь единого центра для их производства. Собралось семнадцать человек, в том числе представители научно-исследовательских учреждений Камчатки, Дальнего Востока, Москвы и Ленинграда. Они выслушали доклад профессора В. И. Огородникова, работавшего в АКО с 1929 г., об исследованиях полярных и приполярных областей Дальневосточного края за пятилетку. Решено открыть весной 1933 г. в Петропавловске Камчатское отделение Всесоюзного Арктического института (КОВАИ). Директором этого института и был находившийся на «Сибирякове» профессор О. Ю. Шмидт.

15 октября окружной комитет Российского общества Красного Креста (РОКК) открыл семимесячные вечерние курсы медицинских сестёр, «дающие право среднего медицинского персонала, а также право на занятие штатных должностей во всех лечебных учреждениях Наркомздрава». Женделегатским собраниям, окружному комсомолу и профсоюзам предлагалось направить желающих в РОКК. Записывал будущих слушательниц ответсекретарь окрздрави Продайвода «в общие дни занятий».

Кровавая „ночь под рождество“

Фармазии и фомизмы расстреляны безоружные демонстранты безработных

ВЕРДИН. Несмотря на запрет правительства о роспуске гражданского мира, на предстоящем проведении демонстраций в ряде мест Германии, состоялись демонстрации рабочих и безработных в Берлине, как в центральном районе, так и в ряде рабочих кварталов и в пролетарском районе Вердиге. Вечером 19 декабря открыла стрельбу по демонстрантам. Многие рабочие арестованы. В рабочем районе Нейфельде безработные пытались захватить продовольственные магазины, но были разогнаны полицией.

В разных частях Германии произведены массовые обыски и аресты среди рабочих и студентов. В Кельне полиция произвела обыск на собрание активы компартии и арестовала 37 участников собрания. В Мюнхене разогнано собрание компартии (департамент сельских районов). В Тюбингене, в Гроссрейтхе, полиция произвела обыск в квартире почти всех членов местной организации компартии и конфисковала многочисленные легальные брошюры и книги под предлогом того, что они являются антигосударственными и арестовала 10 членов компартии. В Вортенберге произведены обыски в помещении 60 местных организаций МПРА.

На Элендтрассе, в Берлине, около 300 безработных демонстраторов перед помещением, где заседали гитлеровские штурмовики. Отряд гитлеровцев, вдовившись в этом помещении, добровольно предложила свои услуги полиции для выступления против демонстрантов.

В Кельне состоялась большая демонстрация безработных. Многие демонстранты арестованы. Во время столкновения между демонстрантами и полицией, по сообщениям служебной печати, рабочие, якобы, рвали несколько полицейских камушек.

Много рабочих арестовано в Гамбурге во время демонстрации торговцев и моряков. Полиция застрелила матроса.

Уида удовлетворена ТОКНО. Агентство „Самбу-Ренго“ сообщает, что министру Уида в докладов по положению в Женеве ввиду, что удовлетворены все требования японской делегации.

АРКТИКА ЗАВОЕВАНА

Постановление СНК СССР об образовании главного управления Северного Морского Пути

МОСКВА. Совет Народных Комиссаров СССР постановил: 1) образовать при Совете Народных Комиссаров СССР Главное Управление Северного Морского Пути; 2) на предстоящую ГУСМП задачу проложить окончательно северный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать этот путь, обеспечить его исправное состояние, обеспечить безопасность плавания по этому пути; 3) передать в ведение ГУСМП все существующие метеорологические станции, радиостанции, расположенные по берегу и в отрогах Ледяного океана.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР — **В. Молотов (Скрибин)**. Заместитель управляющего по делам Народных Комиссаров СССР — **И. Миклонов.**

МОСКВА. Совправком СССР назначил начальником Главного управления северного морского пути.

ЛЕНИНГРАД. Красноводский завод „Малыш“ и завод „Седов“ вышли на Мурманск на Шибиревской дороге. На борту ледокола „Седов“ находятся 10 человек — старые удальники, рабочие Добросла, Урала, Ленинграда, Москвы с семьями. Многие идут во второй рейс. В начале января ледоколы возвратятся в Мурманск, откуда отправятся на эсэровый промысел.

Лыготы для работников северной М О С С В А. Совнаучком РСФСР постановлено распространить действие постановления ВЦКК и СНК РСФСР от 1 мая 1932 года о льготях для лиц, работающих на крайнем севере, на ряд округов, районов и островов, входящих в состав Дальнего и Восточного Чукотки, в том числе: Чукотки, Корякской, Охотской, Камчатской и Сахалинской округов, Нижне-Амурской, Верхне-Найзасинской, Хутунгской, Сихотлинской, Джукунгской, Эвенских и Верхне-Зейской районов.

ГОРБОЛЬНИЦА сдаст ПРОСТИРКУ **БЕЛЬЯ** на дом. Об условиях узнать в Горбольнице. **ККМЧ 5462**

ПОСОЛ КИТАЯ В СССР.

МОСКВА. Китайское правительство сообщило о своем намерении назначить послом в СССР китайского представителя в Лиге Наций и на конференции по разоружению, доктора Ян-И-Чуня. Китайское правительство дало согласие на назначение Ян-И-Чуня послом в Москву.

Экспедиция в южное полушарие

ЛЕНИНГРАД. Музей антропологии и этнографии Академии Наук летом и в 1933 году организует этнографическую экспедицию на Филиппины, Малайский архипелаг, голландскую Индию, Океанию, Занзибар, африканское побережье. Экспедиция, и ее участники антропологического и этнографического обследования, впервые проведутся в таком широком масштабе. Путешествие продлится не менее 2-х с половиной лет. Состав экспедиции на Ленинград и Владивосток в июне-июле.

ЛШИДНО РАЗДУТО

Принимая право удальства куда это так АКО расходует деньги без пользы и пользы. Не так было бы иначе, если бы от таких расходов получался эффективный эффект.

Втроем без АКО работает 200 чел. рабочих и служащих, а на практике столько, сколько в деревне. Не беря во внимание, четыре отработанных, вышедших в отставку. Спрашивается, какую пользу приносит эти 2-лон. зав. базой, Станция, в которой, кроме разведения волонтеры.

На эту базу достаточно одного зава, а большинство его помощники будут зав. цехами и исполнителем, тем самым будет обременен. 12 тыс. руб. в год, которые лямки ради подписки разных бумаг.

Двух же человек можно послать в район, где они принесут гораздо больше пользы, чем на базе. **Гален.**

ЗАВХОЗ — ОХОТНИК
Директор кирпичного завода тов. Иалын, подвигая которого на хозяйственном фронте известным, подбирает себе подходящих помощников.

На должность завхоза он поставил Сербякова, самому лянтя и прогульщика, несмотря на то, что комсомольская ячейка предлагала ему знающего работ-удальников. Теперь этот завхоз воспринял свое назначение, как стихий и поочему, когда директор уезжает в город, он вскипает на плечи ружья, отправляется на охоту, как это было 10-го декабря. Брагалам, должником распорядился заводом, приходится либо удовлетворять самовольство, либо отстоять.

Мало вредит кирпичный завод! **4.**

АКО „ЗАБОТИТСЯ“

Об условиях, в которых живут рабочие АКО, писалось довольно часто. Но АКО относится к помощи своему материалу крайне равнодушно. Мир шпалек не принимаются. Все идет по течению.

Рабочий Григорьев сообщает, что в бараке № 4 помимо общего беспорядка, в последнее время сложилась и жилищная ситуация. Рабочий Григорьев сообщает, что в бараке № 4 помимо общего беспорядка, в последнее время сложилась и жилищная ситуация. Рабочий Григорьев сообщает, что в бараке № 4 помимо общего беспорядка, в последнее время сложилась и жилищная ситуация.

Ольшавский — линейщик

В М.К. П. повстанческой Октябрьской годовщине, в саевос удальников попла некар. Ольшавский. Редакция была в заблуждении. Ольшавский, что этот тов. заслуживает звания не удальника, а вредителя и спекулянта. Он заивался при объявлении лети вдов, жег нарасно дрова, спекуляничал дровами, пьянствовал и угрожал другим рабочим, если его выддут.

Ольшавский сит с работы поставленном проекте недостоевного совещания. Вперед нужно зорче следить, чтобы в ряды удальников не записался классовый враг.

Очевидец.
Вид. ответственного редактора **В. УМАНСКИЙ**

Собрание кружка актива по изучению отделеции по 0-6 м марксизма-ленинизма при кулпропиро ОК ВКП(б) назначено на 2 января 1933 г. в 8 часов вечера в зале заседаний ОК ВКП(б). Присутствие обязательна следующим товарищам: Мотков, Игаль, Неландский, Скрибин, Ильяшенко, Смирнов Н., Уманский, Кумалов, Коуров, Куницын, Куналя, Демьян, Кузовников, Помехов, Самсонов.

Кулпропиро ОК ВКП(б).

Вышла и поступила в продажу брошюра
„Резолюция 2-й Камчатской конференции ВКП(б)“
Продается в редакции „К П“ и магазине ОГИЗ по цене 60 коп.

По случаю учета, операции в сберкассах Окружной № 611 и Стройотуправления АРО № 21 производиться не будут
31 декабря с. г., 2 и 3 января 1933 г.
Октябрьск № 611.

28-го декабря с. г., в 5 часов вечера в неформальном клубе состоится

общее собрание рабочих и служащих города.
НА ПОРЯДКЕ:
о подготовке к проверке и чистке быт, партизан и красногвардейцев.
Доналичник член Красной комиссии т. Лисовое.
Проеция (гр-иниоцион) комитет, подает членом комиссии т. Виноку (Собор ВКП) и Сарыно (Госбюро).
с 29 декабря с 6 час. веч. в здании Горсовете.
Проверком.

за 15 ноября и 28 декабря 1932 г.

16 октября ночью ледокол «Сибиряков» отдал якорь в Авачинской губе. В восемь утра все наличные плавсредства Петропавловского порта, расцвеченные флагами «Добро пожаловать!», стройной кильватерной колонной под медь оркестра подошли к его борту. По штормтрапу на судно поднялись представители партийных и советских организаций, погранотряда. В кают-компании состоялись приветствие и короткая дружеская встреча с участниками экспедиции. Профессор Шмидт кратко поведал гостям о сложнейшем переходе из Белого моря в Тихий океан. После этого «Сибиряков» поднял якорь и на буксире «Уссурийца» двинулся в Ковш. Флотилия катеров отправилась дальше, навстречу пароходу «Совет». После нескольких заходов на разгулявшейся волне катер с представителями камчатской общественности причалил и к нему. Прибывших встретил капитан, испытанный герой-полярник К. А. Дублицкий. В кают-компании обменялись традиционными приветствиями. Затем пароход ошвартовался у пристани авиабазы на мысе Сигнальном. В полдень экипажи «Сибирякова» и «Совета» сошли на берег. У клуба им устроена тёплая встреча, шумит короткий митинг. Вечером герои арктического похода стали гостями торжественного заседания открывшейся 15-го числа комсомольской конференции. Это нарушение установленного регламента встречено долго не смолкавшими аплодисментами. В президиум единогласно избраны начальник экспедиции профессор Шмидт, профессор Визе, капитаны «Сибирякова» Воронин, «Совета» Дублицкий, «Уссурийца» Кострубов, представители экипажа ледокола.

Ледокол «Сибиряков» впервые в истории преодолел ранее непроходимые полярные льды и из Белого моря дошёл до берегов Тихого океана без зимовки. Первую аварию судно протерпело в тяжёлых льдах близ Колючинской губы — сломало лопасти винта. На их замену ушло пять дней. В районе мыса Сердце Камень, примерно в девяноста милях от Берингова пролива, «Сибиряков» попал в сплошные льды. 18 сентября случилась ещё более серьёзная авария: сломался гребной вал, был потерян винт. Судно осталось без хода и возможности маневрировать. Несмотря на это, экспедиция продолжила работы по выходу из льдов. Люди использовали все доступные средства, в том числе морские течения, взрывали заторы, подтягивали громадное судно тросами от льдины к льдине, поднимали самодельные паруса из трюмных брезентов. После упорной борьбы со стихией ледокол вышел на чистую воду и 1 октября достиг Берингова пролива, отсюда на буксире подо-

шедшего по вызову «Уссурийца» вышел в Тихий океан. Во время полярного похода учёные под руководством профессора В. Ю. Визе непрерывно наблюдали за климатическими условиями, режимами льдов и морских течений. Славное плавание завершилось у деревянной пристани Петропавловского порта. За его ходом в течение двух месяцев с замиранием сердца следила вся страна и мир, а его окончание показало, что «советская наука, освобождённая Октябрьём от пут капитализма, одержала ныне блестящую победу, доказав проходимость Арктики в течение одной навигации». «Петропавловск — ничтожная точка на карте огромного Советского Союза, но наши сердца бьются созвучно с сердцами трудящихся Союза и всего мира от радости победы над Арктикой и от гордости за поход “Сибирякова”».

17 октября в дирекции АКО под председательством профессора Огородникова состоялось торжественное заседание КОВАИ, где присутствовало свыше 50 чел. Затем 17—20 октября на борту «Сибирякова» прошёл ряд совещаний, посвящённых работе КОВАИ. Здесь решали вопросы объединения под общим руководством местных научно-исследовательских учреждений, постройке производственных и жилых зданий, приглашения специалистов. Утверждена программа капитального строительства, начиная с 1933 г., в сумме 750 тыс. руб. Арктический институт оставил для КОВАИ имевшееся на борту ледокола ценное научное оборудование для гидрохимической лаборатории, морских и полевых геологических исследований (всего 80 мест).

Одним из местных научно-исследовательских учреждений была основанная в Петропавловске в этом июле Камчатская морская станция Государственного гидрологического института. Её сотрудник К. А. Виноградов утверждал, что «открытие станции даст возможность перейти от рекогносцированного экспедиционного обследования дальневосточных морей к планомерному стационарному изучению режима морских вод, в самом широком смысле этого слова, почему и является крупным шагом в деле освоения наших морских богатств». Станция, давшая начало нынешнему КамчатНИРО, размещалась в долине речки Гремучки, где располагала лабораторией гидробиологии и гидротехники. «К сожалению, недостаток помещений не даёт пока возможности развернуться более широко». Руководство станции просило всех краеведов, туристов, школьников и педагогов, интересующихся жизнью моря и собирающих либо наблюдающих за морскими животными и растениями, сообщать ему любые интересные факты.

Столовая № 2 в АКОграде снизила стоимость обеда до одного рубля, но урезав порции настолько, что рабочим, дабы насытиться, приходилось брать по два-три обеда, а ужинов — так вообще по четыре-пять. Это в итоге обходилось им значительно дороже. Настроение и аппетит труженикам портил стоявший рядом ларёк, тоже № 2, вернее, исходивший из него запах. Там «тухнет рыба... находится 70 килограммов гнилой икры, 347 килограмма тухлой солёной кеты, а Макрушин, заведующий ларьком, не обращает на это внимания».

Пожаловался на питание и некий портовик: «Окрснаб на собрании портовых рабочих обещал грузчикам отдельную столовую, но обещания своего не выполнил, до сих пор кормят сухими овощами и солёной рыбой из общего котла. Для чего было обещать?»

19 октября опубликована правительственная телеграмма: «Ледокол “Сибиряков”, начальнику экспедиции Шмидту, капитану ледокола Воронину. Горячий привет и поздравление участникам экспедиции, успешно разрешившим историческую задачу сквозного плавания по Ледовитому океану в одну навигацию. Успехи вашей экспедиции, преодолевшей неимоверные трудности, ещё раз доказывают, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевистская смелость и организованность. Мы входим в ЦИК Союза ССР с ходатайством о награждении орденом Ленина и Трудового Знамени участников экспедиции. *Сталин, Молотов, Ворошилов, Янсон*».

Единственная в городе баня, располагавшаяся в порту, не могла нормально работать. Её кочегарка, построенная в 1927 г., не справлялась с бесперебойным обслуживанием за четыре часа более ста пятидесяти клиентов. После этого приходилось снова накачивать воду. Для уборки здесь не имелось ни веников, ни щётки, ни тряпок. Не было и полотенец, персонал не носил спецодежду. Отсутствовали электролампочки. «В результате баня грязна и темна».

21 октября пропали пять поросят белой масти, принадлежавших Совторгфлоту. Завхоз агентства просил нашедших вернуть животину по адресу, а то «в случае укрывательства этих поросят виновные будут отвечать по закону».

22 октября вечером ледокол «Сибиряков» покинул Петропавловск и на буксире траулера «Уссуриец» пошёл напрямую в Японию на доковый ремонт.

23 октября с ледокола пришла радиограмма: «Выходя из Петропавловского порта, шлём прощальный привет столице Камчатки, одной из жемчужин Советского Союза. Изумительно тёплая встреча, оказанная нам камчатскими организациями, навсегда

останется нам памятной, волнующей, — необычайно яркое доказательство того, что работники Москвы, Ленинграда, Севера и Дальнего Востока составляют одну тесно спаянную силу, вместе борясь за одну великую цель построения социализма. Ещё раз горячо благодарю товарищей от имени всей экспедиции. Начальник экспедиции *Шмидт*». Получено сообщение и от «Уссурийска»: «За сутки прошли расстояние от Петропавловска — сто двадцать миль. Погода пока благоприятная. Плывём благополучно. Ход шесть миль. *Кострубов*».

Горинтегралсоюз объяснил всем организациям, учреждениям и кооперативным уполномоченным, что списки на получение продовольственных карточек на ноябрь надо предоставить до 25 октября, а сами карточки будут выдаваться до 1 ноября.

Управление по постройке Петропавловского порта (так называемый «Водстрой») объявило о своей ликвидации, формально с 8 октября. Всем учреждениям, предприятиям и отдельным лицам, имевшим какие-либо претензии к управлению, предлагалось заявить о них не позднее 1 ноября.

29 октября началась подготовка к предстоящей пятнадцатой годовщине Октября. В Совторгфлоте прошло общее собрание, определившее кандидатуры ударников для премирования. Намечена организация ударных бригад. Отмечено, что коллектив энергично включился в «культпоход»: рабочих переместили из палаток в бараки, туда провели радиотрансляцию, в общежитии выделили две библиотечки. Прошёл ударник по очистке барачков, организован музыкальный кружок, при порткомводе (профсоюзе) оборудован красный уголок. Плохо обстояло дело только со стенгазетой, «которую никак не могут наладить». Каждый цех мастерских стройтехуправления АКО «наметил от себя производственный подарок XV годовщине, некоторые уже заканчиваются». В их число вошли электрофикация нового клуба, окончание ремонта моторного кавасаки, отопление помещения мастерской, установка на электростанции пятидесяти сильного двигателя, производство двух плавок чугуна весом в три тонны и одной плавки меди в 150 кг. Мастерские готовились переходить на семичасовой рабочий день, два цеха намеревались внедрять хозрасчёт. Здесь же шёл культпоход: завершалось устройство рабочего общежития, в мастерской устраивали душ. Ход подготовки освещали в листовках, самодеятельные артисты репетировали праздничный вечер. В конторе связи тоже имелась юбилейная комиссия, проверившая ход выполнения социалистических договоров. В качестве «производственного

подарка» контора обязалась обеспечить радиовещание октябрьских торжеств. Составлен обширный план, включающий вечер, киносеанс, торжественное заседание, выезд в подшефное село и прочее. Производственным подарком юбилею советской власти от лесозавода АКО стал его переход на двухсменную работу. Здесь запустили в дело строгальный станок, завершали сооружение деревянного навеса, готовили праздничный выпуск стенгазеты. А вот с культпоходом дело обстояло плохо: «пока коллектив никак не отозвался на него».

Пароход АКО «Эскимос» доставил в Петропавловск с Командорских островов для переотправки в Приморье в адрес Раздольненской зоофермы и Путятинского зверосовхоза первую партию голубых песцов и чёрно-серебристых лисиц. Здесь более пятисот зверьков рассадили в специально приспособленные клетки и перегрузили на борт парохода «Совет».

7 ноября к десяти утра на площадь Свободы начали подходить демонстранты. Громкоговорители объявляли о прибытии всё новых и новых колонн под знамёнами. Вскоре вся площадь, за исключением узкой полосы перед трибуной, заполнилась людьми. Весело галдит колонна пионеров и школьников. Вперёд выходит корейская агитбригада. Крепкие молодые тела то сплетаются в стройные пирамиды, то рассыпаются в цепочки, выкрикивая по-корейски революционные лозунги. После атлетов, встреченная дружным смехом и свистками, через площадь проходит с рогожным знаменем ещё одна агитбригада, изображающая пьяниц и лодырей. В двенадцать часов объявляется о прибытии на площадь начальника гарнизона, председателя окрисполкома и других представителей советской власти. Обойдя площадь, они поднимаются на трибуну, встреченные громким «Ура!» и звуками оркестров. Митинг открыл председатель окрсовета профсоюзов Востриков: «Страна Советов прошла за пятнадцать лет тяжёлый и славный путь борьбы и побед. Рабочий класс доказал всему миру, что он может не только управлять государством, но и поднимать уровень его хозяйства на небывалую высоту. Мы имеем надёжную защиту — нашу доблестную Красную Армию, но мы должны быть готовы все встать в её ряды и помогать ей. Мы вплотную подошли к социализму. Удвоим же, учетверим, удесятерим усилия на завершение его! Да здравствует наш авангард ВКП(б) и её славный руководитель товарищ Сталин!»

Подведён итог побед «на фронте социалистического соревнования и ударничества» к «двум великим годовщинам» — пят-

надцатилетию Октября и десятилетию установления советской власти в Дальневосточном крае: 7 394 соревнующихся, 4 408 ударников, 111 хозрасчётных и 204 ударных бригады. Труженик-ударник стал центральной фигурой производства и профсоюзного движения. Их армия «идёт в передовых шеренгах в борьбе за успешное завершение первой пятилетки, расчищая путь к бесклассовому обществу». Камчатка гордится своими героями, «беззаветно дерущимися на фронтах пятилетки за неуклонное проведение генеральной линии партии». Вот некоторые из них, представленные в юбилейную комиссию на премирование: токарь механической мастерской стройтехуправления АКО И. С. Савагичев, ударник, имевший производственный стаж двадцать восемь лет, подал заявление о вступлении в партию, ежемесячно перевыполнял норму вдвое, организатор хозрасчётного цеха, неоднократно премирован; лучший ударник порта Ван Цюн Юн, беспартийный восточник, не имел ни одного прогула и простоя, всегда был в первых рядах по выполнению транспортного плана; моторист радиостанции И. З. Гончаров, неутомимый труженик, несмотря на незавершённое оборудование станции, образцово поставивший работу, активно участвующий в общественной жизни, председатель производственного суда, член партколлектива; милиционер Леонид Павлович Бидуцкий, выходец из семьи крестьянина-бедняка, прослуживший в ОГПУ и милиции шесть лет, проделавший за короткое время службы на Камчатке большую работу в борьбе с преступностью, хороший командир и товарищ, кандидат в члены ВКП(б); милиционер Андрей Тимофеевич Харченко, тоже из семьи крестьянина-бедняка, прослуживший пять лет, ударник, закрепившийся на службе в милиции до конца второй пятилетки, проявивший максимум инициативы в деле политического воспитания милиционеров, член партии с 1930 г.

В горсовет продолжали приходиться праздничные рапорты от различных городских коллективов. Милиционеры оборудовали красный уголок, радиофицировали его. Здесь премировали 22 ударника, 18 человек приняли в профсоюз. В совпартшколе заканчивали постройку жилого барака в 280 «квадратов», своими силами соорудили прачечную и столовую, привели в порядок общежитие и выделили бригаду из семи человек для помощи другим коллективам в проведении октябрьских торжеств. К премированию представлены 16 лучших ударников школы. Союз народного питания оборудовал столовую и устроил «ударник» по уборке и засолке овощей, открыл школу ликбеза, охватившую 45 чел. Полиграфы организовали две бригады «имени 15-летия Октября», привели

в порядок производственные помещения, оклеили стены, организовывали кружок «по поднятию производственной квалификации».

8 ноября по случаю праздника гуляли в одном из жилых барачков стойтехуправления. Здесь собралась «тёплая компания в составе замдиректора кирпичного завода, бухгалтера, десятника, кладовщицы и её мужа-комсомольца». При помощи кладовщицы они добрались до сахара, предназначенного для выдачи рабочей нормы, и сварили самогон. Изрядно выпив, стали «проявлять самодеятельность». Бухгалтер отправился к рабочим и стал «их сволочить» за то, что они заявили кладовщице, что нельзя самоснабжаться за их счёт. Та, порядком захмелев, принялась хвастаться: «Что хочу, то и дам, а если ругаться будете, то ничего не дам!» Замдиректора кричал, обзывая работяг контрреволюционерами. Наконец «мужкомсомолец» в порыве веселья приказал гуляющим орать песни и плясать, крича, что он отвечает за всех.

11 ноября к двум только что отмеченным «великим» годовщинам прибавилась третья: пятнадцатилетие существования Рабоче-Крестьянской милиции. В семь вечера в клубе состоялось торжественное заседание, а утром 12 ноября — демонстрация и парад в честь этого, пока небольшого, но юбилея.

12 ноября постановлением президиума Камчатского окрисполкома «за особые заслуги и преданность делу рабочего класса» награждён ряд милиционеров. В их числе: начальник окружного управления П. М. Кислюк — месячным окладом за энергичную перестройку работы милиции, за восстановление и укрепление воинской дисциплины; его помощник по строевой части Н. Х. Кун — зимним пальто и отрезом сукна на пошивку костюма; участковый инспектор П. В. Вольский — портфелем; младший милиционер 1-го отделения отдельного Петропавловского взвода В. Н. Кузнецов — мелкокалиберной винтовкой, а его коллега из 4-го отделения А. Е. Непомнящий — суконным костюмом.

13 ноября в межсоюзном клубе открылась городская производственная «культурная» конференция с задачей наметить пути перестройки клубной и культурно-массовой профсоюзной работы на основе решений 17-й партийной конференции и 9-го съезда профсоюзов. Одновременно шла олимпиада художественной самодеятельности. От имени корейских рабочих выступил товарищ Чен, потребовавший обеспечить им возможности культурного роста. Корейская агитбригада, объединявшая 18 чел., была единственной, обслуживавшей «культурные запросы корейских масс». Несмотря на крайне неблагоприятные условия работы, за короткое время

она заметно выросла, «давая выдержанный политический материал в достаточно художественной форме». Олимпиада показала неплохую работу драматического коллектива клуба, достаточно дружно и сценически грамотно сыгравшего пьесу «Мы должны хотеть». Было заметно, что клуб прирастал активом. Конференция избрала пленум культполитсовета клуба в составе двадцати семи членов. из представителей партийных, профессиональных, общественных организаций, которому и поручила перестроить работу на основе требований, предъявляемых партией и профсоюзами.

15 ноября рабочий АКО жаловался, что продавец ларька № 2 Медников допускает в своей работе кумовство и произвол. Как пример назывался случай, когда тот отпустил своим приятелям Кукарскому и Богомолу аж двадцать один метр мануфактуры, а незнакомым пайщикам дать её отказался. «На эти методы снабжения нужно обратить внимание правлению ГорПО».

А. Домманн задался вопросом, кто виновен в безобразном содержании пяти сторожевых собак-овчарок у складов АКО на Озерновской косе, купленных за валюту. «Худые, что видны все рёбра, с взлохмаченной шерстью, голодные псы на коротких цепях, без воды, в абсолютной грязи, производят жалкое впечатление. В жалких конурах валяется кусок рогожки, насквозь пропитанный грязью, площадью в половину квадратного метра. Ни подстилки, ни сухого сена — везде грязь. Некоторые вместо будок имеют маленькие бочки, где с трудом помещаются. При нас граблями волокли по двору кусок нерпичьего сала — пласт, покрытый слоем грязи пальца на два, предназначенный для корма собак. Воды у будок не видно, будки стоят на грязи, так что подойти к ним рискованно».

Инспекция труда и профсоюз нарпитовцев призвали нанимателей, имевших домработниц, до 20 ноября оформить наём таких согласно трудовому законодательству.

18 ноября прораб Глазков объявил о прекращении работы местной конторы авиастроительства к 19 ноября. «После этого срока никакие претензии в городе Петропавловске приниматься не будут и адресовать их следует в Хабаровск, в Дальневосточную контору Граждавиастрою».

Из Петропавловска во Владивосток на капитальный ремонт вышел катер «Командор». Многие были уверены, что такое длительное морское плавание для маленького судёнышка невозможно. Но вопреки уверениям скептиков, рейс завершился благополучно. Петропавловская контора Дальсоюзпушнины получила

телеграмму: «27 ноября катер “Командор” благополучно прибыл во Владивосток». Команда во главе с капитаном Черкасским потратила на переход девять дней.

20 ноября окроно разорвало договор с АКО, по которому в 1930 г. общество приняло в своё ведение профтехшколу с условием реорганизовать её в ФЗУ в течение 1932/33 учебного года. Время прошло, а ФЗУ не имело своего помещения, мастерских и достаточного числа учащихся (к началу учебного года их было всего пятнадцать). Дальнейшее существование ФЗУ признано нецелесообразным, его решено закрыть, а оставшихся воспитанников перевести в ФЗУ при недавно пущенном Ключевском деревообделочном комбинате. Лиц, виновных в развале учебного заведения, намеревались привлечь к уголовной ответственности.

Проведённое обследование снабжения столовых города овощами дало такую картину: в столовых № 1—3 при потребности в картофеле в 35 т имелось всего 410 кг. Капусты было достаточно — 15 т, вопрос стоял, как её сохранить и засолить. Свёклы не хватало, а вот брюквы и редьки — «неограниченное количество». Столовая Совторгфлота получила 16 т капусты при годовой потребности в 4,5 т и имела в наличии 6,5 т картофеля при норме в 31. «Хуже всего, что здесь нельзя добиться сведений о контингенте столовующихся».

27 ноября комсомольская политшкола связи разделилась на две бригады, заключившие между собой договор о социалистическом соревновании. Его главные условия: ни одного прогула, предварительная проработка учебного материала дома, организация дважды в месяц «политбоя». Школа, которую постоянно посещали два десятка слушателей, вызвала на соревнование коллег из ячейки порта.

28 ноября правление Горинтегралсоюза объявило, что в декабре «в целях улучшения питания» будет отпускать белую муку в счёт нормы печёного хлеба. Итээровцам, красным партизанам, гражданам, отнесённым к первой и второй категориям, полагалось по 7, третьей и четвёртой категорий — по 5, детям до восьми лет — по 9 кг. «Восточникам» выдавалось от 12 до 21 кг. Ответственные работники первой и второй категорий, ранее снабжавшиеся в закрытом распределителе АКО, с декабря переводились на снабжение в Горинтегралсоюзе. Все хозяйственные организации и учреждения при составлении списков на получение заборных документов на декабрь должны были включить в них также и лиц указанных категорий «с отметкой наряду с должностью — ответработник —

бывшей категории снабжения». Школам и дошкольным детским учреждениям «выдача детской обуви, то есть ботинок, производится по 1 декабря, после чего будет продажа по членским книжкам».

29 ноября отдел культуры и пропаганды окружкома ВКП(б) просил явиться 1 декабря к шести вечера в кабинет заведующего на организационное собрание кружка по изучению отдельных проблем марксизма-ленинизма товарищей Косорукова, Скрипко, Куклина, Маткова, Лемжина, Вострикова, Уманского, Кумалагова, Куницина, Ильяшенко, Недвецкого, Н. Смирнова, Кузовникова и Пошехонова.

1 декабря окроно открыл шестимесячные вечерние курсы по подготовке дошкольных работников. Условия приёма: образование не ниже пяти групп, возраст от семнадцати до тридцати лет. Заявления с документами об образовании, возрасте, подтверждавшие правильное социальное положение и происхождение принимали в отделе и педтехникуме в часы занятий до 1 декабря.

Отделение Союзпушнины срочно хотело снять комнату или угол в небольшой семье для одинокого сотрудника с оплатой по соглашению. Обещали обеспечить отоплением. Желающих сдать «метры» приглашали обращаться в часы занятий в контору на улице Ленинской, 63, к товарищу Суханову.

3 декабря артель «Камчатский кустарь» выполнила годовой план реализации займа на 300 %, собрав 6 175 руб. вместо назначенных ей 2 000. По сравнению с прошлым годом производство артели выросло больше чем впятеро, и теперь она представляла собой «вполне крепкую организацию». Намного увеличилось артельное хозяйство, как тогда говорили, «живой и мёртвый инвентарь». Но дальнейший рост, по мнению некоторых, тормозился халатным отношением райинтегралсоюза, не принимавшего мер к снабжению коллектива инструментами и спецодеждой. Артельные обижались на невнимание к ним: к октябрьским торжествам ударникам не только не дали премии, но даже не позаботились прислать на праздник своего представителя. Знатоки рассуждали, что если кустарям выделить трактор и катер с кунгасами, то они смогут ежегодно давать городу 10 тыс. «кубов» дров, 100 тыс. штук кирпича, 10 тонн дёгтя, то есть того, в чём тот ощущал острый недостаток.

Во время разгрузки японского парохода «Тайрио-мару» грузчики Семечев, Рыжиков, Куркин, Леонов и Волков похитили суконный пиджак, три бутылки вина, кальсоны, два десятка головных платка, два шарфа, ботинки, две пары рукавиц, катушки с нитками и четыре свечи. На основании постановления ЦИК и Совнаркома

от 7 августа 1932 г. этим расхитителям социалистической собственности предъявлено обвинение по ст. 57, п. 7, УК РСФСР.

7 декабря в школе-семилетке заработали организованные сектором кадров АКО курсы повышения квалификации мотористов и старшин катеров. Занимались с семи часов вечера.

8 декабря началась «финансовая эстафета», задавшаяся «целью обеспечить ударные темпы проведения полумесячника реализации займа четвёртого завершающего года пятилетки, обеспечить новую волну вкладов в сберкассы и закончить ударный полумесячник на основе социалистических форм работы к сроку».

Вечером в культпропе окружкома ВКП(б) прошло совещание пропагандистов сети партийного просвещения и комсомольских политшкол. Повестка дня: инструктаж по теме «Контрольные цифры 1933 г.», разъяснение методов проведения «живой беседы» с учащимися.

Окрлит, то есть цензура, доводил до сведения всех организаций, устраивавших постановки, спектакли, вечера и прочие увеселения, что программы всех видов этих зрелищ отныне необходимо представлять для получения разрешительной визы. Виновных в нарушении существующих законоположений обещали привлекать к ответственности. «Камчатскую правду», выходящую тиражом 2 200 экземпляров, опекал «окрлит № 20 от 2 ноября 1932 г.».

Здание единственной городской библиотеки быстро разрушалось, оно нуждалось в капитальном ремонте. Горместхоз «решительно» отказался произвести таковой, а смета на косметический ремонт лежала там без движения с августа. Полуразвалившиеся печки тем временем усиленно дымили, неисправный дымоход угрожал пожаром, рассыпалась пристройка, трещал потолок. В помещении библиотеки жила не имевшая отношения к ней семья, да ещё окроно поместило туда трёх учителей. Из-за недостатка площади затруднялась обработка книг, негде было хранить архив. «Две тонны книг лежат, портясь от сырости».

Город мог остаться не только без библиотеки, но и без хлеба. Несмотря на ряд постановлений производственного совещания и хлопот заведующего, в пекарне стоял невероятный холод. Из-за него тесто поднималось очень медленно, что задерживало выпечку хлеба. Кроме того, имелись частые простои ввиду перебоев с топливом. В магазинах же выстраивались очереди, люди выражали недовольство. Пекарня требовала срочного отопления, бесперебойного снабжения дровами и создания их запаса на случай задерж-

ки подвоза. Иначе возникала опасность, что с наступлением морозов пекарня прекратит работу, город останется без хлеба.

10 декабря союз полиграфистов постановил вызвать все коллективы города на соревнование по участию в помощи детскому саду. Тот нуждался в детской мебели и игрушках. Изготовить их можно было за несколько ударников или воскресников, материалы имелись у каждого трудового коллектива, дело оставалось только за людьми. От себя союз выделил на эту работу «ряд товарищей».

Управления снабжения АКО предложило всем учреждениям, получавшим от него горючее и масло, немедленно сдать освободившуюся тару для отправки 20 декабря во Владивосток. Не сдавших обещали лишить права дальнейшего получения нефтепродуктов, да ещё и привлечь к ответственности.

14 декабря вечером «финансовая эстафета» передана комсоду пограничного полка. Стражи границы показали подлинно большевистские темпы реализации займа. Комсод под председательством Ковальчука немедленно развернул массовую разъяснительную работу и к вечеру следующего дня уже отрапортовал о достигнутых результатах: за сутки проведена подписка на заём в сумме 11 415 руб. Кроме того, реализовано за наличный расчёт облигаций на 11 700 руб., деньги внесены полностью. Подписка также полностью оформлена. Погранполк вечером 15 декабря передал эстафету погранотряду.

15 декабря отмечено, что в последнее время участились случаи повреждения астрономических и геодезических знаков и сигналов. Это наносило тяжёлый вред народному хозяйству, затрудняя составление точных карт, планов и проектов. Так, например, был разрушен остовый девиационный знак, снесена ограда у астрономического знака на площади у милиции, разрушен ряд геодезических сигналов на сопке Мишенной. Их восстановление связано с большими расходами, поэтому лоцманская дистанция просила все научные, а также административные органы наблюдать за состоянием этих сооружений, а в случае обнаружения порчи или уничтожения — немедленно доводить до её сведения.

Уничтожалась и, по словам П. Гартмана, «прекрасная растительность, в которой у нас летом купается город». Действительно, стало заметно, что лес на Петровской и Никольской сопках заметно поредел. «Обыватели, например, Василенко, Чужих и другие, старательно оголяют Петровскую гору».

Некто «Сашка» пожаловался на скверную работу открытых в октябре курсах шоферов-мотористов. «Городская общественность

неприветливо встретила молодые курсы. Занятия сначала велись в клубе, в гримировочной, в фойе, за сценой и т. д. Условия были безобразные, но курсанты себе поставили целью выучиться, добиться... Некоторое время учились в педтехникуме, но и оттуда пришлось уйти из-за карантина. Перешли в АКО. Здесь тоже мало удобств. Холодный клуб, мотор под лестницей, а сами занятия ведутся в прихожей конторы за безобразными неотесанными столами при шестнадцатисвечёвой лампочке... Что говорят курсанты о своей работе? Недавно был первый предварительный экзамен по мотору. Результаты не блестящие, “провалилось” пятнадцать человек, или тридцать процентов ко всему количеству курсантов. Причин низкой успеваемости на курсах много: отсутствие помещения, недостаточность практических занятий и т. д., но главной причиной надо считать слабую дисциплину, о чём говорят и сами курсанты. Есть особо злостные нарушители дисциплины, но они не изгоняются, а ещё почему-то терпят в рядах слушателей. Курсы нуждаются в общественном внимании. Дело создания кадров — дело всей пролетарской и партийной общественности города и АКО».

Г. Я. Ноздрёв, живший на улице Таможенной в землянке № 16, заявлял об утере чёрной охотничьей собаки с бельмом на левом глазу и просил нашедшего сообщить ему по названному адресу.

18 декабря состоялся первый зимний колхозный базар. Он прошёл, не в пример предыдущим, гораздо организованнее и оживлённее. Только из Елизово в город прибыло одиннадцать подвод, привезли свою продукцию Красноармейский и Николаевский колхозы, другие селяне, всего свыше тридцати подвод. Прилавки заполнили «скотское» мясо, конина, мясо горного барана, картофель, свежая и кислая капуста и другие овощи, ягода, дичь (зайцы, глухари, утки), солёная рыба, балыки, икра, мороженое молоко и прочее. Привезли и много дров. Цены оказались приемлемыми: мясо по 10—18, картофель — 1,5—2 руб. за килограмм. Мороженое молоко продавали «кругами» по 3 руб., за зайца просили 15—20, за глухаря — 25 руб. Значительную партию овощей пустил в продажу Петропавловский совхоз, и по ценам ниже колхозных. Но главной отличительной чертой этого базара стал «встречный поток промтоваров и ширпотреба». Наконец-то городские организации смогли полностью осуществить «идею советской колхозной торговли: колхозники на этом базаре в свою очередь могли приобрести мануфактуру (она была в довольно большом выборе), обувь, эмалированную посуду, металлические изделия (вёдра, грабли,

вилы, косы и мелкий скобяной товар), конскую сбрую, кожу, папиросы, спички и прочее». Приехавшие представители десяти колхозов, девятнадцать индивидуальных колхозника и два единоличника продали продуктов на 26 126, а товаров купили на 34 416 руб. Прибывшим селянам организовали торжественную встречу. Открытию базарного дня предшествовал краткий митинг, на котором их приветствовали представители партийных, советских и профессиональных организаций. Разворачивалась и «культурная программа»: огромный репродуктор, установленный на базарной площади, передавал содержание радиовыпуска газеты «Камчатская правда», посвящённого открытию, гремел воинский оркестр, клуб показал кукольную постановку и выступление агитбригады.

Не обошлось и без происков «классовых врагов»: «в процессе проведения базара обнаружено до пяти перекупщиков-спекулянтов. Это говорит за то, что классовый враг всячески старается сорвать колхозную торговлю». Стали понятны возникшие в связи с этим задачи: «Под углом полного уяснения... директив партии и правительства добиться поголовного участия в колхозных базарах не только колхозов, но и колхозников и трудящихся-единоличников. Беспощадная борьба с классовыми врагами и их агентурой, решительная борьба со спекулянтами и перекупщиками. Усиление шефской работы в колхозах, больше пролетарского внимания со стороны профсоюзов города. Решительная борьба с недооценкой колхозных базаров».

Члены бригады по обследованию портовской столовой Сидоров и Корнина доложили, что её работа значительно изменилась. «Улучшения налицо, но они, конечно, далеки от того, чтобы называть столовую, как было обещано, образцовым цехом питания». Ещё бы! Там недоставало скамеек, «благодаря чему приходится обедать стоя». На кухне столы не были обиты жостью, в их щелях скрывалась грязь. Плита обвалилась и дымилась, стены и потолки покрывала копоть. Тараканы персонала и посетителей особенно не стеснялись. Отсутствовал «стол ударника». Пахло кислятиной — в нескольких бочках начала портиться капуста. В овощехранилище гнила картошка, требуя немедленной пересортировки и просушки. Вечером 11 декабря горинтегралсоюз привёз в столовую её пять тонн, оказавшейся мелкой, как горох, да ещё мёрзлой и мокрой. Столовая отпускала в среднем до двухсот обедов, при том, что посетителей обслуживали девятнадцать человек. Но качество пищи стало выше. На производственном совещании

работники объявили «двухнедельный поход» для устранения всех недостатков, отметили, что социалистическое соревнование у них развёрнуто слабо. Профгруппоргу поручено вести постоянный учёт его хода и организовать «стол ударника».

20 декабря — день пятнадцатилетия образования органов ВЧК—ОГПУ. На Камчатке их возглавлял начальник погранотряда и окротдела ОГПУ Н. С. Киселёв, заслуженный чекист, участник и руководитель операций по подавлению контрреволюционных выступлений на Урале и в Поволжье, член партии с 1918 г., из рабочих. Окрисполком походатайствовал перед ВЦИК о его награждении орденом Красного Знамени.

Рабочие и служащие АКО прислали юбилярам-чекистам, «верным стражам революции», пламенный пролетарский привет: «Товарищи пограничники! Вы зорко охраняете социалистическую стройку от посягательств капиталистов и контрреволюции. Завеем вас, что в нужную минуту мы всегда встанем вместе с вами в одни ряды. Мы считаем своей главной обязанностью добиваться стопроцентного выполнения наших промфинпланов, дальнейшего укрепления мощи и рядов органов ВЧК—ОГПУ. Как конкретное обязательство мы принимаем на себя выполнение и перевыполнения заданий по сбору в фонд моторизации войск ОГПУ. Да здравствуют красные пограничники, лучшие сыны рабочего класса СССР!»

23 декабря правление Горинтегралсоюза снизило цены на некоторые овощи. Турнепс теперь стал стоить 35, брюква — 40 коп. за килограмм.

Семья грузчика АКО Вагина в составе двенадцати человек, из них девять детей, мёрзла в до сих пор не засыпанной комнате. Имелись в виду её не заполненные утеплителем (котельным шлаком, сухой землёй, стружкой или соломой), насквозь продувавшиеся стены. Несчастное семейство размещалось в бывшем здании правления общества. Сквозь щели и дыры в стенах гулял свежий воздух, очень полезный для здоровья в июле, но никак не в морозном декабре.

28 декабря опубликовано постановление Совнаркома об образовании Главного управления Северного морского пути. Перед ним поставлена задача окончательной прокладки морского пути от Белого моря до Берингова пролива, его оборудования и обеспечения безопасности плавания. Постановление стало результатом похода ледокола «Сибиряков». Наш Петропавловск, по сути, являлся конечным пунктом этого маршрута.

Развенчан «лжеударник» — пекарь Ольшевский, как-то попавший в список, подготовленный для премирования по случаю годовщины Октября. Оказалось, что «этот тип заслуживает звания не ударника, а вредителя и спекулянта. Он заливал раскалённые печи водой, жёг напрасно дрова, спекулировал луком, пьянствовал и угрожал другим рабочим, если его выдадут. Ольшевский снят с работы постановлением производственного совещания. Впредь нужно зорче следить, чтобы в ряды ударников не записался классовый враг».

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра «Резолюции второй Камчатской конференции ВКП(б)». Желающие могли приобрести её в редакции газеты и магазине Объединённого государственного издательства за 60 коп.

Горбольница желала сдать стирку белья на дом.

В пять вечера прошло общее собрание рабочих и служащих города по подготовке к проверке и чистке бывших партизан и красногвардейцев. Докладчик — член краевой комиссии Аксёнов. Граждан, имевших какие-либо компрометирующие материалы на указанных лиц, просили передать их членам комиссии Власову и Скрипко 29 декабря с шести вечера в здание горсовета.

В семь вечера в клубе АКО состоялось общее собрание камчатского научно-технического общества, на котором прозвучали доклады П. Т. Новограбленова и Г. И. Карева «Извержение вулканов Пацана и Фанны в связи с вибрацией Тихоокеанского вулканического кольца в 1932 г.».

Что ж, как видно, 1932-й год завершился как на деловой, так и на творческой ноте.